

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт Языкознания

А.П.ЮДАКИН

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА
ФИННО-УГОРСКИХ ЯЗЫКОВ

(Становление системы падежей)

Ответственный редактор
доктор филологических наук В.К.Кельмаков

Предисловие
доктора филологических наук Г.И.Ермушкина

Москва: «ГЛАС»

1997 г.

ЮДАКИН А.П.

**СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА
ФИННО-УГОРСКИХ ЯЗЫКОВ: (Становление системы падежей).
— Москва: «ГЛАС», 1997. — 391 с., схемы, илл.**

В монографии исследуются падежные системы финно-угорских языков — прибалтийско-финских, саамских, волжских, пермских, обско-угорских, венгерского и самодийских.

Исследование ведется с позиций сравнительно-исторического языкознания и системной типологии: автор рассматривает не отдельно взятый падеж, а судьбу падежных систем в связи с изменением семантики локативов и становлением общих падежей.

Реконструировав единую для финно-угорских языков основу, автор включает в орбиту исследования юкагирский, тунгусо-маньчжурские, тюркские, монгольские, палеоазиатские и индо-европейские языки и показывает, что они имеют единую с финно-угорскими языками предисторию. Многочисленные схемы наглядно иллюстрируют эволюцию падежных систем каждой из исследуемых языковых групп. Приводится обширная, около 1 000 названий библиография.

Учебное пособие рассчитано на студентов финно-угроведческих специальностей, но будет полезным и для лиц, занимающихся урало-алтайским и ностратическим языкознанием и теоретической лингвистикой.

Рецензенты:

Г.И.Ермушкин

доктор филологических наук

А. Лушникова

кандидат филологических наук

Я.Г.Тестелец

кандидат филологических наук

Монография обсуждена на совместном заседании

Отдела лингвистической компаративистики (зав. д.ф.н.

Н.З.Гаджиева) и Лаборатории финно-угорских языков (зав. к.ф.н. Ю.С.Елисеев).

ISBN 5-7172-0034-X

© А.П.ЮДАКИН.

© Символ «АРИАДНА».

© Издательство «ГЛАС».

ПРЕДИСЛОВИЕ

В монографии А.П.Юдакина делается попытка сопоставления двух языковых семей – финно-угорской и тунгусо-маньчжурской. Из финно-угорских языков в монографии рассматриваются три группы: прибалтийско-финские, мордовские и пермские языки. Изредка привлекается диалектологический материал. А.П.Юдакин ведет исследование с позиций сравнительно-исторического языкознания и диахронической типологии, то есть он сопоставляет падежную систему одной группы близкородственных языков с падежной системой другой группы языков (диахроническая типология), отмечая изменения, которые, по его мнению, претерпела падежная система каждой из групп (сравнительно-исторический аспект проблемы). Если говорить коротко, А.П.Юдакин рассматривает не один какой-то падеж, допустим, локатив, а судьбу локатива (изменение его семантики в диахронии) с судьбой других падежей

Это позволяет автору говорить о смене падежных систем. так, он вычленяет систему с локативным **-и*, которую сменяет система с локативным **-і*, которая, в свою очередь, вытесняется системой с локативным **-s* и, наконец, к *s*-овой системе подключается система с локативным *-l*. Таким образом автор мыслит смену систем. Почему же происходит смена систем? Автор считает, согласуясь в этом вопросе с исследованиями многих финно-угроведов, что изменение падежной системы обусловлено затемнением или изменением семантики того или иного падежа. Так, упрочение *і*-ового локатива, вероятно, находится в связи с потерей локативной семантики *и*-овым локативом и закреплением за ним лативной семантики. Строго говоря, многие вопросы, поднятые в монографии А.П.Юдакина, неоднократно обсу-

ждались на страницах научной литературы по финно-угроведению, но, мне думается, заслугой автора является то, что он пытается представить изменения в семантике падежей, например локативного **-t* как цепь взаимосвязанных преобразований: локативный **-n*, в результате затемнения его семантики, дает начало инструментальному падежу и комитативу, в то время как локативная семантика закрепляется за *t*-овым падежом; *t*-овый локатив дает начало *t*-овому аблативу, затем, сохранившись в своем исходном значении лишь в некоторых наречиях, сделал как бы еще один шаг вперед – за одним из аблативных значений закрепляется функция партитива, а позже показатель партитива *-d//t* начинает обслуживать качественные прилагательные. Затем аналогичные изменения автор прослеживает в системе с локативным **-s* и т.д. Кстати, должен заметить, что А.П.Юдакин, как и многие финно-угроведы, не совсем последователен, когда утверждает о первичности локатива **-n*. В одних случаях его можно понять в том смысле, что первичным является локатив на **-n*, в других случаях автор как будто считает, что первичным является локатив на **-t*.

Эту методику автор применяет и к тунгусо-маньчжурским языкам, шаг за шагом прослеживая изменения в семантике их локативной системы. Если бы в тунгусо-маньчжурских языках удалось обнаружить цепочку связанных друг с другом преобразований в системе локатива, которая более или менее ясно прослеживается в финно-угорских языках, это послужило бы дополнительным аргументом в пользу родства финно-угорских и тунгусо-маньчжурских языков.

В целом, как мне кажется, идею А.П.Юдакина о преобразовании падежных систем в диахронии можно принять. Но отмечу ряд дискуссионных моментов. Например, мысль автора о выделении локатива на **-n* в воляжских в частности и в финно-угорских языках в целом сама по себе интересна, но слишком уж скудным материалом мы располагаем, чтобы делать категорические выводы, как это делает

автор (см. разделы 2.2.9 и 2.12). Наиболее интересным мне представляется материал по саамскому языку. Несмотря на существование серьезных описательных работ (таких, как «Саамский язык» Г.М.Керта), данные саамского языка привлекаются финно-угроведами лишь как подсобный материал. А.П.Юдакин создает как бы сравнительно-историческую грамматику падежей саамского языка: интересны рассуждения автора о близости имени и глагола в саамском языке, о возможном генетическом родстве суффиксов прилагательных и глаголов с падежными суффиксами, о совпадении по форме прилагательных и причастий и некоторые другие.

Представляет интерес высказанная автором на страницах ж «Вопросы языкознания» и реализуемая также в данном исследовании мысль о развитии языков.

Когда начинается дискуссия о развитии языка, внимание, как правило, сосредоточивается на лексике. А.П.Юдакин неоднократно указывал на то, что неравномерность развития грамматических категорий может служить критерием развития того или иного языка или группы языков. Даже в родственных языках грамматические категории формируются неравномерно. Следовательно, в зависимости от того, какие грамматические категории исследуются, язык можно признать то более, то менее развитым сравнительно с другими языками.

Так, для прибалтийско-финских языков (например, финского и эстонского) важным, повидимому, является противопоставление глагольного и именного предложений, в связи с чем наблюдается возникновение результативных аналитических времён, сопровождающееся вытеснением лично-притяжательных форм существительного личными местоимениями в родительном падеже и заменой субъектно-объектного спряжения номинативным строем предложения.

А вот для самодийских (ненецкого, энецкого и др.) и угорских (например, хантыйского и мансийского) языков

характерным, вероятно, является переход от преимущественно глагольного строя предложения со спряжением имени к глагольно-именному с глаголом-связкой <<быть>>, что уравнивается наличием лично-притяжательных форм существительного и субъектно-объектного спряжения.

Учитывая основные процессы, происходящие в различных языковых семьях, автор ввел понятие **линейной модели языка** (заключительная глава), призванной прогнозировать исчезновение или появление тех или иных грамматических категорий и облегчающей исследование языков в сравнительно-историческом плане.

Несмотря на ряд дискуссионных практических и теоретических положений, выдвигаемых автором, исследование А.П.Юдакина сослужит хорошую службу не только студентам, изучающим сравнительно-историческую грамматику финно-угорских языков, но и специалистам различных отраслей финно-угорского и, шире, урало-алтайского и постратического языкознания.

Доктор филологических наук
Старший научный сотрудник
Института языкознания
Российской академии наук
Г.И.Ермушкин

1.1.1. *типология*. ТИПОЛОГИЯ ПАДЕЖНЫХ СИСТЕМ: ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКИЕ ЯЗЫКИ.

1.1. *Четыре структурных компонента падежной системы финно-угорских языков.*

В большинстве прибалтийско-финских языков насчитывают свыше десяти продуктивных падежей: в финском, эстонском и водском по 14 (по другой классификации и более), в карельском - 13, в вепсском - 9, в ливском - 8. Не меньшее число падежей выделяют и в некоторых других, родственных им, языках финно-угорской семьи: в мансийском - 6, в хантыйском, в зависимости от диалектов, 5-8, в саамском - 8, в коми-зырянском - 18, а в венгерском языке насчитывают 21 падеж.

Существующая падежная система не стабильна и, вероятно, проявляет тенденцию к сокращению числа падежей. Так, в ливском языке малоупотребительны внешнеместные падежи, в вепсском языке и в большинстве эстонских диалектов отсутствует эссив, в ряде языков совпали в одной форме некоторые направительные падежи (*Лаанест* 1975, 55).

Сравнительно-историческая грамматика финно-угорских (и - шире - уральских) языков неплохо изучена, но многое еще предстоит исследовать. Во всяком случае, грамматика падежей, на наш взгляд, представляет собой довольно старательно исследованную область благодаря усилиям советских и зарубежных (прежде всего финских, венгерских и немецких) лингвистов.

По существующей традиции, которую практически никто не нарушает, в падежной системе финно-угорских языков выделяют четыре яруса (или подсистемы): 1) **субъектно-объектные падежи** – номинатив, не имеющий оконча-

ния, генитив на **-n* и аккузатив на **-m*, окончания которых возводят к общефинно-угорской эпохе; 2) **общие местные падежи** – эссив, партитив и транслатив, - причем имеются в виду их прежние значения, сохранившиеся в ряде языков, и особенно в прибалтийско-финских, лишь в служебных словах; 3) **вторичные внутреннеместные падежи** и 4) **внешнеместные падежи** более позднего образования.

1.2. Сущестующая падежная система финно-угорских языков как результат взаимодействия нескольких систем.

Все же в определении значений общих местных падежей существует столько противоречивых мнений, что можно говорить о смелых догадках по поводу значений отдельных падежей, а не о сложившейся системе взглядов. Разумеется, в этом виноваты не исследователи, а тот в общем-то довольно скудный материал, имеющийся в их распоряжении.

Исходя из того, что обстоятельственные слова, и не только в финно-угорских языках, сохраняют следы различных эпох, исследователи делают те или иные выводы, причем исследуемый материал дает подсказку, которая легко может завести в тупик.

Рассмотрим 6 (шесть) рядов примеров:

1) фин. *kaika-na* 'далеко', *koto-na* 'дома', *luo-na* 'у', 'около'; 2) фин. *ny-t* 'теперь' (< **nyky-t*, ср. *nyky-inen* 'настоящий'), диал. *nyu-ttä*; эст. *nüü-d* 'теперь'; 3) фин. *luo-ta* 'от', *yl-tä* 'сверху'; саам. *âl'-de* 'сверху', *alle-t* 'с запада'; 4) манс. *num-öl* 'сверху'; 5) вепс. и эст. *kala-s* 'в рыбе'; 6) фин. *kaia-s* 'вдаль', *ade-s* 'вперед', *ala-s* 'вниз' и т.д.

Пример первого и второго рядов дают основание реконструировать локатив в виде **-na* и **-n*, **-ta* (и даже **-tta*) и **-t*. Какой же из локативов возник раньше и в каком виде они существовали? Эта проблема оказывается сложнее, так как примеры третьего ряда указывают на существование

t-ового аблатива. Примеры четвертого ряда свидетельствуют, что, оказывается, в финно-угорских языках есть *l*-овый аблатив. Забегая вперед, скажем, что им не чужд и *l*-овый локатив и латив: ср. эст. *kauge-le* 'далеко' (куда?), *kauge-l* 'далеко' (где?) – при *kau(g)e* 'далекий', 'дальний'. Картину намного усложняют примеры пятого и шестого рядов, указывающие на наличие в исследуемой семье языков *s*-ового локатива и *s*-ового латива. А если вспомнить, что в финно-угорских языках реконструируется *n*-овый латив (ср. эст. *sin-ne ja taga-si* 'туда и сюда') и др. пространственные падежи, создается впечатление, что о системе и речи быть не может.

Впрочем, некоторые примеры довольно прозрачно указывают на преемственность систем: ср. фин. *sie-llä tää-lä* и эст. *sii-n ja sea-l* 'там и сям'. В финском языке адессив стабилизировался, проникнув в наречия места; в эстонском в наречиях места, как видно из примера, адессив *sea-l* употребляется в сходном значении наряду с древним локативом *sii-n*.

Разумеется, мы упростили проблему. Она намного сложнее, потому что система падежей не может не взаимодействовать с другими системами грамматики языка: видо-временной системой глагола, категориями существительных и прилагательных. Тем более представляется важным установить направление развития падежной системы финно-угорских языков.

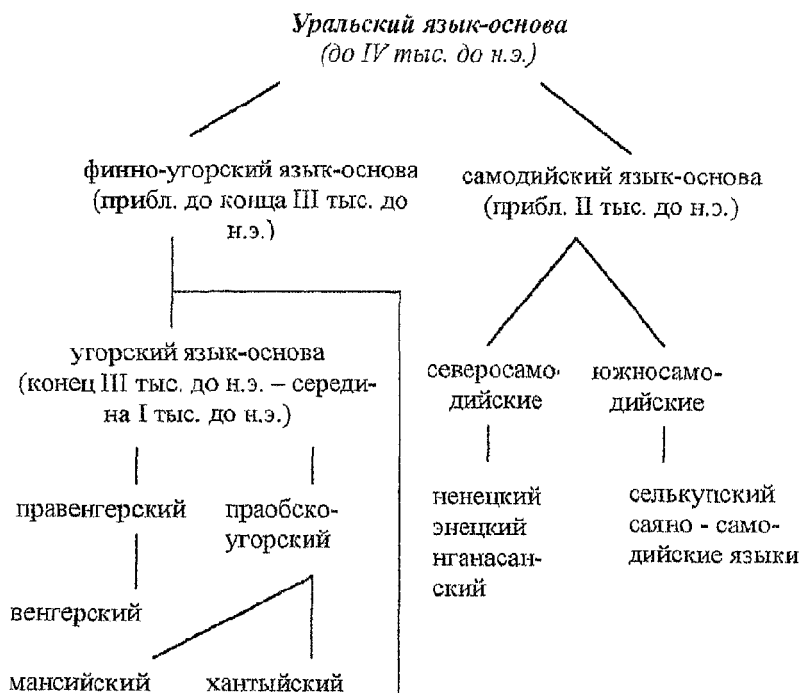
1.3. Точка зрения П.Хайду на развитие финно-угорских языков.

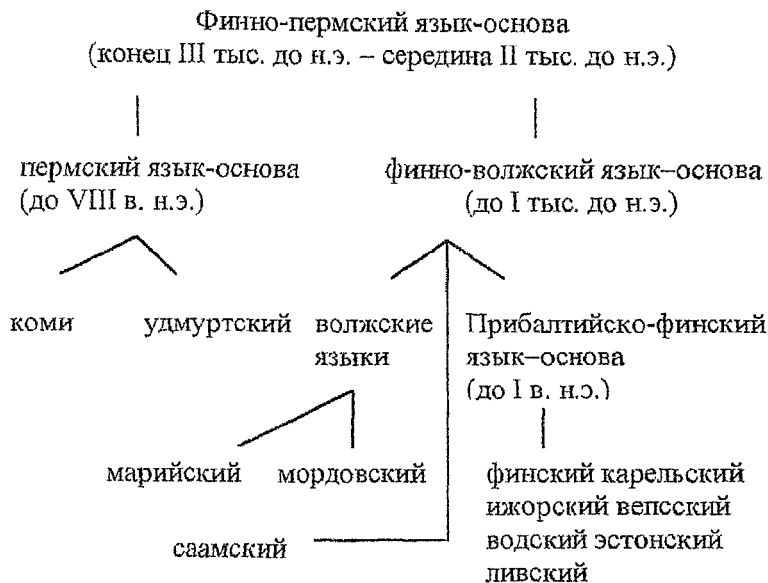
Существует ряд точек зрения на развитие финно-угорских языков. Для данного исследования не имеет принципиального значения, на какую из них полагаться, потому что мы ставим целью проследить не развитие языков, хотя это вытекает как следствие из поставленной задачи, а эво-

люцию падежной системы. Приведем схему П.Хайду (Hajdu 1966, 14; ОФУЯ 1974, 39).

В данной главе будет исследована падежная система прибалтийско-финских языков, затем будет предпринята попытка установить, чем отличается парадигма склонения в волжских и пермских языках, после чего будут рассмотрены обско-угорские, затем самодийские языки и юкагирский.

Схема Хайду

1.4. Становление прилагательных на основе местоимений как одна из составляющих развития языка.

Исследуя становление имени прилагательного как части речи в кавказских языках, мы обратили внимание на связь словоизменительных и словообразовательных категорий, на роль грамматики падежей в становлении частей речи, и прежде всего наречия и имени прилагательного (Юдакин 1987).

На наш взгляд, этот процесс для кавказских языков сводится к следующему: 1) по-видимому, часть качественных слов в языке существует издревле; 2) познание мира человеком, выражающееся, в частности, в увеличении лексического фонда языка, благоприятствует возникновению новых атрибутивных имен, обозначающих относительный признак и признак предмета по принадлежности. В этом процессе разведения прилагательных по значению – качест-

венные, относительные и притяжательные — используются все ресурсы языка, но прежде всего грамматика падежей, причастия и наречие. В системе пространственных падежей кавказских языков происходят изменения, ведущие ее к дестабилизации, но в результате возникают новые разряды слов, новые грамматические категории.

Местный падеж существительных (локатив) дает начало падежам с абстрактным значением — родительному, инструментальному; родительный падеж, в свою очередь, участвует в формировании имени прилагательного. Локатив формирует имя прилагательное со значением 'находящийся (там-то)' и непосредственно: к существительному в местном падеже присоединяется соответствующий десемантизированный атрибутивный показатель. Возникает омонимия форм: один и тот же формант обслуживает несколько падежей и к тому же является показателем прилагательных. Во избежание этой омонимии падежная система дополняется еще одним местным падежом, который повторяет судьбу первого локатива, т.е. сначала используется для обозначения аблатива, потом генитива, а последний в свою очередь формирует новый разряд атрибутивных имен.

Подобную трансформацию падежной системы мы называли цикличностью языковых процессов, так как генитив благодаря локативу формирует имя прилагательное поэтапно, циклически. Разумеется, эта схема идеализирована: во-первых, языковые процессы протекают не так прямолинейно, во-вторых, в образовании грамматических и лексикограмматических категорий используются все наличные ресурсы языка: например, генитив своим появлением может быть обязан локативу, категории принадлежности, существительным, определяющим другие существительные, и т.д. В этих сложных эволюционных процессах одной из категорий принадлежит ведущее место, другие играют подсобную роль, но очевидно, что становление какой-либо грамматической системы возможно лишь под давлением другой системы, а не какого-либо единичного явления.

Посмотрим, применима ли эта методика к исследованию финно-угорских языков и можно ли ее затем распространить на алтайские языки.

1.5. Роль n-ового локатива и t-ового аблатива в становлении имени прилагательного как части речи.

В указанном списке, несмотря на пестроту суффиксов прилагательных, внимание исследователя привлекают регулярные образования на *-inen//ne*, *-ea//e*, *-va//v* и др. (в левой части до знака // дан показатель финских прилагательных, в правой – эстонских). Эта глава будет посвящена прилагательным на *-inen//ne*, *-ea//e*.

В научной литературе по финно-угорскому языкознанию отмечается формальная и смысловая близость древнего локатива на **-n* к именам на *-inen* (Бубрих 1955; Серебренников 1964; Хакулинен 1953); распространенной и едва ли не общепризнанной является точка зрения об общем происхождении локатива на **-n* и генитива на **-n*, но, по-видимому, остается неразработанной проблема о происхождении из локатива генитива, давшего начало именам на *-inen*.

Парадигма склонения имени существительного в прибалтийско-финских языках (Аристэ, Вяари 1966, 31-32; Лаанест 1975, 59-62)

Ед. число	Финский	Карельский	Вепсский	Ижорский
Номинатив <i>кто?, что?</i>	<i>kala</i>	<i>kala</i>	<i>kala</i>	<i>kala</i> 'рыба'
Генитив <i>кого?, чего?, чей?</i>	<i>kala-n</i>	<i>kala-n</i>	<i>kala-n</i>	<i>kala-n</i>

Партиитив <i>кого?, что?</i>	<i>kala-a</i>	<i>kalu-a</i>	<i>kala-d</i>	<i>kallā</i>
Иллатив <i>в кого?, во что?, ку- да?</i>	<i>kala-an</i>	<i>kala-h</i>	<i>kala-ha</i>	<i>kallā (-n)</i>
Инессив <i>в чем?, где?, в ком?</i>	<i>kala-ssa</i>	<i>kala-šša</i>	<i>kala-s</i>	<i>kalā-Z</i>
Элатив <i>из кого?, из чего?, откуда?</i>	<i>kala-sta</i>	<i>kala-šta</i>	-	<i>kalā-st</i>
Аллатив <i>на кого?, на что?, куда?</i>	<i>kala-lle</i>	<i>kala-lla</i>	<i>kala-le</i>	<i>kala-le(n)</i>
Адессив <i>на ком?, на чем?, где?</i>	<i>kala-lla</i>	<i>kala-lla</i>	<i>kala-l</i>	<i>kalā-l</i>
Аблатив <i>от кого?, от чего?, откуда?</i>	<i>kala-lta</i>	<i>kala-lta</i>	-	<i>kalā-ID</i>
Трансла- тив <i>кем?, чем? (стать)</i>	<i>kala-ksi</i>	<i>kala-kši</i>	<i>kala-ks</i>	<i>kalā-ks</i>
Эссив <i>кем?, чем? (быть)</i>	<i>kala-na</i>	<i>kala-na</i>	-	<i>kallā-n</i>
Термина- тив <i>до кого?, до чего?</i>	-	-	-	<i>kallā-ssā</i>

Абессив <i>без кого?, без чего?</i>	<i>kala-tta</i>	<i>Kala-tta</i>	<i>kala-ta</i>	<i>kala- Da(G)</i>
Комитатив <i>с кем?, с чем?</i>	<i>(kal-oi- ne)¹</i>	<i>Kala- nye(na)</i>	<i>kala- k'e(d)</i>	-
Инструк- тив <i>как?</i>	<i>kala-n</i>	-	-	-

Ед. число	Водский	Эстонский	Ливский
Номинатив	<i>kalā</i>	<i>kala</i>	<i>kalā 'рыба'</i>
Генитив	<i>kalā</i>	<i>kala</i>	<i>kalā</i>
Партитив	<i>kalā</i>	<i>kala</i>	<i>ka'llō</i>
Датив	-	-	<i>kalā-n</i>
Иллатив	<i>kalā(sē)</i>	<i>kala-sse</i>	<i>ka'llō(Z)</i>
Инессив	<i>kala-za</i>	<i>kala-s</i>	<i>kalā-z</i>
Элатив	<i>kala-ssa</i>	<i>kala-st</i>	<i>kalā-st(ō)</i>
Аллатив	<i>kala-lē(sē)</i>	<i>kala-le</i>	<i>(kalā-l)</i>
Адессив	<i>kaka-lla</i>	<i>kala-l</i>	<i>(kalā-l)</i>
Аблатив	<i>kala-tta</i>	<i>kalal-t</i>	<i>(kalā-ID)</i>
Транслатив	<i>kala-ssi</i>	<i>kala-ks</i>	<i>(kalā-ks)</i>
Эссив	<i>kala-na</i>	<i>kala-na</i>	-
Терминатив	<i>kalā-ssā</i>	<i>kala-ni</i>	<i>[(bās) ka'llō]</i>
Абессив	<i>kala-tta</i>	<i>kala-ta</i>	-
Комитатив	<i>kalā-kā</i>	<i>kala-ga</i>	<i>(kalā-ks)</i>
Экцессив	<i>kala-nD</i>	-	-
<i>какой про- фессии?</i>			

Сравнение прилагательных в финском и других прибалтийско-финских языках обнаруживает их общую основу: фин. *riipa-i-ne-n*, эст. *riipa-ne*, лив. *rii-i-ni* 'красный' и т.д.

¹ Комитатив всегда употребляется с притяжательным суффиксом: *kal-oi-ne-ni* 'с моей рыбой', 'с моими рыбами' и т.д.

Даже беглый взгляд на эти примеры позволяет заметить особенность финского языка. прилагательные оформляются суффиксом, имеющим на один формант больше, чем в других языках. Другие примеры фин. *sini-ne-n*, эст *sini-ne* 'синий', фин *lum-i-ne-n*, эст *lum-i-ne* 'снежный', фин *kelta-i-ne-n*, эст *kolla-ne* 'желтый'. Последний пример свидетельствует о том, что *-i-* в суффиксе *-ine* появилось после того, как *-ne* стал атрибутивным показателем.

Пауль Александрович
АРИСТОВ (1905-1990)

Если бы в прилагательных с другими суффиксами обнаружилась такая же последовательность, можно было бы утверждать, что финский язык при формировании имени прилагательного прошел на одну ступеньку дальше сравнительно с другими прибалтийско-финскими языками, т.е. чем больше словообразовательная мощь прилагательного в том или ином языке, тем более интенсивно эта часть речи развивалась. Прилагательные типа фин *harva*, эст *harv* 'редкий' из рассмотрения исключаются, потому что в этом случае мы имеем дело с одним и тем же суффиксом (фин *-va*, эст *-v*), указывающим, что в эстонском произошло падение конечного гласного.

И действительно, словарь прибалтийско-финских языков включает значительное число слов, подтверждающих выдвинутое нами положение, что имена прилагательные располагают более мощной суффиксальной системой, свидетельствующей о продвинутой финского языка на уров-

не синтаксиса падежей на один цикл: фин. *pime-ä*, карел., эст. *pime* 'темный', 'слепой'; фин. *oike-a*, эст. *õige* 'правый'; 'правильный'; фин. *make-a*, эст. *mage* 'пресный'; фин. *vapa-a*, эст. *vaba* 'свободный' и др. Этот разряд прилагательных, как будет показано, наиболее интересен для исследователя, но та же картина прослеживается во всей системе прилагательных, т.е. процесс затрагивает значительную часть суффиксальных элементов прибалтийско-финских языков: фин. *lipe-vä*, эст. *libe* 'скользящий'; фин. *voima-ka-s*, эст. *vdima-s* 'сильный'. Обратное явление, - чтобы в финском языке, сравнительно с другими близкородственными языками, был сокращен суффиксальный элемент, - если и наблюдается, то крайне редко.

Итак, можно утверждать, что прилагательные финского языка в своем развитии опередили близкородственные языки на один цикл. Что же представляет собой эта промежуточная ступень?

Не очень распространенные лексические параллели типа фин. *same-a* ~ эст. *soga-ne* 'мутный' свидетельствует о том, что финские имена на *-ea* (как утверждает финно-угорская традиция, а на самом деле имена на *-a*) находятся на одной линии развития с эстонскими прилагательными на *-ne* и, видимо, близки им по значению.

Таким образом, финские прилагательные на *-i-ne-n*, соответствующие эстонским на *-ne*, составляют единую систему атрибутивных имен с прилагательными на *-ea*, на каком-то этапе сблизившимися с ними по значению, но отличающимися возрастом. Можно выдвинуть предположение (впрочем, требующее более детального обоснования), что финские прилагательные на *-inen* - более раннего происхождения. Возникнув в форме на *-ne*, о чем свидетельствуют не только прибалтийско-финские, но и другие финно-угорские языки, они осложнились дополнительным элементом *-n*, указывающим на принадлежность оформляемых им имен к другому разряду, чем имена на *-ea*: к тому времени, когда возникли прилагательные на *-ea*, фиксирующие отно-

сительный признак предмета, имена на *-ne*, по всей видимости, функционировали как притяжательные прилагательные.

Впоследствии *-ine(n)* распространяется как общий показатель имен прилагательных, а дифференциация их по значению осуществляется за счет препозитивного элемента суффикса. Ср., например, в вепсском: *roud-a-in'e* 'железный' от *roud* 'железо' (*-in'e* имеет значение 'относящийся к чему-либо'); *eht-al'-in'e* 'вечерний' от *eht* 'вечер' (*-l'-in'e* обозначает отнесенность ко времени); *m'ija-la-in'e* 'наш (относящийся к нашему коллективу)' от *m'ija-* 'наш коллектив' (*-la-in'e* обозначает отнесенность к коллективу, к местности).

От эстонских имен прилагательных, соответствующих финским на *-ea*, образуются наречия с формантом *-d-*: фин. *pime-ä-sti*, эст. *pime-da-lt* 'темно' (в финском наречие образовано с помощью измененного аффикса элатива *-st-i*, в эстонском посредством аффикса аблатива *-lta*). Вставное *-d-* неожиданно появляется и в других словах эстонского языка: *lühhi-da-lt* 'коротко' (*lühhi-ke* 'короткий' *vaba-d-us* 'свобода' (*vaba* 'свободный')). По-видимому, это рефлекс более регулярного явления, характерного для прибалтийско-финских языков.

Основным падежом в системе склонения прибалтийско-финских языков является генитив. Для указанных имен на *-ea*, в отличие от других, генитив образуется наращением слога *-da//ta* (варианты по звонкости/глухости) и *-de//te* (согласно гармонии гласных). Если значение производного слова не затемнено сложными языковыми процессами, можно с большой уверенностью утверждать, что один суффикс в языках агглютинативного типа наращивается к элементу с близким или сходным значением. Следовательно, мы вправе предположить, что суффикс *-da* в эстонском наречии *pime-da-lt* 'темно', к которому присоединен аблативный элемент *-lt*, имеет аблативное или близкое к аблативному значение, но *-da* — показатель генитива этой катего-

рии прилагательных. Значит, генитив эстонских прилагательных типа *pime* 'темный', 'слепой' (*pime-da-*) имеет аблативное значение.

Эта догадка подтверждается еще одним обстоятельством. Склонение прилагательных в эстонском имеет сильную и слабую основы: сильная ступень с элементом *-da* или его вариантами выступает во всех падежах, кроме номинатива и партитива, восходящего к древнему аблативу на *-st*, в которых выступает слабая основа. Партитив потому и не употребляется с элементом *-da*, что его аблативное значение не стерлось и, значит, отпадает необходимость в присоединении к нему близкого по значению *-da*. Суффикс *-da* не вошел в основу номинатива, потому что для прибалтийско-финских языков существенно противопоставление прямой и косвенной основ. В наречие *lühhi-da-lt* 'коротко' *-da*, вероятно, проникло по аналогии, а в слове *vaba-d-us* 'свобода' *-d* используется как если бы прилагательные типа *vaba* имели генитив на *-da*. Ср. эст. (Kask 1966, 43):

Номинатив *puha-s laud*

Генитив *puh-ta laua*

Партитив *puha-st lauda*

Илллатив *puh-ta-sse lauasse*

Инессив *puh-ta-s lauas*

Из этих рассуждений следует вывод о правильности реконструкции финских прилагательных на *-ea* в форме **-eda* (*pime-ä* < **pime-dä*), а также то, что окончание этих прилагательных восходит к древнему аблативу на **-ta*.

Добавим, что окончание финских прилагательных *-a* в *-ea* материально совпадает с партитивом *-a* имен существительных, а окончание партитива возводят к суффиксу древнего аблатива на **-ta*, который выявляется в партитиве существительных с гласным исходом: фин. *maa-ta* от *maa* 'земля', карел. *muu-da* от *muu* 'земля'.

Исследованный в этом разделе материал подводит к следующему выводу: появление в финском языке относительных прилагательных, восходящих к древнему аблативу

на **-ta*, способствовало переходу прилагательных на *-ne*, восходящих к древнему локативу на **-na* и к моменту появления нового типа прилагательных обозначающих признак предмета по принадлежности, в смешанный разряд качественных и относительных прилагательных, в случае необходимости дифференцируемых осложненным дополнительными формантами суффиксом *-i-ne-n*². Второе *-n* в суффиксе и является результатом описанных нами процессов, связанных со становлением имени прилагательного как части речи. Если первое *-n* суффикса *-i-ne-n* обязано своим возникновением локативу, второе *-n* связано с развитием атрибутивных отношений в финском языке, и поэтому своим происхождением обязано генитиву, который, будучи на первом этапе своего возникновения падежом по преимуществу притяжательным, в дальнейшем используется для выражения различных определительных отношений.

Появление прилагательных на *-ea* и возникшая в связи с этим необходимость дублирования наиболее регулярного суффикса прилагательных свидетельствуют о существенных изменениях в системе падежей и грамматике языка в целом: появление нового разряда прилагательных связано с усилением позиций аблатива на **-ta* и уменьшением функций локатива на **-na*³. Возможно, в этот период осуществляется его вытеснение в сферу наречий.

Если будет обосновано, что генитив прилагательных на *-ea* обязан своим возникновением аблативу на **-ta*, автоматически будет доказано и лативное происхождение окончания генитива *-ise* имен на *-i-ne-n* (фин. *руна-i-ne-n*; генитив *руна-i-se*). Но для этого требуются более веские аргументы.

² Связь генитива на *-n* и *n*-ового суффикса притяжательных прилагательных признается большинством исследователей (Klemm 1940).

³ Б.А.Серебренников (1964, 60) считает, что локатив на *-t* возник раньше локатива на *-n* (*-na*).

*1.6. Соотношение местного падежа на *-na/*-nä, генитива на *-n и притяжательных прилагательных на -inen.*

Суффикс генитива *-n обнаруживается во многих финно-угорских языках. прибалтийско-финских, саамских и марийских языках в виде -n, в мордовских языках в виде -ñ < *-n. И хотя следов генитива *-n нет в угорской и пермской ветвях, его возводят к прафинно-угорской и даже уральской эпохе, потому что формант -n употребляется в самодийских языках. отражающих наиболее древнее состояние финно-угорских языков. Отсутствие форманта генитива -n в угорской и пермской ветвях объясняют утратой в результате индивидуального развития (ОФУЯ 1974, 238; Collinder 1960, 282).

Судьба финно-угорского генитива не проста. Он характеризуется неустойчивостью и, вероятно, проявляет тенденцию к исчезновению. В восточной группе прибалтийско-финских языков (карельском, ижорском, вепсском), в северной группе (финском) и в саамских языках генитив -n функционирует как живой падеж, в восточной группе (эстонском, ливском, волском), а также в некоторых саамских и южно-финских диалектах генитив -n уже не употребляется (Collinder 1960, 282) (см. также парадигму склонения существительных, приведенную в предыдущем разделе). Его следы сохранились в чередовании ступеней согласных — сильной в номинативе и паргитиве и слабой в генитиве и прочих падежах существительного. У прилагательного, как уже указывалось, по принципу дополнительной дистрибуции, наоборот, слабая ступень выступает в номинативе и паргитиве, а в остальных падежах — сильная ступень: фин. *puhdas lautu*, эст. *puhas laud* 'чистый стол'; генитив: фин. *puhtaan laudan*, эст. *puhta laua* 'чистого стола'.

По мнению некоторых исследователей (см. Хакулинен 1953, 85), современный генитив представляет два более ранних падежа древний, возводимый к уральскому языку-основе, *-ñ-овый латив и падеж, оканчивающийся на твер-

дый **-n*. Первый представлен генитивными конструкциями с дативным значением: *hānen tuli jano* 'ему (*hānen* – генитив) захотелось пить' (букв. 'ему пришла жажда'); второму падежу с твердым **-n* находят соответствия в дальних родственных языках, включая самодийские. Сторонники данной гипотезы считают это **-n* «производным суффиксом притяжательного прилагательного, соответствия которому до сих пор имеются в мордовских и марийских языках» (Хакулинен 1953, 85).

Эта точка зрения объясняет далеко не все явления языка. К тому же существует совсем простое объяснение: значения родительного и дательного падежей возникают на основе местного падежа (*у меня есть книга, у меня есть жажда* → *мне есть книга, мне есть жажда, мне хочется пить*). Примеры такого развития в изобилии предоставляют в наше распоряжение, например, тюркские языки.

Вполне естественным представляется обратное утверждение: какой-то древний падеж продолжил свое развитие в двух направлениях. В исконном значении он употребляется с твердым **-n*, а новое, лативное, значение закреплено палатализованным **-ñ*; на основе лативного значения, близкого к дативному, вполне может развиваться генитивное значение, значение принадлежности. Падежом, давшим начало лативу и генитиву, вероятнее всего, мог быть локатив на *-na// -nā*, тем более что в одной из его форм уже заложена тенденция к палатализации. Таким образом, локатив на *-na// -nā* расщепился, дав начало лативу и генитиву, а сам был оттеснен на периферию падежной системы новообразованием на *-ta//tā*, тоже функционирующим в качестве локатива.

П.Хайду, исследуя окончание генитива *-n*, допускает, что уральское окончание датива-латива **-ñ* сохранилось в депалатализованном виде (1985, 293-294).

Д.В.Бубрих считал суффикс генитива производным от суффикса локатива. Он писал: «От локатива со значением 'где' ответвился генитив. Он оканчивался на обобщенное

—*n*. Ход ответвления генитива понятен: *talo on isän* значило сначала ‘дом у отца’, а потом стало значить ‘дом отца’ (отцовский)» (Бубрих 1955, 12 и след.).

Другим основным значением *n*-овых определительных образований в прибалтийско-финских языках Д.В.Бубрих считал значение «обладающий чем-либо, отличающийся чем-либо, содержащий что-либо, покрытый чем-либо» (Бубрих 1948, 64-65). Мы бы сказали что именам на *-inen* присуща способность выражать значение принадлежности в самом широком смысле, перешедшая им в наследство от генитива вместе с формантом **-n*. Это первичное значение прилагательных, оформленных суффиксом *-inen*, как раз и указывает на связь притяжательных прилагательных с генитивом существительных: фин. *kala-i-ne-n* ‘рыбный’, ‘изобилующий рыбой’ (о реке, озере), *viha-i-ne-n* ‘злой’, ‘преисполненный злобой’, *kulta-ine-n* ‘золотой’, ‘обладающий свойствами золота’ (о материале и цвете).

Значение «относящийся» у прилагательных на *-inen* вторично, возникшее у них благодаря возможности образовывать атрибутивные имена от наречий. Кстати, прилагательные с указанным значением произведены от существительных и наречий, не всегда являющихся первичными: в слове *karjala-inen* ‘карельский’ нетрудно выделить суффикс *-la*, в слове *huomen-na* ‘завтра’ прослеживается суффикс *-n* или *-en* (ср. эст. *hom-me*, лив. *uom-dõ*).

Д.В.Бубрих предпринял попытку связать происхождение суффикса локатива *-na* с словообразовательным суффиксом: «Древний локатив и имена на *-inen* возникли из общего древнего источника. Это значит, что древний источник возник из образований, еще не имевших падежного характера. Одни и те же древние образования не падежного характера на *-na* (*-nä*) или *-n* развились в позиции обстоятельства в древний локатив, а в позиции определения — в имена на *-inen* с указанным значением» (Бубрих 1955, 17).

Таким образом, согласно этой точке зрения, окончание локатива на *-na* в финском наречии *kaika-na* ‘далеко’ и

первое *-n* суффикса прилагательного *kaika-i-ne-n* 'далекий' имеет общее происхождение (Бубрих 1948, 60; 1955, 16). Генетическую связь *n*-ового локатива с *n*-овыми определительными образованиями он иллюстрирует рядом лексических пар: *huomen-na* 'вчера' – *huomen-inen* 'вчерашний'⁴, *Karjala* 'Карелия' – *karjala-inen* 'карельский', 'относящийся к карельскому народу или к Карелии'. По его мнению, первоначальным значением прилагательных на *-inen* было 'относящийся (к дали, Карелии, вчерашнему дню)'.

По-видимому, исходя из мордовских языков, где так называемые притяжательные прилагательные представляют собой родительный падеж существительных (например, морд. *kev* 'камень' – *kev-ei* 'камня', 'каменный'), Д.В.Бубрих приходит к заключению, что в начале показатель локатива и прилагательных совпадал и был *-na* (*-nä*) или *-n* (двойное *n* появилось в результате связывания двух вариантов суффикса – раннего *-na* (*-nä*) и позднего *-n*; *-a* (*-ä*) между двумя *n* перешло в *-e*, а *-i* в *-inen* перенесено из *-ise*).

В настоящее время у исследователей практически не вызывает сомнений, что имя прилагательное формируется позже других частей речи и имеет точки соприкосновения с существительным (фин. *pimeä*, эст. *pime* 'темнота' и 'темный'; фин. *kylmä*, эст. *külm* 'холод' и 'холодный'), наречием и глаголом. Связь с наречием и глаголом выражается в том, что прилагательные образуются от глаголов и первичных наречий и в то же время служат материалом для образования вторичных наречий.

Следовательно, можно говорить не об общем происхождении локатива *-na* и прилагательных на *-inen*, а об общем происхождении локатива на *-na* и первого элемента *-n* суффикса прилагательных. А это, как известно, показатель родительного падежа существительных. Чтобы формант *-n* стал суффиксом прилагательных, необходимо, чтобы он

⁴ Цитируется по Д.В.Бубриху. Словарь дает *huom-inen* 'завтрашний'.

потерял предметное значение, а это достигается двумя путями: или исчезает родительный падеж, или, при его сохранении, изменяется словообразовательная система языка, т.е. предметный суффикс *-n* трансформируется в атрибутивный показатель *-inen*, что мы и наблюдаем в финском языке.

Генитив **-n* связан общим происхождением с локативом на **-na//nā* в том смысле, что локатив передал часть своих функций (а именно значение наличия или принадлежности) генитиву. Причем эти два падежа не совпадали и по форме.

Сравним формант локатива **-na*, сохранившийся в ряде наречий финского языка, и окончания падежей с *-n*, связанных единой судьбой: инструктива *-n* (только в финском), внешнеместных падежей (*-lle*, *-lla* < **-lne*, *-lna*), инессива *-ssa* (< **-sna*), иллатива *-a-n*, где *-a-*, по мнению Б.А.Серебренникова, - вокалический латив⁵, и *-n* генитива.

Возможны два пути развития суффикса локатива.

1. Суффикс локатива существовал в форме *-na//nā*, а инструктив и генитив восприняли только *-n*, во избежание омонимии с локативом.

2. Суффиксом локатива искони был *-n*. Формы с гласным (*-na//nā*) стали появляться позже для устранения омонимии падежных форм.

Суффикс локатива с глаголом мог появиться в то время, когда и генитив, и локатив существовали в форме **-n*, и был использован для образования вторичных пространственных падежей, эссива на *-na* и для оживления локатива. Таким образом, показатель локатива (фин. *kauka-na* 'далеко', вепс. *taga-na*, ижор. *takkā-n* 'за', 'позади') вторичного происхождения, а суффикс в эстонском *sii-n* 'здесь', по-видимому, отражает более древнее состояние.

⁵ Заслугой Б.А.Серебренникова является реконструкция системы локативов в пермских (1963) и мордовских языках (1967) и доказательство их наличия в уральском языкооснове (1964).

Хорошие примеры для доказательства обнаружить не-легко, поэтому обращаем внимание на следующую лексическую параллель: фин. *huo-m-en-na*, эст. *hom-me*, вепс. *hom-en*, лив. *uom-dð* 'завтра'. Ср. также примеры, приведенные Д.В.Бубрихом; *keske-nä-mme* 'в нашей среде' и *miesten keske-n* 'среде мужчин'; *huomenna* 'завтра' и *eile-n* 'вчера'.

На наш взгляд, ливский пример отражает тот период развития языка, когда форма на **-ta//tä* функционировала в качестве локатива и аблатива: ср. также вепс. *al-dð* 'внизу' и *ui-dð//ui-dð-st* 'снаружи', 'извне' (первая форма – локативная, вторая – аблативная) (Вяари 1966, 150). И, следовательно, корень слова в вепском, эстонском и финском примерах имеет в исходе сонорный *m*. Таким образом, в слове 'завтра' вепского и эстонского языков вычленяется первичный локатив *-n(e)*, в финском *huom-en-na* вторичный локатив *-na* присоединен для оживления первичного локатива, потому что слова с первичным **-n* вытеснялись на периферию. Возможно, то же явление иллюстрируют вепс. *en-ne*, фин., карел. *en-ne-n* 'прежде' и др.

1.7. Влияние определительных конструкций на становление генитива.

Полагаясь на данные мордовских языков, где суффикс прилагательных *-ñ* материально совпадает с показателем генитива, некоторые исследователи (Wiedemann 1865, 22) постулируют происхождение генитива существительных от притяжательных прилагательных. Ср. в мордовском: *кеде-нь* 'кожа', 'кожаный', *кеве-нь* 'камня' и 'каменный', а также *мон* 'я' и *мо-нь* 'меня', 'мой'.

Опираясь на многочисленные факты использования имени существительного в атрибутивной функции, Б.А.Серебрянников придерживался мнения, что по крайней мере на ранних этапах существования прауральского языка

у генитива не было специального показателя (*Серебrennikov 1964, 69*).

Действительно, на ранних этапах развития практически в любом языке мира можно обнаружить конструкции с именем, определяющим другое имя и не имеющим специального оформления (N+N): фин. *lähde-vesi* 'родниковая вода' (букв. 'родник-вода'), *kivi-talo* 'каменный дом' (букв. 'камень-дом'), *omena-mehu* 'яблочный сок' (букв. 'яблоко-сок') и т.п. Подобных конструкций в различных финно-угорских языках довольно много.

И все же нет оснований утверждать, что наличие большого числа таких конструкций свидетельствует об отсутствии в прошлом генитива. Истина как раз заключается в обратном: конструкции типа N+N стимулируют появление в языке генитива. Но их влияние в этом направлении без поддержки другими языковыми средствами невелико. Совместно с категорией принадлежности и пространственными падежами в определительной функции они дают начало генитиву.

Еще раз обратимся к атрибутивным именам N+N. Сравним финские примеры: *ihmis-elämä* 'человеческая жизнь' ~ *ihmisen elämä* 'жизнь человека', *ihmis-veri* 'человеческая кровь' ~ *ihmisen liha* 'человечье мясо', *maalais-elämä* ~ *maalainen elämä* 'сельская жизнь', *kivi-talo* ~ *kivinen talo* 'каменный дом'. Примеры не адекватны: конструкции без генитивного оформления по преимуществу содержат указания на относительный признак предмета, конструкции с именем в родительном падеже обозначают признак предмета относительный и по принадлежности. Это могло случиться потому, что они развивались не прямолинейно и, помимо генитивного, в них присутствуют и другие значения, в частности локативное (фин. *isä-n talo* 'отца дом', 'у отца дом') и аблативное (ср. фин. *kivi-st* (аблатив) *talo* 'каменный дом').

Мы полагаем, что в определенной степени проливают свет на проблему соотношения определительных конст-

рукций и генитива существительных эстонские примеры: *rasv* 'жир', *rasv-a-plekk* 'жирное пятно', *rasv-a-ne* 'жирный'. Сначала в определительной конструкции употребляются два имени в исходной форме (фин. *kesä-lepo* 'летний отдых'), затем определение несколько обособляется вставной гласной (эст. *rasv-a-plekk*). На следующей стадии локативно-лативное *-ne* формирует родительный падеж имени. Финский язык также указывает на ряд переходных этапов развития имени прилагательного от существительного (или от другой части речи). Это следующие этапы: 1) эст. *raud(-)* 'железо', 'железный', 2) фин. *raud-a-n* 'железный', 'железа' при *rauta* 'железо', 3) эст. *raud-ne* 'железный', 4) фин. *pime-ä* < **pime-dä* 'темный', 5) фин. *kivi-st* 'из камня', 'каменный', 6) фин. *rauta-i-ne-n* 'железный'.

И все же, в становлении имени прилагательного ведущая роль, по нашему мнению, принадлежит пространственным падежам, и прежде всего локативу.

1.8. Трансформация локативного **-t* в аблативный **-ta* в истории прибалтийско-финских языков.

Аблатив **-ta*, реконструируемый в виде **-ta/-tä*, возводят к древнейшей эпохе, потому что его следы обнаруживаются в большинстве современных финно-угорских языков. Аблатив **-ta* отсутствует в обско-угорской ветви, где ему соответствует *l*-овый аблатив: ср. венг. *fel-öl* 'со стороны'; манс. *al-öl* 'сверху', *nim-öl* 'сверху' (при наличии *nim-n* 'наверху').

За пределами прибалтийско-финских языков, в мордовских, аблатив на **-ta* функционирует как живой падеж, а в прибалтийско-финских языках обнаруживаются его реликты.

Хотя аблативный финно-угорский **-ta* не обнаруживается в обско-угорских языках, на основании самодийских данных его считают общфинно-угорским и даже общеуральским формантом (Hajdú 1966, 122).

В своем большинстве исследователи признают аблативное значение суффикса **-ta*. Д.В.Бубрих отрицает его

первоначальное аблативное значение, полагаясь на данные пермских языков, в которых он обнаруживает различные местные значения (местонахождение 'где', движение 'куда' и 'по какому месту'), кроме значения 'откуда'. «Оно сошло со сцены; так как в этом значении *m*-овый аблатив вытеснен специфически-пермским *s*-овым падежом. С этой разновидностью окончания, которая продолжает *-ta*, именно как падеж на (-а), данный падеж сохраняет значения "где" и "куда" — коми *кара-с* "в городе-его", "в городе-том" и *кара-с* "в город-его. в город-тот" и т.п. С той разновидностью окончания, которая продолжает *-m*, именно как падеж на *m*, данный падеж сохраняет значения "по какому месту"» (Бубрих 1948, 55).

В другой работе Д.В.Бубрих признает, что древний аблатив на **ta* (по его терминологии, "делатив") современного финского языка приобрел значения партитива (на ряду с эссивом), используемого для обозначения исходной точки в пространстве (значение 'откуда'): фин. *isä-n luo-ta* 'от отца' (*isä* 'отец'), *kato-n al-ta* 'из-под крыши' (*kato* 'крыша').

Первоначальное аблативное (отделительное) значение суффикс **-ta* сохранил в незначительном числе служебных слов — наречиях и послелогах: фин. *luo-ta* 'от' (*luo* 'к'), *kauka-a* < **kauka-ta* (~ **kauka-da* — Хукулинен 1953, 86) (*kauka-na* 'далеко'), *koto-a* 'из дому' (*koto-na* 'дома').

Основной функцией партитива является обозначения части целого. Но и здесь изредка выявляется аблативное значение. Ср. фин. *syön liha-a* 'ем мясо' (т.е. его часть, а не все; *liha* 'мясо'); *teen työ-tä* 'работаю', 'делаю работу' (*työ* 'работа'); *pelkään karhu-a* 'боюсь медведя' (*karhu* 'медведь'). Кроме того, партитив используется в различных синтаксических функциях и для выражения неопределенности предмета: фин. *kuuntelen radio-ta* 'слушаю радио'.

Формы партитива в прибалтийско-финских языках сохранились еще хуже, чем формы генитива: в финском языке древний показатель *-ta/-tä* употребляется в словах с согласной основой и односложной основой на долгий гласный

или дифтонг. В вепском, эстонском и частично ливском суффикс партитива выступает в усеченном виде, без конечной гласной. В вепском языке, независимо от основы, окончанием партитива служит *-d* или *-t* (Лаанест 1975, 55). В словах с основой на гласный *-a* или *-ä* произошли значительные фонетические изменения, в ряде случаев генитив и партитив совпали по форме.

В чистом виде древний аблатив **-tu* сохранился в мордовских языках, в других финно-угорских языках он, как правило, вытеснен на периферию. В прибалтийско-финских и саамских языках аблатив **-ta// -tū* входит в состав сложных падежных суффиксов нового образования: фин. аблатив на *-l-ta// -l-tū* (*talo-lta* 'от дома') и элатив на *-s-ta// -s-tū* (*talo-sta* 'из дома'), саамский инессив-элатив на *-s-t* (*älleli-st* 'свыше').

Финно-угорский *t*-овый аблатив постигла такая же судьба, как *t*-овый, а еще раньше *n*-овый, локатив. На протяжении столетий функционируя в языке, ряд специализированных грамматических категорий дали начало абстрактному грамматическому классу слов, а сами стали выходить из употребления, сохраняясь лишь в виде реликтов. Так, *n*-овый локатив принял участие в образовании генитива, а тот, в свою очередь, способствовал возникновению так называемых притяжательных прилагательных, благодаря тому, что их показатель, суффикс *-inen*, приобрел обобщенное, абстрактное значение.

Локативы способствовали формированию паречий как лексико-грамматического класса слов, потому что грамматическая категория воспринимается как единое целое в том случае, если она с помощью системы суффиксов дифференцирована по значению на ряд составляющих ее разрядов. Возникает единое во множестве — грамматическая категория, представленная несколькими составляющими ее разрядами.

М.Кёвеш, полагаясь на здравую мысль, что материально сходные грамматические показатели могут иметь

единую линию развития, выдвинула положение о генетическом тождестве финно-угорских локатива **-t* и аблатива **-t*. По ее мнению, элативно-аблативный формант **-t*, приобретя новое значение, стал повсеместно вытеснять из употребления локативный **-t*, так как наличие омонимичных форм снижает коммуникативные возможности языка. Этим и объясняется полное исчезновение *t*-ового локатива в прибалтийско-финских и саамских языках (Kövesi 1966, 240-243). Генетическую общность древних суффиксов *t*-овых пространственных падежей признает и Д. Дечи (Décsy 1965, 157).

Добавим, что само по себе значение грамматической категории не изменяется. Это осуществляется под давлением системы.

На каком-то этапе развития языка, - вполне возможно, что это происходило в уральскую эпоху, - в нем функционировали два локатива, *n*-овый и *t*-овый. Возможны два альтернативных решения в отношении их родословной: 1) *n*-овый локатив древнее по происхождению, 2) *t*-овый локатив появился раньше локатива *-n*. Быть может, прав Б.А.Серебрянников, и *t*-овый локатив старше по возрасту. Мы придерживаемся противоположного мнения на том основании, что локативный *-n* раньше закрепился в прилагательных (имена на *-ne* в прибалтийско-финских языках, кроме финского). Ввиду распространения в языке *t*-ового аблатива и, в связи с этим, возникновения прилагательных на *-ta/-da* (с вариантами) происходит возрождение *n*-ового локатива в форме *-na* и перенос его на новые падежи (ср. окончание эссива *-na* в финском, карельском, водском и эстонском языках, *-n* в ижорском). Возникает необходимость укрепить ослабленные позиции прилагательных на *-ne*: это достигается прямым дублированием локативного суффикса *-ne* вторым, теперь уже генитивным, *-n*.

Негрудно предположить, что распространение локативного *-n* на абстрактные падежи (генитив) и на прилагательные сопряжено с изменением системы, а именно с по-

явлением новых значений и категорий. На новое значение указывают генитив (значением принадлежности) и прилагательные, обобщенные в финском языке в форме *-inen*. Так как прилагательные на *-inen* возникли как притяжательные, напрашивается вывод, что изменения в системе падежей вызваны развитием категории принадлежности. И, соответственно, распространение *t*-ового аблатива (точнее трансформация *t*-ового локатива в аблатив) и распространение его суффикса на прилагательные (*pime-da*), связано с исчезновением категории принадлежности в прибалтийско-финских языках (Юоакин 1984, 122). Указанные процессы взаимосвязаны, но не являются основными. Ведущим звеном этих процессов является формирование разветвленной системы прилагательных с суффиксами *-s*, *-va*, *-da*, *-inen* и др.

Б.А.Серебренникову принадлежит удачное наблюдение, позволившее ему сделать вывод (на наш взгляд, правильный или, во всяком случае, он не противоречит фактам языка и мнению ряда ученых), что «суффикс *-t* без лативного *-a* сохранил старое локативное значение... Нет ни одного уральского языка, в котором бы чистое *t* было носителем аблативного значения» (Серебренников 1964, 59).

«В основе аблативного суффикса *-ta* лежит *m*-овый локатив. Суффикс этого локатива *-t* в дальнейшем был осложнен лативным суффиксом *-a*, в результате чего новый суффикс *-ta* получил аблативное значение, поскольку суффикс *-ta* в данном случае выражал идею движения от определенного места. Присоединение суффикса *-a*, имеющего аллативное значение, дает возможность объяснить аблативное значение суффикса *-ta*, обозначающего движение от предмета» (Серебренников 1964, 59).

Эволюция аблативного *-ta* в различных прибалтийско-финских языках (*-ta* > *-t*, > *-d*, > *-a*), его сращение с другими суффиксами и даже полное исчезновение лишней раз подтверждает, что эволюция локативных **-na* и **-ta* могла происходить аналогичным образом.

1.9. Ks-овый транслатив и k-овый латив.

Транслатив, или превратительный падеж, является общим падежом прибалтийско-финских и волжских языков: фин. *opettaja-ksi* '(стать) учителем' (*opettaja* 'учитель'). В финском языке транслатив имеет окончание *-ksi*, возникшее из *-kse*, которое регулярно появляется в неконечной позиции, например, перед лично-притяжательными показателями: *talo-kse-ni* 'моим домом', *maa-kse-ni* 'моей землей' (но: *talo-ksi* 'домом', *maa-ksi* 'землей'). В карельском языке показателем транслатива служит *-kši*, *-kse* или *-ks*, в вепсском, эстонском и ливском - *-ks*, в водском языке - *-ssi*. В ливском языке совмещены функции транслатива и комитатива (Лаанест 1975, 57).

Транслатив – самый молодой из общих местных падежей прибалтийско-финских языков, но ряд примеров позволяют восстановить его первоначальное локативно-лативное значение: фин. *kaua-ksi* 'далеко', *alomma-ksi* 'ниже', 'пониже' (корень *al-*), а также наречия *luo-kse* < **loo-kse-k* 'к', *taa-kse* < **taŋa-kse-k* 'назад'. Ср. с фин. *kauka-na*, эст. *kauge-le*, *kauge-lt* 'далеко', обозначающими местонахождение.

Новообразования с конечным *-k*, не привившиеся в языке, свидетельствуют о том, что суффикс транслатива *-ks* образовался в результате слияния лативных **-k* и **-s* (возможно, *-k* и **-se*) в прибалтийско-финно-волжском языкооснове (Хакулинен 1953, 87).

Д.В.Бубрих на основе мордовских данных, в которых отсутствует местное значение транслатива отрицает его первоначальное лативное значение, поэтому он придерживается иного мнения о его происхождении (1948, 181-192).

В финском языке сохранилась группа наречий с конечным *-s*, имеющим лативное значение: *ala-s* 'вниз', 'долгой', *ede-s* 'вперед', *kaua-s* 'вдаль', *taa-s* 'опять', 'назад', *ulo-s* 'вон', 'наружу', *ylö-s* 'вверх'. Это лативное *-s* Д.В.Бубрих считает видоизмененным суффиксом транслатива: *-kse* > обобщенное *-ksi* > *-ks* > *-s*. Едва ли целесообразно постули-

ровать такое сложное развитие лативного *-s*, на что указывают, пусть даже немногочисленные, примеры: в некоторых наречных формах финского языка аспирация конечного гласного указывает на отпадение *-k* (*ala* 'к', *luo* 'к', *sin-ne* 'туда', *tän-ne* 'сюда') (Хакулинен 1953, 92), в ингерманландском диалекте финского языка встречаются наречные формы с конечным *-k* (*ala-k* 'вниз') (Collinder 1960, 296). Наличие вариантов *ala-k* и *ala-s*, по-видимому, свидетельствует против гипотезы о происхождении *-s* из *-ks*.

Д.Б.Бубрих связывает судьбу транслатива на *-ks* с *ks*-овыми именами (ср. *vanhus* 'старик', *vanhu-kse-t* 'старик-и'), считая, что транслатив появился под влиянием *ks*-овых имен, употреблявшихся с глаголом (Бубрих 1948, 192). Это мнение согласуется с теоретическим кредо исследователя, практически все падежные форманты возводившего к словообразовательным аффиксам. Но ведь возможно развитие языка и в другом направлении, когда падежные форманты дают начало словообразовательным суффиксам, на что указывает судьба некоторых падежных аффиксов прибалтийско-финских языков.

Таким образом, лативный **-k* обнаруживается в прибалтийско-финских языках в составе сложных суффиксов транслатива *-ksi* < *-kse*, а также финского пролатива *-tse*(') < **-ttsek* в ряде наречных и послеложных образований: *ylit-se* 'над' (от *yli* 'через', 'сверх'). Восстанавливается он и как самостоятельная единица в незначительном числе слов.

Следы лативного **-k* обнаруживаются во всех ветвях финно-угорских языков, поэтому его считают общеприбалтийско-угорским по происхождению.

Архетип латива восстанавливается в двух вариантах: *-ka// -kä* и *-k*. Д.В.Бубрих ставит возможность их функционирования в зависимости от фонетического окружения. По мнению Б.А.Серебренникова, суффикс уральского латива *-ka// -kä* первоначально состоял из одного согласного *-k*. В дальнейшем к нему присоединился суффикс *-a* наиболее древнего из вокалических лативов.

Мы полагаем, что суффикс латива *-ka// -kü* постигла судьба других древних пространственных падежей: конечный гласный со временем отпадал, потом отпадал и конечный *-k* — или же входил в состав сложных суффиксальных образований (*-ka// -kü > -k > 0*).

Д.В.Бубрих возводит суффикс лативного *-k* к образованиям с местоименными корнями: *mei-kä-läinen* 'нашей общины' или 'нашей местности' (букв. 'нашинский'), *tei-kä-läinen* 'здешний', 'этой общины' или 'этого места' (ср. **tä-k-ä-llä* < **tä-k-ä-llä* 'здесь', 'в этом месте'), *si-kä-läinen* 'тамошний' (ср. *siellä* < **si-k-ä-llä* 'там'); *muu-ka-lainen* 'иной общины', 'иного места' (ср. *muualla* < **muu-k-a-lla* 'в ином месте').

Происхождение из общего древнего источника лативного *-ka// -kü* и местоименных образований на *-ka// -kü* не вызывает сомнений (Collinder 1960, 293), но трудно представить, каким образом словообразовательный суффикс мог получить лативное значение. Обращаем внимание еще на одну деталь, видимо, ускользнувшую от внимания исследователей: данные в скобках для сравнения примеры указывают не на лативное, а на локативное значение элемента *-ka// -kü* в местоименных образованиях. Создается впечатление, что в суффиксе *-ka// -kü* реконструируется не только лативное, но и локативное значение, если не основное, то побочное определению.

Исследуя генезис лативного *-ka// -kü*, Б.А.Серебренников возражает Д.В.Бубриху следующим образом: «Или эта теория неверна, или словообразовательный суффикс *-ka// -kü*, если он занимал конечное положение, был ассоциирован в сознании говорящих с уже существующим лативным суффиксом *-ka*, который мог возникнуть в результате контаминации двух лативных суффиксов *-k* и *-a*. Наблюдается одна очень любопытная связь. Если в каком-либо языке лативный суффикс представлен одним *-k* (прибалтийско-финские, ненецкий), то лативный суффикс *-a*

обнаруживает очень слабое участие в образовании системы локальных падежей» (Серебренников 1964, 59).

1.10. Внутреннеместные падежи

а) Судьба прибалтийско-финского локативного *-s*.

Латив на *-s*, формировавшийся, вероятно, в финско-волжском языке-основе, во всех прибалтийско-финских языках, в виде реликтов, представлен в составе наречий и некоторых служебных слов: фин. *ala-s*, эст. *ala-s-pidi*, карел. *ale-š*, ижор. и водск. *ala-Z*, вепс. *ala-z* ~ *ale-z* 'вниз'; фин. *ylö-s* 'вверх', *minne-s* 'до', лив. *ku-s* 'куда?' и др. В мордовских языках латив на *-s* является живым падежом.

По мнению Л.Хакулинена, это лативное *-s* произошло из **-ks* и «восходит ко времени не далее раннего периода финского языка-основы. Таким образом, это *s* не является прямым соответствием лативного *s*, выступающего во внутреннеместных падежах» (Хакулинен 1953, 94). Действительно, *-s* может возникнуть из **-ks* в результате фонетических изменений, как видно из сравнения показателей транслатива прибалтийско-финских языков: фин. *-ksi*, вепс., ижор., эст. и лив. *-ks*, в некоторых говорах эстонского языка имеется окончание *-s*. Но, как указывает П.Аристэ, в примечании к книге Л.Хакулинена, нет оснований конечное *-s* в указанных примерах во всех случаях возводит к форманту **-ks*. Д.В.Бубрих разделял точку зрения Л.Хакулинена на происхождение лативного *-s* из *ks*-ового транслатива и отрицал существование финно-угорского *s*-ового латива (Бубрих 1948, 52; 1955, 173).

Формант *-s* участвует в образовании серии вторичных внутреннеместных падежей: инессива, обозначающего нахождение внутри чего-либо, элатива, указывающего движение изнутри, и иллатива, падежа вхождения.

б) **Инессив** в финском языке имеет окончание *-ssa/-ssä* (< **-sna/-snä*), первый элемент которого возводят к лативному **-s*, а второй тождествен суффиксу первичного локатива **-na/-nä*: *metsä-ssä* 'в лесу' (Аристе 1955, 26-29). Очевидно, что компоненты сложного суффикса должны быть близкими по значению или один из них должен иметь общее значение, а другой уточнять его. Если допустить, что в состав внутреннеместных падежей вошло лативное *-s*, трудно объяснить значение иллатива, а значение инессива и элатива тем более не вытекает из сочетания составляющих их элементов. Являясь общим показателем внутреннеместных падежей, формант *-s* обнаруживает в них и общее значение — нахождение внутри чего-либо. Именно потому показатель *-s* и сочетается с внутреннеместными падежами, что ему было присуще недифференцированное локативное значение. Таким образом, имея в виду *-s* внутреннеместных падежей, следует усматривать в нем синкретичное локативное и лативное значение или реконструировать его в виде двух омонимичных форм: *s*-вого локатива и *s*-ового латива.

Точно так же суффиксы инессива *-sna/-snä* и иллатива *-sen(-hen)* позволяют восстановить значение *n*-овых формантов' локативное *-na/-nä* и лативное *-n*. Рассматривая суффиксы внутреннеместных падежей, даже не зная их истории, можно заключить, что суффиксы элатива и особенно инессива неустойчивы. Со временем *-s* и *-n*- суффикса инессива будут восприниматься как тождественные и один из них обречен на исчезновение, скорее всего *-n*-, потому что локативное **-na/-nä*, укрепив позиции *s*-овых падежей, выходило из употребления. И следует ожидать, что показатель **sna/-snä* сократится до *-s*, но это уже не прежнее *-s* с его недифференцированным локативным значением. Теперь это местный падеж, освободившийся от лативной функции. И действительно, инессив прибалтийско-финских языков указывает на возможность такого пути развития: окончание финского инессива *-ssa/-ssä* соответствует в карельском языке *-šša/-ššä*, в водском — *-za/-zä*, в вепском,

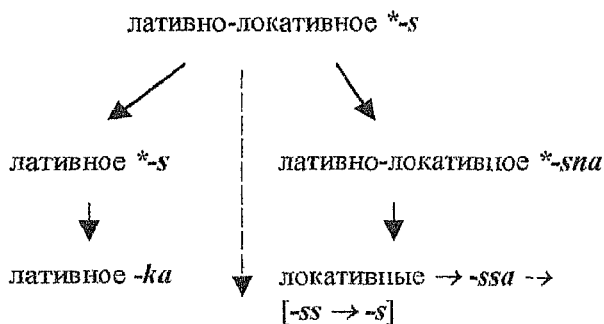
ижорском и эстонском языках — *-s* или *-Z*, в ливском языке — *-s*, *-š* или *-ššð*. Таким образом, *s*-овый инессив некоторых прибалтийско-финских языков, будучи падежом вторичного происхождения, содержит указания на древнее значение *s*-ового локатива, так же как конечный *-s* в рассмотренных в начале параграфа примерах, независимо от его происхождения, указывает на древнее значение *s*-ового латива. Судьба локативно-лативного *s*

Дмитрий Владимирович
БУБРИХ (1890-1949)

немногим отличалась от судьбы *i*-ового и *n*-ового локативов и *k*-ового латива: лативный *s*, соединившись с лативом на *-ka*, дал начало транслативу, а локативный *-s*, принял участие в образовании внутреннеместных падежей

Эволюцию локативно-лативного *-s* можно представить следующей схемой:

Разумеется, *s*-овый локатив как результат развития лативно-локативного **-s* отличается от своего прототипа.

Возражая Д.В.Бубриху, отрицавшему существование лативного *-s* в финно-угорских языках, В.И.Лыткин в примечании к его книге заметил: «Не исключена возможность, что к финно-угорскому *s*-овому лативу частично относили и не то, что нужно было; однако нет основания для отрицания существования какого-то *s*-ового местного падежа, имевшего место, возможно, в финно-пермском языке-основе» (Бубрих 1955, 173).

в) Прибалтийско-финский элатив имеет отделительное значение: фин. *metsä-stä* 'из леса'. Окончания элатива в этой группе языков распределяются следующим образом; в финском *-sta// -stä*, в карельском *-šta// -štä*, в водском *-ssa// -ssä*, в ливском *-st* и *-stõ*, в ижорском и эстонском *-st*, в вепсском языке и лодиковском диалекте карельского языка элатив совпал по форме с инессивом (Collinder 1960, 202; ОФУЯ 1975, 56). Составные элементы суффикса элатива довольно прозрачно свидетельствуют о его происхождении: локативно-лативный **-s* и аблативный **-ta// -tä* определяют значение элатива.

г) Окончания иллатива, который Л.Хакулинен считает самым молодым из внутреннеместных падежей и возводят его образование к раннему периоду финского языка-основы, представляют пеструю картину (Хакулинен 1953, 87). В финском языке показатели иллатива разнообразны:

1. После односложных слов, оканчивающихся на долгий гласный или дифтонг, употребляется суффикс *-hen*, гласный которого употребляется конечному гласному основы: фин. *maa-han* 'в страну' (*maa* 'земля', 'страна'), *puu-hin* 'в дерево' (*puu* 'дерево'), *suo-hon* 'в болото' (*suo* 'болото') и т.п.

Первоначальной формой окончания иллатива, вероятно, было **-sen* и его развитие происходило следующим обра-

зом: фин. *kala-an* 'в рыбу' < *kala-han* < **kala-hen* < **kala-zeñ* < **kala-señ* (Майтинская, 1974, 265). Во многих языках исчез *-h-* или *-n*.

2. Чаще всего показателем иллатива служит удлинение конечной гласной основы в результате выпадения первого согласного суффикса *-hen*: *kota-an* 'в чум' (*kota* 'чум'), *metsä-än* 'в лес' (*metsä* 'лес'), *vete-en* 'в воду' (*vesi* 'вода') и т.п.

3. В многосложных словах употребляется суффикс *-seen* (во мн. числе *siin* или *in*)⁶: *ihmise-en* 'в человеке' (*ihminen* 'человек'), *sormukse-en* 'в кольцо' (*sormus* 'кольцо', 'перстень'), *hyvi-in* (pl. от *hyvä* 'хороший'), *koti-in* (pl. от *koti* 'дом') и т.п.

Соответственно, показателем иллатива в ед. числе служит формант *-en*, а *-se-* - показатель косвенной основы существительных и прилагательных на *-nen*, по нашим предположениям (см. выше, раздел 1.10 б), восходящий к пространственному падежу на *-s*, локативному, аблативному или, вероятно всего, лативному: ср. *ihmise-en* 'в человеке' и *taivaa-seen* 'в небо'.

В северной группе прибалтийско-финских языков показатели иллатива следующие: в ижорском, как и в финском, - удлинении гласного основы + *-n*, в некоторых ижорских диалектах в двухосновных словах употребляется иллатив на *-s*; в вепсском иллатив оканчивается на *-h* + гласный, уподобляющийся конечному гласному основы; в карельском обычно выступает иллатив с суффиксом *-h*.

Итак, иллатив в северной группе прибалтийско-финских языков возник в результате эволюции суффикса **-señ*, который П.А.Аристэ возводит к лативному **-s* (примечания к книге: Хакулинен 1953, 300), соединившемуся с лативным **-ñ* и давшим **-señ* > **-sen*. Таким образом, древний иллатив (по П.Аристэ, вероятно, это был локативно-

⁶ Суффиксы *-seen*, *-siin* возникли из *-sen*, *-sin* по аналогии с иллативом имен на *-nen* и др.: ср. *ihmi-se-en* (Хакулинен 1953, 88).

лативный *-s) прошел следующие стадии развития фин. *külä-s* > 'в деревню' > *küläsen* и, далее, > **käläsen* > **käläzen* > **kälähen* > **kylähän* > *kylään*.

В южной группе прибалтийско-финских языков картина несколько иная. Эстонский латив, оканчивающийся на -sse, заставляет предположить иной путь развития суффикса иллатива, а именно: из двух лативов -s- и -se. Дублирование лативным -se лативного же -s- свидетельствует в пользу нашего предположения, что -s-, помимо лативного, передавал и другое значение, на наш взгляд, локативное, которое следует искать в родственных языках.

Забегая вперед, скажем, что оба древних значения *-s — локативное и лативное — обнаруживаются в норвежско-саамском диалекте саамского языка. Ср. наречия *baja-s* 'вверх', *vuola-s* 'вниз', *vuosta-s* 'прогив' и *olgu-s* 'из', где выступает лативное -s (а последний пример иллюстрирует даже аблативное употребление -s) и *čaže-s-t* 'в воде', *go-s-t* 'где', в которых локативное -t указывает на локативное значение первого компонента составного локативного суффикса -st.

По мнению Б.А.Серебренникова, иллатив на -se, встречающийся в южной группе прибалтийско-финских языков, состоит из двух лативных суффиксов -s- и вокалического -e. Таким образом, по Б.А.Серебренникову, древнефинский латив на -sen состоит из трех лативов (-n < *-ń) (Серебренников 1964, 26-27; также: Аристэ 1955, 26).

В южной группе языков показатели иллатива распределяются следующим образом: в эстонском употребителен суффикс -sse, но встречается и иллатив без падежного показателя. В ливском распространен иллатив с усилением первого слога, и тогда он совпадает с партитивом. К этой форме может присоединиться -Z, а односложные основы оканчиваются на -zd (во мн. числе на -ži, -zi или -Z). В водском, как и в ижорском, иллатив характеризуется удлинением гласного основы, к которому может присоединяться суффикс -sē, -sē̃.

1.11. Внешнеместные падежи.

Внешнеместные падежи образовались позже общих местных и внутриместных падежей и вошли в систему склонения, вероятно, не ранее периода финского языка основы (Хакулинен 1953, 88).

Показателем серии внешнеместных падежей в прибалтийско-финских языках является суффикс *-l*, с которым связана идея местонахождения вонне чего-либо. К нему присоединяются суффиксы первичных падежей.

На позднее происхождение внешнеместных падежей косвенно указывают имена прилагательные, своей судьбой тесно связанные с локативом. На основе адессива *-lla/-llä* образуются имена прилагательные, возраст которых обнаруживается в составных частях атрибутивного суффикса: *maa-ll-inen* 'земной' (*maa-lla* 'на земле'), *taivaa-ll-inen* 'небесный' (*taivaa-lla* 'на небе'), и т.п. В этих примерах локативное значение компонента *-ll-* суффикса очевидно, в то время как локативное и генитивное значение его компонентов *-ne-* и *-n* обнаруживается только при тщательном лингвистическом анализе. Образование серии внешнеместных падежей, вероятно, произошло, после того как *-ne* превратилось в атрибутивный показатель.

а) В финском, водском и карельском языках адессив имеет окончание *-lla/-llä* (< **-lna, -lnä*), возникшее путем соединения *-l* с суффиксом древнего локатива. В вепском, ижорском, эстонском и ливском языках, а также в диалектах карельского языка адессив оканчивается на *-l*: фин. *kala-lla*, эст. *kala-l* 'на рыбе'. Адессив также используется для выражения инструментального и притяжательного значений: *venee-llä* 'на лодке', 'лодкой' (*venes* 'лодка'); *minu-lla on talo* 'у меня есть (имеется) дом' (*minä* 'я').

Первый компонент *-l-* суффикса адессива возводят к словообразовательному суффиксу *-la/-lä*, встречающемуся в словах со значением местонахождения: *appe-la* 'дом тестя' (*appi* 'тесть', 'свекор'), *ete-lä* 'переднее место', 'юг'

(*ete-inen* 'передняя', 'прихожая'), *pohjo-la* 'север' (*pohjo-inen* 'северный') и др. (Хакулинен 1953, 77, 89; Бубрих 1955). Б.А.Серебренников считал, что *-l-* с самого начала был падежом суперессива (1963), но впоследствии обосновал происхождение показателя адессива от словообразовательного суффикса.

Л.Хакулинен дал развернутую картину эволюции адессивного форманта. По его мнению, местное значение могло появиться у наречий, аналогичных в современном финском языке *tää-llä* 'здесь' < *täyäl-nä*, *sie-llä* 'там' < *siällä* < *siyäl-nä* (корневые слова *täkä-lä* 'здешнее место' и *sikä-lä* 'тамошнее место'). В результате переразложения основы *-l-* отошло к суффиксу, который стал восприниматься как падежный формант. «В противопоставление *s* внутринеменных падежей элемент *l* стал восприниматься в качестве признака нахождения вовне» (Хакулинен 1953, 89).

Возможность участия словообразовательного суффикса *-la/-lä* в формировании серии внешнеместных падежей не исключается, но это положение требует более строгого обоснования.

Сравнение лексических пар *pohjo-la* 'север' ~ *pohjo-inen* 'северный' и *kauka-na* 'далеко' ~ *kauka-inen* 'далекий', 'дальний' как будто свидетельствует в пользу этой точки зрения на суффикс адессива. Но образование прилагательных типа *maa-ll-inen* 'земной' опровергает эту гипотезу, так как предполагает образование прилагательных от наречий. Вызывает удивление, что прилагательные на *-inen* образуются не от наречий с суффиксом адессива, а от соответствующих существительных: *täkä-lä-inen* 'здешний', *sikä-lä-inen* (а не **tää-ll-inen*, **sie-ll-inen*). Следовательно, если принять на веру традиционное объяснение образования адессива, придется предположить, что или формант *-l-* первоначально имел местное значение, или суффикс *-la/-lä* имеет косвенное отношение к адессиву. Более надежно - предположить параллельное существование суффикса существительных *-la/-lä* и форманта адессива

—*lla*//—*llä*, а выпадение **-k* в наречиях *tää-llä* < **täkä-lnä* и *sie-llä* < **sikä-lnä* указывает на его локативное значение: **-k* исчезло, потому что показателя адессива было достаточно для обозначения местонахождения.

б) Показателем внешне-отделительного падежа, аблатива, является суффикс —*lta*//—*ltä*, образовавшийся в результате присоединении к —*l* суффикса первичного аблатива —*ta*//—*tä*.

В финском и водском языках окончанием аблатива служит —*lta*//—*ltä*, в карельском —*lda*//—*ldä*, в эстонском —*lt*, в ижорском и ливском языках —*lD*: фин. *metsä-ltä*, эст. *metsa-lt* 'от леса', фин. *pello-lta*, эст. *põllu-lt* 'с поля'. В вепском языке, в ливвиковском и людиковском диалектах карельского языка аблатив по форме совпал с адессивом.

в) Окончанием аллатива, обозначающего приближение, был суффикс **-leñ*, в первоначальном виде сохранившийся в некоторых финских говорах и хэваском диалекте ижорского языка (Лаанест 1975, 57); в современном финском языке обычными являются формы с суффиксом —*len*. Суффикс **-leñ* обязан своим происхождением —*l*- и двум лативным суффиксам: вокалическому —*e*-, сохранившемуся в составном лативе водского языка —*sē* и эстонском иллативе —*s-se*, и *ñ*, вероятно, представленном в финском дативном генитиве и иллативе. Таким образом, на каком-то временном отрезке прибалтийско-финским языкам были свойственны четыре составных латива **-ne*, **-se*, *-he* и *-le*, из которых самый молодой —*le* входил в падежную парадигму, когда самый ранний **-ne*, по-видимому, уже трансформировался в атрибутивный показатель (*-i-ne*). Эволюция лативного **-leñ* предположительно происходила следующим образом: под влиянием адессива удвоилось —*l*-; **-ñ* перешло в —*n*, отпавшее под влиянием окончаний адессива —*lla* и аблатива —*lta*, т.е. **-leñ* > —*len* > —*llen* > —*lle*.

В финском языке закрепился суффикс *-lle*, употребляемый также в функции дательного падежа, в карельском — *lla/-llä*, совпавший по форме с адессивом. В эстонском языке, как и в вепском, показатель аллатива *-le*, в водском *-(l)lē*, *-(l)lē*, иногда осложненный лативным *-sē*, как и в иллативе, в ижорском *-le ~ -len*, в ливском *-l*, что лишний раз иллюстрирует возможность эволюции падежных суффиксов к праязыковому состоянию по форме и значению, параллельно форманту адессива. В ливском языке также аллатив совпал с адессивом, к тому же здесь внешнеместные падежи употребляются редко, а их функции перешли к дативу на *-n*.

Многие исследователи разделяют точку зрения на происхождение *l*-ового форманта внешнеместных падежей от словообразовательного суффикса **-l*, расходясь во мнении, к какой эпохе отнести его появление.

Ряд ученых относит формирование серии внешнеместных падежей к прафинно-угорскому периоду (Bárczi 1963, 35; Décsy 1965, 157; Bárczi, Benkő, Berrár 1967, 403).

Й.Синнеи относил *l*-овый суффикс прибалтийско-финских, пермских и волжских языков к финско-пермскому периоду, потому что возводил угорский аблативный *-l* к прафинно-угорскому *-t ~ *δ* (Szinyei 1922, 56-63). П.Равила придерживался мнения о позднем происхождении угорского суффиксального *-l*, считая, что показатель серии, *l*-овый суффикс прибалтийско-финских, пермских и волжских языков появился в результате параллельного развития.

1.12. Периферийные падежи: инструктив, комитатив, датив, эксцессив, терминатив, абессив.

а) **Инструктив** на *-n* считают падежом, хотя он находится на периферии падежной системы и образуется не от всех имен. Инструктив имеется только в финском языке. В

эстонском и водском языках, в которых конечный *-n* отпал, инструктив равен основе.

Как регулярный падеж инструктив в ед. числе не употребляется и встречается лишь в редких выражениях в качестве окаменевшего форманта: фин. *jala-n* 'пешком' (*jalka* 'нога'), *kahden* 'двоем' (*kaksi* 'два'). Как правило, инструктив употребляется во мн. числе и оканчивается на *-in*, где *-i-* - показатель мн. числа, в некоторых случаях на *-n*: *syl-in käs-in* 'голыми руками' (*käsi* 'рука'); *hyv-in* 'хорошо' (от *hyvä* 'хороший'); *kov-in* 'крепко', 'сильно' (*kova* 'твердый', 'крепкий', 'сильный'); *oike-in* 'правильно' (от *oikea* 'правильный'); *paho-in* 'плохо', 'нехорошо' (от *paha* 'плохой', 'нехороший'). Нередко формы инструктива мн. числа имеют значение ед. числа.

Считается, что инструктив восходит к финно-угорскому языку-основе и имеет общее происхождение с генитивом: формы на *-n* в функции определения к существительному дали начало генитиву, а формы, употреблявшиеся при глаголе, выделились в инструктив. Застывшие в виде наречий формы инструктива встречаются во всех финно-угорских языках, кроме хантыйского.

б) **Комитатив** в различных прибалтийско-финских языках имеет разное происхождение.

Комитатив финского языка оканчивается на *-i-ne* (Бубрих 1955, 134), формально и генетически тождественный суффиксу прилагательного на *-i-ne*, возникший в то же время, что и указанные прилагательные, но до того, как прилагательные приобрели второе *-n*, а генитив принял форму *-n* (*n* < **-ne* < **nä*), т.е. очевидно, к периоду прибалтийско-финского-саамского-мордовской языковой общности (Хакулинен 1953, 91). Таким образом, суффикс комитатива генетически представляет то же *-n*, которое характеризует *n*-овые падежи финского языка⁷, а также так называем-

⁷ Л.Хакулинен (1953, 91), ссылаясь на Пааво Равила, отождествляет показатель комитатива *-i-ne* с суффиксом эсси-

мые притяжательные прилагательные на *-ine(n)*. Надо полагать, общим происхождением комитатива и прилагательных на *-ine(n)* определяется свойство комитатива употребляться только с суффиксами принадлежности и в форме, общей для ед. и мн. числа. То есть суффикс *-i-* комитатива — это не показатель мн. числа, а формант, семантически тождественный *-i-* прилагательных (*runa-i-nen* 'красный', и *pien-i* 'маленький' и др.), отождествленному с показателем мн. числа. Иначе употребление комитатива в ед. числе невозможно объяснить; *nuor-ine tyttär-ine-si*, (где *-si* — суффикс принадлежности 2-го лица ед. числа 'твой') 'с твоей дочерью', 'с твоими дочерьми' (*nuori* 'молодой', *tyttär* 'дочь').

В карельском языке употребляется такой же комитатив, но в диалектах более употребителен комитатив на *-yke*, к которому может присоединиться суффикс эссива *-na* (*-yke-na*). В вепском языке комитатив оканчивается на *-k'e(d)*, в водском — на *-kū*, в эстонском — на *ga*, в ливском комитатив совпадает по форме с транслативом на *-ks*.

Указанные комитативы появились недавно. Считается, что комитативы на *-yke*, *-ke(d)* произошли из послелого *kerä*, другие суффиксы комитатива также восходят к самостоятельным словам. Падежей позднего образования, развившихся из послелогов, особенно много в вепском языке (ОФУЯ 1975, §103).

в) В ливском, в отличие от других прибалтийско-финских языков, есть датив на *-n*, функции которого в других языках выполняют аллатив, адессив или эссив, в финском языке также дативный генитив.

Как уже указывалось, локативные *-s-* и *-l-* явились показателями серии, соответственно, внутреннеместных и внешнеместных падежей, по-видимому, потому, что 1) были полисемантически и, как минимум, употреблялись в лока-

ва *-na/-nā*, что, думается, не совсем точно, так как оставляет без объяснения сам показатель комитатива.

тивной и лативной функции и 2) вошли в парадигму склонения до того, как произошло расщепление *и*-ового локатива на локатив и латив.

Лативный **-и* не образовал серии падежей, а в сочетании с аблативным **-t* принял участие в образовании **экссессива**, который, судя по всему, представляет собой не менее древнее образование, чем *s*-овые и *l*-овые падежи.

г) **Экссессив** выполняет функцию аблатива, ограниченную сферой профессиональной деятельности: фин. *hänt pantī pois opettaja-nt* 'его освободили от должности учителя'. Окончаниями экссессива служат *-nta// -ntä* или *-nt (-nd, -nD)* у небольшого числа существительных в ижорской, водском языках и в юго-восточных диалектах финского языка, экссессив в наречиях встречается в эстонском, ливском и в некоторых карельских говорах (Лаанест 1975, 59).

д) **Терминатив**, или предельный падеж, выделяемый в южных прибалтийско-финских языках и в вепском, - представляет собой новообразование. В эстонском языке терминатив имеет окончание *-ni*, в ливском он по форме совпадает с партитивом и иллативом (без факультативного *-Z*), в водском оканчивается на *-ssā*, а в вепском окончании *-(s)sai* обычно присоединяется к иллативу или аллативу: вод. *joge-le-ssai* 'до реки' (*joge* 'река'). Окончания *-ssā ~ -ssai* возводят к послелогам, аналогичным финскому *saakka* 'до'. В современных прибалтийско-финских языках к пространственным падежам часто присоединяются факультативные полусуффиксальные образования, восходящие к самостоятельным словам, особенно к слову 'голова' - фин. *päin*, вепс. *-pai// -pei* 'к', 'по направлению к': фин. *ete-en (-päin)* 'вперед', вепс. *jarve-le-pai* 'к озеру' (*jarve* 'озеро').

е) **Абессив**, или лишительный падеж, имеет древнюю историю, в парадигме склонения вошел позже других па-

дежей, но, вероятно, раньше терминатива и датива: фин., карел., вепс. *kala-tta* 'без рыбы', фин. *raha-tta* 'без денег' (*raha* 'деньги'). Абессив имеет следующие окончания: в финском, водском и карельском *-tta*/*-ttä*, в вепсском и эстонском *-t'a*, в ижорском *-Da(G)*. В юго-восточных диалектах эстонского языка абессив оканчивается на аспирированный гласный (*-iDa'//-iDä'* или *-nDa'//-nDä'*), что позволяет для прибалтийско-финского языка-основы реконструировать абессив в форме **-ttak*/*-ttäk*, где *-k* – лативный суффикс. Геминированное *-t-* в финском, карельском и водском пока что не нашло объяснения. Компонент *-t-* абессива тождествен суффиксу каритивных (липительных) прилагательных на *-ton*/*-tön*: *-ttoma*/*-ttömä* и имеет соответствия во всех финно-угорских языках, включая самодийские: фин. *maa-ton* 'безземельный' (многочисленные примеры дает В.И.Лыткин в примечаниях к книге: Бубрих 1955, 176).

1.13. Характеристика падежной системы прибалтийско-финских языков.

Если в семантике финно-угорских падежей рассматривать изменения как цепь взаимосвязанных преобразований, в них можно выделить несколько локативных систем: *n*-овый, *t*-овый, *s*-овый, *l*-овый, *k*-овый и *m*-овый локативы.

Локативный **-n*, функционируя параллельно лативному **-n*, в результате затемнения семантики влияет на становление генитива на *-n* и прилагательных на *-n* ввиду близости их семантики (обозначение принадлежности), в то время как *t*-овый локатив все больше используется для укрепления позиций локатива в падежной системе финно-угорских языков. Дифференциация значений локативного **-n* происходила в несколько этапов: 1) локативный **-n* (фин. *kauka-na* 'далеко'); 2) начинает использоваться в качестве латива (эст. *sii-n* 'здесь' и *sin-ne* 'сюда'); 3) затем появляются общие падежи – комитатив (фин. *kal-oi-ne(-ni)* 'с (моей) рыбой'), эссив (фин. *kala-na* '(быть) рыбой'), инструктив (фин.

jala-n ~ *jalai-si-n* 'пепком') и датив (лив. *kalà-n* 'рыбе'); 4) становление генитива на *-n* сопровождается почти полным вытеснением на периферию падежной системы локативного **-n* другими локативами, и прежде всего локативным **-t* (фин. *kala-n* 'рыбы'). При этом формант *-ne* служил как суффиксом генитива, так и адъективным показателем (фин. *kala-n* 'рыбы' и 'рыбный'). 5) Выделение *-ne* в особый адъективный показатель (эст. *lumi-ne* 'снежный') свидетельствует о том, что получивший широкое распространение локатив на **-t* начинает успешно конкурировать с генитивом на *-n*. 6) В результате ослабления генитивного (~ притяжательного) значения прилагательных возникает необходимость дублировать генитивное *-ne* (фин. *lumi-ne-n* 'снежный').

Преобразование локативных систем прежде всего обусловлено становлением грамматических категорий, в частности становлением разрядов прилагательных (Юдакин 1984, 1987) и, как следствие, расширением сферы влияния общих падежей за счет локативов.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что *t*-овый локатив постигла судьба локатива на **-n*. Локатив на **-t* 1) дает начало *t*-овому аблативу (ср. вепс. *ał-dđ* 'внизу', где *-d-* имеет локативное значение с аблативным *-d-* в *uł-dđ/uł-dđ-st* 'снаружи', 'извне')); 2) укрепляет позиции генитива на **-t/*-d* (эст. *pime* 'темный' – им. падеж и *pime-da* 'темного', где *-da* – формант генитива); 3) и через генитив влияет на становление разрядов прилагательных (вепс. *pime-d* 'темный' – *kala-d* 'рыбы', где формант *-d* является суффиксом генитива и адъективным показателем).

Функции *t*-ового локатива столь обширны, что, распределив свои функции между аблативом, генитивом и прилагательным, он уступает место новому, *s*-овому локативу, который постигнет судьба его старших собратьев.

К сказанному в этом разделе необходимо дать следующие пояснения:

1) Термин «локатив» используется нами в двух значениях: а) для обозначения собственно локатива (например, локатива на **-n*) и б) для обозначения локативной системы (например, утверждая, что *n*-овый локатив преобразуется в *l*-овый локатив, мы имеем в виду дифференциацию значений локатива на **-n* на протяжении большого промежутка времени вплоть до полного его исчезновения.)

2) Признавая смену локативных систем, мы не ставим между ними знак равенства, так как, в отличие от локатива на **-n*, *l*-овый локатив, имея значение местного падежа, чаще используется как аблатив⁸, значение *s*-ового локатива смещено в сторону латива, а в *l*-овом локативе, помимо местного значения, прослеживаются семы латива и аблатива.

Именно для обновления соответствующего значения того или иного локатива и используются вышедшие из употребления **-n* и **-t*: например, в образовании финского инессива *-ssa* < **-sna* принимает участие *n*-овый локатив, а аблатив *-lta* формирует аблативный *-t*, возникший из локативного **-t*.

Следовательно, падежную систему прибалтийско-финских языков, используя для их характеристики изменения в значении локативов, можно описать как *l*-овую локативную систему.

Если быть точным, основу падежной системы прибалтийско-финских языков составляют: 1) локативный **-n*, следы которого обнаруживаются в форманте *-n* общих падежей; 2) аблативный **-t*, возникший из древнего локатива на **-t*; 3) *s*-овый локатив (с внутриместным значением) с сопутствующим ему лативным значением⁹, на что указывают эстонский, водский и ливский языки; 4) *l*-овый локатив

⁸ Конечно же, это справедливо в отношении прибалтийско-финских языков, в других финно-угорских языках картина будет несколько иной: действующим может оказаться *n*-овый или какой-либо другой локатив.

⁹ которое обнаруживается в транслативе на *-ks*.

Изменение локативных падежных систем
В ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКИХ ЯЗЫКАХ

Adj. -ne (<*-nä)	Adj. -da (<*-ta)	(Adj. -s) ¹²	(Adj. -l) ¹¹	
Gen. -n	Gen. *-ta/*-da	(Gen. -s) ¹¹	(Gen. -l) ¹¹	
Instr. -n	Abl. -ta/*-da	Abl. *-s	(Abl. -l) ¹¹	
Lat. *-n	(Lat. *-t)	Lat. -s	Lat. -l	
Loc. *-n	Loc. *-t	Loc. *-s	Loc. -l	

разрядов
↑
становление

¹¹ Не обнаруживается в прибалтийско-финских, но возможен в других финно-угорских языках.

¹² Аблатив на -s есть в уральских языках; -s финского элатива вероятно, родственно -с^ь саамского инессива-элатива, и тогда -as финских прилагательных типа *taido-k-as* 'умелый', 'искусный' (от существительного *taito* 'умение', 'искусство') соответствует саамскому -ас: ср. саамские наречия *väl-ac* 'вниз' и *pa-яс* 'вверх' с прилагательными *kärrp-ac* 'твёрдый' (от *kärrp* 'кора') и *kjäd-ac* 'ручной' (от *kjäd* 'рука'). Впрочем, решение проблемы осложняется тем, что прилагательные саамского языка на -ас часто употребляются в функции сказуемого, выполняя роль причастия.

(с адессивным значением), передавший часть функций *l*-овому лативу

Итак, мы предлагаем рассматривать падежную систему прибалтийско-финских языков как *l*-овую локативную систему, функционирующую на фоне ослабленной *s*-овой локативной системы, которые позволяют обнаружить следы *n*-овой и *t*-овой локативных систем (на схеме жирным шрифтом выделены действующие локативные системы прибалтийско-финских языков)

РУССКО-ФИНСКО-ЭСТОНСКИЙ-ВЕПСКИЙ
ГЛОССАРИЙ

Приведем список слов, на основании которого, как мы полагаем, можно реконструировать целостную падежную систему, модификацией которой является ныне действующая в прибалтийско-финских языках. Список содержит некоторые прилагательные, наречия, производные от прилагательных, и местоимения, давшие начало ряду наречий. В словнике предпринята попытка выделить словообразовательные аффиксы, что, с одной стороны, является результатом исследований нескольких поколений финно-угроведов (в том числе нашего скромного труда); с другой стороны, у желающих проследить за ходом наших рассуждений, будет под рукой материал. И, наконец, выделение словообразовательных аффиксов в мало исследованных языках (например, тунгусо-маньчжурских) может явиться стимулом для новых исследований по сравнительно-исторической грамматике финно-угорских языков.

Русский	Финский	Эстонский	Вепский ¹⁰
<i>бедный</i>	köyhä	kehv	*bedn' ē
<i>белый</i>	valk-ea, valko-inen	valg-e	vau-g-ed
<i>близкий</i>	lähi-, lähe- inen	lähi-, lähe-da-ne	l' ähe-l' i-j - ñe
<i>близко</i>	lähe-llä	läh-ed-al	l' ähe-l' i 'вблизии'; l' ähe-le
<i>богатый</i>	rika-s, voi-pa 'зажиточ- ный'	rika-s	*bahat, kantz-a-ka-z

¹⁰ Звездочкой отмечены заимствования.

<i>богато</i>	rikkaa-sti		*bahat-as; kanz-a-kaz
<i>больной</i>	kip-eä (kipu 'боль'); saïra-s (о че- ловеке)	haig-e; valu-s	kib-ed (о мечте); hel' -ed
<i>больно</i>	kipeä-sti	valus-a-sti	kibed-as
<i>большой</i>	suuri 'круп- ный'; iso	suur-	sur' ; tobg'
<i>быстро</i>	nopea-sti; nopea-an	kiire-sti; kä- hku	hered-as, he- red-aš-t' i; hotk-as
<i>быстрый</i>	por-ea; suk- kela; vuo-las (vuo 'поток')	kiire; väle	hered; hotk; jalo
<i>вверху</i>	yl-hää-llä (ylä 'верхняя часть')	üleval; ülal	ül' ä-hä-n
<i>верхний</i>	ylä-, yl-in, yl- inen, ylä-vä	üle-mi-ne	ül' ä-hä-i n' e (ül' äh 'верх')
<i>весело</i>	iloise-sti, iloisa-sti	lõbus-a-lt	*vesл-as
<i>веселый</i>	ilo-inen, ilo- isa	lõbus; rõõ- mus	*ves' ou; ило- ka-z, ило-s' - ine
<i>весенний</i>	kevä-inen; kevät- (kevät 'весна')	kevad-ine (kevad 'вес- на')	kevaž-l' i-iñ ne (kevaž 'весна'); kevaž-a-
<i>внутренний</i>	sisä-; sisä- inen	sise-mi-ne; sise	süd' äi-mi- iñ ne (süd' äin 'внутрен- ность')
<i>водянистый</i>	vete-lä; vet- inen (vesi	vesi-ne (vesi 'вода')	vede-v; vede- hi-iñ ne 'во-

	‘вода’)		дяной’ (vez’ i ‘водā)
<i>высокий</i>	kork-ea	kõrg-e	kor-g-ed
<i>высоко</i>	korkea-sti korkea-lla; korkea-lle	kõrge-l(e)	kortt-as
<i>гладкий</i>	sil-eä; tasa- inen	sil-e	sil’ -ed; tazo ‘ровный’
<i>горький</i>	karvas; kitkerä	kibe; viha	kar-g-ed
<i>горячий</i>	kuuma; tul- inen; kiivas ‘пылкий’	kuum; tul-ine	hul; r’ äk ‘жаркий’ (и ‘жар’)
<i>густой, частый</i>	tih-eä; paksu ‘плотный’	tihe; paks	t’ ih-ed; paks ‘частый’; sag-ed
<i>далеко</i>	kauka-na; etää-llä	kauge-l(e); kauge-lt ‘издалека’	edaha-ks; (куда); pit’ ka-l’ i (сл. pit’ k)
<i>дикий</i>	villi	met-s, met- sik; toores	arg ‘путли- вый’
<i>длинный</i>	pit-kä (pituus ‘длина’)	pikk (pikkus ‘длина’)	pit’ k
<i>дождливый</i>	sate-inen (sade ‘дождь’)	vihm-a-ne (vihm ‘дождь’)	vihm-a-s’ i- i n’ e (vihm, ~ an ‘дождь’)
<i>дорого</i>	kalli-i-lla, kalli-i-sta	kalli-ks, kalli- lt	kalthos
<i>дальний</i>	kauka-inen, kauko-	kaug(e); kauge-lasu-v	eda-ha-n (и ‘далеко’) eda-ha-i ne; tag’ e-i ne
<i>деревянный</i>	pu-inen; puu-	pu-ine (puu	pu-i-ne (pu

<i>дорогой</i> <i>железный</i>	kallis raudan-; rauta-inen (rauta 'желе- зо')	'дерево') kallis raud-, raud- ne (raud 'же- лезо')	'дерево') kal' l' iž raud-a-i-ñe (raud 'желе- зо')
<i>желтый</i>	kelta-, kelta- inen	kolla-ne	paку-iñe
<i>живой</i>	elä-vä (elämä 'жизнь'; elää 'жить')	ela-v; elus (elu 'жизнь'; ela-ma 'жить')	el' ä-b (ело 'жизнь'; el' ä-da 'жить')
<i>жидкий</i>	vete-lä	vede-l; vesi- ne (vesi 'во- да')	vede-v 'во- дянистый' (veži 'вода')
<i>жирный,</i> <i>толстый</i>	liha-va (liha 'мясо')	liha-v (liha 'мясо')	l' ihä-v; (l' ihä 'мясо')
<i>здоровый</i> <i>зеленый</i>	terve vihr-eä; (ди- ал. vihe-rä); viha-nta 'цветущий')	terve roheli-ne; haljas.	t'erv-eh viher 'моло- дой'; vihand 'зеленый'
<i>зимний</i>	talv-inen (talvi 'зима')	talve-, talvi- (ne), tali- (talv 'зима')	tauv' e-l' i- i ñe (tauv' 'зима')
<i>зрело</i> <i>зрелый, спе- лый</i>	kypsä-sti kypsä	küps	küps
<i>каменный</i>	kiv-inen (kivi 'камень')	kivi-ne; kivi- st; kivi- (kivi 'камень')	kivi-ñe; kive- sí-ñe (kivi 'камень')
<i>кислый</i>	hapan(-)	haru	mučker (о молоке); mui-g-ed
<i>короткий</i>	lyhy-t	lūhi-ke	l' ühu-d

<i>коротко</i>	lyhy-e-sti	lūhi-da-lt	kudamb?
<i>который</i>	joka, mikä?	kes; mis?	čom-as; čom-
<i>красиво</i>	kaunti-i-sti	ilus-ti; ilusa-	iñ
<i>красивый</i>	*kaunis; soma; iha-na (Диал. iha 'прелесть')	*kaunis; ilus (ilu 'краса'); nāgus (nāgu 'лицо')	čoma; kāb- ed; rusk-ed (и 'красный')
<i>красный</i>	puna-, puna- inen	puna-, puna- ne	kāb-ed; rusk- ed
<i>криво</i>	väärää-ssä	köverdi, köveriti; viltu	vār' -iñ
<i>кривой</i>	käyrä; väärä	köver; viltu- ne	kover; vār; koñak
<i>круглый</i>	pyör-eä; ym- päri 'весь'	üm-mar-; üm-margu-ne	kehk-er
<i>левый</i>	vasen	vasak	hur
<i>легкий, не- тяжелый</i>	kev-yt; kev- eä	kerge; hõl- p-us	kebn
<i>легко</i>	kevy-e-sti, keve-ä-sti	kerge-sti, kerge-lt	kebn-as
<i>летний</i>	kesä-, kesä- inen (kesä, suvi 'лето')	suve-, suvi-ne (suvi 'лето')	keza- (keza 'лето'); keza- l' iñ -n' e; keza-l' -n' e sod
<i>маленький</i>	pien-i, pien- inen, pikku(-)	väike; pisiki- (ne)	peñ; piču-iñe
<i>мелкий</i>	hieno	peen, peenike	hen
<i>мерзлый, промерзший</i>	routa-inen	külm-unu-d	kül' m
<i>мокрый</i>	märkä	märg	märg
<i>молодой</i>	nuori	noor	noor' (noor' -en 'в моло- дости')
<i>мутный</i>	sam-ea	soga-ne	sog-ed 'сле-

<i>нагой, голый</i>	alaston; pal-jas	alasti; palja-s	пой' alasto-i
<i>небесный</i>	taivaa-ll-inen; taiva-an- (taivas 'небо')	taeva-; taeva- lik (taevas 'небо')	taiva-l' i- i n' e (taivaz 'небо')
<i>нижний</i>	ala-; al-in; al- i-ne-n; (ala 'низ')	alus 'основание'; alu-mi-ne	ала-ha-in' e; алѣmba-in' e (алаh 'низ')
<i>низкий, не- высокий</i>	mata-la; al- ha-i-ne-n	mada-l	mada-l; ала- ha-ni 'распо- ложенный внизу'
<i>низменный, низинный</i>	ala-va	mada-l	alan-goka-z; alav
<i>новый</i>	uusi	uus	uz
<i>ночной</i>	yö-ll-ine-n (yö 'ночь'); öine-n; yö-	öö-si-ne (öö 'ночь'); ö- ine; öö-	öl' n' e (ö 'ночь'); üi- n' e
<i>обширный, широкий</i>	la-v-ea; laaja; lak-ea; avara	lai; laialda- ne; avar	l' ev-ed avar 'сильный' (о боли)
<i>пестрый</i>	kirja-va (kirja 'узор', 'кни- га')	kirju; kire-v	kirg' ä-u (~kirja-u <i>Рес</i>) (kirg' 'письмо')
<i>плохо</i>	huono-sti; paha-sti; pah- oi-n; kehno- sti	halva-sti; paha-sti	<i>hond-os Р~</i> hond-oi-n' ; huba-s
<i>плохой</i>	paha; huono; kehno	paha; halb; vilets	paha 'злой'; hond; huba
<i>правильно правый</i>	oik-ei-n oik-ea	õig-e-sti õig-e 'пра-	oig-ed

<i>пресный</i>	mak-ea (o voде)	вильный' mag-e	mag-ed 'сладкий'
<i>прилежный</i>	ahkera	hoolas; usin	*ret' ivi
<i>прохладный</i>	viil-eä	vilu; karge; jahe	vilu; kau-g- ed
<i>прямо</i>	suora-an; suora-ssa	otse; otse- teed; vahetu- lt	oikta-ha; oikt-a-s; oikt- a-лe
<i>прямой, ров- ный</i>	suora; oik-ea	sirge; õig-e	oig-ed
<i>редкий</i>	harva; ohut 'тонкий'	harv	harv
<i>свежий</i>	raikas (o воз- духе)	karge; jahe; vilu	lah-ed (o voде); resk; vilu 'холод- ный'
<i>свободный</i>	vapa-a (vapaus 'сво- бода')	vaba (vaba-d- us 'свобода')	g' üud-ai 'праздный'
<i>сельский</i>	kylä-; maa- la-inen; maa- se- 'земной'	küla-; maa-; põllu-	kül' ä-hi- i n' e
<i>серый</i>	harma-a		hahk
<i>сильный</i>	voima-kas; väke-vä (voima, väki 'сила')	võima-a	kambak; väge-v (vägi 'сила')
<i>синий</i>	sini-nen (sini 'синева')	sini-ne (sina 'синева')	sin' i-n' e
<i>скользкий</i>	lipe-vä 'лестивый'	libe	l' ib-ed
<i>сладкий</i>	liu-kas mak-ea	mag-us	mag-ed (magu 'вкус')

<i>снежный</i>	lum-inen (lumi 'снег')	lumi-ne; lume- (lumi 'снег')	lume-ka-z; lume-s' i- i n' e (lumi 'снег')
<i>средний</i>	keski-; keski- mmä-inen	kesk-; kesk- mi-ne	kes' k-mä- in' e
<i>старый</i>	vanha	vana	vanh
<i>страшный, ужасный</i>	kauh-ea (kauhu 'страх')	kohu-ta-v; himm-us	opak 'жут- кий'
<i>сухой</i>	kuiva	kuiv	kuiv
<i>сырой</i>	kost-ea; raaka 'влажный'	niiske; röske	vede-ka-z 'пропитан- ный влагой'
<i>твердый</i>	kova	kova	kova
<i>темно</i>	pimeä-sti; hämärä-sti	pime-da-lt; hämara-lt	pimed-as 'в темноте'
<i>темный</i>	pim-eä; hä- märä 'су- мрачный' (hämy 'су- мерки')	pim-e; hämar (hämärus 'сумерки')	pim-ed; hä- mär 'сумер- ки'
<i>тепло</i>	lämpimä-sti	sooja-lt	
<i>теплый</i>	lämmin	soe	l' äm'
<i>тихий, спо- койный</i>	hilja-inen	tasa-ne; vaik- ne	hil' l' 'спо- койный'; hil' l' ä-in' e
<i>тихо</i>	hiljaa	tasa; vaikse-lt	hil' l' -äs; hil' l' -ä-š-t' i
<i>толстый</i>	paksu	paks	paks 'густой'
<i>тонкий</i>	ohu-t	õhu-ke	hen; hoik (и 'мелкий'); hoikā-n' e
<i>умный</i>	äly-käs; järke-vä (äly, järki 'ум')	aru-kas, tark (aru, oid 'ум')	mel' üc; tark 'способный'

<i>холодный</i>	kylmä (и 'холод')	külm (и 'хо- лод')	kaj-ed; kül' m 'мерзлый'
<i>хороший</i> <i>хорошо</i>	hyvä hyv-in	hea; tubli hä-sti; tubli- sti	hüvä hüv-in' ; hüv' -äš-t' i P
<i>черный</i>	musta	must	must; must- an 'черным- черно'
<i>широкий</i>	laaja; lev-eä; avara 'об- ширный'	lai; laialda- ne; avar	l' ev-ed
<i>широко</i>	leveä-sti; laaja-sti	laia-lt	l' ev-ed-a-l' i Ктл; l' eved-as
<i>ясный, свет- лый</i>	kirkas; kuulas	selg-e; helge; *hele	sel' -g-ed J; süü-g-ed, kajoz (о не- бе); puud (о дне)
<i>вблизи</i> <i>вверх</i>	lähe-llä yl-ö-s	lähe-da-l ül-e-s	l' ähe-лe ül' -e-z; ül' ä- hä-ks
<i>вверху</i> <i>весной</i>	yl-hää-llä kevää-llä (kevät 'весна')	ül-ev-a-l, ülal kevad-e-l (kevad 'вес- на')	ül' ähä-n (kevaž 'весна')
<i>вечерний</i>	ilta-; ilta-inen	öhtu-; öhtu- ne	eht-an (eht 'вечер'); eht- a-l' ii-ne
<i>вечером</i>	illa-lla (ilta 'вечер')	öhtu-l (öhtu 'вечер')	eht-an
<i>вниз</i>	ala-s	al-l-a; ala-s- pidi	ala-z; al-ha- ks
<i>внизу</i>	al-haa-lla	al-l	ала-һа-һа- алаһа-l' i

<i>внутри</i>	sisä-llä	see-s	‘понизу’ süd’ äime-s
<i>внутри</i>	sisä-än, sisä- lle	sis-se	süd’ äime-he
<i>вперед</i>	ete-en(päin) (etu- ‘перед- ний’); ede-lle	ette; eda-si	ede-he
<i>впереди</i>	ede-ssä, ede- llä	ee-s	ede-s; ez’ iü
<i>вчера</i>	eil-en	cil-e	egnai (~ egl’ ē) <i>Krh</i>
<i>где?</i>	mi-ssä?	ku-s?	mi-s?, ku-s?
<i>днем</i>	päivä-llä, päivi-si-n (päivä ‘день’)	päev-a-l (päev ‘день’)	(päiv ‘день’)
<i>завтра</i>	huom-en-na	hom-me	hom-en
<i>здесь</i>	tää-llä, tä-ssä	sii-n	t’ ä-s; t’ ä-ga- u; sid’; naku(-s) naku-s-l’ i ‘по этому месту’
<i>зимой</i>	talv-e-lla (talvi ‘зима’)	talv-c-l (talv ‘зима’)	tauv’ -ü-ц (tauv’, tal’ v <i>J</i> ‘зима’, ‘зимний’
<i>изнутри</i>	sisä-ltä	see-st	süd’ äime-s- päi
<i>какой?</i>	milla-inen?	mill-i-ne?	mit’ t’ e?
<i>когда?</i>	ko-s-ka, mil- loin?	ku-na-s, mil- lal?	ko-n-z
<i>куда?</i>	mi-hin?, mi- n-ne?, jö-n- ne?	ku-hu?	ku-na?, mi- he? (и ‘почему?’)
<i>летом</i>	kesä-llä (kesä	suv-e-l (suvi	keza-u (keza

	'лето'); suv-e-na	'лето')	'лето')
<i>наверх</i>	ylö-s; pää-lle (pää 'голова')	üle-s; pea-le (pea 'голова')	ül' ähä-ks(- päi)
<i>наверху</i>	yl-hää-llä	ül-ev-al; ül-a-l	ül' ähä-n; ül' ä-hä-l' i 'поверху'
<i>назад, об- ратно</i>	taa-kse, taka- i-sin	taga-si	taga-ze
<i>ночью</i>	yö-llä, öi-si-n (yö 'ночь')	öö-se-l, öö-si (öö 'ночь')	
<i>осенью</i>	syksy-llä, syksy-i-sin (syksy 'осень')	sügis-e-l (sü- gis 'осень')	sügüz-uu (sügüz 'осень')
<i>отсюда</i>	tää-ltä; tä-stä	sii-t	naku-s-päi; tä-s-päi
<i>оттуда</i>	sie-ltä; tuo-lta	sea-lt	sigau-päi
<i>позади</i>	taka-na; perä- llä, (+ Gen.) perä-ssä mi-ksi?	taga; järe-l (+ Gen.)	taga-n; taga (+ Gen.)
<i>почему?</i>		mi-ks; mi-s- pära-st	mi-da?, mi- he? mi-kš?
<i>сверху</i>	yl-hää-ltä (о направле- нии); pinna- lla, pää-llä (местонахо- ждение)	ül-e-va-lt; pea-lt; pea-l- pool; üla-l- pool; ül-a-lt	ül' ä-ham-päi (adv.) (от- куда); päu- päi (с по- верхности чего-либо)
<i>сегодня</i>	tänä-än	täna(päev)	t' ämbäi
<i>сзади</i>	taka-na (о местонахо- ждении); taka-a (+ Gen.) (о на-	taga; taga-nt; takka (+ Gen.) (откуда)	taga-na (где); taga-päi (от- куда)

<i>снизу</i>	правления) al-ta; al-haal- ta (о направ- лении); alla; al-haa-lla (о местонахо- ждении)	al-t	alahan-päi
<i>спереди сюда</i>	ede-stä tän-ne; tä-hä-n	ee-st (+ Gen.) sii-a; sin-ne	ez' üu-päi t' äñ-na; si-he 'на это ме- сто'; täñna- sa-i 'до этого места'; nakhu; si-gau (si-ga); si-g' ä-na; nakka-l' i 'по тому месту'; siga-l' i ~ siga-či Sod 'тем пу- тем' siga-la- i n' e 'та- мошний'
<i>там</i>	tuo-lla, sie-llä	sea-l	si-lo ~ si-l- oi; se (part. si- da) (и 'этот') si-n-na; nakka-na (-päi) homes-uu (homes 'утро'); homen-ouu J t' ämä; n' e-
<i>тогда, в то время тот</i>	si-ll-oi-n; tuo-ll-o-in tuo; se	sii-s too; see	
<i>туда</i>	si-n-ne; tuo- n-ne	si-n-na; si- nna-poola	
<i>утром</i>	aamu-lla, aamuisi-n (aamu 'утро')	hommik-u-l (hommik 'утро')	
<i>этот</i>	tämä, tuo; se	see	

<i>третий</i>	kolm-as (kolme 'три')	kolm-as (kolm (kolm 'три')	се; се (и 'тот') kuɥman-z' (kuɥme 'три')
<i>четвертый</i>	nelj-äs (neljä 'четыре')	nelj-as (neli 'четыре')	n' el' l' an' - z' (n' el' l' 'четыре')

Глава вторая. ТИПОЛОГИЯ ПАДЕЖНЫХ СИСТЕМ: СААМСКИЕ, ВОЛЖСКИЕ И ПЕРМСКИЕ ЯЗЫКИ.

2.1. Система падежей в саамских, волжских и пермских языках.

2.1.1. Саамы и их язык.

Саамский язык — язык небольшой народности саамов, населяющих северную часть Норвегии, Швеции, Финляндии и Кольский полуостров — относится к финно-угорской семье языков. Он располагает общим с другими финно-угорскими языками словарным фондом и грамматическим строем. Имя ряд архаических черт в области фонетики и грамматики, саамский язык тем не менее ближе всего стоит к прибалтийско-финской группе языков, нежели к другим группам финно-угорских языков

Во всяком случае, так принято считать. Грамматический строй саамского

языка, как и прочих урало-алтайских языков, характеризуется ярко выраженной агглютинацией, характерной для всех других финно-угорских языков.

В саамском языке выделяют до 29 диалектов, объединенных общностью фонетики, морфологии и лексики (Lagercrantz 1938, 1195). В настоящее время диалекты саамского языка выделяют в

А. И. ШЁГРЕН
(1794—1855)

три группы — западнос, южнос и восточнос наречия, сильно отличающиеся друг от друга. В саамском языке насчитывается восемь (в диалектах до десяти) падежей. В западных диалектах отсутствуют партитив и эссив мн. числа, в восточных партитив и эссив имеют лишь формы ед. числа (*Керт* 1975, 220).

В своем исследовании мы рассматриваем саамский язык вместе с волжскими и пермскими, потому что, как нам кажется, это даст возможность выявить сходство и различие в образовании прилагательных прибалтийско-финских, с одной стороны, и волжских и пермских языков, с другой стороны, а также степень участия системы локальных падежей в формировании имени прилагательного как части речи.

2.1.2. Общая характеристика волжских и пермских языков.

Волжскую группу финно-угорских языков составляют два близкородственных языка мокша-мордовский (или мокшанский) и эрзя-мордовский (или эрзянский)¹, а также марийские языки — лугово-восточный марийский и горномарийский. Благодаря большому сходству фонетики, грамматического строя и лексики мордовских языков, их носители при общении понимают друг друга. Точно так же отличаются друг от друга и марийские языки. Первые упоминания о мордве и марийцах в письменных памятниках известны с VI в. н.э.

Пермскую ветвь финно-угорской семьи языков составляют удмуртский, коми-зырянский и коми-пермяцкий языки, состоящие в очень близком родстве.

После отделения угров предки пермских народов в первом тысячелетии до н.э. обособились от прибалтийско-финских языков. В этот период, называемый общепермской эпохой и длившийся около полутора тысяч лет, сложились особенности, отличающие пермские языки от других финно-угорских языков.

Система падежей в любом языке имеет свою историю. Одна система сменяет другую, восстановление которой приобретает большое значение не только для сравнительно-исторического языкознания, но и для восстановления истории народов, так как

¹ Мордовская ветвь волжской группы финно-угорской языковой семьи.

Падёж	Саамский	ВОЛЖСКИЕ ЯЗЫКИ			
		Мордовские языки		Марийские языки	
		Мокшанский	Эрзянский	Лугово-восточный	Горно-марийский
<i>Ед. число</i>					
Номинатив	кўль 'рыба'	сёрма 'письмо'	сёрма	кап 'туловище'	пёрт 'дом'
Генитив	кўль	сёрма-нь	сёрма-нь	кап-ы-н	пёрт-ы-н
Аккузатив	кўль	—	—	кап-ы-м	пёрт-ы-м
Эссив	кўлл-ень	—	—	—	—
Датив	куэлл-а	сёрма-н-ди	сёрма-не-нь	кап-ла-н	пёрт-ла-н
Иллатив	куэлл-а	сёрма-с ²	сёрма-с	кап-ы-ш(ке)	пёрт-ы-ш(кы)

² В эрзянском языке: иллатив имеет вариант -в, пролатив -га, аблатив -то (и др. по гармонии гласных). В мокшанском языке: иллатив имеет варианты -у и -в, инессив -ца, элатив -цта, пролатив -ка и -га, аблатив -та.

Падеж	Саамский	ВОЛЖСКИЕ ЯЗЫКИ			
		Мордовские языки		Марийские языки	
		Мокшанский	Эрзянский	Лугово-восточный	Горно-марийский
Обстоят.п.	—	—	—	кап-е-ш	пöрт-е-ш
Инессив	кӯл-есть	сёрма-са	сёрма-со	кап-ы-ште	пöрт-ы-шты
Элатив	кӯл-есть	сёрма-ста	сёрма-сто	—	—
Аблатив	—	сёрма-да	сёрма-до	(маска-де) ³	—
Пролатив	—	сёрма-ва	сёрма-ва	(маска-ге)	—
Компаратив	—	сёрма-шке	сёрма-шка	(маска-ла)	—
Комитатив	кӯлл-ень	—	—	(маска-ге)	—
Абессив	кӯль-ха	сёрма-фтома	сёрма-втомо	—	—
Транслатив	—	сёрма-кс	сёрма-кс	—	—
Каузатив	—	сёрма-н-кс-а	—	—	—

³ В марийском языке отмеченные формы считаются падежеобразными формами существительных: *маска-де* 'без медведя', *маска-ге* 'с медведем', *маска-ла* 'как медведь'.

Падеж	ПЕРМСКИЕ ЯЗЫКИ				
	У д м у р т с к и й		Коми-пермяцкий	Коми-зырянский	
<i>Ед. число</i>					
Номинатив	ма?, мар?	что?	пурт 'нож'	пурт	пурт
Адессив (род. падеж)	ма-лэн?	чего?, у чего?	пурт-лэ-н	пурт-лѳ-н	пурт-лѳ-н
Аблатив (притяж. падеж)	ма-лэсь?	у чего?, от чего?	пурт-л-эсь	пурт-л-ісь	пурт-л-ысь
Аллатив (дат. падеж)	ма-лы?	чему?	пурт-лы	пурт-лѳ	пурт-лы
Аккузатив	ма-е?	что?	пурт, (~ эз)	пурт, (~ ѳс)	пурт, (~ ѳс)
Инструменталис (тв. падеж)	ма-ин?	чем?, с чем?	пурт-эн	пурт-ѳн	пурт-ѳн
Комитатив (соед. падеж)	—	—	—	пурт-кѳ-т	пурт-кѳ-ѳ
Абессив (лишит. падеж)	ма-тэк?	без чего?	пурт-тэк	пурт-тѳг	пурт-тѳг
Компаратив (сравнит. падеж)	—	—	—	пурт-ся	—
Наречный п.	ма-я?	согласно чему?	пурт-ъя	—	—
Консекутив (достигат. п.)	—	—	—	пурт-ла	пурт-ла
Инессив (местный п.)	кы-т-ын?	где?	пурт-ын	пурт-ын	пурт-ын

Падеж	ПЕРМСКИЕ ЯЗЫКИ				
	Удмуртский			Коми-пермяцкий	Коми-зырянский
Элатив (исходный п.)	кы-т-ысь?	откуда?	пурт-ысь	пурт-ісь	пурт-ысь
Иллатив (вступит. п.)	кы-т-чи?	куда?	пурт-э	пурт-ѳ	пурт-ѳ
Аппроксиматив ⁴ (направ. падеж)	ку-ѳ-лань?	по направлению к чему?	пурт-ла-нь	пурт-ла-нь	пурт-ла-нь
Эгрессив (отдалит. п.)	кы-т-ысен?	от чего?, откуда?	пурт-ыс-ен	пурт-ся-нь	пурт-ся-нь
Пролатив (переходный п.)	кы-т-ӣ	по какому месту?	пурт-е-т-ӣ	пурт-ѳ-т	пурт-ѳ-ѳ, пурт-і
Терминатив (предельный п.)	кы-т-чы-озь?	докуда?	пурт-озь	пурт-ѳ-ѳз	пурт-ѳ-ѳз
Множ. число					
Номинатив	ма-ос?	что?	пурт-ъёс	—	—
Адессив	ма-ос-лэн?	—	пурт-ъёс-лэн	—	—
Аллатив	ма-ос-ты?	—	пурт-ъёс-ты,	—	—
	ма-ос-ыз?		пурт-ъёс-ыз		

⁴ В удмуртском языке употребление аппроксиматива ограничено некоторыми наречными образованиями.

более древние системы хранят следы родства или контактов данного народа с другими.

Для реконструкции бывшего состояния падежной системы большой материал представляют наречия и послелогии, так как они изменяются медленно и долго сохраняют осколки прежних систем, отодвинутые к периферии языка. В этом отношении особенно консервативны диалекты, сохраняющие архаические формы, утерянные литературным языком.

Послелогии пермских языков мало что дают для реконструкции прежних систем, так как представляют собой новообразование и, в отличие от послелогов волжских языков, содержат лишь незначительное число архаических падежных окончаний. Кроме того, падежная система пермских языков, хотя и состоит из большого числа падежей, отличается удивительным однообразием: существительные изменяются по 15 падежам в удмуртском языке, 16 падежам в коми-зырянском и 17 падежам в коми-пермяцком языке, по количеству падежей уступая только венгерскому языку. Большая часть падежей приходится на локальные падежи, даже родительный и дательный, традиционно называемые субъектно-объектными падежами, как и в волжских языках, восходят к локативам. Ряд словообразовательных суффиксов существительных, прилагательных, а также глаголов, причастий и деепричастий материально совпадают с показателями некоторых локальных падежей, указывая на былой синкретизм имени и глагола. Кроме того, в отличие от прибалтийско-финских языков, имя существительное пермских языков имеет притяжательное склонение, по-видимому, утасающее в прибалтийско-финских и саамских языках, и особое определенно-личное склонение.

Каждый из пермских языков имеет некоторые специфические, свойственные лишь ему падежи: в коми языке есть конскутив, или достигательный падеж (*ёрт-ла* 'за товарищем', *ёрт* 'товарищ'; *чак-ла* 'за грибами', *чак* 'грибы'), и комитатив, или соединительный падеж (*ёрт-кӧд* 'с товарищем'; *морт-кӧд* 'с человеком', *морт* 'человек'), отсутствующие в удмуртском языке, а в удмуртском есть наречный падеж, в современном языке коми вышедший из употребления (*бусы-я*, *луд-ъя* 'по полю', *бусы*, *луд* 'поле').

Специфические падежные формы имеются в диалектах пермских языков: так, например, в коми-пермяцком языке и южных говорах коми-зырянского языка есть преклюзив. или сравнительный падеж (*ёрт-ся* 'сравнительно с товарищем', *морт-ся* 'по сравнению с человеком'), и др. (Серебренников, 1963, 7—8; Тепляшина, Лыткин, 1976, 102 — 115).

В мордовских языках существуют три типа склонений: основное, притяжательное и указательное. В марийских языках два типа склонения: основное и притяжательное. Марийские имена существительные имеют 7 падежей, в эрзянском 11 падежей, в мокшанском — 12. Дополнительный падеж, отличающий падежную систему мокшанского языка от эрзянской системы, — каузатив (причинный падеж): *алаша-нкса* 'из-за лошади' (*алаша* 'лошадь'). Обобщая результаты предыдущих исследований, Б.А.Серебренников реконструирует систему локальных падежей для эпохи раздельного существования мордовских (1967, 36) и пермских (1963, 46), а также для прамарийского языка.

2.2. Эволюция падежной системы саамских языков.

2.2.1. Близость имени и глагола в саамских языках.

Сравнительная грамматика финно-угорских языков фактически не идет дальше констатации фактов, что в саамском есть или отсутствует грамматическое явление, существующее в той или иной группе финно-угорских языков. Поэтому в настоящее время не только нет оснований говорить о сравнительно-исторической грамматике саамского языка, но и о сколько-нибудь историческом подходе к фактам языка, несмотря на наличие серьезных работ по саамскому языку (Керт 1975). Поэтому у нас есть возможность лишь наметить перспективу сравнительно-исторического изучения саамских языков.

При первом подходе к грамматике саамских языков обращает на себя внимание близость глагольных и именных категорий: *пулл-е* 'гореть', 'горячий'², *нёлльк* 'голод', 'голодный'. Употреб-

² Так дает 'Саамско-русский словарь' под ред. Р.Д.Куруч. Очевидно, в данном случае глагол употребляется и как предикатив в значении 'быть горячим'. Словарное значение 'горячий' для глагола 'гореть' не выражает сущности явления. Как здесь, так и далее в русской графике

ление существительного *нёллк* в атрибутивной и предикативной функции указывает на былую недифференцированность субстантива, атрибутива (атрибутивного имени) и предикатива: ср. *нёллк нэввт* 'голодный зверь', *пуаз лй нёллк* 'олень голоден' и *нёллк-есь палт-эсь* 'голодный волк'. Последний пример свидетельствует о том, что саамский язык развивался в сторону разграничения предметного и атрибутивного имени (*нёллк* 'голод', 'голодный', 'быть голодным' → *нёллк-есь* 'голодный', *нёллк* 'голод'), а также о возможности субстантивации атрибутивных имен (в существительном *палт-эсь* мы усматриваем тот же суффикс, что и в прилагательном *нёллк-есь*).

В саамском языке довольно употребительны суффиксальные прилагательные, но не менее частым является использование имени существительного в предикативной функции, то есть в функции сказуемого: *роамм нэййв* 'радостный день' (букв. 'радость-день'), *тэлльв кёджь* 'зимы конец' (т.е. 'конец зимы'), *чадзь вэоз* 'мокрый снег' (букв. 'вода-снег').

Предикативы — это имена существительные и прилагательные, употребляющиеся преимущественно или только в функции сказуемого, и, следовательно, в определенной степени сближающиеся с глаголом. Некоторое представление о предикативах дают русские предикативные наречия и прилагательные, например, *рад* в предложении *я рад*.

О близости предикатива и глагола можно заключить на основе формального сравнения примеров: *нёллк-0-э* 'быть гладким, ровным' (где *0* обозначает нуль звука, нулевую морфему), *нёллк-иэ* 'считать гладким, ровным', *нёллк-н-э* 'сделаться гладким, ровным', *нёллк-ье* 'делать гладким, ровным'. Следовательно, предикатив отличается от глагола того же корня отсутствием суффикса (-э — предикативный показатель).

Глагол *нёллк-ье*, замыкающий ряд примеров, содержит указание на возможность чередования основ при образовании глагольных форм, что показывают другие примеры: *нёллк* 'голод', 'голодный', 'быть голодным', *няллк-э* 'проголодаться', 'умереть с голоду', *муни ниллк-э* 'я проголодался', *сбни няллк-э* 'он умер с

голоду'. Другие примеры: *абър* 'дождь' — *аббр-э* 'идти' (о дожде), *ял* 'жизнь' — *элл-е* 'жить'.

С точки зрения формальной глагол *вйрр-э* 'доверять' ничем не отличается от следующих прилагательных, получающих в предикативном употреблении (в функции сказуемого) показатель *-э* (*~э*) (Керт 1966, 160): *руппс-э* 'красный', *вйллк-э* 'белый', *элл-э* 'высокий', *мбдж-е* 'красивый' и др. В атрибутивной функции предикативы употребляются с суффиксом *-сь*: *руппс-е-сь* 'красный', *вйллк-е-сь* 'белый', *элл-е-сь* 'высокий', *мбдж-е-сь* 'красивый'.

На близость имени и глагола указывают и параллельные производные формы от глагола и имени. Ср.: *вйрр* 'холм', 'гора', *вйрр-яй* 'холмистый', 'горный', *вйрр-е-сь* 'то же'; *вйрр-э* 'доверять', *вйрр-яй* 'доверчивый', *вйрр-есь* 'то же'. Обе формы *вйрр-яй* употребляются, как правило, в функции сказуемого, т.е. суффикс *-ай*, образующий причастие от глагола, перевел и именную форму в разряд причастий; для форм с суффиксом *-е-сь* характерно атрибутивное употребление. Тот же суффикс *-е-сь*, образующий прилагательные от имен существительных, образует атрибутивные имена от глаголов: *вйр-е-сь* 'лесной' от *вйррь* 'лес', *эгк-е-сь* 'терпеливый' от *эгк-е* 'терпеть', *кыжсьд-е-сь* 'скрипучий' от *кыжсьд-э* 'скрипеть'. Очевидно, образованные от глагольных основ имена с суффиксом *-е-сь* имеют не столько атрибутивный, сколько причастный характер.

2.2.2. О возможности генетического родства суффиксов существительных и глагола в саамских языках.

Близость имени и глагола на фонетическом и морфологическом уровнях подкрепляется суффиксальной системой языков на уровне слово- и формообразования.

Особенно обращает на себя внимание сходство падежных формантов и некоторых суффиксов существительных, глаголов, прилагательных и наречий.

Суффикс ряда наречий *-ас*, обозначающий направление, формально совпадает с суффиксом прилагательных, сообщаящим имени возможность (преимущественного) предикативного употребления, и с суффиксом существительных, который образует

имя от предикатива: *вэл-ас* 'вниз', *кэ́рр-ас* 'твердый' (от *кэ́рр* 'кора'), *кэ́лм-ас* 'холод', 'стужа' (от *кэ́лм* (сказ.) 'холодный', где (сказ.) означает, что указанная форма чаще употребляется в функции сказуемого).

Прилагательные и существительные с суффиксом *-е-сь* сходны с одной из форм имен существительных в местном падеже: *кй́л-е-сь* 'лгун', 'лгунья' (от *кй́лл* 'язык'), *пёййв-е-сь* 'днем' (*пёййв* 'день').

Наречие в форме дательного-направительного падежа сходно с глаголом в основной форме: *гоарр-э* 'по направлению к' — *кй́һч-э* 'смотреть'; *ёввт-э* 'навстречу' — *ёввт-э* 'очередной'. Ср. также: *вё́сьт* 'встреча', но *вуэ́ст-а* 'навстре-чу' и *вуэ́ст-лэ* 'встречать' и т.д.

Наречия места и времени с суффиксом *-э-ль* формально не отличаются от атрибутивных имен и прошедшего времени глагола с суффиксом *-э-ль*: *ёввт-эль* 'раньше', 'прсжде' (*ёввт* 'передний'), *вы́шш-эль* 'старательный', 'работящий' (*вы́шш-е* 'хотеть', 'желать'), *й́ввт-эль* 'согревал' (*й́ввт-лэ* 'согреть').

2.2.3. Связь инессивно-лативного *-е-сь* с суффиксом прилагательных на *-е-сь*.

В склонении саамского имени по падежам, по-видимому, не последнюю роль играет основа слова. В зависимости от чередования согласных и от мягкости и твердости основа может быть четырех типов: сильной твердой (*мурр* 'дерево' — номинатив ед. числа), сильной мягкой (*мурр-е* — датив-иллатив ед. числа), слабой твердой (*мур-ха* — абессив ед. числа), слабой мягкой (*мур-я* — деминутив). Тип основы не обслуживает определенные падежи, но в их использовании, по-видимому, есть некоторая закономерность: сильная основа выявляется в номинативе и эссиве ед. числа, генитиве и эссиве мн. числа; от сильной основы, часто с умлаутом, образуется датив-иллатив ед. числа (именно к этой форме, насколько можно судить, наиболее охотно присоединяются глагольные суффиксы: *кё́лль* 'рыба' — *кё́лл-а*; ср. также: *вуэ́ст-а* 'навстречу' и *вуэ́ст-лэ* 'встречать' при *вё́сьт* 'встреча'); в остальных падежах выступает слабая основа, мягкая или твердая. Замечательным является тот факт, что существи-

тельные в генитиве, аккузативе ед. числа и номинативе мн. числа совпадают по форме. Еще один важный момент: сильная основа имени противопоставляется слабой. Это историческое явление можно сформулировать иначе: прямая основа (основа им. падежа ед. числа), на наш взгляд, исторически являющаяся более древней (и от которой образуются также эссив и датив-иллатив обоих чисел и генитив мн. числа), противопоставлена косвенной, от которой образуются все прочие падежи.

Для нас важным является вывод, что номинатив противопоставлен генитиву (первое) и что от ослабленной генитивной основы образуются падежи новой формации (второе)³, прежде всего интересующий нас инессив-элатив на *-e-sъ-t* и комитатив на *-enъ*, а от сильной основы, часто равной комитативу, образуются падежи, имеющие древние окончания, но в новом значении (эссив на *-enъ* и датив-иллатив на *-a*, *-e*). При этом эссив и комитатив имеют одно и то же падежное окончание *-enъ*, но образуются от разных основ.

Таким образом, сочетание той или иной основы с соответствующим падежным окончанием может служить путеводной нитью при определении времени возникновения падежных окончаний. С большей или меньшей степенью вероятности можно утверждать, что эссив, имеющий общее окончание с комитативом, возник в конечном счете из локатива **-na/*-nā* раньше, чем суффикс *-enъ* стал употребляться и для обозначения комитатива, а инессив-элатив на *-e-sъ-t* формировался параллельно генитиву, но после преобразования локативного **-na/*-nā* в эссивный *-enъ*.

Саамский язык знает большое количество вариантов падежей, которые представляют собой различные этапы развития падежной системы, а может быть и результат заимствования. Инессив-элатив представлен окончаниями *-st*, *-sta*, *-сьt*, *-сь* и некоторыми другими, образующими совершенно синонимичные формы: *тэ-ста*, *тэ-сьt* 'здесь'.

³ Это справедливо для единственного числа, потому что множественное число в финно-угорских языках формируется позднее. Впрочем, данный вывод, по-видимому, справедлив и в отношении множественного числа.

Наличие синонимов с суффиксами *-сь*, *-сь-т* для обозначения местонахождения указывает путь формирования инессива-элатива: локативное *-т*, восходящее к финно-угорскому *t*-овому локативу, присоединялось к инессиву на *-сь*, статус которого в падежной системе был ослаблен. В противном случае не было бы смысла обновлять суффикс, осложняя его еще одним локативным формантом: ср. *пййив-е-сь* 'днем' и *эвт-э-сь-т* 'вперед' (на вопрос 'где?').

Есть наречие *в̄р-е-сь-т* 'в лесу' и прилагательное *в̄р-е-сь* 'лесной', производные от существительного *в̄ррь* ('лес'). Очевидно, что и наречие, и прилагательное образованы от слабой, генитивной, основы существительного *в̄ррь* (*в̄рь*), и ни в коем случае наречие не образовано от прилагательного, что мы постараемся глубже обосновать в этом разделе.

Таким образом, традиционно трактуемое *в̄ресь* как 'лесной' имеет и значение 'в лесу'. Существительные, употребляющиеся в инессиве-элативе в форме *-е-сь* и *-е-сь-т*, свидетельствуют о том, что формант *-е-сь* употребляется для выражения местонахождения и передачи атрибутивных отношений. Точнее, существительные в инессиве-элативе на *-е-сь* стали восприниматься как прилагательные, особенно с тех пор, как показатель инессива-элатива стал дублироваться дополнительным локативным *-т* (*-е-сь-т*) (примеры и пояснения даны ниже).

Для саамского языка проблема осложняется тем, что атрибутивный *-е-сь*, произошедший от форманта инессива-элатива, имеет универсальный характер, образуя причастие от глаголов и предикативов. Эти причастия в словаре саамского языка переводятся прилагательными, хотя таковыми не являются (Куруч 1985). В том случае, когда прилагательное имеет именной характер, оно образовано не от существительного, как подсказывает европейское и русское сознание, а от предикатива (сказуемой формы), образованного от этого существительного: *пассьт-э* 'быть острым' — *пассьт-э-ль* 'острый' — *пассьт-л-энне* 'остро' (форма на *-э-ль* употребляется в функции сказуемого, от нее-то и образуются прилагательные на *-э-сь*, имеющие поэтому дополнительный причастный оттенок, и наречия на *-энне*; 2) прилагательное *пйльк-е-сь* 'сладкий', 'вкусный' и глагол *пйльк-с-э* 'иметь сладкий вкус', 'быть в меру сладким' образованы от единого кор-

ня *нъялк*-, а наречие *нъялк-с-энне* 'сладко' произведено от глагола *нъялксэ*, а не прилагательного *нъялкесь*, на что указывает подавляющее число примеров (№ 3—5); 3) *пунн-эш* (сказ.) 'опрятный', 'опрятен' — *пунн-ш-эль* 'то же' — *пунн-ш-энне* 'опрятно'; 4) *выдз-э* 'хныкать' — *выдз-яй* (сказ.) 'надоедливый', 'надоедлив', 'ворчливый' — *выдз-ъесь* 'то же' — *выдз-ъенне* 'надоедливо' (фонетически: [*выдз-й-е-енне*]); 5) *мйлл* 'ум' — *мйлл-эв* (сказ.) 'умный', 'умен'; — *мйлл-в-эсь* 'умный', но: *кйлл* (*кйл*) 'язык' — *кйлл-ев* 'болтливый', 'болтлив', *кйлл-е-сь* 'лгун', 'лгунья' (букв. 'язык-ат-ая').

В последнем примере, на наш взгляд, *-е-сь* восходит к инессиву-элативу, так как прилагательное *кйлл-есь* образуется от слабой формы существительного. Во всех других приведенных выше примерах форманту *-есь* сообщается дополнительный причастный характер. Его связь с инессивом-элативом *-есь* затемнена, а может быть, он восходит к причастиям на *-есь*.

Вопреки существующему мнению (*Керт* 1966, 165), наречия образа действия с суффиксом *-энне* образуются не от прилагательных, а от предикативов (причастий и прилагательных в предикативном употреблении) и глаголов.

В саамском языке нередко встречается формант *-э-с* (с твердым *-с*), образующий от глаголов имена с причастным характером. Особенный интерес представляет модель с суффиксом *-л-эс*, где *-л-* — суффикс соответствующего глагола: *вуагк-лэ* 'побеждать рысью' — *вуагк-л-эс пуаз* 'ходкий олень'; *вуэсс-лэ* 'встречать' — *вуэсс-л-эс* 'встречный'. Эта модель интересна в плане ее сходства (или, наоборот, несходства) с *л*-овыми суффиксами пермских языков, и прежде всего с аблативом (удм. *-л-эсь*, к.-п. *-л-ісь*, к.-з. *-л-ысь*). Второй компонент пермского аблатива без *-л-*, вероятно, имеет то же происхождение, что и саамский инессив-элатив на *-е-сь*.

Саамский инессив-элатив, как следует из его названия, совместил в себе функции двух падежей. Он обозначает: 1) местонахождение и время протекания действия: *вйр-е-сь-т* 'в лесу', *гйр-э-сь-т* 'около', 'возле' (*гоаррь* 'сторона'), *кэск-э-сь-т* 'в', 'посередине', *тэ-сь-т* 'здесь', *тунн кёз-е-сь-т* 'прошлым летом'; 2) место в пространстве или точку во времени, откуда исходит действие: *вуэрыл-э-сь-т* 'с запада' (*вуэрьял* 'запад'), *ёррк-ъенч*

пāl-е-сь-т ‘с древнейших времен’, *йицк-а-сь-т ёкь-на райя* ‘с утра до вечера’. В последнем примере *йицка* — слабая основа от *йицкэнч* ‘утро’, *райя* ‘до’ (послелог), *ёкьна* — слабая основа от *ёкьнэнч* ‘вечер’. И, таким образом, мы имеем инессивно-лативное *-сь-т* в *йицкасьт* ‘с утра’ и сочетание локативного *-на* с предлогом *райя*. Суффикс *-на* явно локативного происхождения (здесь имеет лативное значение и обозначает достигаемый предел), на что указывает прилагательное *ёк-е-сь* ‘вечерний’, где *-н* отсутствует.

Многие финно-угроведы отмечали, что локатив нередко употребляется в значениях инструменталиса. В этом значении употребляется и локатив на *-е-сь* саамского языка: *вāлт-э-сь-т ёлл-е* ‘своевольно жить’ (*вāлт* ‘воля’), *тўль-е нёлльк-э-сь-т* ‘морить голодом’.

Вероятно, именно в этом трансформированном значении инессив-элатив формирует наречие от числительных: *кōллим-э-сь-т* ‘втроем’, *нёлль-е-сь-т* ‘вчетвером’.

К *с-о*вому локативу имеют отношение некоторые варианты суффикса, и прежде всего *-сс-*: *тэ-сс-а* ‘сюда’ (ср. *тэ-сь-т*, *тэ-ста* ‘здесь’), *сы-сс-енѳ* ‘внутри’, где *-сс-* дублируется локативным *-енѳ* (ср. также: *сы-з* ‘внутри’, *ку-э-ссь* ‘когда?’ и *ко-з* ‘куда?’). В этих примерах *-сс-* обнаруживает инессивно-лативное значение, *-з* отчетливо выявляет лативное значение.

На наш взгляд, локативное происхождение имеют конечный *-сс* суффикса превосходной степени прилагательных, а также конечный *-сс-* существительных: *кёж-му-сс* ‘конечный’, ‘последний’ от *кёжсь* (*кёжьс*) ‘конец’, *ōлт-лэ-сс* ‘даль’ от *ōлт* ‘далекий’ (ср. поморфемно с *ōлт-лэ-сь-т* ‘издали’, где *-сь-* соотносится с *-сс-*).

Не исключено, что сюда же относится суффикс *-сэ*, образующий ряд наречий с аблативным значением: *ōгр-сэ* ‘заново’, ‘снова’, *ōмпи-сэ* ‘сплошь’ (от *ōмпи* ‘целый’, ‘полный’).

Неясного происхождения суффикс *-са*, употребляющийся также в качестве показателя сравнительной степени прилагательных: *пāл-са* ‘непарный’ от *пёлль* (*пёль*) ‘половина’, ‘сторона’; *пуэр-са* ‘старший’ от *пуэр-есь* ‘старый’.

2.2.4. Судьба финно-угорского локативного **-ta/*-tä*
в саамских языках.

Саамский язык в ряде случаев сохранил более архаичные явления сравнительно с прибалтийско-финскими языками. Во всяком случае, в нем довольно четко выделяется локативный *-m*, восходящий к финно-угорскому *t*-овому локативу. Встречается, как правило, в предложениях и послелогах и застывших выражениях: *алль-т ~ альт* (послелог) 'возле', 'около', 'близ', *вёрь-т* 'около', приблизительно (о количестве), *вэсь-т* 'около' (например, дома), *рас-т* 'через', 'сквозь', *руэпп-т* 'против кого-л.', а также в слове *кõхх-т* 'как'. Например: *вёр-есь пёль-т ёлле* 'жить на чужбине' (букв. 'жить на чужой стороне'). Обращаем внимание на последний пример, где локативное *-т* в *пёль-т* дублирует инессивное значение *-есь* в *вёр-есь*.

К финно-угорскому *t*-овому локативу восходит суффикс *-m* инессива-элатива *-е-сь-т*: *вёр-е-сь* — 'в лесу', *тэ-сь-т* 'здесь'. Заметим, кстати, что наличие в *-е-сь-т* двух значений — инессивного и элативного — и существование в прибалтийско-финских языках двух самостоятельных падежей (фин. инессив *-ssa* и элатив *-sta*) показывает, в каком направлении развивалось значение локативного **-ta/*-tä*: от инессивного к элативному и затем аблативному. То есть, локативное значение **-t* трансформировалось в аблативное и, как видно из примеров саамского языка, эти падежи какое-то время сосуществовали. Но если формант *-m* саамского инессива-элатива несомненно происходит от локативного **-t*, прибалтийско-финский элатив возводят к аблативному *-ta* (фин. *kala-s-ta* 'из рыбы'). Это — верное утверждение, но не следует забывать, что в финском аблативном *-s-ta* то же самое *-t*, что и в саамском инессиве-элативе, но оно претерпело изменение на линии развития от саамского к финскому от локативного значения к аблативному.

От наречия *алль-т-м* (послелог *аль-т*) 'близко' образуется прилагательное, от которого, в свою очередь, образуется наречие: *аль-т* 'близко' — *аль(т)-э-сь* 'близкий' — *аль(т)-э-сь-т* 'близко'⁴. Оба *т* в слове *аль-т-э-сь-т* — локативного происхождения. Таким образом, корень слова осложнен четырьмя локатив-

⁴ Относительно *-э* ср.: *гоарр-э* 'по направлению к' и *йиң-э* 'утром'.

ными суффиксами, из которых четвертый дублирует первый, потому что его значение стерлось.

Это обстоятельство позволяет выделить локативный *-т* в ряде прилагательных, в которых еще присутствует пространственное значение: *õll-t* 'далекий', 'дальный', *šev-t* 'передний', *poall-t* 'соседний'. Что в последнем слове *т* — локативное, подсказывает однокорневое слово *poall-tš* 'рядом', в котором локативное значение *-т* очевидно. Опираясь на сказанное, можно предположить локативное *-т* в некоторых словах с этим суффиксом: *piŋŋ-t* 'жирный', 'жир', 'сало', *šyŋŋ-t* 'сельский', 'село' и др.

Думается, что наряду с *-т* в саамском существовал локативный показатель *-тэ*: *mill-tš* 'по', 'вдоль', *poall-tš* 'рядом'. В первом слове *-тэ* лативное, во втором — локативного происхождения.

2.2.5. Рефлексы аблативного **-ta/*-tä* в саамских языках.

В восточных диалектах саамского языка выявляется аблативный **-ta/*-tä* в суффиксе партитива *-dđe*, употребляющемся только в ед. числе. В виде суффиксов *-ttě*, *-dđě*, *-d(t)*, *-ht* аблатив сохраняется в некоторых наречиях: *al'-dě* 'от', 'сверху'; *vuol'-dě* 'из-под', 'снизу' (но в кильдинском: *pai-enč* 'сверху' — на вопросы 'где?' и 'откуда?').

2.2.6. Образование саамских наречий.

Как мы уже сказали (2.2.3), наречия образа действия в саамском языке образуются от предикативов и глаголов с помощью суффикса *-энне* (~ *-in'n'e*). Так какие же это наречия? Это отглагольные образования, близкие к деепричастиям. Они образуются не от качественных прилагательных, а от производных от них глаголов: *årrv* 'цена' — *årrv-ai* 'дорогой', 'ценный' — *årrv-ъенна* 'дорого', 'ценно'; *næmm* 'имя' — *næmm-ъэ* 'быть названным по имени' — *næmm-ъенне* 'уважительно'; *niŋkl-э* 'наклониться', 'согнуться' — *niŋkl-энне* 'согнувшись'; *čoahp-э* 'черный', 'темный' — *čoahp-т-э* 'делать черным, темным' — *čoahp-т-энне* 'черно', 'темно'; *výllk-э* 'белый', 'бел' — *výllk-т-э* 'делать белым' — *výllk-т-энне* 'чисто'.

Еще раз обращаем внимание на фиксированное положение имени в предложении: *вйльк-есь* 'белый' употребляется в качестве определения к имени, *вйльк-э* 'белый', 'бел' употребляется в функции предикатива: *вйлькесь вёдз* 'белый снег', *вёдз лй вйлькэ* 'снег бел'.

Повторяем: от тех же глаголов или предикативов, от которых образуются наречия-деепричастия с *-энне*, образуются и прилагательные с суффиксом *-е-сь*. Так как предикативы на *-ай* являются очень распространенной (едва ли не универсальной) формой, о ней следует сказать несколько слов. Суффикс *-ай*, образующий причастия (так, нам думается, правильно называть эти образования) имеет два варианта. *-Ай* преобразует существительные в предикативы (то есть в причастия или в прилагательные в функции сказуемого), *-эй* образует от глаголов причастия, которые сравнительно легко субстантивируются: *вуэпсь-э* 'воспитывать' — *вуэпсь-эй* 'воспитатель' (букв. 'воспитывающий'), *якш-э* 'стесняться' — *якш-эй* 'стеснительный'; *кйһч-э* 'смотреть' — *кйһч-эй* 'зритель'.

Представляет интерес следующая проблема: имеет ли отношение рассматриваемый суффикс *-энн-е* (то есть *-э-ннь-э*) к показателю локатива *-ннь*. Если имеет, тогда возникнет еще более сложная проблема: почему прибалтийско-финский суффикс **-не* (фин. *i-ne-n*) формирует прилагательные, а саамский — наречия-деепричастия?

С суффиксом *-энне* конкурирует суффикс *-эль-т*, оба компонента которого восходят к соответствующим локативам, что уже свидетельствует об исходном локативном значении суффикса *-энне*. Иногда указанные суффиксы взаимозаменяемы: *лйшьк-есь* 'ленивый' — *лйшьк-эльт* 'лениво'; *лйшик-ъесь* 'ленивый' — *лйшик-ъенне* 'лениво'. Из примера отчетливо видно, что формы с *-энне* — отглагольные образования.

2.2.7. Л-овый локатив в саамских языках.

Вариантов локативного *-л* в саамском, может быть, несколько меньше, чем *с*-овых локативов, но все же есть. По-видимому, стержневой формой является локатив с суффиксом *-эль*. Вероятно, по значению он незначительно отличается от инессива-

элатива с показателем *-эсьт*. Ср.: *кэск-эль* 'между' — *кэск-эсьт* 'в', 'посредине'. Материал саамского языка подтверждает правильность точки зрения о существовании в финно-угорских языках *l*-ового локатива (суперэссива в представлении Б.А.Серебренникова) и несостоятельность мнения об отыменном происхождении *l*-овых локативных падежей, хотя имена с локативным значением могли взаимодействовать с локативом на *-l*.

Существенно дискредитируют теорию отыменного происхождения *l*-ового локатива следующие два факта, из которых первый всегда находился в поле зрения исследователей, на второй мы последовательно опираемся в своем исследовании: 1) в некоторых саамских наречиях и послелогах сохранился элемент *-l* с очевидным локативным значением; его древность практически не вызывает сомнений; 2) формальное сходство и, как свидетельствуют факты, вполне вероятное генетическое родство падежных формантов и аффиксов отглагольных образований (причастий, инфинитива), а может быть, и временных и прочих показателей глагола. Можно предположить, что аффиксы причастий проникли в падежную систему существительных или что падежные форманты были использованы для образования некоторых глагольных категорий (ср., например, использование партитива *-dde* в качестве показателя инфинитива: *tid-de* 'знать'.⁵ Но справедливей считать эти процессы параллельными, как мы это, надеемся, показали на примере отглагольных образований на *-сь* и соответствующего им локатива на *-сь* (раздел 2.2.3.).

По мнению Д.В.Бубриха, внешнеместные падежи прибалтийско-финских языков возникли впервые после их разделения с саамским, а падежные образования на *-l* с инструментальным значением в языке кольских саамов исследователи объясняют влиянием карельского адессива на *-lla//llä* (Itkonen, 1961, 53; см. также: Керн 1975, 223). Иной трактовки происхождения *l*-овых внешнеместных падежей придерживался В.И.Лыткин (Бубрих 1955, 143). Ср. в норвежско-лапландском: *baggi-el* 'над', *mang-el*

⁵ Ср. с соответствующим инфинитивом *-ta-k* в финском языке, где *-ta* соответствует партитиву, а *-k* восходит к лативному *-k*. Кстати, показатель инфинитива *-ta-k* сохранился в диалектах как финского, так и саамского языков (Керн 1975, 219).

‘после’ (в кильдинском диалекте саамского языка: *маң-е-ль-т* ‘сзади’, ‘после’), *avd-al* ‘перед’, *vuoll-el* ‘под’ и др.

Кильдинский диалект дает следующие варианты локативного -л: -ал (в сложном суффиксе -ал-т: ср. норв.-лапл. *avd-al*), -э-ль и -э-ль-т, -ла. Из них более древними следует признать -ал и -ла, что вовсе не исключает относительную древность суффикса -эль.

Сравнение синонимичных наречных форм не проливает свет на эту проблему: *эвв-эль* — *эвв-ла* ‘раньше’, ‘прежде’. В обоих случаях временное значение вторично. А вот сопоставление форм с первичным, пространственным значением, предоставляет в наше распоряжение кое-какую дополнительную информацию: *маң-е-ль-т* (наречие) и *маң-ла* ‘сзади’, ‘позади’. Существование в диалектах форм без -т (*маң-эль*) убеждает, что локативное значение суффикса -эль стиралось, в противном случае не было бы необходимости дублировать его еще одним суффиксом с тем же значением. А из этого вытекает доказательство первичности локативного значения в суффиксе -ла. На это же указывают и другие, более поздние значения, образованные суффиксом -эль: *мбсс-т пэй-эль ёг* ‘мост через реку’ (транслатив).

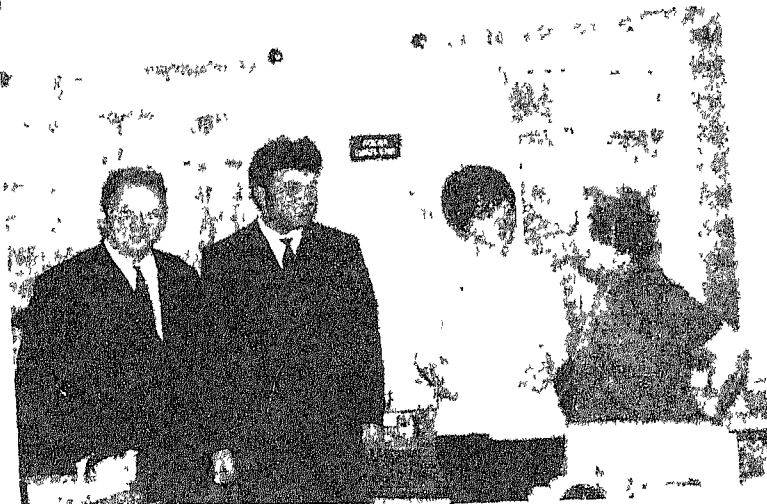
Местонахождение в пространстве и время совершения действия обозначат также суффикс -ал-т: *па-алт* (~ *пай-а-л-т*) ‘сверху’, ‘наверху’ (ср. с *пай-ен’* с тем же значением), *айк-а-лт* ‘рано’, где *пайй* ‘верхний’, *аййк* (*айк*) ‘срок’, ‘пора’.

Другие примеры: *тэ-ла* ‘здесь’, *ту-ла* ‘давно’, *пайй-ла* ‘выше’ на вопрос ‘куда?’.

Суффиксы -алт и -ельт образуют наречия образа действия, причем первый из них используется с этой целью реже: *айк-эсь* ‘ранний’ — *айк-алт* (и *айк-л-энне*) ‘рано’; *арьк-эль* ‘робкий’ — *арьк-эль-т* ‘робко’ от *аррьк* (*арьк*) ‘робость’; *нюэз-эль* (и *нюэз-есь*) ‘плохой’ — *нюэз-эль-т* ‘плохо’ от *нюэсь* (*нюэзь*) ‘что-либо плохое’.

Использование локативного т (именно его, а не -алт и -ельт) для образования наречий образа действия от прилагательных с суффиксом -эль, по традиционной терминологии (которая, как мы уже говорили, требует уточнения), а также употреблении форманта -эль и более позднего -эль-т в функции наречий со значением пространства и времени подсказывает тот же вывод, который сам собой напрашивался при исследовании локативного и атрибутив-

ного *-есь*, а именно вывод о возможном использовании одной и той же формы для образования различных категорий: локатива в сфере существительного, определения в сфере прилагательного (или глагола → причастия?).

Слева направо: Г.М.Керт, Г.И.Ермушкин, Эва Коренчи и К.Е.Майтинская в Москве.

И действительно, суффикс *-ель* образует атрибутивные имена как от существительных (действительно ли это атрибутивные имена, мы рассмотрим в этом же абзаце) и предикативные определения (причастия) от глагола. То, что мы сказали о локативно-причастном суффиксе *-есь*, пришлось бы повторить и о *-ель* (см. раздел 2.2.8.). Не повторяясь, скажем лишь, что формы с суффиксом *-ель* имеют более предикативный (глагольный) характер, чем формы с суффиксом *-есь*, о чем, в частности, свидетельствует и порядок следования морфем: в случае наличия параллельных форм с указанными суффиксами, суффикс *-есь* прибавляется к форме на *-ель*, а не наоборот, хотя и формы на *-есь* тоже нередко употребляются преимущественно в функции сказуемого: *выишш-е*

‘хотеть’, ‘желать’ — *vyishi-э-ль* ‘старатель-ный’, ‘работящий’ — *vyishi-л-эсь* ‘то же’ — *vyishi-л-энне* ‘охот-но’, ‘с желанием’.

Не знаем, насколько справедлив вывод, но из сказанного следует, что если формы на *-ель* имеют более выраженный предикативный характер, чем формы на *-есь*, то суффикс *-ель* причастий, равно как и локатива, древнее суффикса *-есь*, употребляемого в той же функции. И если этот вывод подтвердится, то, в согласии с фактами обско-угорских языков, придется признать большую древность локативного **-l*; может быть, даже его существование в общефинно-угорскую эпоху.

Утверждение об аблативном происхождении суффикса наречий *-ель-т* (Керт 1975, 241) едва ли правомерно, потому что основывается на данных прибалтийско-финских языков, для которых оно справедливо, но вступает в противоречие с фактами саамского языка. Подобные утверждения являются результатом унификации процессов, происходящих в различные эпохи развития языка.

2.2.8. Эволюция локативного **-s*.

Выделение локативного **-s* в финно-угорских языках практически не вызывает у исследователей сомнений.

В саамском языке лативный **-s* является одним из компонентов составного суффикса *-ас*, встречающегося в ряде наречий и обозначающего направление: *вэл-ас* ‘вниз’, *па-яс* ‘вверх’.

Незначительная распространенность суффикса *-ас* в имеющих архаический характер наречиях со значением направления, а также в некоторых наречиях образа действия от древних корней *пуэр-ас-т* ‘хорошо’ от *пүррь* (*пүрь*) ‘хороший’ и ‘добро’, где *-ас-т* представляет собой не что иное, как развитие *-ас* в *-ас-т*, ставит на повестку дня вопрос о происхождении прилагательных с суффиксом *-ас* от лативного *-ас*.

Можно, вопреки фактам, не признавать единое происхождение локативных *-ель* и *-есь* с соответствующими показателями предикативно-атрибутивных слов, но едва ли вызывает сомнение параллельное развитие падежей с этими суффиксами и причастий-прилагательных. Словом, участие локативных падежей в формировании прилагательного как части речи приходится

признавать и в отношении прибалтийско-финских языков, утративших древнюю падежную инфраструктуру и развивших на основе локативных падежей, имеющих конкретное значение, падежи с абстрактным значением. Тем более справедливо говорить о связи аффиксов локативных падежей с соответствующими аффиксами причастий и прилагательных в отношении саамского языка.

Лативный *-ас* менее прозрачно указывает на связь наречного и атрибутивного показателя *-ас*, но эта связь существует. Она затемнена, во-первых, широким распространением *-ас* в качестве показателя атрибутивно-предикативных имен с одновременным его исчезновением из падежного склонения, и, во-вторых, изменением значения составных элементов суффикса, использованием их для формирования абстрактных падежей.

Чтобы аргументировать положение о том, что суффикс *-ас* наречий и прилагательных представляет собой развитие в двух направлениях одного и того же элемента, достаточно обосновать развитие в нем абстрактного значения на основе конкретного. А это не представляет труда. Во-первых, в отношении различных финно-угорских языков это положение получило неоднократное подтверждение; во-вторых, становление абстрактных падежей в саамском языке осуществляется буквально на наших глазах.

В лативном *-а//эс* легко выделяются два компонента: лативный *-а//э* и лативный *-с*. Лативный *-а//э* соответствует суффиксу *-а//э* датива-иллатива, куэлл-а 'в рыбу', 'рыбе'. Что суффикс *-ас* является дальнейшим развитием *-а*, видно из сравнения однокоренных слов *вӱлл-енӱ* 'внизу', *вӱлл-е* (сказ.) 'низкий', *вуэлл-а* 'под' (на вопрос 'куда?'), *вэл-ас* 'вниз'. Итак, *-а* в *вуэлл-а* соотносится с *-а* в *вэл-ас*.

На возможность перехода наречного суффикса *-ас* в атрибутивный, как и в случае с *-есь*, указывает также то, что *-с* в *-ас* отождествляется с *-с ~ -сь* инессива-элатива: *кӱл-есь* 'из рыбы'. В других группах финно-угорских языков также наблюдается трансформация локативного значения *-с* в лативное. Ср.: *эвт-эс* 'вперед', *эвт-эсь-т* 'впереди' (от *эвѣт* 'передний'), а также *пырр ~ пыр-с* 'вокруг', 'кругом'. Из первого примера видно, что лативный *-эс* соотносится с инессивным *эсь-т*; второй пример указывает на возможность происхождения *с*-овых локативов из *-с*.

По мнению П. Аристэ, в эпоху волжско-прибалтийско-финской языковой общности существовал специальный суффикс *-s, легший в основу различных местных падежей (Аристэ 1955, 28).

В прилагательных, производных от существительных, и сейчас угадывается латинное значение суффикса -ас: *кїд-ас* 'ручной' (то есть то, что попадает в руку) от *кїдт* (*кїд*) 'рука', *кяж-яс* 'полный' (то, что осуществлено до конца, до края) от *кёджс* (*кёжсь*) 'конец' и т.д.

Как и суффикс причастий -ай, -ас образует от существительных предикативы: *кэ́рр* 'кора' — *кэ́рр-ас* (сказ.) 'твердый', 'тверд'. И наоборот, от предикативов он образует атрибутивно-предикативные слова и даже существительные (т.е. субстантивированные атрибутивно-предикативные слова): *кыннт* (сказ.) 'тугой', 'тут' — *кыннт-ас* 'тугой'; *поа́нк* 'теплый' — *поак-ас* 'теплый'; *кэ́ллм* (*кэ́лм*) (сказ.) 'холодный' — *кэ́лм-ас* 'холод', 'стужа'. Это обстоятельство еще раз подтверждает правильность нашего мнения о том, что -есь в *пальт-есь* 'волк' то же самое, что и в *пуэр-есь* 'старый', 'старик'. Благодаря образованиям с суффиксом -ас, возникает противопоставление кратких и полных прилагательных. Насколько можно судить, кратким прилагательным свойственно по преимуществу предикативное употребление, а полным — по преимуществу атрибутивное.

Наречия образа действия образуются от предикативных форм на -ас посредством суффикса -энне: *роав-ас* (сказ.) 'крепкий', 'крепок' — *роав-с-энне* 'крепко'; *вэ́г(к)-ас* (и сказ.) 'дешевый' — *вэ́гк-с-энне* 'дешево', 'недорого'.

Предикативные формы с суффиксом -ас приобретают дополнительное значение: *нй́ццк* 'сырой' — *нй́ццк-ас* 'сыроватый' — *нй́ццк-ай* 'очень сырой'.

Собирательные числительные образуются при помощи суффикса -ас, имеющего прямое отношение к исследуемой теме: *вид-ас* (полмакский диалект) ~ *вы́дт-эсь-т* (кильдинский диалект) 'впятером' (от *вы́дт* 'пять').

2.2.9. О реконструкции локативного *-*m* в финно-угорских языках.

Загадочным является очень распространенный во всех финно-угорских языках атрибутивный показатель *-m*: фин. *kyl-mä*, эст. *kül-m* ‘холодный’, ‘холод’, вепс. *kül'-m* ‘мерзлый’, мокш. *кэльме*, саам. *кэлли* ‘холодный’, *кэлл-м-ас* (*кэлмас*) ‘холод’, ‘стужа’ и др. По-видимому, это *-m* можно отождествить с суффиксом активно-пассивных причастий *-ma* финского языка. Исходя все из той же гипотезы о близости падежных показателей словообразовательным аффиксам других частей речи, можно было бы предположить существование в саамском и, шире, в финно-угорских языках локативного *-*m*.

Действительно, в некоторых словах саамского языка с пространственным значением наличествует атрибутивный *-m*, позволяющий сделать вывод о его локативном происхождении: *пайй* — *пайй-ма* — *пайй-му-сс* ‘верхний’. Сопоставление прилагательных с наречиями еще более убеждает в этом: *алк-эс* ‘на улице’, ‘наружу’ — *оалк-ма* ‘наружный’, ‘находящийся снаружи’. Суффикс *-ма* перешел в сферу словообразования прилагательных, вероятно, вытесненный более поздним локативом на *-енв*:⁶ *оаллк-энв* ‘на улице’, ‘снаружи’, ‘наружный’, ‘находящийся снаружи’.

Что суффикс *-ма* прилагательных, во всяком случае определенного их числа, генетически восходит к локативу на *-*ma*, свидетельствует сохранившийся в немногочисленных наречиях формант *-м* ~ *-ма*: *тыйй-ма* ‘в прошлом году’ (ср. с *пайй-ма* ‘верхний’), *тарь-м* ‘сегодня’ (ср. с *тэрь-м йиц-а* ‘сегодня утром’, где темпоральное *-а* в конечном счете восходит к вокалическому локативу).

По-видимому, можно считать локативным *-мь-* в наречии *та-мь-не* ‘там’: ср. однокорневое слово *та-нна* ‘тогда’, а также выражение *тэ-ста я та-мь-не* ‘тут и там’, где с формантом *-мь-*, который мы считаем остатком древнего локатива соотносится локативный *-ста*. Таким образом, следует признать, что формант *-м-* в прилагательных с суффиксом *-м-и-* также локативного про-

⁶ Локативный *-енв* является вторичным локативом сравнительно с *-на* в слове *та-н-на* ‘тогда’, восходящим к древнему локативу на *-*na*/**-nā*.

исхождения: ср. *ко-а-м-нэ* 'который' (из двух) с однокорневым *ко-э* 'куда?' Ср. также: вепс. *ku-da-mb* 'который', мокш. *ко-да-ма* 'какой?', коми *ко-д* 'который?' без конечного *-ма* и удм. *ку* 'который?' без конечных *-да-ма*. Но коми *ку-тш-ём* 'какой' имеет конечное *-м*.

Не исключено, что сюда же можно отнести прилагательные, производные от абессива существительных посредством суффикса *-мь*, *вэз-хэ-мь* 'бесснежный' от *вэдз* (*вэз*) 'снег'.

Формант *-му-* в суффиксе превосходной степени прилагательных определенно этимологизируется как локативный: *авьт-му-сс* 'первый' от *эвэ* 'передний' (то есть тот, который находится впереди), *кёжс-му-сс* 'конечный', 'последний' и др.

2.2.10. Лативный -з.

Наряду с лативным *-с* (в *-ас*) в саамском языке известен лативный *-з*, который обнаруживается также в мокша-мордовском языке: саам. *лу-з* 'около' (на вопрос 'куда?'), *сы-з* 'внутри', саам. *ко-э*, мокш. *ко-за* 'куда?', саам. *тэ-э*, мокш. *тя-за* 'сюда'. Их генетическое родство едва ли требует обоснования.

Судя по тому, что как в саамском, так и в мокшанском языках есть лативные *-с* и *-з*, можно предположить параллельное существование этих формантов и в древности.

То, что в мокшанском лативный *-з* осложнен вокалическим элементом *-а*, указывает на истоки лативного *-sen* прибалтийско-финских языков. Точнее, саамский, мокшанский и финский указывают на три звена одного процесса — становления лативного *-sen* (*-s*, *-s + -e*, *-s + -e + -n*) (и параллельно сму *-zen*). Дialectы саамского языка свидетельствуют о правильности подобной реконструкции, представляя примеры с суффиксом *-z'n'*, правда, со значением местонахождения: *lu-z'n'* 'около' (кильд. *лу-инь*), *si-z'n'* 'внутри' (кильд. *сы-сс-ен'б*).

2.2.11. Судьба финно-угорского локативного **-na/*-nä* в саамских языках.

К финно-угорскому локативу **-na/*-nä* восходит элемент *-на*, встречающийся в единичных примерах саамского языка: *ёкь-на* 'вечером' (ср. *ёк-есь* 'вечерний'). По всей видимости, лока-

тивного происхождения элемент *-н* в некоторых местоименных словах: *та-н-на* 'тогда' (тот же корень *та-*, что и в слове *тамь-не* 'там'), марийск. *ту-на-м* 'тогда'; *та-н-на* *кёсс-энб* 'этим летом' — *кёсь* (*кёзь*) 'лето'. Полагаем, здесь оба *-н* локативного происхождения. Ср. также: эст. *sii-n* 'здесь', фин. *mi-n-ne* 'куда?' (корень *mi-*, ср. с *mi-hin* 'куда?'); эст. *ku-na-s*, вепс. *ko-n-z* 'когда?'. Марийское *ку-на-м* 'когда?' дает образец употребления локативных **-на* и **-м*, реконструируемых и для саамского языка. В удмуртском *чук-на* 'утро', 'утром' обнаруживается то же *-на*, что и в саамском *ёкь-на*. Словом, в финно-угорских языках наличествует большой пласт лексики, сохранивший в чистом виде древний локативный **-м*.

К *н*-овому локативу относятся суффиксы эссива ед. и мн. числа *-е-нб*: *кулл-енб* (статья) 'рыбой'.

Комитатив развился на основе эссива, о чем свидетельствует то, что окончание эссива присоединяется к сильной основе, а в комитативе используется слабая основа, по форме совпадающая с генитивом (в кильдинском диалекте): эссив *кулл-енб*, комитатив *кўл-енб* от *кўль* 'рыба'. Иногда комитатив имеет значение, близкое к инструментальному: *выгк-лэ вўйв-энб* 'покачать головой' (от *вуэйив* 'голова').

В свою очередь, эсиву дал начало локатив на *-енб*. Так, в норвежско-лапландском локатив мн. числа совпадает по форме с комитативом ед. числа. Локативный *-енб* сохранился в наречиях и послелогах: *вўл-енб* 'внизу', *кулк-енб* 'вдали' (ср. с фин. *kauka-na* 'далеко'), *оаллк-энб* 'на улице' *тўгк-енб* (послелог) 'позади'. Изредка встречается *-енб* в лативном значении (ср. со значением суффикса *есь-т* инессива-элатива): *гоарр-е-нб* 'со стороны (чего-л.)' — *гоарр-э* 'по направлению к' от *гоаррь* 'сторона'.

Встречается и более архаичный локативный *-н'* и *-н'н'*: *ал'-н'* 'к', 'на'; *вул'-н'* 'под', кильд. *лу-ннь* 'около' (все на вопрос 'где?'). В период самостоятельного развития саамского языка появилась комитативная форма мн. числа на *-guim*, *-goim*, которую связывают с существительным *kuim* 'братья и сестры'.

2.2.12. Был ли вокалический локатив в саамских языках?

Большое распространение в саамском получил датив-иллатив на *-a//э*, *ёек-е* 'реке', 'в реку', *каск-а* 'посередине', *вуэлл-а* 'под' (на вопрос 'куда?'), *гоарр-э* 'по направлению к'.

В темпоральных словах традиционно выделяют суффикс *-а* датива-иллатива: *авт-а* 'снова', 'опять', *ёркк-а* 'давно', *еххт-а* 'вчера', *кёсс-я* (~ *кёссь-а*) 'летом', *кыдт -а* 'весной' (от *кыдт* 'весна'), *тällв-а* 'зимой' (от *тällв* 'зима'), *чёххч-а* 'осенью' (от *чёххч* 'осень'). Казалось бы, темпоральные слова действительно образуются посредством дативно-иллативного *-a//э*; ср. *вуэлл-а* 'под' и *вэл-а-с* 'вниз'. Но настораживает то, что слова, обозначающие времена года, образуются посредством лативного *-а* (по традиционной версии), между тем как существуют синонимы, образованные суффиксом инессива-элатива: *кёсс-я* ~ *кёсс-энъ* 'летом'. Если саамский *-е-нъ*, совместивший в себе значения двух падежей, инессива и элатива, может вызывать сомнения, они (сомнения) отпадают, если сравним лексему *кёсс-энъ* с мокшанским *киз-он-да* 'летом' (от *киза* 'лето'). Мокшанский язык, образовавший наречие с помощью двух локативов, *-н* и *-да*, уточняет, что в саамском *кёсс-энъ* суффикс *-(э)нъ* локативный. Следовательно, если бы в *кёсс-я* мы и признали *-а* лативным, *-э* в *кёсс-энъ*, очевидно, локативного происхождения, так же как и в локативном суффиксе *-е-сь*, так как последующий аффикс (в нашем случае *-нъ* или *-сь*) дублирует значение, присущее ему. Марийское наречие *кедеж-ым* 'летом' также образуется посредством локатива — на этот раз с суффиксом *-м*.

В прибалтийско-финских языках наречие 'зимой' имеет форму адессива, который в финском образован с помощью локативного **-на* (*-lla* < **-lna*): фин. *talv-e-lla*, эст. *talv-e-l*. В волжских и пермских языках в наречии 'зимой' также употребляется локатив: коми *тöл-ын*, *тöв-на-с* (от *тöв* 'зима') (в первом примере инессив на *-ын*, во втором — древний локативный *-на-*), в удм. *тол-а-лтэ* (от *тол* 'зима') обнаруживается вокалический локатив *-а*, *тол-а-лтэ* без суффикса *-лтэ* полностью соответствует саамскому *тällв-а*), мокш. *тяло-н-да* (от *тяла* 'зима'; два локативных суффикса) и марийск. *тел-ым* (от *теле* 'зима'). Практически во всех наречных формах от единого для всех указанных языков

корня использованы древние локативы. Вполне логично, что и в саамском языке, отражающем древнее состояние финно-угорских языков, в темпоральных словах обнаруживается вокалический локатив, а не латив, ведь исторически лативное значение развивается на основе локативного или параллельно ему.

Суффикс *-a* прилагательных также локативно-лативного происхождения: *выд-ыгк-а* 'пятiletний' от *выдт* 'пять' и *ыгк* 'год'. Он же принимает участие в образовании наречий: *колм-э колм-э* 'по трое'.

2.2.13. Абессив на *-ta*.

Абессив на *-ta* в саамском языке является общим абессивом финно-угорских языков, так как он обнаруживается в других группах языков (прибалтийско-финских, волжских, пермских) и, возможно, восходит к аблативу на **-ta/*-tä*.

В саамском имеется также самостоятельный показатель абессива *-ха* (ловозерский диалект), *-хэ* (кильдинский диалект). Показатель абессива, осложненный атрибутивным *-мь*, образует липительные прилагательные от существительных (*-хэ-мь*), при образовании прилагательных от глаголов добавляется еще суффикс *-есь*: *вэз-хэ-мь* 'бесснежный' от *вэз* 'снег', *нъяльм-хэ-мь* 'молчаливый', 'неразговорчивый' от *нъяльм* (*нъяльм*) 'рот'; *пэл-хэ-м-эсь* 'храбрый', 'бесстрашный' от *пэлл-э* 'бояться'.

2.2.14. Лативный **-k*.

В саамском языке лативный **-k* обнаруживается в небольшом числе примеров: *чет-к* 'насмесь', *вуйи-к* 'прямой' и некоторые другие. Представляет интерес существительное *сы-сь-ка* 'внутренность', 'внутренний', иллюстрирующее процесс словообразования: *сы* — корень, обозначающий нахождение внутри чего-либо (ср. *сы-з* 'внутри', *сысс-енъ* 'внутри'), *-сь* — показатель инессива и *-ка* — суффикс латива.

Насколько позволяют судить наблюдения, в саамском языке лативный **-k* представлен реже, чем в прибалтийско-финских языках, где в сочетании с лативным *-s* он дал начало транслативу *-ks*, и еще реже, чем в волжских языках, потому что в мордовских, как и в прибалтийских языках, имеется транслатив на *-кс*, а

в марийских языках широко употребителен к-овый латив. Отсутствие латива на -к сближает саамский язык с пермскими языками.

2.2.15. Характеристика падежной системы саамского языка

1. Саамский язык характеризует синкретизм корней — такое явление, когда корень имеет субстантивные и глагольные свойства: *пүүл-е* 'гореть', 'горячий'; *нёллк* 'голод', 'голодный'. В связи с этим возникает проблема взаимосвязи, а может быть, и генетического родства падежных формообразующих аффиксов и словообразовательных суффиксов существительных, прилагательных и некоторых глагольных категорий (причастий и инфинитива). В основном это касается показателей локативных падежей *-есь*, *-ель* в большей степени, в меньшей степени *-сс*, *-т*, *-м*: *вйр-есь* 'лесной', *вйр-есь-т* 'в лесу', *пальт-эсь* 'волк', *пуэр-есь* 'старый', 'старик'; *эвтит-эль* 'раньше', 'прежде', *вышиш-эль* 'старательный' и т.д.

Эта гипотеза, в частности, подкрепляется тем, что так называемые наречия образа действия с суффиксом *-энне* образуются не от прилагательных, как принято считать, а от предикативов и глаголов: *вйлк-э* (сказ.) 'быть белым', 'белый' — *вйлк-т-э* 'делать белым' — *вйлк-т-энне* 'чисто'.

2. В падежной системе саамского языка можно выделить три пласта: лативы, локативы и аблативы.

а) Из лативов наибольшее распространение в саамском языке получили *-а//э* и возникший на их основе *-ас//эс*. Из других лативов обнаруживается малоупотребительный *-э* и с трудом реконструируемый **-к*.

б) По-видимому, все эти лативы древнего происхождения, но, учитывая характерную для падежной системы финно-угорских языков общую тенденцию семантической трансформации локативов сначала в лативы, а затем в абстрактные падежи (дательный, родительный, инструментальный и т.д.), следует признать в лативах наследников соответствующих локативов. Так, лативные *-а//э* восходят к вокалическим локативам *-а //э*, которые являются одним из компонентов входящих в древние и новые локативные

комплексы: *-н-а*, *-м-а*, *-т-э*, *-э-н'б*, *-э-сб*, *-с-т-а* и другие. Лативный *-с* в *-ас* восходит к локативному **-s*, от которого происходят все употребительные в саамском языке *с*-овые локативы. Лативные **-s* и **-x* в саамском языке сосуществовали, что доказывает материал и мокшанского языка, но потом стали противопоставляться как локативный лативному: саам. *ка-сб-т* 'где?' и *ко-з* 'куда?'; *сы-з* 'внутри' и *сы-сс-ен'б* 'внутри'; морд. *ко-в* // *ко-за* 'куда?' и *ко-са* // *ко-за* 'где?' (примеры, соответственно, из эрзя-мордовского и мокша-мордовского языков).

В лативных *-з* и **-k* локативное значение не реконструируется. Во всяком случае, мы располагаем слишком скудным для подобной реконструкции материалом.

3. Значительная часть падежной системы саамского языка приходится на локативы, а наиболее употребительными из них являются *с*-овые локативы.

Наличие вариантов локативного *-с* указывает направление его развития: *-сб* → *-е-сб* → *-е-сб-т*. На среднем этапе развития локативный *-е-сб*, вероятно, начинает употребляться в качестве показателя предикативов⁷, а также субстантивов⁸ (таково наше мнение) или контаминирует с соответствующим показателем предикативов (возможна и такая версия), что маловероятно, потому что обилие таких амбивалентных суффиксов исключает случайность. Распространение прилагательных с суффиксом *-е-сб* приводит к дублированию одного локатива другим *-е-сб-т*, в это время *-т*, возможно, уже имеет наречный характер: если *-е-сб-т* и не употребляется для образования наречий, то другой локативный комплекс, *-е-ль-т*, используется для образования наречий образа действия: *шӯр-эльт* 'громко', 'басом' от *шӯрр* (сказ.) 'большой'. Это означает одно из двух: или пошатнулся статус *-т* как локатива, или было ослаблено значение локатива *-эль* (а может быть, и то и другое).

Другие *с*-овые суффиксы *-ста*, *-аст*, *-сс*, *-ссь* употребляются значительно реже.

Наслаивание локативных аффиксов обусловлено тем, что аффикс локатива начинает обслуживать разные значения, выра-

⁷ Прилагательных и причастий.

⁸ Субстантивированных прилагательных и причастий.

мые одним и тем же словом: *вуэрьял-эсьт* 'на западе' и 'с запада' и др.

4. Слов с локативным *-л* сравнительно немного. что, в первую очередь, возможно, связано с широким распространением *-л*-овых прилагательных и причастий.

Становление *л*-ового локатива, как и локатива на *е-сь*, происходит в три этапа: *-ль*, *-е-ль*; *-ель-т*. *С*-овый и *л*-овый локативы характеризует удивительный параллелизм развития: связь с *л*-овыми отглагольными образованиями, ослабление локативного режима и повторное дублирование локативного аффикса. Разница между ними, по-видимому, заключается в одном: с прибавлением *-т* *с*-овый локатив укрепляет свои позиции, а *л*-овый локатив употребляется для образования наречий образа действия. С этой целью суффикс *-есь-т* употребляется реже.

Другие *л*-овые локативы малоупотребительны и часто приобретают другие значения: *-ла* (*тэ-ла* 'здесь', *пайй-ла* 'выше', на вопрос 'куда?'), *-лт* (*ййк-а-лт* 'рано', *пай-а-лт* 'сверху'), *-эль* (*пэй-ель* 'через').

Локатив, восходящий к древнему финно-угорскому локативу **-на* // **-nā*, в саамском находится на грани исчезновения: как живой падеж он исчез в варианте *-на*, а в варианте *-е-н'б* трансформировался в абстрактные падежи (эссив, или превратительный падеж, и комитатив, или сопроводительный падеж). Локативы с суффиксом *-ен'б* встречаются не так часто: *вулл-ен'б* 'внизу', *гоарр-ен'б* 'со стороны', а локатив с суффиксом *-на* обнаруживается в единичных примерах (*ёкь-на* 'вечером').

Изредка встречаются другие *н*-овые локативы: *-н'б* (*вуль-н'б* 'под' — на вопрос 'где?'), *-нн'б* (*лу-нн'б* 'около' — на вопрос 'где?').

5. Локатив, восходящий к древнему финно-угорскому локативному **-tu* // **-tä*, представлен единичными примерами: *алль-т* 'возле', 'около', *рас-т* 'через', 'сквозь' и т.п. Представляется убедительным выделить локативный *-т* в прилагательных, обозначающих пространство: *олл-т* 'далекий', 'дальний', *бев-т* 'передний', *поалл-т* 'соседний', 'расположенный рядом' (ср.: *по-алль-тэ* 'рядом') и др.

Система локативов в СААМСКИХ языках

Система локативных падежей саамского языка значительно отличается от локативных систем прочих финно-угорских языков. 1) Прежде всего, здесь, как утверждают исследователи, не был выработан суффиксальный родительный падеж. 2) Большой удельный вес падежей, возникших на базе *n*-ового локатива, сближает саамский язык с мордовскими языками, но, в отличие от последних, он не выработал генитив на *-нь* и в структуре саамских падежей отсутствует лативный **-k*. 3) Скудность падежных аффиксов, возникших на базе *t*-ового локатива, сближает саамский с прибалтийско-финскими языками. 4) По-видимому, стержневой для саамского языка является *c*-овая локативная система, в которой растворились *n*-овый и *t*-овый локативы. *C*-овая локативная система прошла полный цикл: здесь имеется *c*-овый локатив, элатив (-*с-та*, -*е-сь*), во многих случаях локативный -*есь* можно квалифицировать как суффикс генитива или атрибутивный показатель. 5) И, наконец, обилие вариантов *л*-ового локатива сближает саамский с пермскими языками; форманты -*есь* и -*л-эсь* по значению нередко сближаются с соответствующими аффиксами этих языков.

Локативный *-m* составным элементом входит в суффикс инесива-элатива *-есь-m*, а также в значительно превращенном виде в суффикс наречия образа действия *-ель-m*.

По-видимому, можно выделить вариант *m*-ового локатива *-mэ*: *мйль-mэ* 'по', 'вдоль', *поаль-mэ* 'рядом'.

Трансформацию локативного *-m*, а также его смену другими суффиксами можно проиллюстрировать следующим примером: *аль-m* ~ *аль-m* 'близко' (ср. *аль-нь* 'под') — *аль(m)-эсь* 'близкий' (и 'близко', 'рядом') — *аль(m)-эсь-m* 'близко'.

Если исходить из того, что суффикс *-m* в сложных комплексах в первичном значении употребляется довольно часто, чаще, чем *-(e)нь*, данные саамского языка свидетельствуют о первичности локативного **-n* сравнительно с локативным **-t*.

Локативы, имея в виду их возраст, вероятно, можно расположить следующим образом: *-s*, **-l*, **-t*, **-n*.

Думается, саамский материал доказывает, что локативный *-s* самый молодой по возрасту (во всяком случае, это касается саамского языка), а локатив **-n* по происхождению самый древний.

6. Материал саамского, а также волжских и пермских языков, позволяет реконструировать локативный **-m* для финно-угорских языков. Поскольку параллельное развитие (или генетическое родство) падежных формантов и суффиксов причастий и прилагательных в саамском прослеживаются довольно определенно, можно признать и для локативного **-m* реальной тенденцию употребляться в качестве суффикса атрибутивных слов. Мы отождествляем *-m* и *-ma* в группе слов: *тāрь-m* 'сегодня', *тыйй-ma* 'в прошлом году', *пайй-ma* 'верхний', *кэлл-m* 'холодный', *кэлл-m-as* 'холод', 'стужа', а также *-m-* в *та-мь-не* 'там' и *ко-а-м-пэ* 'который' (из двух)? Ср. марийское *ку-на-m* 'когда?', имеющее два локативных суффикса, *тел-ым* 'зимой', *кеп-еж-ым* 'летом' и коми *тōл-ын*, *тōв-на-с*, мокш. *тяло-н-да* 'зимой'.

7. Рефлексы финно-угорского аблативного **-ta/*-tä* в саамском незначительны: он прослеживается в суффиксе *-dde* партиципа, например, в ловозерском диалекте: возможно, в показателе инфинитива (*t'id-dε* 'знать': *t'id-nax'tem* 'неизвестный'), а также в ряде наречий в диалектах (*al'-dε* 'сверху', *vuol'-dε* 'снизу').

2.3. Инесив на *-na/*-nä в волжских и пермских языках.

2.3.1. Судьба n-ового локатива в мордовских языках.

В прибалтийско-финских языках финно-угорский локатив на *-na/*-nä обнаруживается лишь в незначительном числе слов.

Саамский язык также дает не очень много примеров с локативным *-n.

В современных мордовских и марийских языках суффикс древнего локатива сохранился, может быть, и не в большом числе слов, зато довольно употребительных, а в пермских языках местный падеж, восходящий к древнему локативу на *-na/*-nä, является живым падежом.

В мордовских языках остатком уральского локатива являются: 1) темпоралис на -не//*-ня*⁹ и 2) темпоралис на -ня.

Слова с суффиксом -не в эрзянском и -ня в мокшанском позднего происхождения, так как темпоральное значение в суффиксах пространственных падежей вторично: *те ве-не//тя ве-ня* 'в эту ночь', *те шка-не//тя тинго-ня* 'в это время', *истямо тиземе-не//стама тизем-ня* 'в такой дождь', *пелеве-не//нялове-ня* 'в полночь'. Суффиксу -ня эрзянских слов с временным значением соответствует суффикс -нда мокшанского языка: *вас-ня//васе-н-да* 'сначала', 'сперва' (ср.: в пермских языках — удм. *ваз-ен* 'раньше', 'прежде', к.-з. *важ-дн*, к.-п. *важ-ын* 'давно'), *киз-на//кизо-н-да* 'летом', *сёкс-ня//сёксе-н-да* 'осенью', *тель-ня//тяло-н-да* 'зимой'.¹⁰

Обращаем внимание на то, что суффикс темпоралиса в мордовских языках имеет мягкий -н. Следовательно, если мы будем строго придерживаться избранной в исследовании линии о происхождении генитива из локатива (причем не следует сбрасывать со счета возможность формирования генитива под влиянием и других падежей), мы вправе предположить в мордовских языках генитив на -нь, как оно и есть на самом деле. Мордовские языки дают дополнительное доказательство в распоряжение тех исследователей, которые утверждают о локативном происхождении суффикса генитива и, следовательно, соответствующего суффикса

⁹ В левой части до знака // даются примеры из эрзянского языка, в правой части после знака // — из мокшанского.

¹⁰ Многочисленные примеры по мордовским языкам даны в исследовании Г.И.Ермушкина (1978).

прилагательных. Мордовские прилагательные типа *ал-ня* 'низкий', *нюрх-кя-ня* 'короткий', *шува-ня* 'тонкий' в точности соответствуют прилагательным на *-n'e* вепсского и других прибалтийско-финских языков, кроме финского, где суффиксом прилагательных служит *-i-ne-n*: ср. мокш. *тя ве-ня* 'в эту ночь' и *ал-ня* 'низкий' (ср. *ал-а* 'внизу'), а также фин. *kauka-na* 'далеко' и *kauka-inen* 'дальний'.

В мокшанских словах с суффиксом *-нда* элемент *-n-* можно отождествить с древним суффиксом локатива, содержащимся в выражениях типа *те шка-не*, как это делал Д.В.Бубрих (1953, 75). Можно также усматривать в *-n-* показатель древнемордовского инструктива, как это сделал Б.А.Серебренников, обратив внимание на типологически сходные образования в тюркских языках. Ср. мокш. *кизо-н-да* 'летом' и тур. *kış-in* 'зимой'. И в том, и в другом случае необходимо объяснить, почему в указанном суффиксе *-n-* твердый. Объяснение может быть двояким: или мордовский *n-*овый локатив имел два варианта суффикса — твердый и мягкий (ср. фин. **-na/*-nä*), или суффикс инструктива разошелся с суффиксом локатива, мягким по природе, во избежание омонимии.

Мы полагаем, что реконструируемый на основе мокшанских примеров древнемордовский инструктив **-n* указывает на наличие в древности твердого варианта суффикса локатива и, таким образом, восходит к локативу на **-na/*-nä*.

2.3.2. Отношение *t*-ового локатива к прилагательным с суффиксом *-t*.

Б.А.Серебренников в значении древнего локатива на **-na* усматривал какой-то 'коммуникативный недостаток', который различные уральские языки пытались в ходе своего исторического развития устранить. Таким недостатком он считал слишком общее значение локатива. То есть, суффикс локатива **-n* был нейтральным и обозначал местонахождение вообще, из-за чего начали возникать новые значения, передаваемые другими суффиксами (в состав которых часто входил локативный **-na*).

По общепринятому мнению, которое основывается на фактах прибалтийско-финских языков, развитие внутриместного

значения (то есть значения нахождения внутри какого-либо предмета) привело к осложнению первичного суффикса локатива **-na//*-nā* коаффиксом. Соединившись с лативным *-s*, локативный **-n* сохранился в виде суффикса местного падежа *-sna*, подвергшегося фонетическим изменениям *-sna > -ssa > -sa > -s*. В прежнем виде локативный **-na//*-nā*, если все же сохранился, то выражает не пространственное значение, а вторичные значения: время, состояние, образ действия. Верно ли подобное утверждение, мы обсудим в свое время (см. раздел 2.14).

Справедливость такого суждения трудно опровергнуть, но 'коммуникативный недостаток' грамматической категории не столько причина, сколько следствие языковых изменений, так как в языке, как и всюду в природе, явление не исчезает, а говоря точнее, трансформируется, давая начало новым грамматическим категориям. Для системы локальных падежей первоосновой ее семантических изменений является развитие на ее основе так называемых абстрактных падежей — прежде всего родительного, — в свою очередь, стимулировавших становление разветвленной грамматической категории — имени прилагательного.

Причем становление имени прилагательного осуществляется в несколько этапов: чтобы показатель локатива стал словообразовательным суффиксом прилагательных, необходимо, чтобы в нем произошло расщепление значения. Когда суффикс локатива обозначает нахождение в пространстве (свое исконное значение), а также дополнительное значение, например, комитативное или инструментальное, он порождает двусмысленность высказывания, что можно назвать 'коммуникативным недостатком'. Понятно стремление носителей языка дифференцировать грамматические значения (в данном случае локатива и комитатива) фонетически.

Поскольку **-na//*-nā* стало показателем комитатива (инструктива или эссива), локатив создаст фонетический вариант, отличный от показателя комитатива, но близкий прежнему суффиксу локатива. Вероятнее всего, вариант локатива, отгесняемый в сферу темпоралиса, имел вид **-n*, встречающийся в наречиях времени исследуемых языков. Когда показатель **-n* проникает в генитив, а потом становится суффиксом прилагательных, локатив, если он как грамматическая категория не исчерпал себя, вырабатывает для выражения пространственных значений новый

суффикс **-t/*-tt* или **-ta/*-tä*, который постигает судьба *n*-ового локатива. Таким образом, локативы, формируя разряды имени прилагательного, включаются в циклический, повторяющийся (с вариациями) процесс. Естественно, локатив (в нашем случае **-n*) на первых порах остается неизменным, приобретая лишь вокалическую огласовку для дифференциации дополнительных значений. Именно поэтому в финно-угорских языках обнаруживается локатив на **-na/*-nä, -in, -n* и др., инструктив на **-na, -ne, -en* и др. Но магистральный процесс, на что мы указывали в первой главе, видится таким: локатив на **-na/*-nä* > инструктив на **-ne* > генитив на **-n* > прилагательное на — (*i*)*n(en)*.

Это первый полный цикл трансформации локативного **-n* в суффикс притяжательных прилагательных, на основе которых или в противоположность которым возникают относительные прилагательные с системой соответствующих суффиксов. Но, чтобы сложилась система словообразовательных суффиксов какой-либо грамматической категории, процесс, в силу консервативности языковых законов, повторяется.

Для прилагательных второй этап начинается с трансформации нового локативного суффикса **-t*, сначала принявшего на себя функцию аблатива, потом генитива, показатель которого и приобщается к суффиксальной системе прилагательного. Разумеется, если этот процесс распространился на все ярусы грамматики языка, следует ожидать, что вся надежная система участвует в этом процессе, а значит при тщательном анализе в суффиксах прилагательных можно обнаружить показатель любого локатива или латива.

2.3.3. Становление прилагательных на **-nъ* в мордовских языках.

Путь к мордовскому генитиву, а следовательно, и к прилагательным с суффиксом *-nъ* не так прост и прямолинеен, если принять во внимание варианты локальных и абстрактных падежей, но в целом довольно прозрачен. На это указывают суффиксы древних падежей в ряде наречных форм. Становление прилагательных на **-nъ* начинается трансформацией значения локатива на **-nъ* в латив на **-nъ* и, далее, связано с распространением ге-

нитива на **-нь*. Однако не следует понимать так, будто становление прилагательных с суффиксом **-нь* осуществилось с неизбежной последовательностью. Подчеркиваем: в разряд прилагательных входили слова с суффиксом *-нь* на любом этапе их развития, функционируя в качестве несогласованных определений имени существительного. Ср. мокш. *тя-н-и* 'теперь', *тя ве-ня* и т.п. (в первом случае суффикс локатива *-нь*, во втором случае — *-а*), *ко-зо-нь* 'куда?', *тозо-нь* 'туда' (**-нь* — суффикс древнего направительного падежа), *кeve-нь* 'камня', 'каменный' (*-нь* — показатель генитива существительных и суффикс прилагательных).

Чтобы стала возможной подобная трансформация в значении локативов (*ал-ня* 'низкий' — *кеве-нь* 'каменный': *-ня* > *-нь*), локатив, волею судьбы легший в основу словообразовательных процессов, должен быть поддержан системой суффиксов, образующих слова с близким значением: *ал-ня* 'низкий' (вышедший из употребления суффикс локатива), *ал-це* 'нижний', т.е. 'находящийся внизу' (суффикс, связанный происхождением с суффиксом *-ца* инессива), *ал-до-нь* 'нижний' (т.е. тот, что исходит снизу: суффикс аблатива *-до* и атрибутивный показатель *-нь*), *ал-га-кс* 'низменный', 'расположенный в низине' (мокшанский пролатив на *-га* и суффикс транслатива *-кс*). Но эти слова образуют полноценную систему атрибутивных имен только в том случае, если их суффиксальная система разошлась с системой суффиксов наречий: ср. *ал-у* 'вниз', *ал-а* и *ал-у-ва* 'внизу' и т.п.

Древний направительный падеж, обнаруживаемый в мордовских наречиях типа *тозо-нь* 'туда', выделяется также в суффиксе дательного падежа: эрз. *-не-нь* (второе *-нь*), мокш. *-н-ди*.

Многие атрибутивные имена носителями языка, по всей вероятности, воспринимаются как прилагательные, хотя нередко в тексте они функционируют как прилагательные и наречия: мокш. *питни* 'дорого', 'дорогой': *сери* 'высоко', 'высокий'. Но многие качественные прилагательные в функции наречия оформляются суффиксом *-сто/-ста*, являющимся показателем элатива: *виде* 'прямой' — *виде-ста* 'прямо', *пара* 'хороший' — *пар-ста* 'хорошо', *тёждя* 'легкий', 'легко' — *тёждя-ста* 'легко'.

Показательно, что от прилагательных на *-нь* наречия с суффиксом *-сто/-ста* не образуются, а это свидетельствует о том,

что суффикс *-нъ* образует разряд притяжательно-относительных прилагательных, а не качественных.

В марийских языках¹¹ некоторые послеложные слова и наречия с пространственным значением содержат суффикс *-не*, *-но*, *-нѵ* // *-ны*, *-нѵ*, восходящий к древнему локативному **-на//*-нѵ* : *оѵж-но* // *оѵж-ны* 'раньше', 'в старину', *мундыр-нѵ* // *мундыр-ны* 'далеко'; *йымал-не* // *лѵвал-ны* 'внизу', *умбал-не* 'вдали', *умбал-не* 'наверху', *покшел-не* 'посреди', *ул-но* 'внизу', *вокте-не* 'вблизь'.

Реликты финно-угорского локативного **-и* содержатся в числительных: *ика-на* 'однажды', *веска-на* 'в другой раз' и др.¹²

2.3.4. Становление прилагательных на *-ан* в марийских языках.

Наречия и послелogi марийских языков, содержащие финно-угорский локативный **-на//*-нѵ*, в основном обозначают местонахождение, и лишь немногие слова служат наречиями времени. В некоторых говорах локатив с суффиксом *-не*, *-но*, *-нѵ* функционирует как живой падеж.

Считается, что марийский генитив на *-ын* восходит к локативу на **-на//*-нѵ*. С помощью этого показателя образуются наречия образа действия: *писе* 'быстрый' — *пис-ын* 'быстро', *шокшо* 'теплый' — *шокш-ын* 'тепло', *шерге* 'дорогой' — *шерг-ын* 'дорого', *шукшѵ* 'плохой' — *шукш-ын* 'плохо'. Сохранились в марийских языках и реликты направительного падежа на **-и* в суффиксе дательного падежа *-ла-и*. Это *-и* вторичного происхождения, так как используется для дублирования направительного падежа на *-ла*. То есть, если в мордовских падежах четко прослеживается процесс проникновения локативного *-нъ* через латив в генитив и имя прилагательное, в марийских этот процесс осложнен новыми моментами и выявляется не так ясно.

¹¹ В левой части до знака // даны примеры из восточно-лугового марийского, в правой части после знака // — примеры из горномарийского языка.

¹² Многочисленные примеры по локативам даны в работе Е.И.Коведяевой (1978).

Типологически процессы становления имени прилагательного в мордовских и марийских языках как будто не совпадают: в марийских суффикс генитива *-ын* не участвует в образовании прилагательных. Более того, в отличие от мордовских языков, где наречия образа действия образуются посредством элатива *-сто// -ста*, в марийских в процессе адвербиализации используется суффикс генитива *-ын*, восходящий к локативу (примеры выше). Следовательно, или выявляемый в мордовских языках показатель локатива *-не, -ня* — позднего происхождения, или в марийских этот процесс осуществляется не так последовательно. В дальнейшем мы покажем, что в марийских языках имел место второй процесс.

Направительный падеж на **-н'* выделяется и в марийском суффиксе *-не-к*: *воды-нек* 'с вечера', *изи-нек* 'с малых лет' и др.

Исследователи марийских языков не обращают особенного внимания на инессив с суффиксом *-ан*, между прочим, выделяемый Б.А.Серебренниковым в пермских языках (1963, 55). В некоторых случаях он употребляется наряду с *-не*: *лиш-не, лиш-ан* 'близко'; *куш-нӧ, куш-ан* 'наверху'; *ул-нӧ, ул-ан* 'внизу'. Данные примеры позволяют выделить суффикс *-ан*, а *-лан* в ряде послелогов: *йымал-не, йымал-ан* 'внизу', *шенел-не, шенел-ан* 'позади', *дер-ан* 'около', 'у', 'возле'. По-видимому, правильней выделять *-ан*, а не *-н* в суффиксе дательного падежа *-л-ан*.

Особенно ясное представление о семантике суффикса *-ан* дает вопросительное наречие *ку-ш-ан* 'где?'.

В приведенных примерах *-ан* можно понимать и как лативный суффикс. Ср. в мокшанском *мала-са* 'близко (находиться)', *мала-с* 'близко (подойти)', *мала-ва* 'близко (пройти)'. Суффикс *-ан* сближается по значению с мокшанским инессивом на *-са* (1-й пример) и иллативом на *-с* (2-й пример). Напомним, что марийский показатель обстоятельственного падежа *-(е)ш* как раз и совмещает оба эти значения (СМЯ 1961, 68). Наречие *ку-ш-ан* 'где?' подтверждает справедливость подобного вывода, так как в нем значение суффикса *-ш* дублируется суффиксом *-ан*. Ср. также наречие *ку-што* 'где?', содержащее местоименный корень *ку-* и показатель инессива *-што*, и наречия *ку-шко* 'куда?', где *-шко* — показатель иллатива, и *ку-на-м* 'когда?', где суффикс *-на* — реликт древнего локатива. Полагаем, что в серии наречий *лиш-не*,

лиш-ан, *лиш-ке* 'близко' *лиш-ан* занимает промежуточное положение между локативом на *-не* и лативом на *-ке* и, кстати, может иллюстрировать трансформацию значения суффикса от локатива к лативу.

Таким образом, как генитив на *-ын*, так и инессив-иллатив на *-ан* представляют две стороны одного процесса, и оба суффикса могли пройти через стадию комитатива или инструктива (*-in' > an*). Во всяком случае, в говорах марийских языков наблюдается употребление генитива в значении инструктива.

Но если это так, то суффикс *-an// -ан*, *-ән* (или *-ян*) многочисленных прилагательных марийских языков со значением обладания является вершиной развития от суффикса локатива **-na//*-nā* к словообразовательному суффиксу прилагательных *вуд-ан// вьд-ан* 'водянистый' (от *вуд// вьд* 'вода', *йылм-ан// йылм-ан* 'острый на язык' (от *йылме// йылмы* 'язык'), *ват-ан* 'женатый', 'имеющий жену' (от *вате* 'жена'), *удыр-ан* 'имеющий дочь' (от *удыр* 'дочь'), *ку-ан* 'каменный', *ви-ян* 'сильный' и др.

Следовательно, становление имени прилагательного в марийских языках не находится в стороне от процессов, происходящих в прибалтийско-финских и мордовских языках, хотя и характеризуется некоторым своеобразием.

Впрочем, прилагательным с суффиксом *-an// -ян*, по видимому, не всегда присуще значение обладания; имеются случаи их перехода в качественные прилагательные, в связи с чем они образуют наречия образа действия: ср. *йушт-ын* 'холодный' — *йушт-ын* 'холодно'.

В марийских языках имеются деепричастия на *-ын* (в восточном наречии на *-ыш-ын*), суффикс которых материально совпадает с показателем генитива (Коведяева 1978, 239).

2.3.5. Пермский инессив на *-ын*.

Окончания некоторых наречий пермских языков указывают на их происхождение от финно-угорского локатива на **-na//*-nā*: коми *сэ-н* 'там', *та-н* 'здесь', *кд-н* 'где?'.

В удмуртском языке суффикс *-н*, вероятно, не обнаруживается. В слове *уин* 'ночью' (от *уй* 'ночь') выделяется суффикс местного падежа **-in*. Правда, большинство авторов усматривают

здесь показатель инструменталиса (творительного падежа): ср. *ма-ин* 'чем?', 'с чем?'.

Велик соблазн выделить локативный суффикс в словах *туннэ* 'сегодня', *толон* 'вчера', *валлян* 'позавчера', но традиционная точка зрения не позволяет этого сделать, этимологизируя указанные слова следующим образом: *туннэ* возводится к **та лунэ* (букв. 'в этот день'), где **лун-э* — иллатив от слова *лун* 'день' (ср. коми *та-лун* 'сегодня'); *толон* возводится к **та лун* (Тепляшина, Лыткин 1976, 194).

Зато в удмуртском и коми можно выделить локативный *-на*, восходящий к финно-угорскому **-на*/**-нэ*: удм. *чук-на* 'утро', 'утром', коми *рыт-на-с* 'вечером' (*рыт* 'вечер'), *тöв-на-с* 'зимой' (*тöв* 'зима'), *гожсьм-на-с* 'летом' (*гожсьм* 'лето'), *ар-на-с* 'осенью' (*ар* 'осень'), *асыв-на-с* 'утром' (*асыв* 'утро'). Приведенные слова языка коми имеют параллельные формы в местном падеже: *рыт-ын* 'вечером' и т.д.

Обращаем внимание, что указанные примеры побуждают реконструировать для языков коми (а вероятней всего, для пермских языков в целом) локативный *-с*: во-первых, не выделить локативный *-с* невозможно, потому что примеры прозрачно указывают на его существование, во вторых, если мы оставим без внимания локатив на *-с*, не очень ясным будет распространение *-с* в других падежах пермских языков и, в-третьих, однотипность процессов, происходящих в финно-угорских языках, диктует сделать это, ведь роль форманта *-с* в образовании падежных систем прибалтийско-финских, саамских и волжских языков очевидна.

Василий Ильич ЛЫТКИН
(1895—1981)

В пермских языках есть живой местный падеж — инессив на *-ын*, восходящий к локативу на **-na/*-nā*: удм. *гурт-ын* 'в деревне', *ар-ын* 'осенью', коми *вӧр-ын* 'в лесу'. В удмуртских диалектах встречается более архаичная форма инессива на *-in* (Серебренников 1963, 81).

Считается, что суффикс *-ын* состоит из лативного *-i~ -ы-* и локативного *-н*. Возможно, показатель локатива включает не лативный, а локативный *-и-*: ср. параллельные формы в наречиях языка коми: *сэ-н ~ сэ-н-и* 'там', *та-н ~ та-н-и* 'здесь', *кӧ-н ~ кӧ-н-и* 'где?'.

Постулировать участие лативного *-и* в формировании инессива, когда в языке существует локативный *-и*, едва ли правомерно. И.Буденц, Д.Фокош-Фукс, а также в некоторой степени Б.Коллиндер утверждали происхождение пермского инессива *-ын* из более древнего *-sn* (ср. фин. инессив *-ssa < *-sna*): *кар-ын* 'в городе' из **kary-sn* (Collinder 1960, 292). Они исходили из данных финского языка и гипотезы, согласно которой в финно-угорском праязыке основы существительных и глаголов были двусложными и многосложными, а суффиксы падежей начинались с согласного звука. Поэтому конечные гласные инессива и иллатива рассматриваются как древние конечные гласные основ, отошедшие к падежному суффиксу в результате переразложения основы: **kary-sn > kar-yn*.

Со всем этим можно было бы согласиться, но, к сожалению, нет оснований выводить показатель инессива *-ын* из *-sn* и предполагать исчезновение локативного *-s*, ведь в прибалтийско-финских языках выпал локативный **-n* (фин. **-sna > -ssa*), а не *-s*. Кроме того, в пермских языках *-s* присутствует в ряде локативных падежей, что могло бы воспрепятствовать исчезновению *-s*. Наличие в пермских языках локативного *-на* указывает на возможность прямого происхождения инессивного *-ын* от *n*-ового локатива путем расхождения омонимичных форм. Об этом же свидетельствуют и параллельные формы локатива некоторых наречий языка коми: *гожӧм-ын ~ гожӧм-на-с* 'летом'.

Наибольшее распространение в финно-угроведческой литературе получило мнение о происхождении суффикса пермского инессива от финно-угорского локативного **-na/*-nā*. Гласный *-ы* рассматривается как конечный гласный основы, что не противо-

речит тому, что он входит в состав показателя инессива *-ын* в качестве суффикса древнего локатива или, по мнению других исследователей, латива.

2.3.6. Пермский инессив на **-ан*.

Финно-угроведы считают, что, помимо инессива на *-ын*, рефлексом финно-угорского *n*-ового локатива является инструменталис на *-өн, -эн*, рассматриваемый нами в разделе 7.

Б.А.Серебренников выделил в пермских языках еще одну форму локатива — инессив на *-ан* (1963, 55).

Рассматривая прилагательные на *-ан, -ян*, мы постулировали для марийских языков существование инессива на **-ан*. В прилагательных языка коми также есть суффикс *-ан*, что само по себе дает веские основания для реконструкции соответствующего локатива: *гожс-ся, гожс-ьян* 'летний'. "Наиболее архаичной формой суффиксов относительных прилагательных *-а* и *-о* в пермских языках следует считать *-а*, сохранившееся в чистом виде в современном языке коми. Удмуртский суффикс *-о* — результат более позднего изменения первоначального суффикса *-а*.

Можно предполагать, что этот суффикс представляет собой падежную форму локатива на *-ан*, где *а* — особый посессивный суффикс, а *n* — окончание местного падежа, восходящее генетически к уральскому окончанию местного падежа *-на*, реликты которого сохраняются до сих пор в формах местного падежа притяжательного склонения типа удм. *gurtam* 'в моей деревне', *gurtad* 'в твоей деревне', *gurtaz* 'в его деревне' и т.д. Локатив на *-ан* мог также иметь значение творительного и совместного падежа" (Серебренников 1963, 173, а также: 1962, 19; 1963, 55).

Формы притяжательного склонения коми-зырянского языка *керкаам* 'в моем доме', 'в мой дом', *керкаад* 'в твоём доме', 'в твой дом', *керкаас* 'в его доме', 'в его дом' и удмуртского языка *лудам* 'в моем поле', 'на моем поле', *лудаад* 'на твоём поле', 'на твоё поле', *лудаз* 'на его поле', 'в его поле' первоначально были *керкаанм, керкаанд, керкаанс, луданм, луданд, луданз* и т.д. Слоганный инессива *-ан*, по версии Б.А.Серебренникова, исчез с последующей назализацией предыдущего гласного, который впоследствии превратился в чистый гласный. В суффиксе *-а*

относительных прилагательных он видит остатки комитативного значения местного падежа на *-ан*: *вын-а* 'сильный' < **вын-ан*, *гос-а* 'жирный' < **гос-ан*, *лым-ъя* 'снежный' < **лым-ьян* и т.п. Реликты этого же комитатива на *-ан* он усматривает в наречных формах коми-зырянского языка, образованных от прилагательных с суффиксом *-ыд*: *веськ-ыд* 'прямой' — *веськ-ыд-а* 'прямо', *зум-ыд* 'крепкий' — *зум-ыд-а* 'крепко'. Суффикс относительных прилагательных, по его мнению, существовал еще в общепермскую эпоху.

Проблема инессива на *-ан* — весьма сложная и, вероятно, должна решаться в несколько этапов.

1. Наличие в языках коми параллельных образований с суффиксами *-ан*, *-ян* и суффиксами *-ысь*, *-ись*, *-ся* свидетельствует в пользу локативного происхождения суффикса *-ан//ян*, так как суффикс прилагательных *-ысь//-ись* является в то же время показателем элатива: *вис-ян*, *вись-ысь* 'больной'; *вуд-ан* 'водянистый' и *вуд-ыс-ё* 'водный'; *тёв-ся*, *тёв-ьян* 'зимний'; *гожс-ся*, *гожс-ьян* 'летний' и т.п.

В близкородственных языках естественно предположить параллельное развитие одной и той же категории; причем не обязательно считать *-а* посессивным суффиксом, так как любой локатив в функции родительного падежа приобретает значение принадлежности.

Но вот что показательно: располагая суффиксом *-ан*, язык коми едва ли мог сохранить *-н* в одних словах, утратив его в других, поэтому одно из двух : 1) или суффикс *-а* в словах типа *вын-а* 'сильный', *дон-а* 'дорогой' и др. иное явление, нежели суффикс *-ан*, или 2) языковые явления нужно рассматривать не только с отрицательной стороны, как исчезающие, но и с положительной стороны, как возникающие. В этом случае следует признать, что с исчезновением локатива суффикс *-ан* не распространился на все прилагательные, т.е. не вытеснил суффикс *-а*.

2. Употребляющийся в коми-зырянских говорах локатив на *-алл-я* вместо литературного *-ын* свидетельствует только о том, что в языке есть дублетные формы локатива, но это вовсе не означает, что суффикс прилагательных *-а* тождествен суффиксу *-ан*, равно как едва ли он тождествен суффиксу *-а* наречий: ср. *вын-а* 'сильный', *дон-а* 'дорогой' и *ыджыд* 'сильный', *ыджыд-а*

‘сильно’, а также *лѣк* ‘плохой’ и *лѣк-а* ‘плохо’. Кстати, соответствующие прилагательные удмуртского языка не образуют наречий с суффиксом *-а*: коми *паськ-ыд* ‘широкий’ — *паськ-ыд-а* ‘широко’; удм. *паськ-ыт* ‘широкий’ и ‘широко’. Следовательно, удмуртский язык не выработал форм, существующих в языках коми. Наречия образа действия здесь, по-видимому, не отграничены от прилагательных.

Другие примеры: удм. *урод, алама* ‘плохой’, ‘плохо’ — коми *лѣк, омѡль* ‘плохой’, *лѣк-а, омѡл-я* ‘плохо’; удм. *шонер* ‘правильный’, ‘правильно’ — коми *веськ-ыд* ‘правильный’ *веськ-ыд-а* ‘правильно’. Кроме того, сравнение данных языков коми с родственными языками свидетельствует о том, что образование наречий в пермских языках находится в процессе становления. Ср.: марийское *чучк-ыд-ын* ‘густо’, где наречие формирует суффикс *-ын*, по форме совпадающий с суффиксом генитива, и коми *тишѡк-ыд-а* ‘густо’, а также в марийском *уш-ан* ‘умный’ — *уш-ан-ын* ‘умно’. Последний пример лишний раз подтверждает, что марийские языки выработали суффиксальную систему, которая в пермских языках только складывается.

3. Суффиксу *-а* языков коми в удмуртском соответствует *-о*. Поскольку суффикс *-а* представляет собой архаичное явление и локатив на *-ан*, постулируемый нами, также древнее явление, то, в случае отпадения конечного *-н*, если оно вообще было, следует ожидать сохранения *-а* и в удмуртском: удм. *дун-о*, коми *дон-о* ‘дорогой’. Так как в удмуртском суффиксу *-а* языков коми соответствует *-о*, по-видимому, суффиксы *-а* и *-ан* прилагательных различного происхождения, то есть *-а* в слове *вын-а* ‘сильный’ появилось не в результате развития суффикса *-ан*.

2.4. Локатив на *-t.

Финно-угорский общеместный падеж в мордовских языках не сохранился как живой падеж и выявляется в небольшом числе слов наречного характера со значением времени в виде *-т*, *-ть*: *ве-ть* ‘ночью’, *чи-ть/иши-ть* ‘днем’, *кува-ть* ‘долго’, *чокиште-ть/иля-ть* ‘вечером’; эрз. *валске-ть* ‘утром’, *мань-ть* ‘в позапрошлом году’, *улко-ть* ‘недавно’, ‘в позапрошлом году’

(Collinder 1960, 297). Сюда же относится и послелог *пер-ть* (диал. *пер-к*): *ве-нь пер-ть* 'всю ночь'. Д.В.Бубрих объединял локативный *-t* с суффиксом отложительного падежа *-da*, *-do*, *-ta*, *-to* (Бубрих 1953, 56).

В мокшанском языке наряду с формами древнего локатива на **-t* встречаются формы локативного **-n*: *ши-ть* 'днем' — *тяф-тама ши-ня* 'в такой день', *ве-ть* 'ночью' — *тя ве-ня* 'этой ночью' (то же и в эрзянском: *чи-ть* — *истяма чи-не*, *ве-ть* — *те ве-не*).

В марийских языках выявляются три варианта локативного **-t* — *-т*, *-те*, *-де*. Последние два варианта, вероятно, употребляются, соответственно, после глухих и звонких согласных: *кызы-т* 'сейчас', *шундер-те// пулагер-ды* 'давно', *кас-те-не* 'вечером', *эр-де-не* 'утром'. Как и в мордовских языках, это реликтовые формы наречий со значением времени.

Й.Синнеи и другие исследователи не обнаруживали локативный **-t* в пермских языках (Szinyei 1922, 73). Заслуга первооткрывателя принадлежит Ю.Вихману, выделившему локативный **-t* в суффиксе пермского транзитива на *-t-i*, а также в составе некоторых наречий: удм. *бусы-е-т-й* 'по полю', *выл-т-й* 'по тропинке' (окончание транзитива удм. *-(е)т-й*, к.-з. *-ō-д*, к.-п. *-ōт*); удм. *кы-т-ын*, *кы-т-й*, *кы-т-ысь* 'где?' — коми *кы-т-он(i)*, *кы-т-чō*, *кы-т-ысь*, *кы-т-і* 'где?'; удм. *та-т-ын*, *та-т-й*, коми *та-т-он*, *та-т(i)*, *та-т-ысь* 'здесь' и т.д.

Кроме пролатива, локативный *-t* представлен в окончании пермского комитатива *-ō//т*: к.-з. *-кō-д*, к.-п. *-кō-т* (рассматриваются в разделах 6; 27).

В первой главе было высказано предположение, что локатив на **-n* в финно-угорских языках древнее локатива на **-t*. Мордовские языки как будто подтверждают это предположение: *вас-ня// васе-н-да* 'сначала', 'сперва', *киз-на// кизо-н-да* 'летом', *сёкс-ня// сёксе-н-да* 'осенью', *тель-ня// тяло-н-да* 'зимой', эрз. *чоки-не* и *чоки-не-ть* 'вечером'. Правда, следует помнить, что мокшанские *-н* и *-да*, по всей видимости, вторичные образования и если в эрзянском формы с суффиксом *-ня* происходят от локатива, мокшанские формы с *-н* стоят ближе к инструктиву, поэтому в функции наречия и дублируются темпоральным *-да*, который, скорее всего, является отражением локативного **-t*, а не аблативного *-да*.

И наоборот, формы пермских наречий как будто указывают на иной путь развития локативов: удм. *та-т-ын*, коми *та-т-он* 'здесь'; удм. *о-т-ын*, коми *со-т-он* 'там'; удм. *кы-т-ын*, коми *кы-т-он* 'где?'. Но обращает на себя внимание тот факт, что в словах языков коми окончание *-он* совпадает с суффиксом инструменталиса. Следовательно, хотя *-ын* ~ *-он* и обозначают локатив, но они еще сохраняют связь с инструментальным падежом, то есть — это вторичные образования. Так что реликтовые формы древних падежей в волжских и пермских языках позволяют реконструировать эволюцию значения локативных падежей:

<i>-и</i>	<i>-т</i>	<i>-и</i>	<i>-т ~ -д</i>
локатив	локатив	латив	аблатив

—————→

То есть и эта группа языков полностью подтверждает наш вывод. Впрочем, вопрос о первичности локативного **-и* сравнительно с локативом на **-т* требует более глубоких обоснований.

Поскольку данное исследование посвящено соотношению локативов и имени прилагательного, правомерно задать вопрос: могли ли суффикс локатива **-т* формировать имя прилагательное? В этом отношении представляют интерес темпоральные наречия с суффиксом *-д* в мордовских языках: *зяр-до*// *мзяр-да* 'когда?', *сняр-да* 'тогда', *ван-ды* 'завтра' и др. Что вопросительные наречия образуются с помощью суффикса локатива, а не аблатива, указывает наречие *ван-ды*, образованное вариантом *-ды* суффикса локатива, так как показателем аблатива в мордовских языках являются суффиксы *-до* ~ *-то*// *-да* ~ *-та*.

Равным образом в мокшанских прилагательных *вяр-де-нь* 'верхний' (*вярь* 'верх'), но *вяр-е* 'вверху', *ичко-з-де-нь* 'дальний' (*ичко-зе* 'далеко') обнаруживается суффикс, восходящий к локативному **-де*, что особенно иллюстрирует второй пример (*ичко-з-де-нь*).

Между прочим, сравнение наречий *ичко-зе* 'внутри', *то-за* 'туда', *то-са* 'там', *тя-за* 'сюда', *тя-са* 'здесь', *ко-за* 'куда?' (ср. саам. *ко-з* с тем же значением) даст основание выделить в мокшанском языке инессив на *-зе* и латив на *-за*, находящий соответствие в финском лативном *-se(n)*. Вероятно, мордовский суффикс

-са использовался в двух значениях — как показатель инессива и латива. Впоследствии формы разошлись и *-са* закрепилось за инессивом. Но такое предположение оставляет без объяснения форму *ичко-зе*. Возможно, все было иначе: в прамордовском была общая форма для обозначения инессива и латива **-зе ~ *-за*. Позже формы разошлись и для инессива возникла форма с суффиксом *-са*. Во всяком случае, в саамском инессиву на *-es'(t)* соответствует латив на *-z*.

Локативный **-де* с вариантами использовался в качестве суффикса прилагательных на отрезке развития языка от локативного **-t ~ *-t'* к аблативному **-d ~ *-d'* через промежуточную ступень, образуемую локативным **-d ~ *-d'*.

Об этом свидетельствуют также прилагательные мордовских языков, осложненные суффиксом *-не// -ня*, имеющим явно локативное происхождение: *шож-да*, *шож-ды-не// тёж-да*, *тёж-дя-ня* 'легкий', 'нетяжелый' (ср. с наречием *ван-ды*).

По-видимому, такого же происхождения суффикс *-да-* в слове *ко-да-ма* 'какой?'. Об этом же свидетельствует марийское местоимение *ку-да// кы-ды* 'который?'. В марийском языке есть падежеобразный суффикс *-де* абессива, но он не имеет отношения к рассматриваемому типу прилагательных. К локативному **-t* восходит марийский аблатив на *-ч*.

Марийский абессив на *-де*, возможно, является рефлексом и развитием локативного **-де ~ *-те*, что явствует из наличия в марийском наречий типа *кас-те-не* 'вечером', *эр-де-не* 'утром'. В таком случае в марийских прилагательных *кум-да* 'широкий', *кан-де* 'синий' и др. выявляется локативный *-д-*.

Для объяснения мордовских форм *чопо-да// шоб-да* 'темный', *вал-до// вал-да* требуются дополнительные сведения.

Мордовские прилагательные на *-ода// -ода* (*калг-ода// калг-ода* 'твердый'), марийские на *-ыд-е*, *-ыд-о* (*тыг-ыд-е* 'мелкий', 'некрупный'), а также удмуртские с суффиксом *-ыт* и коми с суффиксом *-ыд* (удм. *пасык-ыт*, коми *пасык-ыд* 'широкий') иного происхождения и рассматриваются в связи с аблативом на **-t ~ *-d* (раздел 16).

2.5. Пролатив на *-(е)тй, -ёд/ёт*.

Локатив на **-t* отразился в окончаниях переходного падежа (пролатива) пермских языков: удм. *-ети*, коми *-ёд (-ёт)*, *-тй*. Форма на *-ет* ижемского диалекта удмуртского языка считается наиболее архаичной. Конечное *-д* коми-зырянского языка более позднего происхождения.

В языке коми имеется вариант пролатива *-тй*, проясняющий его происхождение. Местоименные формы пролатива на *-тй* соседствуют с локативом на *-т*: *кы-т-й* 'по какому месту?', 'где?' и *кы-т* 'где?', *та-т-й* 'по этому месту', 'здесь' и *та-т* 'здесь', *сэ-т-й* 'по тому месту', 'там' и *сэ-т* 'там'.

Пролативные формы на *-т-й* знает и удмуртский язык: *кы-т-й* 'где?', *та-т-й* 'здесь', *о-т-й* 'там'. Очевидно, трансформация значения в локативе на *-т* сопровождалась осложнением локативного суффикса коаффиксом *-й ~ -и*. Местный падеж и пролатив близки по значению: собственно говоря, местный падеж обозначает местонахождение в статике, а пролатив — в динамике.

По Ю.Вихману, пролатив на *-тй* (в глазовском диалекте удмуртского языка *-ки*) состоит из двух формантов с локативным значением: *-й* пролатива Ю.Вихман отождествляет с локативным *-й* некоторых коми-зырянских наречий: *сэ-н-й* 'там', *та-н-й* 'там', *выл-й* 'высоко', 'верхний' (*выл* 'верх'), *ыл-й* 'далеко', 'дальний' (*ыл ~ ыл-й* 'даль'). А *-т* он сопоставляет с выше рассмотренным нами *-т* в наречиях: удм. *та-т-ын* 'здесь', *о-т-ын* 'там', коми *та-т-ён* 'здесь', *сэ-т-ён* 'там' (Wichmann 1954, 158; также Uotila 1933, 101).

Таким образом, Ю.Вихман высказался за разделение пролатива языков коми на два падежа: пролатив *-тй* он определил как транзитив со значением 'где?', 'по какому месту?', падеж с окончанием *-ёд* он назвал просекутивом, обозначающим движение через что-либо или вдоль чего-либо.

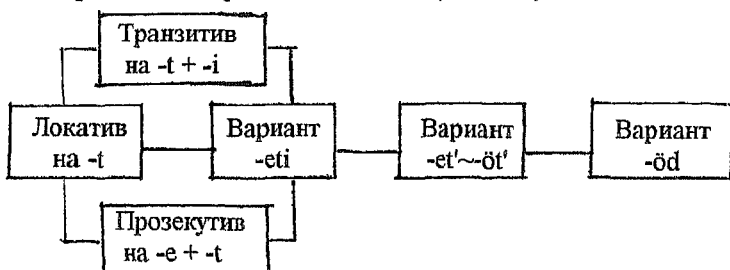
Появление пролатива на *-тй* в языках коми Д.В.Бубрих объяснял влиянием местоименных наречий типа *та-т-й* 'здесь', а суффикс *-т-*, как и Э.Беке, возводил к окончанию *t*-ового аблатива, который он понимал как падеж с широким кругом значений: местонахождения, направления, движения вдоль чего-либо минус аблативное значение, перешедшее к *c*-овому падежу (Бубрих

1944, 55 и след.; Beke 1911, 242; Lakó 1950, 221 ff). Действительно, финно-угорский партитив на *-ta/-tä* в ряде языков может употребляться в пролативном или транзитивном значении.

Окончание пролатива *-õd/-õm* в языках коми, судя по всему, является сложным и состоит из лативного *-õ*, которое встречается в иллативе, и локативного **-t*.

Окончание пролатива *-em* в удмуртском языке родственно окончанию пролатива языков коми *-õd/-õm*. Удмуртский пролатив приобрел дополнительный суффикс локатива *-i*, на что указывает мягкий вариант суффикса *-õmь*, встречающийся в говорах языков коми. Впрочем, мы придерживаемся иного мнения: удмуртский пролатив мог образоваться посредством присоединения к иллативу на *-e* локативного *-mi*, приобретшего в местоименных наречиях пролативное значение. Расщепление локативного **-t* на *-d* и *-t* произошло в истории языков коми под влиянием *t*-ового аблатива.

Б.А.Серебренников дает следующую схему становления пермского пролатива, которая нам представляется верной в общем и в частности, кроме одного: она не учитывает роль иллатива в образовании переходного падежа (1963, 59).

О порядковых числительных волжских языков речь пойдет особо. Что касается пермских языков, то суффикс порядковых числительных есть не что иное, как показатель пролатива, то есть в конечном счете восходит к локативу: удм. *нылметий* 'четвертый' (*ныль* 'четыре'), коми *нõль-õд* 'четвертый' (*нõль* 'четыре').

Для данного исследования достаточно того, что подтверждается идея о связи порядковых числительных с показателем локатива (в нашем случае: пролатива), а поскольку языковые явления консервативны, можно сделать вывод, что местные падежи в том

или ином варианте участвуют в формировании и атрибутивных имен — прилагательных. Так как порядковые числительные формировались позже, то они воспользовались более поздним по происхождению локативным образованием, между тем как в прилагательных можно выделить более архаичные суффиксы, а значит, реконструировать древние падежи и их эволюционную схему, иначе: смену падежных систем.

Ю.Вихман, обратив внимание на сходство показателей порядковых числительных и пролатива, допустил возможность происхождения пермских окончаний просекутива (коми *-d*, *-m*, удм. *-mij*) из *-nte*, так как, согласно традиционной точке зрения, *-d*, *-m*, *-mij* в окончаниях порядковых числительных развились из первоначального *-nte* (Wichmann 1911, 155, 156): ср. саамское *n'al'j-ant* 'четвертый' (*n'al'j* 'четыре').

Это справедливо, если предположить развитие древнего суффикса *-nte* в показатель порядковых числительных, по форме совпавший с суффиксом пролатива. Но на пути подобных объяснений возникнут непреодолимые трудности, если в том же духе объяснять числительные родственных языков, например, мокш. *ниле-це* 'четвертый' (*ниле* 'четыре') и марийское *ныл-ым-ше* 'четвертый' (*ныл* 'четыре'). Марийский суффикс *-ым-ше* никак не мог возникнуть из постулируемого *-nte*.

Более оправданным является объяснение фактов изнутри данной языковой семьи. В нашем случае единственно правильным будет следующее объяснение: становление системы порядковых числительных происходило в то время, когда в пермских языках осуществлялась перестройка падежной системы в пользу пролатива с суффиксом *-(e)mi*, *-d*, *-d*, *-d*, которые и были присоединены к числительным.

2.6. Латив на *-n'. Инструментальный падеж пермских языков на -өн (-эн).

2.6.1. Латив на *-n'.

Поскольку для мордовских языков, как было показано выше, реконструируется локатив с суффиксальными **-n//*-нь*, а также потому, что в падежной системе мордовских языков имеется генитив на *-нь*, давший начало притяжательно-относительным при-

лагательным, естественно предположить существование в наречиях мордовских языков лативного *-нь* и даже инструменталиса с суффиксом *-нь*, потому что эволюция локатива в генитив, как правило, осуществляется через промежуточные этапы, ибо только наличие ряда падежей с одним и тем же суффиксом благоприятствует развитию атрибутивных значений в генитиве.

В наречных формах эрзянского языка, действительно, присутствует лативный *-нь*: *ко-зо-нь* 'куда?', *то-зо-нь* 'туда', *те-зе-нь* 'сюда'. В мокшанском соответствующих форм с показателем *-нь* нет: *ко-за*, *то-за*, *тя-за* (ср. Бубрих 1953, 209). В диалектах, наряду с литературным *-нь*, выступают суффиксы *-й*, *-ң*: *тозо* ~ *тозо-нь* ~ *тозо-й* ~ *тозо-ң* (Ермушкин 1978, 163).

В пермских языках также обнаруживается латив на *-нь*, вышедший из употребления. Он был представлен двумя формами: 1) формой на *-ынь* и 2) формой на *-ань*. Вторая, вероятно, более архаична.

Суффикс *-ынь* представлен в некоторых наречиях коми-зырянского и удмуртского языков: к.з. *кым-ынь* 'ничком' (*кым-ос* 'лоб'), удм. *кым-ин*; удм. *йыр-ин ул-лань* 'вниз головой' (*йыр* 'голова').

Формант *-ы-нь* состоит из двух лативных суффиксов: *-ы* + *-нь*.

В местоименных формах *кы-т-с-янь* 'куда?', *та-т-с-янь* 'сюда', *сэ-т-с-янь* 'туда' и в диалектном слове *ас-ань* 'восточный', 'на восток' выделяется формант *-ань*, состоящий из двух направительных падежей (*-а* + *-нь*), хотя суффикс *-сянь* первых трех примеров является показателем эгрессива. Диалектная форма *ас-ань* указывает на возможный путь происхождения прилагательных на *-ань*.

Лативный *-нь* входит в состав показателя эгрессива *-сянь* (*-сь* + *-ань*) и аппроксиматива *-лань*. Последний составлен из двух направительных падежей *-ла* + *-нь* или же он образован присоединением лативного *-ань* к *-л-*.

2.6.2. Инструментальный падеж пермских языков на *-ан* (*-эн*).

Инструментальный, или творительный, падеж пермских языков имеет окончания: в удмуртском *-эн*, в языках коми *-ён*. Считается, что диалектные формы на *-эн* отражают более древнее

состояние. Дialeктные формы на *-ын* возникли как результат развития инессива на *-ын*.

Убедительно доказано, что *-н* инструменталиса восходит к финно-угорскому локативу **-na/*-nā*. Гласный *-ō-* (*-э-*), входящий в окончание инструменталиса, не получил должного обоснования.

Возводя *-н* к финно-угорскому **-na/*-nā*, исследователи учитывали переходные этапы, в частности, изменение значения локативного **-н* в комитативное, и затем развитие на этой основе творительного падежа. В трактовке вокалического компонента суффикса инструменталиса такой ход мысли ничего не дает. Думается, при реконструкции значения вокалического компонента пермского инструменталиса целесообразнее исходить из предположения, что он восходит к соответствующему локативу.

С формальной точки зрения подобному выводу ничто не препятствует; в пермских языках имеется иллатив: в коми он оканчивается на *-ō*, в удмуртском на *-э*, что соответствует саамскому дативу-иллативу на *-a//э*. А саамский суффикс иллатива, по-видимому, участвует в образовании инессива-элатива на *-е-сьт* и *л-овых* локативных образованиях. Суффиксы *-ō* в языках коми и *-э* в удмуртском языке входят составным компонентом в ряд направительных падежей, а также в состав некоторых абстрактных падежей, возводимых к древним локативам. В удмуртском формант *-э* образует: иллатив *-э*, аблатив *-л-э-сь*, адессив *-л-э-н*, инструменталис *-эн*, пролатив *-е-т-и* и, возможно, абессив *-т-э-к* и эгрессив *-ыс-е-н* (~ *ысь-э-н*). Достаточно сравнить пролатив вопросительного местоимения (*кы-т-и* 'по какому месту?') и существительного (*пурт-е-т-и* 'по ножу'), чтобы убедиться в том, что вариант суффикса *-е-т-и* использовался в определенных условиях, то есть в основах на согласный. В языках коми функционируют падежи с теми же суффиксами, только иллативному *-э* соответствует *-ō*: иллатив *-ō*, адессив *-л-ō-н*, инструменталис *-ō-н*, пролатив к.п. *-ō-т*, к.-з. *-ō-д* и, возможно, абессив *-т-ō-г*. В отличие от удмуртского, в языках коми аблатив и эгрессив формируются иначе, не с помощью суффикса *-ō*, зато с его помощью в коми образуется комитатив *-к-ō-т//к-ō-д*, отсутствующий в удмуртском, и терминатив на *-ō-д-э*, в удмуртском оканчивающийся

на -о-з, а также аллатив коми-пермяцкого языка на -л-б, имеющий окончание -лы в удмуртском и коми-зырянском.

Вариант аллатива коми-зырянского языка -лы, наряду с коми-пермяцким -лб, указывает на ту роль, какую в формировании падежной системы языков коми и, шире, пермских языков принимали лативные -б, -ы (-i).

2.7. История генитива волжских языков.

В мордовских языках генитив имеет окончание -нь/ -ень, в марийских — -н, -ын соответственно после основ, оканчивающихся на гласный и согласный звуки.

Окончание мордовского генитива -нь восходит к финно-угорскому генитиву *-н. Непалатализованный -н употребляется в некоторых эрзянских диалектах и в марийских языках: ср. марийское *тум-ын* и фин. *tamm-en* 'дуб' (Феоктистов 1975, 290).

В мордовских и марийских языках суффикс родительного падежа и суффикс принадлежности-относительных прилагательных совпадает, поэтому финно-угроведы отождествляют их (Collinder 1940, 41; Rávilá 1950, 75; Setälä 1899, 382; Szinyei 1910, 70; Wiedemann 1865, 21) или же, исходя из фактов прибалтийско-финских языков, отождествляют генитив с локативом (Бубрих 1955, 12—13; Kettunen 1958, 25; Munkácsi 1884, 292). Ср. морд. *кини-нь* 'железа', 'железный' и мар. *пу-н* 'дерева', 'деревянный'.

Д.В.Бубрих, исходя из более широкой гипотезы о происхождении ряда локальных падежей от словообразовательных суффиксов выделяет группу *н*-овых образований (лативные, комитативные, темпоральные, локативные) и объединяет их с генитивом. По его мнению, генитив возник на основе локативного значения. В языке существовали генитивоподобные имена, давшие начало прилагательным, местным падежам (локативу, лативу, инструктиву и др.), генитиву и наречиям с суффиксом -нб (Бубрих 1953, 52 и след.).

Здесь нарушено основание сравнения: если генитивоподобные имена послужили источником *н*-овых образований в волжских

языках, остается только недоумевать, почему сохранились прилагательные и генитив с суффиксом *-нь*, в то время как прочие падежи приходится реконструировать на основе небольшого числа реликтовых форм. Ввиду того, что легко просматривается связь генитива и *н*-овых прилагательных с локативом на **-н* и в мордовских языках, а пермский инессив материально совпадает с генитивом волжских языков, напрашивается вывод об эволюции в другом направлении: от локатива к генитиву (возможно, через промежуточные этапы) и, далее, к прилагательным.

О происхождении локатива на *-нь* в мордовских языках история в полном смысле слова умалчивает. Об этом можно только гадать. В остальном наша точка зрения отличается от мнения Д.В.Бубриха.

Значение принадлежности, действительно, развивается на основе локативных значений, но, чтобы значение принадлежности закрепилось за генитивом, наряду со значением принадлежности локатив приобретает в контексте и другие значения: аблативное, сопроводительное, разделительное, лативное и проч., на фоне которых и происходит формальное обособление генитива от локатива. В свою очередь, побочные значения локатива оформляются в самостоятельные падежи. Прилагательные обязаны своим происхождением прежде всего генитиву и лишь во вторую очередь локативу.

Сначала имена (и это были скорее всего существительные в родительном падеже, нежели прилагательные) обозначали принадлежность предмета лицу; на этой основе за атрибутивным именем закреплялось обозначение относительного признака предмета. Прилагательные с генитивно-локативным суффиксом (и это относится не только к суффиксу *-нь* локатива) по значению были принадлежностно-относительными прилагательными: *кевень керка* 'дом-(из) камня' и 'дом в камне' (т.е. 'каменный дом'). Разумеется, это далекое от объективности обозначение признака предмета, и в языке на основании аблатива *-t ~ -t' ~ -d- -d'* в прибалтийско-финских языках, (вероятно, *-с ~ -сь* в волжских и пермских языках) возникают новые атрибутивные имена, обозначающие относительный признак предмета точнее: 'дом из камня'. Одновременно аблатив может сближаться по значению с генитивом. Поскольку прилагательные с суффиксом аблатива

вначале обозначают признак по принадлежности, прилагательные с генитивно-локативным суффиксом *-нь* по преимуществу начинают обозначать относительный признак предмета. Но, разумеется, часто их значения перекрываются.

Наше мнение не противоречит исследованиям финно-угроведов, оно как бы отражает их в синтетическом виде. Чтобы согласиться с нами, достаточно проанализировать следующую цепочку примеров: морд. *ве-нь* в выражении *ве-нь пер-ть* 'всю ночь' — *тя ве-ня* 'этой ночью' — *кeve-нь* 'камня' — *кеве-нь* 'каменный' — *шувa-ня* 'тонкий'.

Оставив в стороне проблему синхронизации суффикса *-нь* в этой группе примеров, отметим только, что палатализованный *-нь* служил основой для их образования. Из первого примера следует, что один локатив вытеснялся другим. Мы предположили, что *н*-овый локатив архаичнее. Из двух локативных форм *-нь* и *-нь-а* (орфографически *-ня*) одна древнее. Допустим, что на большую древность претендует локативный *-нь*. Использование его в локативном значении закрепило суффикс *-нь* за генитивом (*кеве-нь*), а в функции локатива *-нь* осложняется коаффиксом *-а* с тем же значением (*тя ве-ня*). Поскольку *-нь* уже давно воспринимается как атрибутивный показатель (*кеве-нь*), ничто не мешает использовать суффикс *-ня* для этих же целей (*шувa-ня*). Наличие ряда омонимичных форм снижает коммуникативную способность локативного *-нь* и благоприятствует распространению другого локативного суффикса, для мордовских языков это локативный *-с*.

Т.Лехтисало возводит мордовский *-нь* к протоуральскому суффиксу отыменных прилагательных *-n* (Lehtisalo 1936, 120). В финском сму соответствует суффикс *-inen*, средний компонент которого можно отождествить с показателем мордовского локатива *-не*, *-ня* существительных и суффиксом прилагательных *-ня*, то есть мордовские языки как бы уточняют связь между финским локативом на *-на* и прилагательным на *-(i)ne(n)*.

Не поддается объяснению наличие суффикса *-нь* в венгерских прилагательных при их отсутствии в волжских и пермских языках: венг. *kemény*, морд. *кеме* 'твердый', венг. *vékony*, удм. *векчи* 'тонкий'.

Б.А.Серебрянников возводит мордовские прилагательные с суффиксом *-нь* к исчезнувшему инструктиву: *чувто-нь столь* //

шufto-нь шра 'деревянный стол' (от *чувто* // *шufta* 'дерево');
кини-нь койме // *кини-нь каймя* 'железная лопата'.

По его мнению, 'первоначальное значение этих прилагательных — сосуществование какого-либо предмета с комплексом определенных качеств, так, например, какое-нибудь *kšiiiii* могло означать 'с железом', т.е. 'с качествами, присущими железу', *šivtoi* могло означать 'с деревом', т.е. 'с качествами, присущими дереву' и т.д.' (Б.А.Серебренников 1967, 15).

Существуют косвенные данные, свидетельствующие о том, что *-н* суффикса родительного падежа в мордовских языках было твердым: в некоторых эрзянских говорах, в отличие от литературного языка, в генитиве сохраняется непалатализованное *-н*: *лоўу-н ломань* (лит. *лово-нь ломань*) 'снежный человек' (Давыдов 1963, 158).

Наличие палатализованного *-нь* в ряде мордовских локативных падежей, где в большинстве родственных языков выступает твердое *-н*, подтверждает предположение, что в самом финно-угорском локативе на **-na/-nā* заключена возможность дифференциации падежных формантов по твердости (**-na*) и мягкости (**-nā*) и что становление прилагательных с суффиксом *-нь* продолжает эволюцию этого суффикса от локатива до генитива, что можно проиллюстрировать следующей цепочкой примеров: морд. *ве-нь пер-ть* 'всю ночь' (восходящее к древнему локативу генитивнос *-нь* + *т*-овый локатив) — *тозо-нь* 'туда' (латив) — *сёрма-не-нь* (эрз. датив) — *кеве-нь* 'камня' (генитив) — *кеве-нь* 'камсинный' (прилагательное).

Существует и другое объяснение палатализации атрибутивно-го *-н*. Мордовские языки сохранили атрибутивные формы с суффиксом *-нь* от глаголов: например, *кунда-нь нармунь* 'пойманная птица' от *кунда* 'ловить'. Это реликтовые формы древнего причастия на *-нь*, которое могло способствовать палатализации *-н* в исконных прилагательных (Серебренников 1967, 16).

Генитив в мордовских языках несет большую нагрузку: притяжательные формы с генитивом существительных в указательном склонении образуют нечто вроде изафетной конструкции (ср. с изафетом II тюркских языков): *церы-не-н-ть книга-зо* 'книга мальчика'. Еще интересней сравнить форманты генитива и формы принадлежности в турецкой фразе *oğl-u-n anne-si*, где *-(u)n*

— показатель генитива, а *-si* — форма принадлежности, с указанным примером из мокшанского языка, где *-н-* — показатель генитива, а *-зо* — притяжательная форма 3-его лица. Мысль о генетической близости родительного падежа на *-н* в финно-угорских и алтайских языках в научной литературе высказывалась неоднократно, проблема обоснования родства притяжательных форм на *-s* в финно-угорских (морд. *-зо* и *-si* в тюркских языках) ждет своего решения.

Аналогичным образом образуется категория принадлежности в марийских языках: *ача-н пöрт-шö* 'дом отца', *туныктыш-ын книга-же* 'книга учителя', *книга-н ком-жо* 'обложка книги' (СМЯ 1961, 63).

Показатель генитива *-нь* основного склонения играет большую роль в формировании косвенных падежей указательного склонения.

В истории волжских языков был период, когда существительное могло быть определением другого существительного (*N + N*), что в тюркологии называется изафетом I. Это явление имеет широкое распространение практически во всех финно-угорских языках.

В пермских языках показатель родительного падежа (адессива): *-л-эн* в удмуртском и *-л-өн* в коми. Он состоит из суффикса *-л-* и *-эн// -өн*, формально совпадающего с суффиксом инструменталиса.

В качестве притяжательного падежа функционирует аблатив: удм. *-лэсь*, к.-з. *-лысь*, к.-п. *-лiсь*. Суффикс составной; его образуют два коаффикса: *-л-* и показатель элатива *-ысь ~ -ысь ~ -iсь*. Возможна иная трактовка суффикса: он состоит из показателя аллатива *-лы ~ -лы ~ -лö* и суффикса, иногда употребляющегося в значении генитива. Аблатив на *-ысь* может употребляться в роли родительного падежа в коми-зырянском и удмуртском языках.

2.8. Дательный падеж мордовских языков.

Дательный падеж мордовских языков относится к вторичным падежным образованиям. По мнению Д.В.Бубриха, эрзянский дательный падеж на *-не-нь* и мокшанский на *-н-ди* (то есть *-нь-ди*)

возникли на основе сращения форм родительного падежа, соответственно с послелогами *тэнь* 'к' и *тей*: **модань тень* 'земле' > *мода-не-нь*; *модань тей* 'земле' > *мода-н-ди*.

Промежуточный *-ньдь* встречается в ряде диалектов: *мода-ндень* (Бубрих 1953, 55 и след.). Второе *-нь* суффикса эрзянского датива представляет собой реликт направительного падежа на **-н'*.

2.9. Л-овые падежи в волжско-пермских языках.

Марийский дательный падеж на -лан.

2.9.1. Л-овые падежи в волжских языках.

В финно-угроведении распространенной является точка зрения, согласно которой суффикс *-l*, послуживший основой для образования серии внешнеместных падежей в прибалтийско-финских языках, в волжских языках по ряду причин не получил распространения дальше наречий и послелогов. Ср.: фин. *pöydä-llä* 'на столе' (из *pöytä-l-nä*, *pöydä-lle*) 'на стол' (из *pöytä-l-en*), *pöydä-ltä* 'со стола' (из *pöytä-l-tä*) (соответственно: адессив, аллатив и аблатив) и морд. *уда-ло// та-ла* 'позади', *ике-ле// инго-ле* 'впереди' и др.

Как полагают, основной причиной, воспрепятствовавшей распространению л-овых падежей в мордовских языках, является специализация суффиксов уже существующих падежей (Серебренников 1967, 37).

Точно так же общепринятым является мнение о структуре волжских л-овых суффиксов: считается, что древнемордовский адессив, имевший ограниченное употребление, состоял из суффикса *-л* и древнего локатива на **-na//*-nā*; *-lno* > *-llo* > *-lo*; *-lne* > *-lle* > *-le*.

Историю суффиксального *-л-* в волжских языках (а возможно, и за его пределами) следует разделить на три этапа.

1. Становление *-л* как форманта, в противоположность другим суффиксам, специализирующегося для обозначения местонахождения. Суффиксальный *-л* мог выделиться из л-овых имен существительных со значением местонахождения, как утверждал Д.В.Бубрих и другие финно-угроведы (ср. в марийском *йым-ал* 'низ', 'нижняя часть', 'внизу'), в результате переразложения ос-

новы; равным образом, его источником могли быть наречные слова. И тот, и другой путь возможен, судя по данным родственных языков.

2. Использование *л*-ового суффикса как основы для образования внешнеместных падежей, что для прибалтийско-финских языков, по-видимому, следует считать доказанным.

3. Разложение системы *л*-овых падежей и образование на этой основе другой системы. Это, скорее, теоретическое допущение, так как, думается, система *л*-овых падежей в прибалтийско-финских языках достаточно стабильна. Можно предположить, что наряду с одной системой (например, *с*-овых падежей) на остатках разрушенной системы *л*-овых падежей складывается другая система с использованием суффикса *-л*, но не имеющая широкого распространения. Такой вывод напрашивается, если последовательно придерживаться мнения о происхождении мордовских *-ло*, *-ле* из **-лно*, **-льне*. Правильность подобного взгляда на эволюцию *л*-овых падежей вызывает сомнение.

Материал мордовских, и особенно марийских языков, как будто свидетельствует в пользу того, что падежная система волжских языков более архаична сравнительно с таковой прибалтийско-финских языков. Складывается впечатление, что волжские языки отражают такой период развития языка, когда со становлением одной системы (*с*-овые падежи) наблюдается формирование другой системы (*л*-овые падежи), причем формирование второй системы, скорее всего, имеет характер угасающего процесса.

Сравним по вертикали следующие мордовские примеры:

<i>ал-о//ал-а</i>	‘внизу’, ‘за’
<i>ал-до//ал-да</i>	‘снизу’, ‘из-под’
<i>ал-ов//ал-у</i>	‘вниз’, ‘под’
<i>удал-о//фтал-а</i>	‘позади’, ‘за’
<i>удал-до//фтал-да</i>	‘сзади’, ‘из-за’
<i>удал-ов//фтал-у</i>	‘назад’, ‘за’ и т.д.

Мы специально отделили дополнительный коаффикс от *-л*-, хотя значение, заключенное в составном *л*-овом суффиксе, образуется его обоими компонентами. С одной стороны, история языка свидетельствует, что *-л* — суффикс со значением местонахождения. С другой стороны, морфемный анализ убеждает, что с не-

меньшим успехом суффиксальный *-л-* можно отнести к основе, так как аблативный *-да* функционирует как живой падежный суффикс.

Следовательно, поскольку послелог и наречия с суффиксом *-л-* архаичны, прежняя система падежей затемнена и на первый план выступает система, отождествленная с той, которая функционирует в современном языке.

Реальным можно признать следующий вывод: система *-л-*овых падежей, получившая распространение в прибалтийско-финских языках, в мордовских языках функционирует на фоне *-с-*овых падежей, стимулируя их развитие. Но эта тенденция может себя не реализовать, а может и реализовать, ввиду того что указанные наречия и послелог довольно употребительны в языке. Показатель *-н-* древнего локатива мог присутствовать в суффиксе *-л-*, но его могло и не быть (*-л-а*), так как локативный *-а* обнаруживается во многих финно-угорских языках.

В марийском литературном языке из *-л-*овых падежей функционирует лишь дательный падеж на *-лан/-лан* (*-лән*). Общемарийский дательный падеж с диалектными формами: отложительным падежом с показателем *-леч*, распределительным на *-лен* и причинным на *-ланен* (*-ләннен*).

*-л-*овые падежи марийского языка "не могут обозначать направление с вхождением во внутрь предмета, как в финском, но в отличие от последнего в составе *-л-*овых падежей марийского языка нет падежа, соответствующего финскому адессиву, обозначающему нахождение на поверхности предмета" (Коведяева 1978, 124). В этой функции используется *-с-*овый, исторически внутрипространственный, падеж с суффиксом *-ште*.

Марийский дательный падеж на *-лан*, по происхождению тождественный финскому аллативу с суффиксом *-лле*, тоже употребляется в значении направительного падежа, что указывает на его исходное значение, но его функции в современном марийском расширились. Поэтому можно утверждать, что он восходит к древнему *-л-*овому направительному падежу на *-ла*: *уна-ла// хына-ле* 'в гости', *тунге-ла* 'в том направлении'.

Направительный падеж с суффиксом *-ла* в современных марийских языках самостоятельно не употребляется.

Суффикс *-ла* в этом значении сочетается с другими суффиксами, имеющими направлятельное значение: *-кы + -ла*, *-ч + -ла*, *-шыкы + -ла*, *-еш + -ла*. Ср.: *куш-кы-ла* 'вверх', *ончы-кы-ла* 'вперед', *умба-кы-ла* 'далее', *ты-ш-кы-ла* 'сюда', *ту-ш-кы-ла* 'туда'.

Между прочим, суффикс *-кы* формирует наречия с направлятельным значением самостоятельно: *куш-кõ* 'вверх' и др.

Приведенные примеры (*куш-кы-ла* и др.) служат образцом развития значения слов с суффиксом *-л*, если мы вспомним о всех дериватах слова *куш* : *куш-ыл* 'верхний', 'тот, что находится наверху' — *куш-кõ* 'наверх' — *куш-кы-ла* 'вверх'. Словообразовательный *-л* (*куш-ыл*) указывает на возможное развитие значения от локативного к лативному (суффикс *-ла* в слове *куш-кы-ла*). Что это верно, доказывают слова с темпоральным *-ла*, кроме того, указывая на существование промежуточной ступени между локативным (или словообразовательным) *-л* и лативным *-ла*: *эр-ла* 'завтра', *эр-ла эр-де-не* 'завтра утром'.

Итак, вся цепочка, указывающая на развитие в значении суффикса *-л*, вероятно, выглядит следующим образом: *куш-ыл* 'верхний', 'наверху' (местонахождение) — *эр-ла* 'завтра' (от локативного значения к темпоральному и, далее, к лативному) — *уна-ла* 'в гости' (лативное значение) — *куш-кы-ла* 'вверх' (теряется самостоятельное лативное значение, на что указывает сочетание *-ла* с другим направлятельным суффиксом) — и, наконец, дательный падеж на *-лан*, восходящий к соответствующему лативу. Между прочим, как видно из примеров, суффикс *-ка* тоже теряет самостоятельность, так как для обозначения направления сочетается с *с*-овым лативом: ср. *ончы-кы-ла* 'вперед', *ты-ш-кы-ла* 'сюда' и *ты-ш-ке* с тем же значением.

2.9.2. Дательный падеж марийских языков на *-лан*.

Й. Синнен считает, что марийский суффикс *-лан* дательного падежа, соответствующий в пермских языках аппроксимативу на *-лань* и финскому аплативу на *-lle*, состоит из двух основных элементов: суффикса *-l*, образующего серию внешнеместных падежей, и окончания латива *-n'* (Szinyei 1910, 75).

Возможна тройкая интерпретация суффикса дательного падежа: 1) он состоит из локативного *-л*, вокалического латива *-л-* и

показателя направительного падежа **-n'*; 2) его образуют два латива — *-ла-* и **-n'*; 3) в его состав входят локативный *-л-* и суффикс *-ан*, восходящий к лативному **-an'*.

Для марийских языков все три пути образования дательного падежа на *-лан* равноправны. Два первых мы и проиллюстрировали приведенными выше примерами. На третий путь указывают имсна на *-ал*: *умбал* 'даль', 'дальный' — *умбал-ан* 'вдали', 'вдаль'; *йымал* 'низ', 'нижний' — *йымал-ан* 'внизу', 'вниз'; *умбал* 'верх', 'верхний' — *умбал-ан* 'вверху', 'вверх'. В результате переразложения основы и распространения суффикса латива *-лан* образуется направительный, а затем дательный падеж.

Подчеркиваем, что для марийских языков все три пути образования дательного падежа на *-лан* равноправны: в истории языка прямолинейных процессов не бывает, так что, вероятнее всего, в образовании дательного падежа участвовали все три элемента падежной системы.

2.9.3. Отложительный падеж на *-леч* в марийских языках.

Отложительный падеж с суффиксом *-леч* употребляется в диалектах, в литературном языке ему соответствуют именные конструкции с послелогом *dech//дорц, гыц* 'от'.

Суффикс *-леч* состоит из рассматриваемого в этой главе *-л-*, коаффикса *-е-*, — вокалического латива, восходящего к финно-угорскому лативному **-i*, и аблативного **-t*, давшего в марийском *-ч* ($\check{c} < t' < *-t$).

2.9.4. Распределительный падеж на *-лен* марийского языка.

Распределительный падеж, или дистрибутив, на *-лен*, имеет распространение только в некоторых диалектах марийского языка. Употребляется также усеченный вариант, без конечного *-н*. В образовании суффикса дистрибутива участвовали **-l* и **-n*, вероятно, восходящий к финно-угорскому лативному **-n'*.

2.9.5. Л-овые падежи в пермских языках.

В пермских языках систему л-овых падежей образуют аллатив на *-лан*, аблатив с суффиксами *-лысь* (коми) и *-лэсь*

(удмуртский) и дательный падеж на *-лы*, которым посвящены самостоятельные разделы.

2.10. Пермский аппроксиматив на *-лань*.

Аппроксиматив, или приблизительный падеж, на *-лань* является живым падежом в языках коми; в удмуртском он сохраняется, главным образом, в наречиях: удм. *бер-ла-нь*, коми *бёр-ла-нь* 'назад', удм. *азь-ла-нь*, коми *водз-ла-нь* 'вперед', удм. *выл-ла-нь*, коми *выв-ла-нь* 'вверх', удм. *ул-ла-нь*, коми *ув-ла-нь* 'вниз'.

Сокращение сферы употребления аппроксиматива в удмуртском, вероятно, связано с распространением внутреннеместных *с*-овых падежей и сокращением числа внешнеместных *л*-овых падежей.

М.Кастрен предполагал, что аппроксиматив восходит к консекутиву на *-ла* (*Castrén 1855, 20*).

Надо полагать, что пермский аппроксиматив генетически тождествен марийскому дательному падежу на *-ла-нь* и состоит из двух лативов *-ла-* + *-нь*. Возможно, как и марийский датив, он исторически образовался из форманта *-л-* и лативного *-ань*.

2.11. Лативный **-s*. Волжский иллатив на *-(а)ш*.

Пермский иллатив на *-э, -ё*.

2.11.1. Мордовский иллатив. Лативный **-s*.

Показателями волжского иллатива являются форманты *-с, -з/-с, -ц*. В притяжательном склонении иллативное *-с* дало *-з* согласно фонетическим законам.

Развитие иллативного значения в лативном *-с* способствовало его закреплению в качестве показателя серии внутреннеместных падежей в прибалтийско-финских, мордовских и марийских языках. На основе лативного значения *-с* возникает инессив. Точнее, дифференциация в значении лативного *-с* закрепляется вокалическими вариантами суффикса или сопровождается изменениями его фонетического облика.

Так, наречия *ко-зо//ко-за* 'куда?', *то-зо//то-за* 'туда' наводят на мысль, что в общемордовском языке существовал лативный **-sa*, который, в свою очередь, образовался из лативно-локативного **-s* и вокалического латива **-a*. В истоке был

лативный или локативный *-а. По нашей версии, это был локатив на *-s.

Наличие локативного -со//-са наряду с лативным создавало информационные помехи, устранявшиеся посредством фонетической вариативности: -со//-са -> *-зо//*-за для лативов: ко-зо//ко-за 'куда?' и то-зо//то-за 'туда' (из *то-со//*то-са) и те-сэ//тя-са 'здесь', то-со//то-са 'там'.

Но процесс дифференциации форм — семантический и фонетический — не осуществляется с физической прямолинейностью, и поэтому с лативным -з сосуществуют реликтовые локативные формы с этим же формантом: мокш. *ичко-зе* 'далеко', *ичко-з-де* 'издали', *ичко-з-де-нь* 'дальний'. Вполне естественно, что новый формант с целью укрепить его значение дублируется древним формантом с тем же значением, или вырабатывается новый суффикс, ввиду того что показатели прежней падежной системы используются в новой функции или вышли из употребления: ср. эрз. *ко-зо-нь* и *ко-в* 'куда?', *то-зо-нь* и *то-в* 'туда' и *те-й//се-й, се-в* 'здесь'.

Возникает вопрос: следует ли ожидать распространения прилагательных с суффиксом -с в мордовских языках? С точки зрения теоретической, нет. Тому есть две причины: 1) большое значение здесь приобрел локативно-посессивный -нь и 2) чтобы падежный формант использовался в качестве атрибутивного показателя, необходимо, чтобы он обладал многозначностью (от конкретного, локативного, значения до абстрактных, генитивно-посессивных), то есть чтобы его основное значение было затемнено. Добавим еще третьим пунктом, что, согласно принятой в этом исследовании аксиоме, становление системы прилагательных на первом этапе связано с локативом, на последующем — с аблативом или, соответственно, элативом. И в самом деле, суффикс -с- можно обнаружить в составе некоторых мордовских прилагательных, но их удельный вес в системе прилагательных невелик: например, ср. *мала-са* 'близко' и *мала-с-то-нь* 'близкий'. Прилагательное *мала-с-то-нь* образовалось от локатива (*мала-са*) посредством аблативного -то-, или от наречной основы (*мала-*) посредством суффикса элатива -сто//-ста, что возможно (ср. наречие *вишк-ста* 'быстро'), но для теории это несущественно, так как элативное значение близко к аблативному.

Из сказанного в предыдущем абзаце вытекает несколько выводов:

1. Прилагательные с определенным суффиксом могут появиться на определенном этапе развития в одном из языков какой-либо языковой семьи. Но на последующих этапах их стабильность поддерживается сходными, но не идентичными факторами. Так, суффикс *-d* мордовских прилагательных сходен с суффиксом *-d* прилагательных других языков, но не идентичен ему: ср. морд. *шож-да//тёж-дя* 'легкий', эст. *pime-d*, фин. *pime-ä* 'темный'.

Единство атрибутивного *-d* поддерживается историей развития грамматических категорий в генетически родственной семье языков, различие суффикса *-d* определяется тем, что разряд прилагательных с этим суффиксом формируется за счет различных процессов. Так, в морд. *шож-да//тёж-дя* 'легкий' атрибутивный показатель своим происхождением обязан локативу; в других языках (примером чего, по-видимому, являются пермские языки) локативу и аблативу, потому что формально аблатив появился в результате семантических превращений локатива¹³; в третьих языках, к которым, вероятно, и относятся прибалтийско-финские языки, благодаря аблативу, потому что локатив с соответствующим показателем был оттеснен на периферию и обречен на вымирание, а его функции перешли к локативу иного происхождения. Таким образом, суффикс *-d* прилагательных — один и тот же атрибутивный показатель, единство и функционирование которого поддерживают различные процессы, в то же время от языка к языку суффикс *-d* представляет собой качественно новое явление, потому что процессы, поддерживающие его функционирование, отличаются по своей природе.

2. Из того же абзаца, на который мы ссылались, и из пункта 1 следует, что на каком-то этапе развития языка материальная связь атрибутивного показателя с источником своего происхождения прерывается и он становится самостоятельным показателем какого-либо разряда прилагательных: качественных, possessив-

¹³ Гласный суффикса убеждает, что и в мордовских языках система прилагательных на *-d* складывалась на различной основе: ср. *шож-да//тёж-дя* (влияние локатива) и *чопо-да//шоб-да* 'темный', *вал-да//вал-да* 'светлый' (влияние аблатива).

ных, темпоральных и т.д. А поскольку его связь с материальным источником нарушена и он обрел некоторую самостоятельность и легко воспроизводится, он может переходить из одного языка в другой лишь в силу звуковой ассоциации.

Возможно, суффикс *-се* пермских прилагательных является развитием локативного *-с*, а может быть, заимствован из других языков по ассоциации с аблативным *-с*, имеющим в пермских языках широкое распространение: ср. коми *вис-ян*, *вись-ысь* 'больной' и *ул-ыс* 'нижний', *ул-ыс-са* 'низовой'. Восходят ли форманты *-ыс* и *-са* к локативному *-с* или появились по ассоциации с аблативным *-ысь*, *-сь*, можно только предполагать.

Скорее, все же они являются рефлексом локативного *-с*, так как, как мы постараемся показать несколько ниже, факты марийских языков в этом смысле указывают на посредствующее звено между мордовскими и пермскими языками.

Ряд ученых возникновение *s*-ового латива относят к прибалтийско-финско-волжской языковой общности (Аристэ 1955; Хакулинен 1953). В отличие от других, Д.В.Бубрих был склонен возводить лативный *-s* и производные от него суффиксы инессива, элатива и иллатива к мордовскому послелогу *эс-*. Как частное явление такую возможность не следует исключать, но, как правило, становление такой глобальной грамматической категории, как система локальных падежей, не может осуществляться в короткий промежуток времени и в рамках одного языка. Тем более, что саамский, прибалтийско-финские, пермские и марийские языки испытывают удивительное пристрастие к лативному *-s*.

Иллатив мордовских языков совмещает значения финского аллатива, выражая движение на поверхность чего-либо без проникновения во внутреннюю сферу предмета, и иллатива, обозначая движение, направленное во внутрь предмета. В эрзянском языке в лативном *-с* преобладает иллативное значение, в мокшанском лативный *-с* имеет по преимуществу аллативное значение (Серебренников 1967, 30, 44).

В мордовских языках лативный **-s* принял участие в образовании инфинитива, присоединившись к именам действия на *-м*: *пра-мс* 'упасть' (Аристэ 1955, 22—31; ОФУЯ 1975, 265).

2.11.2 Лативный *-s в марийских языках.

В марийских языках лативный *-s представлен в некоторых наречиях, послелогах и в ряде суффиксов местных падежей: *ваштар-е-ш*//*ваштар-е-ш* 'напротив', *тор-е-ш* 'поперек', а также *вел-ке*//*въл-кы* 'в сторону' и *вел-е-ш* 'к' (*кас вел-еш* 'к вечеру'). Прибалтийско-финско-волжское *-s дало в марийском языке -š по закону, действовавшему в нем до XVIII в.

Лативный -s образует обстоятельственный падеж с показателем -еш ~ -эш; иллатив на -шке с вариантами -шкр, -шкӧ// -шкы, -шкӱ, -ышке, -ышко, -ышкӧ// -ышкы, -ышкӱ, соответствующий мордовскому иллативу на -с; инессив на -ште с вариантами -што, -штӧ// -шты, -штыӱ, -ыште, -ышто, -ыштӧ// -ышты, -ыштыӱ

Самоочевидно, что суффикс иллатива -шке состоит из двух лативов -ш и -ке: *чодра-шке* 'в лес', *ола-шке* 'в город'.

Суффикс -ш играет большую роль в словообразовании марийских языков, возможно, потому, что он многозначен, а также потому, что, на наш взгляд, в атрибутивной функции с ним образуют систему причастия с суффиксом -ш-: ср. *луд-шо* 'читающий' и *кӱж-шӧ* 'высокий'.

Лативный *-s, как и некоторые лативы в других финно-угорских языках, образует в марийских языках инфинитив: *луд-аш* 'читать', *ка-яш* 'идти'.

Вероятно, такого же происхождения прилагательные с тем же суффиксом. Не исключено, что их образование происходило и под влиянием причастий. Традиционно считается, что этому суффиксу присуще значение обладания. Думаем, что это не совсем точно: *тыл-зы-аш* 'месячный' (*тылзе* 'месяц'), *кыдал-аш* 'средний' (*кыдал* 'середина'), *ви-яш* 'прямой'.

Суффикс прилагательных -(ы)ш, восходящий к обстоятельному падежу на -(е)ш ~ (ы)ш, который в дальнейшем для краткости будем называть лативным -ш, поскольку по происхождению обстоятельственный падеж является лативным, широко употребляется при образовании прилагательных. Причем, повторяем, нередко по значению он сближается с причастным -ш: *тырш-ыш-е* 'прилежный', *нӧр-ыш-ӧ* 'влажный', 'покрытый влагой', *ил-ыш-е* 'живой' (ср. с *ил-ыш* 'жизнь' и *ил-аш* 'жить').

Горномарийскому *-ш-* в лугово-восточном соответствует *-с*: *-се*, *-со*, *-сѡ//шы*, *-шы*. Обращает на себя внимание, что горномарийский формант *-шы* присоединяется к слову в форме инессива, как новой, так и древней, в то время как в лугово-восточном *-се* присоединяется непосредственно к исходной форме слова, что доказывает предположение о том, что *-се* все еще сохраняет локативное значение, в то время как в горномарийском *-шы* это значение в известной степени затемнено: *мундыр-сѡ//мындыр-нышы* 'далекий', *ола-се//хала-шты-шы* 'городской', *ты-се//тышты-шы* 'здешний'. Небезынтересно сравнить последний пример с мордовскими наречиями *те-сз//тя-са* 'здесь'. Не правда ли, поразительное указание на существование в древности марийского локатива на *-с*?

В образовании прилагательных лативный *-ш* участвует в составе суффикса иллатива: *ви-шк-ыд-е* 'водянистый', *йыр-ге-шке* 'крутлый' (*йыр* 'крутом'), *тырт-е-шке* 'круглый' (*тырт-ыка*, *тырт-ыш* 'круглый', 'кружок').

Думается, из трех атрибутивных суффиксов, представленных в указанных примерах, *-ыд* — самый древний, а *-ге* — самый молодой.

Э.Беке считает суффикс *-се//шы* заимствованным (Беке 1911).

Аблативное значение имеет формант *-се-к*, которому в горномарийском соответствует *-ш-ен*. *-Се-к*, так же как и *-ше-н*, вероятно, состоит из двух лативов *-с* + *-к*, *-ш* + *-н*: *ума-се-к* 'с прошлого года', *шукер-т-се-к* 'издавна', *ож-ны-се-к* 'исстари'; *кынам-ше-н* 'с каких пор?', *вады-ше-н* 'с вечера', *тенгеч-ше-н* 'со вчерашнего дня'. Обращает на себя внимание тот факт, что форманты *-сек//шен* присоединяются к наречиям с древними локативными падежами: *ож-ны-сек* 'исстари' от *ож-но* 'раньше', 'прежде'; *шукер-т-сек* 'издавна' от *шукер-т* 'давно' и др.

2.11.3. Обстоятельственный падеж на *-(е)ш* марийских языков. Пермский иллатив на *-е*.

Так называемый обстоятельственный падеж с суффиксом *-ш* ~ *-еш* в марийских языках представляет собой довольно интересное явление, полностью подтверждающее предположение, не-

однократно высказываемое нами в ходе исследования, что в глубокой древности, в прибалтийско-финско-волжскую эпоху существовал лативно-локативный **-s*. обстоятельственный падеж обозначает как направление к предмету (внешнеместное значение), так и местонахождение (внутриместное значение) (Коведяева 1978, 127). Считается, что по значению обстоятельственный падеж сближается с инессивом, хотя замена форм почти невозможна, ввиду того что в нем присутствует еще и лативное значение (СМЯ 1961, 68).

Оба значения обстоятельного падежа поддерживаются двумя формами, исторически сложившимися на его основе: инессивом на *-ште* и иллативом на *-шке*. Сравнение вопросительного местоимения в обстоятельном падеже *ку-ш-ан* и инессива *ку-ш-то* 'где?', а также в иллативе *ку-ш-ко* показывает, что лативно-локативный *-ш* послужил основой для образования новых падежей. Об этом же свидетельствует параллельное употребление в качестве латива суффикса *-ш* и суффикса *-ш-ке*, составленного из двух лативов: *чодра-ш* и *чодра-ш-ке* 'в лес', *уремы-ш* и *уремы-ш-ке* 'на улицу'. Это же подтверждает и раздельное употребление лативных *-ш* и *-ке*: *чодра-ш* 'в лес', *куш-кõ* 'наверх', *куш-кы-ла* 'вверх', *куш-нõ* 'наверху'. Последний пример объясняет, почему в местном значении используются суффиксы *-ш* и *-што*, но не употребляется локативный *-то*; суффикс *-то* вышел из употребления, в то время как локативный *-не* все еще образует ряд распространенных наречий: *куш-нõ* 'наверху', *ул-нõ* 'внизу', *йымал-не* 'внизу', *умбал-не* 'вдали' и др.

Возвращаясь к материалу мордовских языков, вполне закономерно предположить, что в них происходят те же процессы, что и в марийских, с небольшой сдвижкой во времени: в мордовских языках лативно-локативный *-s* приобрел иллативное значение, утратив локативное значение, перешедшее к инессиву на *-co//sa*. Словом, как и в марийских, в мордовских языках развитие идет по восходящей, т.е. происходит укрепление падежной системы за счет *s*-овых внутриместных падежей. Если же мы будем придерживаться традиционной точки зрения и согласимся, что мордовский инессив на *-co//sa* возник из **-sna*, тем самым мы признаем для мордовских языков развитие по нисходящей, то есть разрушение падежной системы, так как возможно дальнейшее совме-

шение инессива на *-so//sa* и иллатива на *-s*, сначала формальное, а потом и функциональное. Мы склонны признать развитие падежной системы мордовских языков по восходящей.

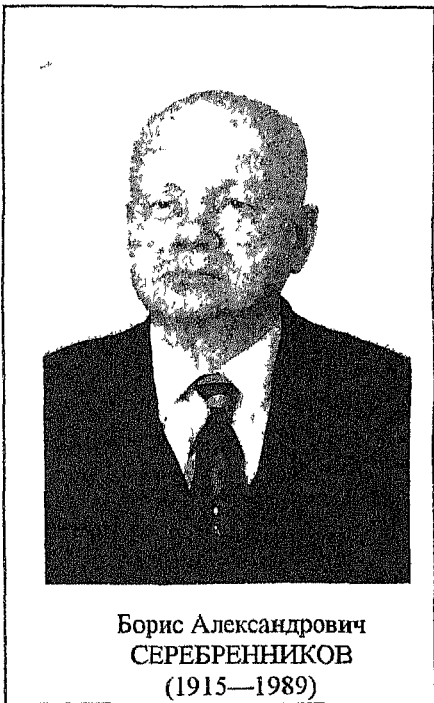
Падеж на *-(e)ш* называется обстоятельственным падежом, вероятно, потому, что активно используется для образования наречий образа действия.

Б.А.Серебренников обратил внимание на сходство пермского иллатива на *-э, -ё* и гласного *-е-* в суффиксе марийского обстоятельственного падежа и тождество их функций, таким образом предположив их генетическое родство (Серебренников 1963, 77). По его мнению, лативный *-ш* в марийском, присоединяясь к иллативу на *-е*, со временем приобрел локативное значение: *pört-e-ш* и *ял-е-ш* сначала

имели значение, соответственно, 'в дом' и 'в деревню', а потом стали обозначать 'в доме', 'в деревне'.

Нам кажется, на эволюцию значения лативного *-ш* прольет свет предположение, что он присоединялся к локативному *-е*. Впрочем, в истории языка локативное значение часто трансформировалось в лативное или сопутствовало ему. По другому поводу мы отмечали, что в мордовских языках есть локативный *-е* и лативный *-и*: *вяр-е* 'вверх' — *вяр-и* 'вверх', *мек-и* 'назад'.

А это подтверждает наличие локативного или иллативного *-е* в марийских языках.

Борис Александрович
СЕРЕБРЕННИКОВ
(1915—1989)

2.12. О возможном существовании локатива на *-m в волжских языках.

Мы высказали предположение, что волжско-пермский атрибутивный суффикс *-са* (с фонетическими вариантами) восходит к локативу на *-с*, функционирующему в мордовских языках в качестве живого падежа и, по всей видимости являющемуся исходным этапом для марийского обстоятельственного падежа на *-ш*. Во всяком случае, прилагательные в марийском языке содержат подобное указание: *ола-се// хала-шты-шы* 'городской' и *ты-се// ты-шты-шы* 'здешний'. В горномарийском прилагательные на *-шы* образуются от имен в форме инессива (*хала-шты-шы*), что заставляет предположить, что сам суффикс еще сохраняет следы локативного значения, тем более это справедливо в отношении суффикса *-се* в лугово-восточном марийском, то есть *ола-се* означает 'в городе' и 'городской', *ты-се* 'здесь' и 'здешний'. Еще более в этом убеждает сравнение мордовских наречий с соответствующими марийскими прилагательными: морд. *те-сэ//тя-са* 'здесь', мар. *ты-се//ты-шты-шы* 'здешний'. Таким образом, приведенные примеры позволяют выстроить цепочку: марийский локатив на *-се*, изменившись по фонетическим законам в *-ш*, явился источником инессива на *-ште* и других *с*-овых падежей марийских языков, дал начало многочисленным прилагательным и наречиям с суффиксом *-ш*, в реликтовом виде сохранившись в словах вроде *ты-се* 'здешний'. Мы обратили внимание также на то, что атрибутивный *-се*, *-со*, *сө-//-шы*, *-шы* присоединяется также к словам с древним локативным суффиксом. Больше это касается суффикса *-шы*, меньше суффикса *-се*, потому что последний больше сохраняет локативную семантику: *мундыр-со//мьндыр-ны-шы* 'далекий' (*-ны-* восходит к локативному **-на//*-нй*) *кызы-т-се//кызы-т-шы* (*-т-* восходит к древнему локативу на **-t*) и т.д.

Следовательно, можно предположить, что в словах с темпоральной семантикой (а исчезнувшие локативные суффиксы, как правило, сохраняются в наречиях с темпоральным значением) встречаются и другие локативные суффиксы, если они сочетаются с атрибутивным *-се// -шы*. В связи с этим обращает на себя внимание ряд наречий с темпоральным *-ым*, которое сохраняется и

перед указанным атрибутивным показателем: *шошо* 'весна' — *шош-ым* 'весной' — *шош-ым-со* 'весенний'; *шыже* 'осень' — *шыжс-ым* 'осенью' — *шыжс-ым-со* 'осенний'; *йуд* 'ночь' — *йуд-ым* 'ночью' — *йуд-ым-сб* 'ночной'. Другие примеры: *кеч-ывал-ым* 'днем' (*кече* 'день'), *кеҗежс-ым* 'летом' (*кеҗеж* 'лето'), *тел-ым* 'зимой' (*теле* 'зима') и др.

Признать в наречном *-ым* показатель древнего аккузатива не позволяют прилагательные на *-се*, которые могут присоединяться к темпоральному или локативному суффиксу, но не к показателю аккузатива.

По традиционной версии, к которой присоединяемся и мы, в мордовских наречиях типа *кизо-н-да* 'летом' и *тяло-н-да* 'зимой' интерфиксальный *-н* восходит к локативному *-на/*-nǫ*. А не могли в мордовских языках локативный **-m* сохраниться перед зубным *-д* в виде *-н*? На такую вероятность указывают марийские наречия *тел-ым* 'зимой' и *кеҗежс-ым* 'летом'. Но если все же это предположение и неверно, марийские языки сохранили образования, аналогичные мордовскому *кизо-н-да* 'летом', даже в лучшем виде: *ку-на-м* 'когда?', *ту-на-м* 'тогда', где *-на-* довольно определенно имеет отношение к локативному **-на/*-nǫ*, а *-м* вполне может быть реликтом древнего локатива на **-m*. Не исключено, что *-на-* в *ту-на-м* то же самое, что и в мордовском местоимении *то-на* 'тот' (мар. *ту-до*).

Горномарийский также сохранил формы с локативным **-m*, дублирующим локативный *-д-* (из **-t*): *эр-де-не* // *ирго-д-ым* 'утром' (*эр* // *ирок* 'утро'). Не правда ли поразительно, что локативному *-не* в лугово-восточном марийском соответствует *-м* в горномарийском?

Неясным представляется *-м* в словах удм. *гужс-ем*, коми *гожс-м* 'лето', 'летом'. Что *-м* не корневое, свидетельствуют языки коми, где имеются прилагательные *гожс-ьян*, *гожс-ся* 'летний'. Могло ли слово в локативе принять на себя назывную функцию? Наводит на размышления также *-м* в удмуртском слове *ин-мы-сь* 'небесный'. Что *-м* не корневое, видно из сравнения: удм. *ин*, *ин-бам*, коми *ен-эжс* 'небо'. Возможно, это реликтовая форма древнего локатива на **-m*.

Ввиду сказанного, в ином свете предстают порядковые числительные марийских языков (*ныл-ым-ше* 'четвертый'), ко-

аффикс *-ым* которых отождествляется с *-ым* в прилагательных на *-ым-со*: *шом-ым-со* 'весенний'.

За пределами марийских языков, в пермских языках, привлекает к себе внимание суффикс удм. *-мэм*, коми *-мӧм*, первое *-м* которого, возможно, имеет прямое отношение к обсуждаемой здесь теме: удм. *из-мэм*, коми *из-мӧм* 'каменный' (*из* 'камень').

2.13. Мордовский направительный падеж на *-в*, *-й*.

Говоря о пермском иллативе на *-э*, *-о*, мы высказали предположение о существовании в мордовских языках вокалических локатива на *-е* (*вяр-е* 'вверху') и латива на *-и* (*вяр-и* 'наверх')¹⁴.

Традиционная точка зрения возводит лативный *-и* к универсальному направительному падежу на *-л*. Эта гипотеза получила широкое распространение, поэтому остановимся на ней подробнее.

Считается, что суффикс направительно-вносительного падежа *-в* и его вариант *-и* возникли из латива на *-л*. Основанием для такого вывода послужило употребление в приалатырском диалекте и в некоторых говорах эрзянского языка лативно-иллативного *-л* параллельно другим лативным суффиксам литературного языка — *-нь*, *-в*, *-й* (Ермушкин 1978, 171): *кудо-л* 'домой', *ко-л* 'куда', *то-л* 'туда' соответствуют *кудо-в*, *ко-в*, *то-в* литературного языка. В других диалектах *-л* перешел в *-нь*, *-й*, *-в*: *-в* встречается после гласных заднего ряда. Формы с лативным *-й* почти полностью вытеснены формами на *-в*: *те-й* ~ *те-в* 'сюда'.

В мокша-мордовском языке встречаются иллативные формы с формантами *-у*, *-и*, прошедшие, как предполагается, следующие этапы развития: *ош-у* 'в город' < *ош-оц* < *ошо-в* < *ошо-л*; *вел-и* 'в деревню' < *веле-й* < *веле-л*.

Прилагательные мордовских языков с суффиксами *-в*, *-и*, *-у* возводят к соответствующим лативам. Их насчитывается довольно много, так что они в известной степени могут конкурировать с отыменными прилагательными на *-нь* (*кшни-нь* 'железный'): морд. *вадя-в* 'гладкий', 'ровный', *сёрма-в* 'пестрый', *кальдя-в*

¹⁴ Последовательно точку зрения о вокалических локальных падежах в волжско-пермских и, шире, финно-угорских языках проводил Б.А. Серебренников во многих своих трудах.

‘плохой’, *оц-ю* (мар. *куз-у*) ‘большой’, *вед-ю* ‘водянистый’, *вид-и* ‘правый’, ‘правиль-ный’, *кел-и* ‘широкий’, *сяп-и* ‘горький’, *питн-и* ‘дорогой’, *ар-у* ‘свежий’, *лов-у* ‘снежный’.

Хорошо известно, что в родственных языках, марийских и пермских, встречаются вокалические локативы, суффиксы которых легли в основу образования прилагательных. Так, локативный *-i* в большинстве финно-угорских языков мог трансформироваться в атрибутивный показатель: например, коми *выл-і*, удм. *выл-й* ‘верхний’ (ср. коми *выл- і-ын*, удм. *выл-й-ын* ‘вверху’, где *-i//и* обнаруживается как показатель локатива), коми *ул-і*, *ул-й* ‘нижний’ и коми *ул-і-ын*, удм. *ул-й-ын* ‘внизу’. Едва ли правомерно давать такую сложную этимологию для мордовских прилагательных на *-и*, *-у*, *-в-*, имея чистые параллели в родственных языках.

К сожалению, при кажущейся большой близости волжских и пермских языков они в некоторых случаях дают скудный материал для сравнения, но все же дают: коми *виз-у-в* ‘быстрый’ (о воде) — мокш. *вед-ю* ‘водянистый’ (фонетически: *ведь-у*); удм., коми *пӧсь*, морд. *пс-и* ‘горячий’ и др. Первый мордовский пример полностью соответствует примеру языка коми за вычетом *-в*. Именно это *-в* языка коми не позволяет предположить никаких лативов после *-у* мокшанского языка. Точно так же во втором примере после атрибутивного *-и* не предполагается никакой суффикс, потому что мордовское слово *пс-и* ‘горячий’ является развитием по восходящей слова того же корня пермских языков.

Суффикс *-в* эрзянских прилагательных, восходящий к лативному *-в* полностью соответствует пермскому, хотя, возможно, генетически они не тождественны. Очевидно также, что конечное *-у* в мордовском прилагательном *вед-ю* того же происхождения, что и в мордовском *оц-ю* ‘большой’ и соответствует марийскому *-у* в *куз-у* ‘большой’, которое едва ли развилось из последующего лативного. Тем не менее эта проблема ждет новых исследований: все так же проблематично происхождение лативного *-п* из древнего **-п*. Нам представляется, что мокшанские прилагательные на *-у*, *-и* первичны, а не явились результатом падения дифтонгов, характеризующих соответствующие прилагательные эрзя-мордовского языка, как это принято считать: *сало-в//сал-у* ‘соленый’, *келе-й//кел-и* ‘широкий’ и т.п.

Любопытна точка зрения Т.Лехтисало, возводящего суффикс прилагательных *-v* к уральскому суффиксу отыменных прилагательных *-p*: фин. *liha-va* 'мясистый' от *liha* 'мясо', манс. *kät-pä* 'имеющий руки' и т.п. (Lehtisalo 1936, 119). Эта точка зрения требует дальнейшего обоснования, но мы полагаем, что указанный суффикс *-va* прилагательных генетически прежде всего связан с соответствующими деепричастиями.

2.14. Волжский инессив.

2.14.1. Инессив на **-s* и латив на **-s*.

Инессив, или местный падеж, в современных мордовских языках и диалектах образуется с помощью суффикса *-so*, *-сэ* (диал. *-са*, *-снэ* // *-са*, *-ца*).

В современном финно-угроведении, по-видимому, общепринятой является точка зрения, согласно которой суффикс инессива является сложным в финно-волжскую эпоху формировался с помощью лативного и локативного **-na* // **-nä*. Согласный локатива уподобился предшествующему *-s*, затем произошло упрощение *-ssa* > *-sa*. Такая трактовка мордовского инессива навесна процессами, происходившими в прибалтийско-финских языках: фин. *kirja -ssa* 'в книге' (< **kirja-sna*), *talo-ssa* 'в доме' (< **talo-sna*) (Бубрих 1955, 65; Szinyei 1910, 78).

Такой подход как будто подтверждает форма *-снэ*, встречающаяся в ряде диалектов эрзя-мордовского языка и считающаяся архаичной: большеигнатовском, прилатырском, в северо-западных и некоторых других говорах (Давыдов 1963, 157; Ермушкин 1978, 169). Настораживает тот факт, что суффикс *-снэ* выступает после шипящих и свистящих согласных.

Доказательство строится на том, что древний **-s* в интервокальном положении в мордовских языках озвончался: эрз. *kudo-so* 'его дом' (< **kudo-so*), морд. *куз* 'ель' (< **kos*; ср. фин. *kuusi* 'ель'). Следовательно, если принять эту гипотезу, в период озвончения *s* инессив имел удвоенный согласный (**kudo-ssō*). Сокращение удвоенной согласной произошло, когда закон озвончения интервокального *s* перестал действовать.

Реликтовые формы наречий с локативным **-na* // **-nä* в мордовских языках также свидетельствуют, что суффикс инессива в

древности не имел коаффикса *-s-*: эрз. *киз-на* 'летом', *тель-ня* 'зимой'.

В принципе не отрицая возможности такой эволюции инессива в мордовских языках, мы полагаем, что этот процесс протекал несколько иначе. Мы основываемся на том, что в различных группах родственных языков могут протекать идентичные процессы (что и побудило исследователей при анализе фактов мордовских языков обратиться к материалу прибалтийско-финских языков), но идентичные процессы, происходящие в различных группах языков, могут быть отделены значительными промежутками времени.

Мимо внимания исследователей прошел незамеченным тот факт, что волжские и пермские языки сохраняют ряд архаических черт: в частности, в волжских языках несколько большее распространение, чем в прибалтийско-финских, имеет локативный **-na* // **-nā*, а в пермских языках *n*-овый локатив функционирует как живой падеж, хотя, вероятнее всего, и представляет собой вторичное явление. Кроме того, в волжско-пермских языках, и особенно в мордовских, локативно-генитивный **-n'* не разошелся с соответствующим атрибутивным показателем: ср. морд. *ве-нь* 'ночью' — *кеве-нь* 'камня' — *кеве-нь* 'каменный', между тем как в прибалтийско-финских языках, и прежде всего в финском, процесс дифференциации локатива, генитива и соответствующих прилагательных ушел значительно дальше: фин. *kauka-na* 'далеко', *riipa-i-ne-n* 'красный', где первый *n'* обязан своим происхождением локативу, а второй *n* — генитиву.

Если же мы будем проводить идею об упрощении суффикса мордовского инессива, окажется, что прибалтийско-финские языки содержат больше архаических элементов, чем волжские, что противоречит действительности.

Сравним несколько наречий мокшанского языка: *вяр-и* 'наверх', *вяр-е* 'наверху', *вяр-де* 'сверху' — *ал-у* 'вниз', *ал-а* 'внизу', *ал-да* 'снизу'. Нетрудно заметить, что тройная оппозиция образована тройными лативными *-и*, *-е*, локативными *-е*, *-а* и аблативным *-де* ~ *-да*. Но такую же тройную оппозицию образуют формы с суффиксом *-с*: *потмо-с* 'внутри', *потмо-с-а* 'внутри', *потмо-с-та* 'изнутри'. Таким образом, речь должна идти не о противопоставлении инессива *-са* ~ элативу *-ста*, а об оппозиции

с-овых суффиксов: *-с* ~ *-с-а* ~ *-с-та*. Поскольку в *-с* преобладает лативное значение, он не дублируется еще одним лативом (*-и* или *-у*), в остальных случаях основную нагрузку выполняет локативный *-а* и аблативный *-та*.

В связи с этим обращает на себя внимание мокшанский локатив *-ца* (то есть, *-т + -са*)¹⁵ и, соответственно, аблатив *-цта* (*-т + -с- + -та*). По-видимому, в языке осуществлялась более строгая дифференциация значений, передаваемых локативно-лативным *-с*, поэтому и создавались параллельные инессиву формы: в эрзянском *-снэ*, в мокшанском *-цта* — первая с помощью локативного *-нэ*, вторая — посредством локативного *-т*. Таким образом, за *-с* закреплялось иллативное, а может быть, лативно-элативное значение, на что указывает суффикс *-цта*, в котором *-с-* отнесено к элативу: (*-т*)*ста*.

Процесс разграничения функций *с*-ового локатива намного сложнее, чем это кажется на первый взгляд, о чем свидетельствуют реликтовые формы с локативным *-зе* (< **-se*, где оба коаффикса — локативные, ср *вяр-е* 'наверху' с локативным *-е*); *ичко-зе* 'далеко', где *-з-* — вторичного происхождения. Что, рассуждая о дифференциации значений в локативно-лативном *-с*, мы не грешим против истины, подтверждают следующие пары примеров:

то-со // *то-са* 'там';
то-зо // *то-за* 'туда';
те-сэ // *тя-са* 'здесь';
те-зе // *тя-за* 'сюда';
ко-со // *ко-са* 'где?';
ко-зо // *ко-за* 'куда?'

Как видим, неизвестно, сохранился ли интервокальный *-с-* в суффиксе инессива в результате выпадения **-н* с последующей ассимиляцией и упрощением. А вот то, что *-с* могло сохраниться в результате дифференциации значений в локативно-лативном *-с* с последующим фонетическим расхождением форм, явствует из приведенных примеров: локативно-лативное **-s* → локативное *-s* и лативное *-z*.

¹⁵ И соответствующий ему элатив *-цта* (*-т + -с- + -та*).

Инессив современных мордовских языков обозначает место нахождения как внутри предмета, так и на его поверхности.

2.14.2. Порядковые числительные в мордовских языках.

Порядковые числительные в мордовских языках образуются с помощью суффикса *-це/-ця*.

Суффикс *-це* порядковых числительных Д.В.Бубрих возводит к финно-угорскому **-nse*. По его мнению, *-n'* перед *-i-* выпало, оставшееся *-се* восходит к указательному местоимению *se* 'тот' (Бубрих 1953, 94).

Это едва ли справедливо даже по отношению к числительному *vase-n'-ce* 'первый', вероятно, производному от наречного образования *vas-n'a* 'сначала', где *-n'* — локативный суффикс (ср. с норвежско-саамским *vuostas* 'первый').

Думается, суффикс *-це* порядковых числительных связан со словообразовательным суффиксом *-це*, образующим прилагательные от ряда наречий, который, в свою очередь, имеет прямое отношение к суффиксу локатива *-ца* и эрзянскому суффиксу причастий настоящего времени *-и-ця* (~ *-ы-ця*); эрз. *верь-це* 'верхний' (*вере* 'наверху'), *ал-це* 'нижний' (*ало* 'внизу') и эрз. *мор-ьця нармунь* 'поющая птица'.

2.14.3. Порядковые числительные марийских языков.

Порядковые числительные марийских языков с суффиксом *-ше, -шо // -шы, -шы̃* связаны с активными причастиями такого же образования: *кум-шо // кым-шы* 'третий' (*кум-ыт* 'три'), *луд-шо // лыд-шы* 'читающий' (*луд-аш* 'читать'). Образуются от краткой формы количественных числительных. Активные причастия марийского языка на *-ше, -шө, -шо // -шы, -шы̃* имеют общее происхождение с обстоятельственным падежом на *-(е)ш*. Ср. также с суффиксом *-се, -сө, -со // -шы, -шы̃* имен прилагательных: *ала-се // хала-шты-шы* 'городской' (*ола/хала* 'город').¹⁶ Указанный суффикс прилагательных в луговом марийском, по мнению

¹⁶ В горномарийском суффикс *-шы, -шы̃* присоединяется к существительному в местном падеже.

Э.Беке, восходит к *ts*-овому суффиксу (ср. эрз. *верь-це* 'верхний') или заимствован (Беке 1911, 131).

Суффикс порядковых числительных *-ым-ше*, *-ым-шö*, *-ым-шо* // *-ым-шы*, *-ым-шы́* состоит из атрибутивного суффикса *-м*, распространенного во всех финно-угорских языках, и того же суффикса активных причастий: *ик-ым-ше* // *ик-шы* 'первый' (*ик-те* // *ик-ты* 'один'), *кок-ым-шо* // *кок-шы* 'второй' (*кок-тыт* // *кок-ты* 'два').

2.15. Волжский и пермский элатив.

2.15.1. Мордовский элатив на *-сто*//*-ста*.

Суффикс мордовского исходного падежа: *-сто*, *-стэ*//*-ста*, (*-цта*). Согласно общепринятой точке зрения, мордовский элатив соответствует аналогичному образованию в прибалтийско-финских языках: эрз. *кудо-сто*, фин. *talo-sta* 'из дома'. По значению близок финскому элативу и аблативу; состоит из двух падежных суффиксов — лативно-локативного **-s* (по традиционной точке зрения, лативного (*-s*) и аблативного **-ta*//**-tä*). Лативное *-s*, возможно, является источником происхождения иллативного *-s*, локативное *-s* содержится в суффиксе инессива *-so*//*-sa*.

В указательном и притяжательном склонении современных мордовских языков в функции аблатива употребляется послеложная форма из существительного в родительном падеже и послелого *эс-* в форме исходного падежа основного склонения — *эйстэ* (Ермушкин 1978, 221).

Суффикс элатива широко используется для образования наречий времени; все качественные наречия, в том числе заимствованные из русского языка, образуются от прилагательных с помощью суффикса *-сто*, *-стэ*//*-ста* и *-а*: *те-стэ*//*тя-ста* 'отсюда', *то-сто*//*то-ста* 'оттуда'; *сэрей-стэ*//*сэри-ста* 'высоко', *тантей-стэ*// *таньцти-ста* 'сладко'; * *ударной-стэ* // *ударнай-ста* и *ударн-а* от рус. 'ударно'. Как было показано в предыдущем разделе, мордовский элатив соответствует марийскому инессиву на *-(ы)ште*//*-(ы)шты*, но в мордовских языках совмещение локатива **-s* и аблатива **-ta* привело к трансформации значения в составном суффиксе. Одно из двух: или на мордовском элативе сказалась тенденция, свойственная финно-угорским языкам и извест-

ная за их пределами, а именно отпочкование аблатива от локатива с последующей дифференциацией форм, на что и указывает марийский инессив, или же мордовский элатив и марийский инессив имеют различное происхождение — первый строится на основе аблативного **-ta*, а второй — на основе локативного **-ta*. Мы придерживаемся первой точки зрения, так как в финно-угорских языках прослеживается четкая тенденция эволюции локативных падежей в абстрактные через ряд промежуточных ступеней.

2.15.2. Пермские элатив и латив на -сь.

Сравнивая окончания и значения пермских падежных форм аблатива (удм. *-л-эсь*, к.п. *-л-і-сь*, к.-з. *-л-ы-сь*), элатива (удм. и к.-з. *-ысь*, к.-п. *-і-сь*) и эгрессива (удм. *-ыс-ен*, коми *-сянь*, фонетически: *-сь + ань*), нетрудно убедиться, что отложительной формой в них является их общий элемент *-сь*. И действительно: составляющий основу аблатива *-л-* — суффикс местонахождения, *-і* ~ *-ы* аблатива, элатива и удмуртского эгрессива — лативный суффикс, *-ен* и *-ань* эгрессива — лативы, восходящие к финно-угорскому локативу на **-na* // **-nä*.

Лативное значение пермского терминатива (удм. *-озь*, коми *-одз*) пытался доказать Ю.Вихман, сравнивая его с ненецким лативным *-s'* в окончании некоторых наречий: *нуу-s'* 'вниз', *поу-s'* 'вверх', *тоу-s'* 'туда' и др. (Wichmann 1954, 162).

П.Хайду обосновал связь самодийского лативного *-s'*, отраженного в окончании ненецкого инфинитива с пермским терминативом, распространив этот вывод на все финно-угорские языки (Hajdu 1966). Это позволило сделать вывод о двух разновидностях *s*-ового латива — западной, представленной чистым *-s*, и восточной, представленной палатализованным *-s'*.

Й.Синнеи усмотрел связь элемента *-сь* в окончании пермского элатива с коаффиксом *-s* прибалтийско-финского элатива: ср. фин. *kylä-stä* 'из деревни', к.-з. *кар-ысь* 'из города' (Szinyei 1910, 79). Против подобного сопоставления возражал Ю.Вихман, так как пермское *-сь* не может соответствовать прибалтийско-финскому *-s*. То же утверждал Е.С.Гуляев (1958, 136 — 137; Collinder 1960, 292).

Думается, исчерпаны не все возможности сравнения, если вспомнить, что в саамском языке инессив оканчивается на *-es't'* — сложный суффикс, состоящий из локативно-элативного *-s'-* и локативно-аблативного *-t'*: *kul'-e-s'-t'* 'в рыбе', 'из рыбы', *ko-s'-t'* 'где?'. Общеизвестно, что суффикс саамского инессива-элатива формировался поэтапно: ср. *ku:s's'* 'когда?', *p'eju'-es'* 'днем' и *ko-s'-t'* 'где?'. А если учесть, что в саамском существовал латив на **-s* (ср. *ko-z* 'куда?', *tə-z* 'сюда'), то становится очевидным, что в истории языка представляется вполне возможным расщепление лативного *-s* на два варианта — твердый и палатализованный. Другое дело, что в пермских языках трудно обнаружить следы непалатализованного лативно-локативного *-с*.

2.15.3. Пермский элатив на *-ысь/-ісь*.

Пермский элатив имеет следующие суффиксы: *-ысь* в языках коми, *-ысь*, *-ысьт* в удмуртском языке. Форма исходного падежа на *-is'* в елабужском диалекте удмуртского языка более архаична, суффикс *-is'* сохраняется в удорском диалекте языка коми (эгрессив на *-is'töm*).¹⁷ Показатель элатива восходит к архетипу **-is't*.

Е. С. Гуляев высказал сомнения по поводу происхождения элативного *-ысь* из *-ысьт* (1958, 140). Основываясь на том, что суффикс *-ысьт* сохранился в притяжательном склонении удмуртского и языка коми, он предположил, что в общепермскую эпоху употреблялись два показателя исходного падежа — *-сь* и *-сьт*. Элатив с суффиксом *-сьт* является результатом контаминации двух показателей, из которых *-сь*, вероятно, имел местно-исходное значение, а элатив *-т* был наследником финно-угорского аблатива. Распространение *-сь* связано с исчезновением элативного *-сьт* (Гуляев 1958, 140). Ср.: удм. *луд-ысьт-ым* 'с моего поля', к.-з. *пыж-сь-ым* 'из моей лодки', *та-сь* 'отсюда'.

Обращает на себя внимание тот факт, что в говорах языков коми элатив функционирует в значении партитива (Гуляев 1958, 207, 208; Сорвачева 1961, 488), а это, как указывалось в первой главе, служило той промежуточной ступенью, которая закрепляла

¹⁷ Диалектные различия пермских языков освещены в книге: (Серебренников 1963).

аблативный **-t//*-d* в атрибутивной функции в прибалтийско-финских языках, что обнаруживает суффикс прилагательных **-eda*.

Таким образом, прилагательные с суффиксами *-есь, -ись, -ісь*, как заметил еще А.И.Емельянов (1927, 123), имеют прямое отношение к элативу на *-сь, -ысь, ісь*, так же как и соответствующие причастия: к.-п. *выл-ісь* 'верхний' (*выв* 'верх'), *ва-ись* 'водяной' (*ва* 'вода'), *му-ись* 'земляной' (*му* 'земля'), а также *гыр-ись* // *гѳр-ысь* // *гѳр-ись* 'папуший', 'пахарь' (от *гырыны* // *гѳр-ны* 'пахать').

Сюда же относятся прилагательные с суффиксом частичного обладания *-эсь ~ -(есь)// -ѳсь*: удм. *пер-есь* 'старый', 'старик'; *жаг-есь* бусы 'поле с сорняком', *ву-эсь* губы 'водянистые грибы', *сир-есь* пужым 'смолистая сосна'. В этом свете найдут интерпретацию односложные прилагательные с затемненной основой, оканчивающиеся на *-сь*: удм. *пѳ-сь* гур 'горячая печь' (*пѳ-сь* 'жаркий', 'жарко', 'жара').

Справедливость сказанного подтверждается элативными формами наречий в функции прилагательного: удм. *кыдѳк-ысь* пужым 'дальняя сосна' (*кыдѳк-ын* 'далеко'), *мат-ысь* корка 'ближняя изба' (*мат-ын* 'близко'). А суффикс *-есь* с вариантами находит соответствие в саамских прилагательных типа *rups'-es'* 'красный', суффикс которых *-es'* совпадает с показателем инессива-элатива.

В языках коми встречаются немногочисленные прилагательные с суффиксом *-ыс*, отсутствующие, правда, в удмуртском языке: *выл-ыс* 'верхний', *мат-ыс* 'близкий', *ул-ыс* 'дальний' и др. Т.Лехтисало возводит *-ыс* к общефинно-угорскому **-s*.

Обращаем внимание на следующие три факта:

1. Прилагательные языков коми на *-ыс*, а также коми на *-ѳс* и удмуртские на *-ес*, возводимые к финно-угорскому **-sk* (Тепляшина, Лыткин 1976, 155), имеют соответствующие палатализованные варианты: 1) коми *выл-ыс* 'верхний', *ул-ыс* 'дальний' — удм. *мат-ысь* 'близкий', *ва-ис* 'водяной'; 2) удм. *азмн-ес* 'упрямый', удм. *котыр-ес*, коми *гѳгѳр-ѳс* 'круглый', удм. *шим-эс* 'скучный' — удм. *вен-есь* 'иглистый', *пыд-есь* 'мучнистый'. Прилагательные с суффиксом *-ес* Й.Синнеи связывает с финским *veres* (род.п. *vereksen*), южнолапл. *varas* 'свежий'

и т.д., а также с венгерским суффиксом *-š* прилагательных *kőv-es* 'каменистый' (ср. с морд. *кев-ень* 'каменный'), *vizes* 'мокрый' (*víz* 'вода').

2. Прилагательные с суффиксом *-ыс* имеют явно локативное значение, а прилагательные на *-ысь* не утратили элативное значение. Прилагательные с суффиксом *-ес*, *-ős* по значению близки к качественным прилагательным, в то время как суффикс *-есь* сообщает именам, к которым присоединяется, оттенок принадлежности, что сближает его с элативным *-сь* в функции генитива. Оба эти факта убеждают, что значения, присущие словам с суффиксами *-ыс* → *-ысь*, с одной стороны, и *-ес* → *-есь*, с другой, соответствуют трансформации *-с* от локативного значения к элативному и, далее, к генитивному и атрибутивному. Другими словами, из этих примеров вытекает, что если прилагательные с суффиксом *-сь* восходят к элативу, то прилагательные с суффиксом *-с* ~ *ес* ~ *эс* должны иметь своим источником локатив, или, что одно и то же, в общепермском языке — основе или в прибалтийско-волжско-пермскую эпоху существовал локативный **-s*, давший начало современным прилагательным на *-s* финно-угорских языков.

3. Можем привести еще одно доказательство: в марийских языках есть синонимичные лексемы: *ул-ыл*, *ул-ыс-ö*, *ул-н-ыс-ö* 'нижний' (также: *кõрг-ыс-ö* 'внутренний' и др.). Первый и второй примеры указывают, что суффиксальный *-с-* обозначает местонахождение. Если бы на этот счет возникли какие-то сомнения, их развеял бы третий пример, где значение суффикса *-ыс* уточняется локативным *-н-*. Ср.: марийское *ул-н-ö* 'внизу', *куш-н-ö* 'наверху'.

Таким образом, данные марийских языков также свидетельствуют в пользу существования древнего локатива на **-s*, давшего начало прилагательным на *-(ы)сö*.

Смелую гипотезу выдвинул Д.В.Бубрих. Он считал суффикс локатива *-ысь* производным от прилагательных с суффиксом *-ся*, *-я//ся* (*-сь* + суффикс обладания *-а*): к.-з. *ар-ся* лун 'осенний день', к.-п. *ой-ся* 'ночной', *тул-ыс-ся* 'весенний' (Бубрих 1948, 85).

Кстати, сравнение *тувс-ов* 'весенний' и синонимичного ему *тул-ыс-ся*, а также удм. *тул-ыс* 'весенний' от *тул* ~ *тул-ыс* 'весна'

еще раз подтверждает, что определение первого *-с* как локативно-го справедливо.

Далее, по мнению Д.В.Бубриха, локативный *-ысь* определился как заместитель старого аблатива.

Удмуртскому *-эс* в коми-зырянском соответствует местно-принадлежностный суффикс *-са*, также возводимый к финно-угорскому **-sk* и имеющий какое-то отношение к обсуждаемой теме: к.-з. *сикт-са асыв* 'деревенское утро', то есть 'утро в деревне'.

На существование локативного **-с* указывают и дублетные формы языков коми *асыл-ын ~ асыв-на-с* 'утром', *рыт-ын ~ рыт-на-с* 'вечером', в которых *-с* дублирует локативное *-на*.

Возможно, об этом же свидетельствуют относительные прилагательные марийских языков с суффиксом *-се//сõ//со*: эр-ла-сэ 'завтрашний', кызы-т-се 'теперешний', чо́дра-се 'лесной' (чо́дра 'лес'), ялы-се 'деревенский', ял-ы-се илыш 'деревенская жизнь'.

2.16. Судьба финно-угорского аблатива на **-ta* // **-tä* в волякско-пермских языках.

В волякских языках финно-угорский аблатив на **-ta* // **-tä* хорошо сохранился и функционирует в качестве аблатива же, поэтому сложилось мнение, что мордовский аблатив является прямым наследником общефинно-угорского аблатива (Серебренников 1967, 19).

Суффикс аблатива в мордовских языках: *-то*, *-те*, *-тэ*, *-до*, *-де*, *-дэ//* *-та*, *-да*. Встречается он также в наречиях и послелотах, которые обычно сохраняют древние формы: *икель-де// инголь-да* 'спереди', *вер-де//вяр-де* 'сверху', *удал-до//фтал-да* 'сзади', эрз. *товол-до* 'с той стороны'.

Существование двух вариантов мордовского аблатива *-т* и *-д*, а также наличие темпоральных наречий с суффиксом *-ть* и пространственных с суффиксом *-де*, *-да* является показательным: эрз. *тумо-до* 'от дуба', мокш. *ош-та* 'от города', мокш. *тяло-н-да* 'зимой'.

Это подтверждает точку зрения исследователей, отстаивающих генетическое тождество финно-угорского аблативного **-ta*

локативному **-t* (Бубрих 1955, 101; Серебренников 1963, 113; Décsy 1965, 117; Kövesi 1963, 245). По мере того как аблатив получал в языке распространение, происходила дифференциация форм и значений: аблатив наряду с *-t* приобрел и звонкую его пару, а локативный **-t* был вытеснен на периферию и специализировался для обозначения времени.

Аблативный **-ta/*-tä* вошел в состав сложного суффикса мордовского аблатива *-сто, -стэ//-ста*. Последнее обстоятельство объясняет, почему древний *t*-овый аблатив так хорошо сохранился в мордовских языках. Дело в том, что в мордовских, как и в других финно-угорских языках, происходило распределение падежей по функциям на внутреннеместные и внешнеместные. Как и в прибалтийско-финских языках, в мордовских за *s*-овыми падежами закрепилось внутриместное значение, а *t*-овый аблатив был использован как внешнеместный падеж, соответствующий аблативу на *-lta, -ltä* прибалтийско-финских языков. *l*-овый падеж в мордовских языках получил даже меньшее распространение, чем в марийских, и дальше создания отдельных форм не пошел, да и те не укоренились: *a-l-do//a-l-da* 'снизу', *уда-l-do//фта-л-да* 'сзади (подойти)', *фта-л-а* 'сзади (находиться)', *фта-л-га* 'сзади (пройти)'.

Аблативный **-ta/*-tä* в марийских языках представлен в виде суффиксов *-ч//и-ц*: *умба-ч//ымба-ц* 'издалека', *шеге-ч* 'сзади', горно-мар. *лѣва-ц* 'снизу'. В марийских языках рефлексy аблативного **-ta/*-tä* обнаруживаются в составе сложного суффикса аблатива, распространенного в диалектах: *-ле-ч//и-ле-ц, -ше-ч//и-ше-ц* (Майтинская 1953, 60, 65; Hajdú 1966, 122). В марийских литературных языках эти суффиксы употребляются только в составе наречных образований. Диалектному аблативу на *-леч/-лец* в литературном языке соответствует послелог *-леч*. Любопытно, что они полностью соответствуют аналогичным образованиям мордовских языков: мар. *ту-ше-ч* (и *ту-ле-ч*), морд. *то-с-та* 'оттуда', мар. *ул-ыч*, морд. *ал-да* 'снизу'.

В отличие от мордовских языков, где элатив образуют *-с* и аблативный *-то//и-та*, в марийских инессив образуется из лативно-локативного *-и*, соответствующего мордовскому *-с* и *-т*, входящего к древнему локативу на **-t*.

Аблатив на *-та* в пермских языках полностью исчез, в реликтовом виде сохранившись в притяжательном склонении: удм. *мынэ-сьт-ым* 'от меня', *тынэ-сьт-ыд* 'от тебя'.

То, что древний лативный **-s'* в современных пермских языках приобрел элативное значение, не является чем-то экстраординарным: в саамском суффикс *-s'* формирует инессив-элатив.

Исчезновение аблативного *-та* объясняют тем, что он, соединившись с лативным *-сь*, дал начало новому, элативному, падежу на *-сьт-*, который и вытеснил аблативный *-та*. Аблативный *-т* в суффиксе *-сьт* утерян, а элативное *-сь*, соединившись с лативным *-ы*, дало лативу новое окончание *-ысь* (Серебренников 1963, 77).

Чуть ли не бесследное исчезновение аблативного **-t* в пермских языках — явление, действительно, загадочное, если учесть, что *л-овыс* и *с-овыс* падежи в этих языках как будто составляют равновесную систему. Но это всего лишь видимость. В отличие от волжских языков, дающих пример системы, где *с-овая*, локативно-лативная (!) система уравнивается *т-овой* аблативной системой, в пермских языках ощущается примат *с-овой* аблативной (!) системы. Даже *л-овые* падежи послужили основой для аблатива: удм. *-лэсь*, к п. *-лiсь*, к з. *-лысь*. Если к этому добавить, что многочисленные прилагательные и наречия пермских языков с суффиксом *-с-* на фоне аблативной падежной системы могут восприниматься соответствующим образом, даже если они генетически восходят к локативу или другому источнику, то картина получится впечатляющая.

Отметим, что реликты *t-ового* аблатива обнаруживаются в ряде местоименных наречий, если они не заимствованы, что маловероятно: удм. *кы-че*, коми *ку-т-ш-дм* 'какой?', удм. *кы-т-чы*, коми *кы-т-чд* 'куда?', удм. *та-т-чы*, коми *та-т-чд* 'сюда', удм. *о-т-чы*, коми *сэ-т-чд* 'туда'.

Если в отношении прибалтийско-финских языков приходится применять более строгий анализ, чтобы доказать происхождение общфинно-угорского суффикса прилагательных *-da* от аблатива, в волжских языках связь прилагательных на *-до//да* заметна невооруженным глазом: *вачо-до//вача-да* 'голодный', *накса-до//накса-да* 'гнилой'. Это не значит, что суффикс прилагательных имеет прямое отношение к мордовскому аблативу. Просто мордовский аблатив сохранил более древний облик.

В марийских языках указанный суффикс прилагательных встречается в двух вариантах: *-до* в местоимениях и некоторых прилагательных, *-ыд-о* в большей части прилагательных, образованных посредством суффикса *-д*: мар. *ку-до* 'который?', *кан-де* 'синий', *кум-да* 'широкий' и *волг-ыд-о* 'ясный', 'светлый', *нешк-ыд-е* 'твердый', *тыг-ыд-е* 'мелкий', 'некрупный'. Это, вероятно, связано с укреплением позиций лативного *-ы* в падежной системе марийского языка с последующим выравниванием других основ по образцу прилагательных, в состав которых *-ы* вошел основным компонентом: ср. *волг-ыд-о* 'светлый', *шош-ым-со* 'осенний', *ул-ыс-о* 'нижний', *тырш-ыш-е* 'прилежный' и проч.

В пермских языках соответствующий суффикс прилагательных имеет вид *-ыд (-ыт)*. Если гипотеза об аблативном происхождении суффикса прилагательных *-д* получила хорошее обоснование, тогда можно предположить, что исчезнувший в пермских языках *t*-овый аблатив реконструируется в виде **-ыд ~ *-ыт*.

2.17. Лативный **-k* в волжско-пермских языках.

Мордовский пролатив на -ка, -га, -ва.

Мордовский транслатив на -кс.

2.17.1. Лативный **-k* в волжско-пермских языках.

В диалектах марийских языков встречаются наречия, оформленные различными древними лативными суффиксами, но имеющие одно и то же значение: мар. *шея-е-ке* // *шбйг* *-ы-нь* 'назад', *ул-ы-кд* // *ул-е-ш* 'вниз' и др. (Коведяева 1978, 152).

Первая пара примеров указывает на существование лативных **-ка* и **-н'*, вторая позволяет реконструировать лативные **-кӑ* и *š < *-s*. Принято считать, что в пермских языках конечный лативный **-k*, который, опираясь на марийские данные, следует реконструировать в виде **-ka/*-kă*, отпал (Лыткин 1955, 173; Тепляшина, Лыткин 1976, 147).

Б.А.Серебренников склонен считать, что в пермских языках нет следов лативного на **-ка* (Серебренников 1964, 21). Ср., например, мар. *ул-ы-кд*, удм. *ул-э ~ ул-лань*, коми *ул-о ~ ув-лань* 'вниз'.

Большинство авторов утверждают, что в пермских языках конечные гласные (удм. *-э*, коми *-о*) получили иллативное значение

в результате отпадения конечного лативного *-k: удм. *ул-э* < **ул-эк*, коми *ул-ё* < **ул-ёк*.

Как правило, когда какая-либо грамматическая форма вытесняется другой, она не исчезает бесследно. Возможны случаи 'приклеивания' одного аффикса к другому. Подобное явление наблюдается в марийских языках, где встречается не только суффикс латива -ке с вариантами (-ке, -ге, -ко, -кё//кы, -кы), но и лативный *-k, вероятно, десемантизированный, в сочетании с лативным -ла более позднего образования: *куш-кё* ~ *куш-кы-л* 'наверх', *шенге-ке* ~ *шенге-кы-ла* 'назад'. Есть случаи, когда несколько лативных суффиксов нанизываются один на другой: мар. *ты-ш-кы-ла* 'сюда', *ту-ш-кы-ла* 'туда' (ср. *ты-ш-те* 'здесь', *ту-ш-то* 'там'). Пермские языки не представляют в наше распоряжение подобных синонимичных пар. Наоборот, новообразования с аппроксимативом на -ла-нь пермских языков, по-видимому, генетически тождественные марийскому лативному -ла, не сочетаются с суффиксом *-k. Почему? Этому есть два объяснения:

1) Лативный *-k не имел широкого распространения в пермских языках и его никогда не было в формах с исходом на иллативные -э (удм.) и -о (коми).

2) На смену более архаичным формам с вокалическим иллативом приходит формы с новым лативным суффиксом, лативное значение которого закрепляется дважды — формантом -ла и формантом -нь, имеющими, вероятнее всего, сходное значение. Так в некоторых диалектах возникают дублетные формы, но без суффикса *-k: удм. *ул-э* ~ *ул-лань*, коми *ул-ё* ~ *ув-лань* 'вниз'.

Отметим, что в марийских языках лативный *-k имеет ряд вариантов, в том числе лативный -ге после гласных: *пел-ке* 'в сторону', но *ту-го* 'наружу', 'на двор'.

Тем не менее нельзя начисто отрицать существование лативного *-k в пермских языках. Кое-где его реликты все же обнаруживаются: удм. *ас-кы*, коми *ас-ки* 'завтра' (ср. коми *ас-ыв* 'утро').

Лативный *-k распознается в некоторых именах прилагательных: ср. мар. *ви-к* 'прямо', 'прямой', 'ровный' и мар. *ви-яш*, мокш. *ви-ё-е* 'прямой', а также морд. *ку-ва-ка* 'длинный' (мар. *ку-жс-у*; удм., коми *ку-зь*).

Лативный **-k* вошел в состав направительного падежа марийских языков. Ср. попарно: мар. *ку-ш-ко* 'куда' — *ку-ш-то* 'где?'; *ты-ш-ке* 'сюда' — *ты-ш-те* 'здесь'; *ту-ш-ко* 'туда' — *ту-ш-то* 'там'.

Довольно легко прослеживается связь соответствующего суффикса прилагательных с лативным **-k*.

Можно ли утверждать, что суффикс прилагательных *-к-с* языков коми восходит к лативному **-k*? Это кажется самоочевидным, если рассмотреть примеры: коми *пытш*, удм. *пуш* 'внутренность', 'внутренний' — коми *пытш-к-с*, удм. *пуш-кы* 'внутри' — удм. *пуш*, коми *пытш-к-с* и *пытш-ко-с-са* 'внутренний'.

Таким образом, суффикс *-к-* в форманте *-ко-с* прилагательных языков коми восходит к лативному **-k* и, следовательно, теперь мы с большим основанием можем утверждать, что *-k-* в форманте *-kaz* прилагательных прибалтийско-финских языков того же происхождения (ср. фин. *ilo-ka-z* 'веселый').

Лативного происхождения *-к* ряда прилагательных:

1. Суффикс *-ак* темпоральных слов мордовских языков и наречий удмуртского языка: морд. *ис-як* // *ис-як* 'вчера', эрз. *чи-як* 'недавно', 'только что', мокш. *си-як* 'тут же', удм. *шонер* 'прямой', 'прямо', — *шонер-ак* 'прямо', чаль 'быстро' — *чал-як* 'быстро', *котыр* 'кругом' — *котыр-ак* 'кругом' (ср. *котыр-ес* *эйк* 'круглый стол'); *меч-ак* 'прямо'; *шор-и* 'пополам' — *шори-як* 'пополам', а также в наречии *мыш-к-ин* 'спиной' (ср. *мыш* 'спина') и др.

2. Суффикс *-к-* прилагательных коми, соответствующий суффиксам *-к-* и *-ег* в удмуртском языке.

а) Наличие суффикса *-к-* в прилагательных соответствующей семантики пермских языков и его отсутствие в существительных свидетельствует в пользу его лативного происхождения: коми *нась-к-ыд*, удм. *нась-к-ыт* 'широкий' — коми *нась-та*, удм. *нась-та-ла* 'ширина'; коми *весь-к-ыд* ~ *весь-та-с* 'прямой' (показательно, что в существительных *-к-* выпал).

б) Соответствие удмуртского суффикса *-ег* прилагательных — лативному *-к-* прилагательных коми, а также суффиксу *-ге* (с вокалическими вариантами) прилагательных марийских языков, восходящих к лативу на *-ка*, свидетельствует об их общем проис-

хождении: ср. коми *ляп-к-ыд* (та же модель, что и в *весь-к-ыд* 'прямой') и удм. *ляп-ег*, мар. *лап-ка* 'низкий', а также марийское *вуд-ыж-гә* 'сырой', 'влажный' (*вуд* 'вода') (после звонкой согласной) и *куш-кә* 'наверх' (после глухой согласной). Суффикс *-гә* языков коми соответствует удмуртскому *-ег*.

В пользу лативного происхождения суффикса марийских языков служит наличие в нем кратких и полных прилагательных. Полные прилагательные с суффиксом *-ге* употребляются в функции сказуемого (что и свидетельствует о его наречном происхождении), в то время как формы без суффикса употребляются в функции определения: *йошкар-ге* 'красный', *ужар-ге* 'зеленый', *вуд-ыж-гә* 'сырой', 'влажный', *кошар-ге* 'острый' (ср. *Йошкар-ола* 'Красный город').

3. Лативный **-k* можно выделить в некоторых послелогах мокшанского языка: *пач-к* 'через', *перь-ка* 'вокруг'.

4. По всей видимости, лативного происхождения мордовский комитатив на *-сек*, *-чек*, *-нек*: эрз. *мель-се-к* 'друг за другом', мокш. *мель-це-к* 'рядом'; эрз. *веле-не-к* 'всем селом'.

Сюда же следует отнести наречия на *-нек* марийских языков: *изи-не-к* 'с малых лет', *рвез-ы-не-к* 'смолоду', *воды-не-к* 'с вечера' и др.

2.17.2. Мордовский пролатив на *-ка*, *-га*, *-ва*.

В настоящее время считается общепринятым мнение, согласно которому мордовский пролатив на *-ка*, *-га*, *-ва* является переосмыслением значения древнеуральского латива на **-ka*.

Варианты пролатива распределяются следующим образом: суффикс *-ка* выступает после глухих согласных, *-га* — после звонких согласных и *-ва* — после гласных (*кошт-ка* 'по воздуху', *ведь-га* 'по воде', *кудо-ва* 'по дому').

Пролативный *-ка* с вариантами встречается также в наречиях и послелогах: *ку-ва* 'где?', *ту-ва* 'там', *вакс-ка* 'возле', 'около', *мель-га* 'за'.

Вариант суффикса *-ва*, как и *-йа*, Б.А.Серебренников возводит к промежуточной ступени **-yu*: *kudo-ka* > *kudo-yu* > *kudo-va* (Серебренников 1967, 57—58).

Все варианты суффикса пролатива обнаруживаются у прилагательных. В некоторых случаях связь прилагательных с пролативным *-ка* прослеживается, в других случаях нужны более тщательные исследования: *ку-ва-ка* 'длинный', *нюрх-кя-ня* 'короткий', *ал-га-кс* (географ.) 'низменный' (ср. *ал-а*, *ал-у-ва* 'внизу'), *вадя-в* 'гладкий', 'ровный', *кальдя-в* 'плохой', *сёрма-в* 'пестрый'. Суффикс *-в*, вероятно, более распространен: ср. также *ко-в* 'куда?', *то-в* 'туда'. Нередко эрзянским прилагательным с суффиксом *-ка* в мокшанском соответствуют слова без этого суффикса: эрз. *виш-ка* // мокш. *ёмла* 'молодой', 'маленький'; эрз. *том-ка* // мокш. *крха* 'глубокий'.

2.17.3. Мордовский транслатив на *-кс*.

Лативный **-k* входит в состав суффикса мордовского транслатива на *-кс*, генетически тождественного прибалтийско-финскому транслативу (Szinyei 1960, 77; Майтинская 1953, 255).

Транслативное, равно как и пролативное значение, вполне закономерно может развиваться на основе латива. Основное значение современного мордовского транслатива — переход из одного состояния в другое ('превратиться в', 'стать кем (или) чем-либо') развилось на базе двух лативов, из которых *-к* обозначал движение по какому-нибудь месту, а *-с* — движение внутрь предмета (Ермушкин 1978, 166—167).

Транслатив, имеющий ограниченную сферу распространения (прибалтийско-финские и мордовские языки), относят к числу новых падежей. Вероятно, поэтому Б.А.Серебренников отклоняет мнение Й.Синнеи, разделяя точку зрения Д.В.Бубриха о происхождении транслатива от имен на *-ks* (Бубрих 1953, 63; Серебренников 1967, 26—27).

Думается, эти точки зрения не противостоят друг другу, так как имена на *-ks* могли быть втянуты в единый процесс по мере изменения семантики лативов **-k* и **-s* и возникновения транслатива.

В мордовских языках имеются отглагольные прилагательные на *-кс*, по всей видимости восходящие к причастиям на *-ks*: эрз. *содавомс* 'быть опознанным' — *содав-и-кс* 'известный', 'знакомый'. Мы, придерживаясь теории об общем происхожде-

нии показателей падежей и ряда суффиксов, образующих те или иные глагольные формы, усматриваем единое происхождение суффикса имен, падежного показателя и форманта *-кс* отглагольных прилагательных, тем более, что в волжско-пермских языках наблюдается синкретизм частей речи: ср., например, мокш. *норьхьяня* 'короткий' и 'коротко' (прилагательное и наречие), а также *норьхьяня-ста* 'коротко'; удм. *по-сь* 'жаркий', 'жарко' и 'жара' (прилагательное, наречие и существительное) — *пӧсь чур* 'горячая печь', но *тулы* 'весенний', 'весной', 'весна' — *тул-ы-с ву* 'весенняя вода'.

Падежную систему волжских и пермских языков можно представить в следующем виде (звездочкой обозначены реконструируемые формы):

Падеж	Мордовские	Марийские	Удмуртский	Коми
Транслатив	- <i>кс</i>			
Пролатив	(- <i>ва</i>), - <i>ка</i> , - <i>га</i>	(- <i>ге</i>)		
Комитатив		(- <i>ге</i>)		- <i>кӧ</i> - <i>т/-кӧ-д</i>
Абессив		(- <i>де</i>)	- <i>тэ-к</i>	- <i>тӧ-г</i>
Латив	*- <i>к</i> , *- <i>кя</i>	*- <i>к/-кы</i>	*- <i>к/*-чи</i> ; (- <i>ег</i>) (?)	*- <i>к/*-кӧ</i>
Компаратив		(- <i>ла</i>)		
Консекутив				- <i>ла</i>
Аппроксиматив			- <i>ла-нь</i>	- <i>ла-нь</i>
Адессив		- <i>л-эн</i>	- <i>л-эн</i>	- <i>л-ӧн</i>
Аллатив	*- <i>ле/*-ли</i>	*- <i>ла</i> (датель)	- <i>лы</i>	- <i>лӧ/-лы</i>
Аблатив			- <i>л-эсь</i>	- <i>л-ісь/-л-ысь</i>
Локатив		*-(<i>ы</i>) <i>л</i>		*- <i>ым</i>
Транслатив	(- <i>кс</i>)			
Каузатив	- <i>н-кс-а</i>			
Обст-ый п.		- <i>еш</i>		
Компаратив	- <i>ш-ка/-ш-ке</i>		- <i>ся</i>	
Элатив	- <i>с-то/-с-та</i>		*- <i>ыс</i> ; - <i>ысь</i>	*- <i>ыс</i> ; - <i>ісь/-ысь</i>

Эгрессив		*-ысь	-ыс-ен	-ся-нь
Иллатив	*-за; -с	-ы-ш(ке)/ - ы-ш(кы)	*-зе	
Инессив	-со/-са (-ц-а)	*-се -ы-ш-те/- ы-ш-ты		*-с/ *-са
Иллатив	-ф-то-ма/-в -то-мо		(-э)	(-о-)
Пролатив			-е-мй -о-зъ	-о-м/ -о-о(1) -о-о-з
Аблатив	-да, -та/-до, -то	(-о-е)		
Элатив	(-ц-та) (мокш.)			
Инессив	(-ц-а) (мокш.)			
Локатив	*-ть; -о-е			
Генитив	-нь	-н/-ын		
Инструм. п.		*-ан	-он	-он
Датив	-не-нь/-н-ди	(-ла-н)		
Инессив	*-н/*-ня	*-н/-не	-ын	-ын

2.18. Несколько замечаний по поводу структуры локативных систем в волжских и пермских языках.

Характерной особенностью падежной системы мордовских языков является наличие падежей, восходящих к *н*-овому и *с*-овому локативам. Таким образом, их локативные системы представляют собой более архаичную модель сравнительно с прибалтийско-финскими языками, но менее архаичную, нежели саамские языки.

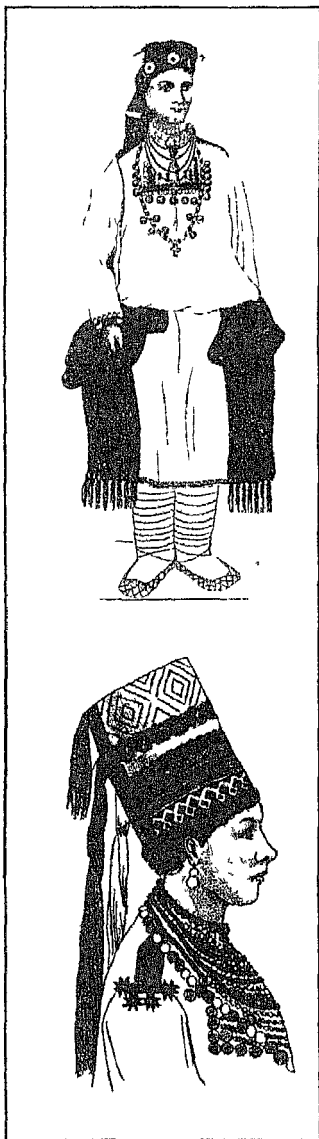
Создается впечатление, что локативная модель прибалтийско-финских языков слегка продвинута по сравнению с таковой мордовских языков: если в прибалтийско-финских языках с трудом удастся реконструировать локативный **-н*, то в мордовских *н*-овая локативная система является действующей.

Столь же устойчивой является и *s*-овая локативная система, причем она содержит указание на возможность развития мордовских языков по пути прибалтийско-финских. *s*-овый иллатив, соединившись с аблативом на *-то*, выполняет функцию элатива, а диалекты мордовских языков дают образец сосдинения *s*-ового локатива с локативным *-н* (инессив на *-снэ*). Зато, соответственно, ослабляются позиции *n*-ового и *t*-ового локативов.

Есть основания предполагать, что в мордовских языках отсутствуют условия для формирования внешнеместных (прежде всего *л*-овых) падежей, потому что роль единственного обнаруженного *л*-ового падежа (аллатива **-ле*) в структуре языка невелика. Более активно сравнительно с прибалтийско-финскими языками ведут себя *к*-овые падежи — пролатив *-ва*, *-гал/-ка*, *-га* и транслатив *-ке*.

Сравнительно с мордовскими языками в марийских языках произошли изменения двоякого плана: фонетические изменения (аблативному мордовскому *-т* в марийских языках соответствует *-ч*, а локативному и лативному *-с* соответствует *-ш*) и изменения в локативной системе падежей

Девушка-мордовка
в праздничном костюме.

Как и в мордовских языках, в марийских остается действующей *л*-овая локативная система, зато от системы *т*-ового локатива остались осколки в виде аблативного *-ч* (<*-*т*). *δ*-овая локативная система в том виде, какой она наблюдается в мордовских языках, в марийских отсутствует: в мордовских языках *с*-овые падежи функционируют в 'чистом' виде, и только лативный *-с*- отягощен аблативным *-т*-; в марийских языках *с*-овая локативная система испытывает двухстороннее влияние: со стороны *т*-ового локатива (инессив на *-ы-ш-т-е*) и *к*-ового латива (иллатив на *-ш-ке*). Значительную роль в падежной системе марийских языков стали играть *к*-овые лативы.

В пермских, как и в мордовских языках, основу парадигмы склонения составляет *л*-овый локатив. Значение *т*-ового локатива уменьшилось еще больше и легко обнаруживается в пермском пролативе на *-ти/-ти*.

С-овых падежей в пермских языках немного, но возрос объем их функций в предложении за счет их проникновения в *л*-овую локативную систему. Стержнем падежной системы пермских языков является *л*-овый локатив, обогащенный *л*-овыми и *с*-овыми падежами.

Коротко различия в эволюции падежных систем волжских и пермских языков можно сформулировать следующим образом:

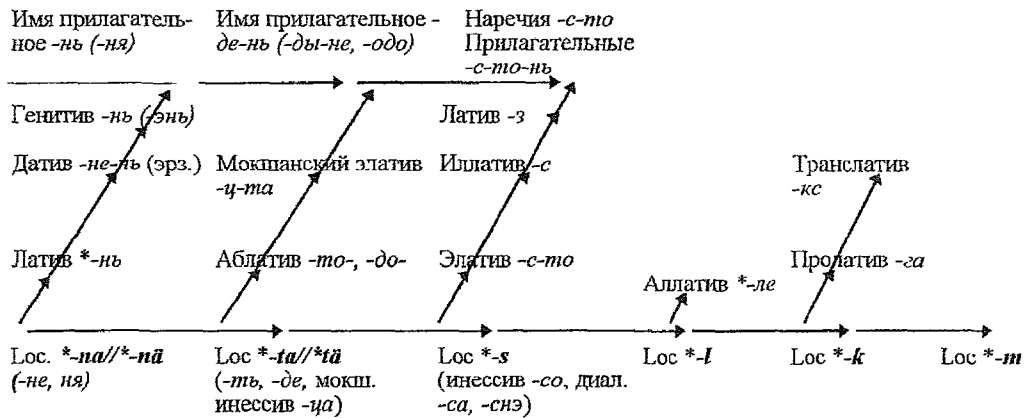
1) На линии развития от мордовских и марийских к пермским языкам функции *т*-ового и *л*-ового локативов сокращаются в пользу субъектно-объектных падежей, прежде всего генитива, который благоприятствует появлению новых разрядов прилагательных.

2) В мордовских языках основой изменения существительных по падежам являются (обновленные) *л*-овая и *т*-овая локативные системы;

3) В марийских языках наибольший удельный вес в падежной системе принадлежит *л*-овым падежам, в структуру которых входят обновленные *л*-овый и *т*-овый локативы. Функции *с*-овых падежей подкрепляются влиянием *к*-овых лативов.

4) В пермских языках усиливается аблативно-лативное значение *с*-овых падежей, в том числе за счет соединения с *л*-овым локативом, который в падежной системе пермских языков, по всей видимости, играет первостепенную роль.

Образование прилагательных

Система локативов
в МОРДОВСКИХ языках

Система локативов
в МАРИЙСКИХ языках

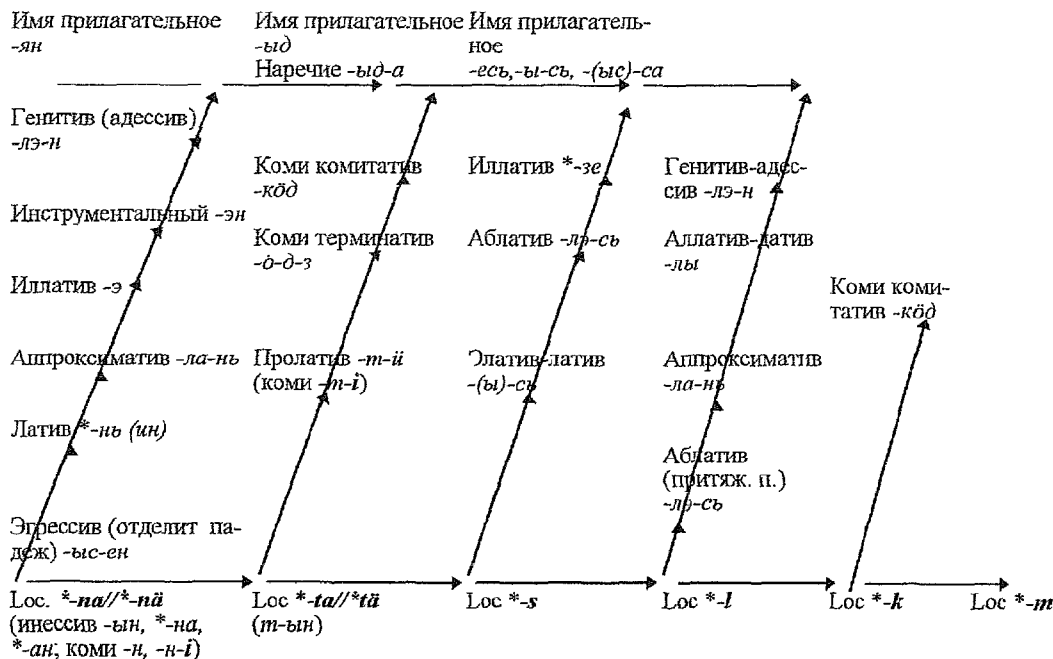

Образование прилагательных

Сравнительно-историческая грамматика

Система локативов
в ПЕРМСКИХ языках

Образование прилагательных

ПРИЛОЖЕНИЕ II.

РУССКО-СААМСКО-МОКШАНСКО-МАРИЙСКИЙ
ГЛОССАРИЙ.

Русский	Саамский	Мокшанский	Марийский
<i>бедный</i>	вāйв-аш; вāйв-э-ль-т 'бедно'	аш-у; *беднай	йор-ло (неимуций); начар (скудный)
<i>белый</i>	вīллък-е-сь	акш-а (и 'белизна')	ош-(о)
<i>близкий, недалекий</i>	альт-э-сь; алль-т-л-э-сь 'близкий'	мала; мала-с-то-нь	лиш-ыл
<i>близко</i>	алль-т; аль-т 'возле' (послелог); альт-э-сь-т 'поблизости'	мала-са (находиться); мала-с (подойти); ма-ла-ва (пройти)	лиш-не; лиш-ан; лиш-ке; чак (о расстоянии)
<i>богатый</i>	вāптэгк (и богатство')	коз-я	
<i>больно</i>		маряв-и-ста	корштар-ен
<i>больной</i>	кэбп (кэб) (и 'болезнь'); кэбпъ-е-сь 'болезненный'	сяряди	чер-ле (чер 'болезнь')
<i>большой</i>	шўрр (и сказ.)	оц-ю	куг-у
<i>быстро</i>	удл-э-нн-е	вишк-ста, вии-ста	вашк-с; пис-ын; содор
<i>быстрый</i>	удл-э-сь; удал (сказ.); вэхтъ-е-сь	вишк-е; вии	вашк-е; пис-с
<i>верхний, расположенный вверху</i>	пайй; пайма; пай-му-сс	вярь-це; вяр-де-нь (вярь 'верх', 'верхняя	ўмбал (и 'верх'); кўш-ыл

<i>весело</i>	*вёссьл-энне	часть')	*вёссьл-а;	*вёссьл-а; ве-
<i>веселый</i>	*вёссьл-э-сь; *вёссьл (сказ.)	*вёссьл-а-ста *вёссьла(й)	*вёссьл-а-ста *вёссьла(й)	сёссьл-а-н
<i>весенний</i>	кыдт (кыд) (и 'весна')	тунда-нь (тунда 'весна')		*вёссьла; сусу (г.д.) ¹
<i>внутренний</i>	сы-сь-ка (и 'внутрен- ность')	потма; потм-о- нь		шошо (и 'весна'); шош-ым-со
<i>водянистый</i>	чадз-ай (сказ.) (чадз 'вода')	вед-ю (ведь 'вода')		кёрго (и 'внутрен- ность'); кёрг- ы-с-ё
<i>высокий</i>	элл; элл-е-сь; элл-э (сказ.)	сер-и		кизьёр; ваз- ил-ля (ва 'во- да', 'водянис- тый')
<i>высоко</i>	пайй-г-энне; элл-г-энне	сер-и; сер-и- ста		кукш-ё; куж- у
<i>гладкий, ров- ный</i>	нёллык-е-сь; нёллк-э (сказ.)	вадя-в; такор		кукш-ё; кукш-ын
<i>горький</i>	пыгчфр-э-сь; пыгчкар (сказ.)	сяп-и		тёр
<i>горячий</i>	пўлл-е (и 'гореть')	пси; пяк 'пылкий'		коч-о
<i>густой, частый</i>	сўгк-е-сь	сиде		шок-шо (и 'жар') чўчк-ыд-ё; нут-ы-д-о 'не жидкий'
<i>далеко</i>	кулк-ень (см. 'длинный')	ичко-зе		
<i>дальний</i>	ёлл-т ('далекий'); ёлл-т-л-эсь-т 'издали'	ичко-з-де-нь		мўндыр; тор-а; куж-у (о пути)

¹ г.д. — горный диалект марийского языка

<i>деревянный</i>	мўрр (и 'дереву')	шуфт-о-нь (шуфта 'дереву') *дикай	пу (пу-шегте 'дереву')
<i>дикий</i>			ир; лўд-шō 'необщитель- ный'
<i>длинный</i>	кугк-е-сь; кулкь (сказ.)	кува-ка	куж-у (куж- ыт 'длина')
<i>дождливый</i>	аббрь-е-сь (аббрь 'дождь'); аббр- ай (сказ.)	пизем-у (пизем 'дождь', 'дождевой')	йўр-ан (йўр 'дождь')
<i>дорого</i> <i>дорогой</i>	коаллш-э-сь; коалл-эш (сказ.)	питни(-ста) питни	шерг-ын шерг-с; шерг-а-ка-н
<i>железный</i>	рўввьт (и 'железу')	кшни-нь (кшни 'железу', 'железный')	кўрт-ньō (и 'железу')
<i>желтый</i>	ручк-е-сь; ручк-э (сказ.)	тюж-я; ож-о	нарынче (и 'желтизна'); орал-ге; *сары (г.д.)
<i>живой</i>	ёлл-е 'жить'; ёлл-сий 'житель'	*живой (эряф 'жизнь')	ильш-с (ильш 'жизнь', ил- аш 'жить'); чон-ан
<i>жидкий</i>	нёаррп; нёаррь-п-э-сь; нёаррь-п-ай (сказ.)	шонгара	ви-шк-ыд-е (и 'водянис- тый')
<i>жирный</i>	пўйт (пўйт) (и 'жир', 'сало'); пўйт-ай (сказ.); пуэйт- ах (сказ.)	куя (и 'жир')	пуг-ыд-о (о продуктах); шел-ан; коя 'толстый' (коя, шел 'жир')

<i>здоровый</i>		шумбра	таза; сай (о пище)
<i>зеленый</i>	руэнн (и сказ.)	пиж-е (и 'зелень')	уж-ар(-ге) (и 'зелень')
<i>зимний</i>	тӓллӓв (тӓльв) (и 'зима')	тяло-нь (тяла 'зима')	тел-е (и 'зима')
<i>зрелый</i>		кенерьф	шуппо
<i>каменный</i>	кӓддӓк (кӓдӓк) (и 'камень'); кӓддк-ай (сказ.)	кев-о-нь (кев 'камень')	кӓ (и 'камень'); кӓ-ан
<i>кислый</i>	кӓдц (кӓц)	папа-ма	шопо
<i>короткий</i>	оанӓх-э-сь	нюрх-кя-ня	*кӓчӓк
<i>коротко</i>	оанӓх-э-ин-е	нюрхкяня (- ста)	*кӓчӓк-ын 'вкратце'
<i>который?</i>	кӓ (кӓгк)	мзя-ра?	ку-до?
<i>красиво</i>	мӓдж-т-энне	мазы-ста	
<i>красивый</i>	мӓдж-е-сь; мӓдж-е (сказ.)	мазы	мотор; сӓрале; яж-о; цевер (з.д.) йошкар(-ге)
<i>красный</i>	рӓшпс-е-сь; рупс-э (сказ.)	якстере; як- стерь	
<i>кривой, изогнутой</i>	поаннь; поання (= поаннь-а) (сказ.)	кичкор	кадыр
<i>круглый</i>	ӓррп; ӓррп-э- сь; ӓррп-э (сказ.)	*круглай	йыр-ге-шк-е
<i>левый</i>	чинк	кяр-жи	шол-а
<i>легкий, нетя- желый</i>	кӓһпс-е-сь	тӓж-ди	куштыл-го
<i>легко</i>	кӓһпс-э-ин-е	тӓжда-ст а	куштылг-ын
<i>летний</i>	кӓссь (кӓзь) (и 'лето')	киз-о-нь (киза 'лето')	ксӓж (и 'лето', 'летом'); кеге-ж-ым-се
<i>маленький</i>	удц	ӓмла	изи

<i>мелкий, не- крупный</i>		ёмла	тыг-ыд-е
<i>мерзлый, про- мерзший</i>	кѣлѣм (кѣлѣм) (и сказ.)	эйнда-ф	кылм-е; кылм-ыш-е
<i>мокрый</i>	чѣдз-ай (сказ.); ѣлль 'влага', 'влажный'; ѣлл-ай (сказ.)	начка	ночко 'сырой'; нѣр- ыш-ѣ 'покрытый влагой'
<i>молодой</i>	нѣрр (нѣр) (и сказ.)	од	самырык; рвез-е; нѣр-гѣ (о дереве)
<i>мутный</i>		пянд-ра	румбык-ан (о воде); вѣд-а-ка (о зеркале)
<i>нагой</i>	пѣлльс (и сказ.)	крхтапа, галош	чара
<i>небесный</i>	алльм (алльм) 'небо'	менел-е-нѣ (менель 'небо')	кава (и 'небо'); кав- се
<i>нижний</i>	алль-н 'на' (чем-л.)	ал-це; ал-до-нѣ (ал, алкс 'низ')	ѣл-ыл, ѣл-н-ыс-ѣ, ѣл-ыс-ѣ
<i>низкий</i>	вѣлль-г-е-сѣ; вѣлль-е (сказ.)	ал-ня	лап-ка; ѣл-ык-шѣ
<i>низменный (геогр.)</i>		ал-га-кс	лап вер-ан
<i>новый, моло- дой</i>	ѣдѣ (ѣд) (и сказ.)	од	у
<i>ночной</i>	ыйй (ыйй) (и 'ночь'); ы-е-сѣ	ве-нѣ (ве 'ночь')	йѣ-д, йѣ-д- ым-сѣ (йѣд 'ночь')
<i>обширный</i>		лама; оц-ю	псш кум-да
<i>пестрый</i>	бяган 'пятнистый'	сѣрма-в	олача
<i>плохо</i>	нѣоз-е-ль -т	кальдыв-ста; осал-ста	начар-ын; томам;

<i>плохой</i>	нюэз-е-сь; ню-эссь (нюэзь) 'что-либо плохое'	кальдыв; осал	пукш-ын; уд-ан начар; то-мам; пукшнõ; уд-а
<i>правильно</i> <i>правый</i>	вуэльк-е-сь; вуэльк (вуэльк) 'плечо'	виде-ста вид-и (и 'правиль-ный')	чын пур-ла 'правый'; чын 'правильный'
<i>пресный</i>		ламба-ма (о пице)	шер-е (о пи-це); йуш-аш (о воде)
<i>прилежный</i> <i>прохладный</i>		*старатливый эше; (перен.) кельм-е	тырш-ыш-е южгата; юал-ге
<i>прямо</i>	вуййк-э-сь-т; вуййк-с-энне	вид-е-ста	ви-к; тур-а
<i>прямой</i>	вуйй-к; вуййк-ас (и сказ.)	вид-е	ви-яш; ви-к 'ровный'
<i>редкий, не-густой</i> <i>свежий</i>	рё-е-сь; рёйй (сказ.) вэрс (и сказ.)	шур-а ар-у	шуэ *свеж-а; яндар (о воздухе)
<i>свободный</i>		*свободный	эрык-ан (эрык 'свобода')
<i>сельский</i>	сыййт (и 'село')	веле-нь (веле 'село')	*сельский; ял(-ыс-е)
<i>серый</i> <i>сильный</i>	тоав-ас; вйгк-е-сь; вйгк-яй (сказ.); вйгк (вйг) 'сила'	ул-е ви-и; ви-шке (вий 'сила')	сур; луд-о ви-ян; *куат-ан (вий, *куат 'сила')
<i>синий</i> <i>скользящий</i>	алехь няффык-е-сь	сен-ем валазя	канде яклака

<i>сладкий</i>	(и сказ.) няльк-е-сь (няльк-ас) (и 'вкусный')	ламба-ма; танцти (таньф 'вкус')	шер-е; (перен.); там- ле (там 'вкус')
<i>снежный</i>	вѣдз (вѣз) (и 'снег')	лову, лову-нь	лум (и 'снег')
<i>средний</i>	кѣсск (кѣск) (и 'середина')	*средний (куч- ка 'середина')	покш-ел (и 'середина'); кокля
<i>старый</i>	пуэр-е-сь; пу- арр-са 'старший'; ву- эмь (вуэмь), вуэм-е-сь (и сказ.)	сир-е	шог-о (и 'старик')
<i>страшный, ужасный</i>	вагк-ш-сь; вагк-ай (сказ.)	*страшный (пе-лема 'страх')	шучко; лүд- маш-ан
<i>сухой</i>	коашньк (коашьк) (сказ.) (и 'сухость')	коськ-е	кук-шо
<i>сырой, влаж- ный</i>	нѣщ-к; нѣщ-к-ан (сказ.)	начка; летьке (и 'влажный')	ночко; вүд- ьж-гѣ
<i>твердый</i>	кѣр-ас (и 'грубый') (сказ.) (кѣрр 'кора')	ксме	пен-ьд-е, пешк-ьд-е
<i>темно темный</i>	чоаһп-т-энне чоаһп-е-сь (и 'черный'); чоаһп-э (сказ.)	шобда шобда	пычкем-ьш пычксм-ьш (и 'темно', 'темнота')
<i>тепло (нареч.)</i>	поаһк-с-энне	лямб-с; лямб-о-ста	шокш-ын
<i>теплый</i>	поаһк, поак-ас (сказ.)	лямб-с	шокш-о (и 'теплота');

<i>тихий</i>	мӱлк-ас (и 'медлен-ный'); куэ́льк (куэ́льк) (и 'тишина')	сетьме; сятя-в; лафча	шокш-ым 'тепловой' шып; *эркын
<i>тихо</i>	мӱлк (и 'медленно')	сетьм-о-ста	шып; *эркын
<i>толстый</i>	кӱсс ~ кӱсс-э (и сказ.); кӱсс- е-сь	эчке	кӱж-гӱ (и 'полнота')
<i>тонкий</i>	сӱңӱк (сӱңӱк) (сказ.); сӱңӱк- е-сь	шува-ня	вичкык
<i>умный</i>		ён-ю; *умнай	уш-ан (уш 'ум')
<i>холодный</i>	кӱлм (кӱлм) (и сказ.)	кельм-е; якша- ма	йӱшт-ӱ (и 'холод')
<i>хороший</i>	пӱррь (пӱррь) (и 'добро'); шӱг; шӱвв	пар-а; цебярь	сай (з.д. як- о)
<i>хорошо</i>	пуэрр-с-энне, пуэр-аст (от пуэрр-нэ 'выздоров- ливать'); шӱгк-т-энне	пар-а; пар-ста; цебярь(-ста)	сай-ын
<i>черный</i>	чоаһп-э (сказ.); чоаһп-е-сь	равж-а	шем-е
<i>широкий</i>	кӱммт-э (коамьт) (сказ.) кӱммьт-э-сь	кели	кумд-а (кумд- ык 'ширина'); лопк-а
<i>широко</i>	кӱммт-е-нне; кӱммт-к-энне	кели(-ста)	
<i>ясный, свет- лый</i>	чувв-е-сь; чувв (чув) 'свет';	мани; кулеви	волг-ыд-о; яндар

<i>вблизи</i>	чувв-э 'светить' алль-т	мала-са	лиш-не; вокте-не
<i>вверх</i>	паяс (= пай-ас)	вяр-и (вярь 'верх', 'верхняя часть')	күш(-кө); үмбал-ан (үмбал 'верх', 'верхний')
<i>вверху</i>		вяр-е	күш-нө; үм- бал-ан
<i>весной</i>	кыдт-а (кыдт 'весна')	тунда (и 'весна')	шош-ым (шошо 'весна')
<i>вечерний</i>	ёк-е-сь (ёкь-нэнч 'вечер')	иляд-е-нь	кас (кас, г. д. вады 'вечер')
<i>вечером</i>	ёкь-на	иля-ть (илядь 'вечер')	кас-тс-не (г. д. вад-еш)
<i>вниз</i>	вэл-ас (куда и по какому-либо пространству)	ал-у	үл-ык(ө); үл-ан; йыма- к(е); йыма-л- ан
<i>внизу</i>	вүлл-енъ (также: 'под', 'из-под') (последлог)	ал-а; ал-у-ва; (нареч.)	үл-нө; йымал-не; үл-ан; йыг- мал-ан
<i>внутри</i>	сы-сс-енъ	кучка-са; по- тмо-са	көрг-ыштө
<i>внутри</i>	сы-з	потмо-с (нареч.)	көрг-ыш
<i>вперед</i>	эвт-эс; өлл-т- эсь-т; поаш-ас (поаш 'передняя часть')	инго-пе; инго- ли	ончы-к(о)
<i>впереди</i>	эвт-эсь-т (где?) (эвв-т	инголе; инголи	ончы-л-но

<i>где?</i>	‘передний’) ка-сь-т?	ко-са?, ко-за?	ку-што?, куш-еч?, куш-ан?
<i>днем</i>	пёййв-э-сь-т (пёййв ‘день’)	ши-ть (ши ‘день’)	кеч-ывал-ым (кече ‘день’)
<i>завтра</i>	ен-та	ванды	эр-ла (з.д. ирго-д-ым) (эр, з.д. ирок ‘утро’)
<i>здесь</i>	тэ-ста; тэ-сь-т	тя-са	ты-ште
<i>зимой</i>	тәлльв-а (тәлльв ‘зима’)	тяло-н-да (тяло ‘зима’)	тел-ым (теле ‘зима’)
<i>изнутри</i>		потмо-ста	көргө гыч
<i>какой?</i>	кӯ (кõгк)	ко-да-ма?	могай?
<i>когда?</i>	ку-э-ссь?	ко-ста?, мзяр- да?	ку-на-м?
<i>куда?</i>	ко-з	ко-в?, ко-за?	ку-шко?
<i>летом</i>	кёсс-я; кёсс- энъ	кизо-н-да (киза ‘лето’)	кенгеж-ым (кенгеж ‘лето’)
<i>наверх</i>		вяр-и (вярь ‘верх’, ‘верхняя часть’)	кӯш-кõ; кӯш- кы-ла
<i>наверху</i>		вяр-е	кӯш-нõ; кӯш-ан
<i>назад</i>	моаст; маң-ас	мек-и	шенге-к(е); шенге-кы-ла (шенгел ‘задняя часть’)
<i>ночью</i>	ыпк-а	ве-ть (ве ‘ночь’)	йүд-ым (йүд ‘ночь’)
<i>осенью</i>	чёххч-а (чёххч ‘осень’)	сёксе-н-да (сёксе ‘осень’)	шыжк-ым (шыже ‘осень’)
<i>отсюда</i>		тя-ста	ты-ш-еч(ын)

<i>оттуда</i>		то-ста; то-вол-да	ту-ш-еч(ын)
<i>позади</i>	тўгк-енъ (<i>послелог на вопрос 'где?'</i>); туэгк-а (<i>на вопрос 'откуда?'</i>)	фта-ла; мек-оле	шенгел-не; шенгел-ан; шенгеч-ын
<i>почему?</i> <i>сверху</i>	паялт (= пай-алт) (<i>где?</i>); пай-енъ, аль-дэ (<i>откуда?</i>)	ме-с?, ся-с? вяр-де	мо-лан? ўмба-ч(-ын); куш-ьгч-ын (<i>откуда?</i>)
<i>сегодня</i> <i>сзади</i>	тāрьм маң-е-ль-т (маннь 'задний'); маннь-ла (<i>послелог</i>)	тя-чи фта-ла (<i>находиться</i>); фталда (<i>подойти</i>); фтал-га (<i>пройти</i>)	та-че шенге-ч(-ын)
<i>снизу</i>	вуоль-дэ (<i>откуда?</i>)	ал-да	ўл-ьгч(-ын) (<i>откуда?</i>)
<i>спереди</i>		инголь-де (<i>наречие</i>)	онч-ьгч(ын) (ончыл 'перёд')
<i>сюда</i> <i>там</i> <i>тогда</i> <i>тот</i> <i>туда</i> <i>утром</i>	тэ-сса; тй-ге та-мып-е та-нн-а тудт (тугк) тоа-гэ йиц-а (йиц-нэнч 'утро')	се-й; тя-за то-са э-ста; сняр-да ся; то-на то-за; то-ва шобда-ва (и 'утро')	ты-шке ту-што ту-на-м ту-до; са-де ту-шко эр-де-не (эр 'утро')
<i>этот</i> <i>третий</i>	тэдта (тэгка) куалм-ант (кōллм 'три')	тя колмо-це (колма 'три')	ти-де кум-шо (кум 'три')
<i>четвертый</i>	няль-янт (нёлльй 'четыре')	ниле-це (ниле 'четыре')	ныл-ым-ше (ныл 'четыре')

ПРИЛОЖЕНИЕ III.

РУССКО-УДМУРТСКО-КОМИ ГЛОССАРИЙ.

Русский	Удмуртский	Коми (зырянский)
<i>бедный</i>	куанер, начар (и 'бедно')	гӧль, гӧл-я ол-ысь (гӧля 'бедно'); коньбр, шуд-тӧм 'несчастливый'
<i>белый</i>	тӧдь-ы	едж-ыд
<i>близкий, недалекий</i>	мат-ын; мат-ысь (перен.)	мат-і-са, мат-ыс, мат-ыс-са
<i>близко</i>	мат-ын (где?); мат-э (куда?); мат-э-тӱ ('поблизости' — движение); мат-о-зь 'на близкое рас- стояние' — доку- да; мат-ыс-ен 'с близкого рас- стояния'	мат-ын; нсыл-ын (где?); мат-ӧ; неыл-ӧ (куда?) мат-і, мат-і- ті, неыл-і-ті, (по ка- кому-либо месту); мат-ысь, неыл-ысь (откуда)
<i>богатый</i>	узыр	озыр
<i>больно (как?)</i>	вӧсь луымон (вӧсь 'боль')	вись-ӧ 'болит' (безл.)
<i>больной</i>	вис-и-сь (вис-ӓн 'болезнь')	вис-ян; вись-ысь
<i>большой</i>	бадӟым; зӧк (диал.)	ыдж-ыд
<i>быстро</i>	жӧг; чаль; шап-лы	тэрыб-а; ӧдйӧ(-н)
<i>быстрый</i>	жӧг; шап-лы	тэрыб; визу-в (о воде); ӧдйӧ(-н)
<i>верхний, располо-</i>	выл-й; выл-й-ысь	выл-ыс; йыв (выв,

<i>жсенный вверху</i>	(выл 'верх', 'верхняя часть')	выл-ыс, выл-і, йыв 'верх')
<i>весело</i>	шулдыр (и 'веселье')	гажа-а; дол-ыд-а; кыш-ыд-а
<i>веселый</i>	шулдыр, ~ ыась- кись 'весельчак'	гажа; *вес ел; дол- ыд; кып-ыд
<i>весенний</i>	тул-ыс-а-ла; тул-ыс (тул ~ тул-ыс 'весна')	тувс-ов; тувсов-ья; тулыс-ся ~ тулысь-я (тулыс 'весна')
<i>внутренний</i>	пуш (и 'внутренность')	пытш-кё-с; пытш-кё- с-са (пытш, пытшкёс 'внутренность')
<i>водянистый</i>	ву-э-сь (ву 'вода', 'водяной')	ва-дуба 'безвкусный' (ва 'вода')
<i>высокий</i>	жуж-ыт (жужда-ла 'высота')	джудж-ыд; выл-і, выл-і-са 'верхний'
<i>высоко</i>		джудж-ыд-а; выл-ын
<i>гладкий, ровный</i>	воль-ыт; чопк-ыт ~ чопк-ес 'плоский'	пыль-ыд; моль-ыд
<i>горький</i>	кур-ыт	кур-ыд
<i>горячий</i>	пось; зырдыт	пось; *жар
<i>густой, частый</i>	чем; нап (и 'густо') (о жидкости)	тшөк-ыд; нөгыль 'не жидкий'; сук
<i>далеко</i>	кыдөк-ын; кыдөк-с (и 'вдаль'); кыдөк- е-ти 'вдалеке'; кыдөк-озь 'вдаль', 'на далекое рас- стояние'; кыдөк- ысь, кыдөк-ыс-ен 'издали'	ыл-ын (где?); ыл-ө (куда?) ыл-ө-дз (докуда?); ылі-ти 'вдали', 'далеко'; ыл- ысь, ыл-ыс-янь 'издали'
<i>дальний</i>	кыдөк-ысь; кыдөк-е	ыл-і; ыл-і-са; ыл-ыс; ыл-ыс-са (ыл-і 'даль')
<i>деревянный</i>	пу (пис-пу 'дерево')	пу (и 'дерево'); пу-а
<i>дикий</i>	*дикой; кыч	*дикой; вөр-са

	(о животных); луд 'полевой'; кыр 'степной'	'лесной'; кид-мõм 'одичалый' (о животных)
длинный	кузь	кузь
дождливый	зор-о; зор-ись (зор 'дождь')	зэр-а (зэр 'дождь')
дорого	дун-о	дон-а; дон-õ-н
дорогой	дун-о	дон-а
железный	корт (и 'железо')	кõрт (и 'железо')
желтый	çуж (и 'желтизна')	виж; колык-виж 'цвета яичного желт- ка'
живой	луло; ул-эп (улыны 'жить')	лов-ъя (ол-õ-м 'жизнь'; ов-ны 'жить')
жидкий	киз-ер; шер 'негустой'	кизь-õр
жирный	кõй (и 'жир')	гос-а; сыл-а; тшõг; вы-я 'масляный' (гос, сыл, тшõг 'жир'; вый 'масло')
здоровый	таза; вис-и-сь-тэм	*здоров
зеленый	вож (и 'зелень')	веж (веж-õд 'зелень')
зимний	тол; тол-а-лтэ (тол 'зима')	тõв-ся; тõв-ъян (прич. к глаголу тõв-йыны) (тõв 'зима')
зрелый	ву-эм (и 'зрелость')	во-õм (~-лун 'зрелость'); кись-мõм
каменный	из (и 'камень'); из-мем (перен.)	из (и 'камень'); из-мõм (перен.) (прич. к глаголу из- мыны)
кислый	чырс; чырс-ам	шома
короткий	вак-чи	джень-ыд
коротко	вак-чи; вакчи-як 'вкратце'	джень-ыд-а
который?	кõ-ня-стй(-ез)?	ко-д?, ко-д-ар?

<i>красиво</i>	(и 'какой?')	(из двух) кымын-өд?
<i>красивый</i>	чебер(ак)	мича-а; лось-ыд-а
	чебер	мича; лось-ыд; тажа
	(и 'красота')	(не о человеке)
<i>красный</i>	горд (и 'рыжий')	гöрд
<i>кривой, изогнутый</i>	чук-ин 'наклонно'	чук-ля
<i>круглый</i>	котырес	гöгрöс (гöгөр (нареч.) 'кругом')
<i>левый</i>	палл-ян	шуйга
<i>легкий, нетяжелый</i>	кап-чи	кокн-и; кокнь-ыд
<i>легко</i>	капчи; капчи-ен	кокн-и; кокни-а; кокнь-ыд-а
<i>летний</i>	гужем (и 'лето', 'летом')	гож-ся; гож-ьян (прич. к глаголу гож- йыны) (гожöm 'лето')
<i>маленький</i>	пичи	ичöт-ик
<i>мелкий, не крупный</i>	век-чи (и тонкий')	посн-и; поснь-ыд
<i>мерзлый, промерз- ший</i>	кын; кын-ме-м	кын; кын-мö-м (об овощах)
<i>мокрый</i>	кот	кöт-а-сь-öm (прич. к глаголу котась-ны); ва (и 'вода')
<i>молодой</i>	*егит; пинал (и 'дитя')	том
<i>мутный</i>	пож	гудыр (и 'мут'); пемд-öm (о зеркале)
<i>нагой</i>	*гольык; куар-тэм (без листьев)	пась-тöm; пась-кö-м- тöm (без одежды)
<i>небесный</i>	ин (и 'небо'); ин-м-ысь (инбам 'небо')	сн-эж (и 'небо') (сн 'Бог')
<i>нижний</i>	ул; ул-й; улй-ез; ул-ысь (ул, улй-ыз 'низ')	ул-ыс; улй (разг. ул-ыс-са); (ул-ыс, ул-й 'низ'); ул-й-са (отаж)
<i>низкий, низменный (геогр.)</i>	лапег 'невысокий'; ул-й; ул-ып	ляп-к-ыд; лажм-ыд 'отлогий'; увтас
<i>новый, молодой</i>	выль (и 'новость')	выль

ночной	уй (и 'ночь')	вой (и 'ночь'); вой-ся
обширный	паськ-ыт	паськ-ыд (пась-та 'ширина')
пестрый	кучо; чибор(и) 'узорчатый'	сер-а (сер 'узор')
плохо	урод; алама (<i>южн.</i>); ляб (и 'слабый')	лёк-а; омёл-я
плохой	урод, алама	лёк; омоль
правильно	шонер (и 'прямой')	*правильно; веськ- ыд-а 'откровенно'
правый	бур; бур-ла-на 'направо', 'правильный'	веськ-ыд; веськ-ыд- ыв 'направо'
пресный	юмал (<i>о пище</i>)	дуб; дуб-ыд; юмов (<i>о хлебе</i>)
прилежный	мылк-ыд-о	зіль; *старатлив
прохладный	салкым; кезь-ыт; 'холодный'; юз-м-ыт	юрк-ыд (и прохлад- а'); кёз-ёд 'лед и снег' (<i>в леднике</i>)
прямо	шонер; шонер-ак	весь-к-ыд-а (и 'напрямик')
прямой	шонер	весь-к-ыд; весь-та-с
редкий, негустой	киз-ер; шер 'не частый'	геж-ёд; шоч
свежий	юз; юз-м-ыт (<i>о воздухе</i>)	*свежий; сёс-тём (<i>о воздухе</i>)
свободный	эрик-о; эрк-ын (эрик 'свобода')	*свободный; мезд-мём 'освобожденный' (<i>прич. к глаголу мезд- мыны</i>)
сельский	*сельской; гурт-ын; гурт-ысь (гурт 'село')	сикт-са (сикт 'село')
серый	пур-ысь	руд
сильный	кужм-о	вын-а (вын 'сила')

	(и 'сильно'; кужым 'сила')	
<i>синий</i>	лыз (и 'синий цвет')	лѡз (и 'синий цвет')
<i>скользящий</i>	гыл-ыт; тул-ег	гыл-ыд; виль-ыд
<i>сладкий</i>	ческ-ыт (и 'сладость', 'вкусный'); юмал 'пресный'	юмов
<i>снежный</i>	лымы (и 'снег'); лымы-ё	лым (и 'снег'); лым-ья; лым-й-ѡсе
<i>средний</i>	шор (и 'середина'); шор-е-тй(-ез)	шѡр (и 'середина'); шѡр-вый-са
<i>старый</i>	пер-есь (и 'старик'); пер-есь-мем; вуж	пѡр-ысь (и 'старость')
<i>страшный, ужас- ный</i>	кышк-ыт (кышк-ам 'страх')	*страшной
<i>сухой</i>	кѡс	кос (и 'суша')
<i>сырой. влажный</i>	кот; муск-ыт	улъ; ул-ис; ва; ва-с-ѡд
<i>твердый</i>	чур-ыт	чор-ыд
<i>темно</i>	пейм-ыт	пем-ыд
<i>темный</i>	пейм-ыт (и 'темно', 'темнота')	пем-ыд (и 'темнота')
<i>тепло (нареч.)</i>	шун-ыт	шон-ыд-а
<i>теплый</i>	шун-ыт	шон-ыд (и 'тепло', 'теплота')
<i>тихий</i>	шып-ыт	гѡр-тѡм; ша-тѡм (шы, гор 'звук')
<i>тихо</i>	шып-ыт (и 'тихо', 'тишина')	надзѡ(-н)
<i>толстый</i>	зѡк	кыз; тшѡг (и 'жирный')
<i>тонкий</i>	век-чи	вѡс-ни; вѡснь-ыд
<i>умный</i>	визь-мо	*умной; веж-ѡр-а

<i>холодный</i>	(визь 'ум') кезь-ыт (и 'холод', 'холодно')	(вежөр 'ум') көдз-ыд
<i>хороший</i>	зэч; умой	бур-а (бур 'добро', 'добрый')
<i>хорошо</i>	зэч, зэч-ак; умой	бур-а
<i>черный</i>	сьбд	сьбд
<i>широкий</i>	пась-к-ыт (пась-та- ла 'ширина')	пась-к-ыд (пась-та 'ширина')
<i>широко</i>	пась-к-ыт	пась-к-ыд-а
<i>ясный, светлый</i>	*ярк-ыт (и 'ясно', 'ясность')	юг-ыд; сзэз (о небе) (и 'свет')
<i>вблизи</i>	мат-ын; мат-э-тй 'на близком рас- стоянии'; мат-э 'близко', 'поближе'; мат- ысь, мат-ыс-ен 'с близкого расстоя- ния'	мат-і (и 'ближний'), мат-ын, неыл-ын (где); мат-і-ті мат-і- ни-к-ын 'по какому- либо месту'; мат-ө, маті-ни-к-ө, неыл-ө (куда); мат-ысь, маті-сянь, неыл-ысь 'с близкого расстоя- ния'
<i>весной</i>	тул-ыс (и 'весна'); тул-ыс-ен	тул-ыс-ын; тул-ыс-на- с
<i>вечерний</i>	жыт (и 'вечер', 'вечером')	рыт-гя, рыт-ся (рыт 'вечер')
<i>вечером</i>	жыт; жыт-а-зе	рыт-ын, рыт-на-с
<i>вниз</i>	ул-лань; ул-э, ул-й-е; ул-й-ёзь 'донизу'	ул-ө; ув-лань
<i>внизу</i>	ул-ын, ул-й-ын; ул- тй (послелог), ул-й- е-тй 'поверху'	ул-ын, ул-і-ын, ув- лань-ын; ул-ө-д, ул-ө- дз; ул-і-ті 'низко'
<i>внутри</i>	пуш-к-ын; пуш-к- аз; пуш-к-ы-тй (послелог) 'по ка- кому-либо месту'	пытш-к-ын, пытш-кө- с-ын (пытш ~ пытш- көс 'внутренность')

<i>внутри</i>	пуш-к-ы	пытш-к-о
<i>вперед</i>	азь-лань; азь-лан-с; азь-пал-а (азь-пал 'передняя сторона')	водз-лань; водз-о; водз-выл-о; водз-ладор-о
<i>впереди</i>	азь-палан	водз-ын; водз-выл-ын
<i>где?</i>	кы-т-ын; кы-т-й, кы-тй-ын, кы-тй-яз 'в какой местности?'; кы-тй-ти(-з) 'по какому месту?'	көн, көн-і, кы-т-он(-і); кы-т-чө; кы-ті 'по какому месту?'
<i>днем</i>	нун-а-зе (нун-ал 'день')	лун-ын (лун 'день')
<i>завтра</i>	чук-а-зе (чук 'утро'); (диал.) ас-кы, ас-ку	ас-ки (ас-ыв 'утро')
<i>здесь</i>	та-т-ын, та-т-й 'по этому месту'	та-п, та-н-і, та-т-он; та-т, та-г-і; эта-н, эта-п-і; эта-т-он; эта-т-і 'по этому месту'
<i>зимой</i>	тол-а-лтэ (п 'зимний') (тол 'зима')	төл-ын, төв-на-с (төв 'зима')
<i>изнутри</i>	пуш-ла-ся-нь; пуш-к-ысь, пуш-к-ыс-ен	пытш-ся-нь; пытш-к-ысь; пытш-кө-с-ысь; пытш-кө-сянь
<i>какой?</i>	кы-че?	ку-гыш-ом?
<i>когда?</i>	ку?	ко-р, ко-ды-р?
<i>куда?</i>	кы-т-чы; кы-т-й-озь 'до какого места?'	кы-т-чө; кы-т-ч-өдз 'докуда?'
<i>летом</i>	гужем (и 'лето'); гужем-сн	гожөм-ын, гожөм-на-с (гожөм 'лето')
<i>наверх</i>	выл-э, выл-й-с; выл-лань; выл-й-	выл-ө, выл-і-ө; выл-ыс-ө; выв-лань (выв

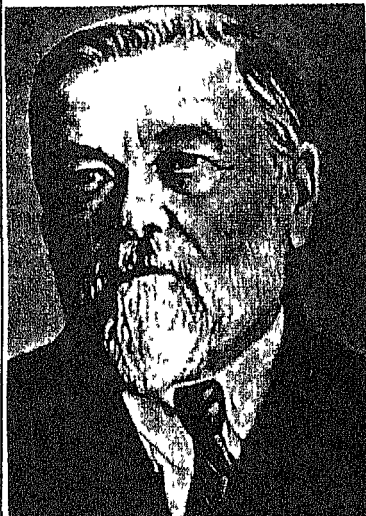
	озь 'доверху' (см. 'верхний')	'верх', 'верхняя часть')
<i>наверху</i>	выл-ын, выл-й-ын, выл-лань-ын; выл- тй, выл-е-тй, выл- лань-тй 'поверху'	выл-ын, выл-і-ын; выл-і-ті 'поверху'
<i>назад</i>	бср-лань; бер-пал-а	бөр-ө, бөр-выл-ө; бөр-лань; бөр-вы-в
<i>ночью</i>	уи-н (уй 'ночь')	вой-ын; вой-на-с 'этой ночью' (вой 'ночь')
<i>осенью</i>	сйзь-ыл (и 'осенний', 'осень')	ар-ын, ар-на-с (ар 'осень')
<i>откуда?</i>	к-ысь, кы-т-ысь, кы-т-ыс-ен 'с како- го места?'; кы-т-й-ысь, кы-т- й-ыс-ен	к-ысь, кы-т-ысь; кы-сянь, кы-т-і-сянь 'с какой стороны?'
<i>отсюда</i>	та-т-ысь, та-т-ыс- ен 'с этого места'; эта-лань-сянь 'с этой стороны'; эта- лань-ысь 'вот от- сюда'	та-сь, та-т-ысь; та-ся-нь, та-т-ыс-янь; эта-сь, эта-т-ысь, эта- сянь
<i>оттуда</i>	о-т-ысь, о-т-ыс-ен; о-т-й-ысь, о-т-й-ыс-ен	сэ-сянь, сэ-ты-сянь; сэ-т-чань-ысь 'из этих мест'; эс-т-ысь, эс-ты-сянь, эс-т-чань- ысь, эс-т-чань-сянь
<i>позади</i>	бөр-ся-з (последог) 'вслед за'; бер- пала-н 'на задней стороне'	бөр-ын; бөр-выл-ын
<i>почему?</i>	ма-лы ~ мар-лы	мый-ла, мый вös-на; мый-өн (и 'как'?)
<i>сверху</i>	выл-ысь, выл-ыс- ен; выл-лань-ысь,	выл-ысь; выл-і-ся-нь; выв-ся-нь (откуда)

	выл-ла-сянь 'с верхней стороны' ту-н-нэ мыш-к-ысь, мыш-к-ыс-ен; мыш-ла-сянь, бер-ла-сянь 'с задней стороны'	
<i>сегодня</i>		та-лун (лун 'день')
<i>сзади</i>		бөр(и)-сянь; бөр-выв-сянь; бөр-ладор-сянь (откуда)
<i>снизу</i>	ул-ысь, ул-ыс-ен, ул-й-ысь, ул-й-ыс-ен; ул-ла-сянь	ул-ысь; ув-сянь ~ ул-й-сянь
<i>спереди</i>	азь-пала-с-ен; азь-ла-сянь 'с передней стороны'; азь-пала-сь 'спереди', 'передний'	водз-ысь, водз-ыс-ян; водз-выл-ысь, водз-ладор-ысь
<i>сюда</i>	та-т-чы; та-т-чы-озь 'до этого места'	та-т-чö; эта-т-чö 'вот сюда'; эта-лань(-ö) 'ближе сюда'; та-т-чы-озь 'до этого места'; та-т-чань 'в эту сторону'; та-т-ч-öдз 'до этого места'
<i>там</i>	о-т-ын; о-т-й 'по тому месту'	сэ-н, сэ-н-й; сэ-т, сэ-т-й 'по тому месту'; сэ-т-өн
<i>тогда</i>	со-ку	сэ-к; сэ-к-и; сэ-к-ся 'тогдашний'
<i>тот</i>	со	сйю; эсйю 'вот тот'
<i>туда</i>	о-т-чы; от-чы-озь, от-й-озь 'до этого места'	сэ-т-чö
<i>утром</i>	чук, чук-на (и 'утро', 'утренний'); чук-на-ла 'к утру'	асыл-ын, асыв-на-с (асыв 'утро')
<i>этот</i>	та	тайö; этайö 'вот этот'

<i>третий</i>	куин-е-ти, куин-е- ти-ез (куинь 'три')	койм-од (койм 'три')
<i>четвертый</i>	нхыл-е-ти, нхыл-е- ти-ез (нхыл 'четыре')	нель-од (нель 'четыре')

Хейкки ПААСОНЕН

Макар ЕВСЕВЬЕВ

Глава третья. ТИПОЛОГИЯ ПАДЕЖНЫХ СИСТЕМ: ТУНГУСО-МАНЬЧЖУРСКИЕ ЯЗЫКИ.

3.1. Падежная система тунгусо-маньчжурских языков.

В своих исследованиях лингвисты не всегда придерживаются “золотой середины”, когда наряду с типологическими методами используют сравнительно-исторический. Мы, в своих типологических изысканиях, по возможности последовательно вводим сравнительно-исторический элемент. Сравнивая падежные системы языков, отмечаем их типологическую близость, в то же время обращая внимание на исторические изменения, происходящие в них. Это можно назвать синхронным срезом, хотя, в известной степени, здесь исследуется и исторический аспект. Потом переходим к динамической типологии, т.е. пытаемся проследить изменения в падежной системе определенной семьи языков: трансформацию одного падежа в другой, или, если быть более точным, расщепление падежей по семантике и в результате этих процессов появление нового падежа, формирование абстрактных падежей на основе локативных. Так, в финно-угорских языках обнаруживается следующая динамическая модель (верность которой в общем случае была доказана нами на примере кавказских языков): полисемантический локативный **-n* дает начало лативу и инструменталису на **-n*, затем, употребляясь в атрибутивной функции, закрепляется за родительным падежом на **-na//*-nā*, а также используется для образования притяжательных и, позднее, относительных прилагательных. В связи с этими изменениями ослабляется его локативное значение, и язык вырабатывает параллельную форму на **-t*. Но процесс адъективации (образования разрядов прилагательных) захватывает и локативный **-t*. Сначала образуется *t*-овый аблатив, затем локативный **-t* используется в функции генитива (точнее, партитива) и, позже, закрепляется как показатель (по преимуществу качественных) прилагательных.

Так выглядит эволюция падежной системы в финно-угорских языках.

Строго говоря, достаточно было бы доказать наличие в тунгусо-маньчжурских языках ряда локативов (куда относят и различные лативы) — **-n*, **-t*, **-s*, **-l*, — чтобы говорить о родстве тунгусо-маньчжурских и финно-угорских языков. Но, став на позиции динамической (или эволюционной) типологии, мы хотим проследить, были ли характерны для этой группы языков трансформации, например, *t*-ово-го локатива в *t*-овый аблатив (~ элатив) (а затем в генитив на *-t*/-*d*-, возникший из **-t*- с последующим превращением этого форманта в суффикс имен прилагательных. Словом, придется рассмотреть исторический аспект падежной системы тунгусо-маньчжурских языков

Падежная система тунгусо-маньчжурских языков.¹

Падеж	Эвенкийский	Эвенский	Орочский
Именительный	—	—	—
Винительный	-ва/-ва/-во, -ма/-мэ/-мо, -па/-пэ/-по	-в/-у; -бу/-ба/-бэ	-ва/-ва/-во/-ву, ² -ба/-бэ/-бо/-бу, -па/-пэ/-по/-пу
Винительный неопределенный	-я/ -а/ -э	—	—
Родительный ³	—	(-н) (?) ⁴	—
Назначительный	—	-а/-э ~ -ка/-кэ -на/-нэ	-до/-ду
Дательный	-дү/-тү	-ду/-ту	-ду (местн I)
Совместный	-н-ун	-нб-ун	-н-до/-н-ду
Направительный	-н-ки/-ни-ки	-н-ки/-ны-ки/ -на-ки/-нэ-ки/ -кки	—

¹ Из практических соображений орфография тунгусо-маньчжурских (3-я глава) и других языков (4-я глава) по возможности унифицирована.

² По гармонии гласных.

³ В притяжательном склонении.

⁴ Знак (?) означает гипотетичность данного вывода.

Сравнительно-историческая грамматика

Направительно-дательный	—	—	-та-и/-тэ-и/ -то-и/-та-ки/ -тэ-ки
Местный	-лā/лэ/-ду -лā/-ду-лэ/ -ту-лā/-ту-лэ	-ла/-лэ ~ -на/-нэ; -ду-ла /ду-лэ	-ла/-лэ/-ду-ла/- ду-лэ (местн. II)
Продольный	-лū/-ду-лū/-ту -лū	-ли/-ни/-ду -ли	-ки/-ке, -к-ки/-к-ке
Направительно-местный	-к-ла/-э-ла/-э -лэ	-к-ла/-к-ли/ -к-лэ	—
Направительно-продольный	—	-к-лū	—
Отложительный	-ду-к/-ту-к/	-ду-к/-ту-к/	—
Исходный	-гū-т/-кū-т/ -нū-т	-гн-ч/-нн-ч/ -кн-ч	-ду/-ду-кн/ -де-ду/ -ду-ккери
Творительный	-т, -ди	-ч, -нь, -ди	-ди

Падеж	Негидальский	Удгейский	Ороческий
Именительный	—	—	—
Винительный	-ва/-на/-ма	-ва/-вэ/-во, -ма/-мэ/-мо	-ва/-вэ/-во, -ма/-мэ/-мо, -ба/-бэ/-бо
Винительный неопределенный	-йа/-а / -э	—	—
Назначительный	—	-на/-нэ/-но	-йа
Дательный	-ду/-ту	-ду/-ди	-ду
Направительный	-т-ки/ -т-ти/ -ти-хи	-ти-ги	-ти
Местный	-лā/-ду-лā/ -ту-лā	-ла/-лэ/-ло, -ду-ла/-ду-лэ	-ла/-лэ/-ло, -ду-ла/-ду-лэ
Продольный	-лū/-ду-лū/-ту -лū	-ли/-ди-ли	-ли/ -ду-ли
Отложительный	-ду-ккай, -ту-ккай	-ди-ги (и сравни- тельный)	-дун
Исходный	—	—	-ди-ди
Творительный	-ди / -чи	-ди	-ди

Падеж	Ульчский	Нанайский	Маньчжурский
Именительный	—	—	—
Винительный	-ва/-вэ/-во, -ба/-бэ/-бо, -па/-пэ/-по	-ва/-вэ, -ба/-бэ	-бэ
Родительный	—	—	-и(-й)/ -ни
Назначительный	-дь-у	-го	—
Дательный	—	-до/-ду	—
Дательно-местный	-ду	—	-дэ
Направительный	-ти	-чи	—
Местный	-ла/-лэ/-ло/- ду-ла/-ду-лэ/- ду-ло	-ла/-лэ/-до-ла/- ду-лэ	(-ла)
Продольный	-ки	—	—
Отложительный	—	—	(-дэ)
Исходный	-ди-ди	-диадн/-диэди	-чи (-чи)
Творительный (творительно-исходный сравнительный)	-ди	-ди	—

Анализируя падежную систему тунгусо-маньчжурских языков, следует учесть некоторые сложности, прежде всего и во-первых, полисемантичесность ряда падежей. Так называемый местный падеж с суффиксом *-ла*, *-ду-ла* может обозначать: терминатив — движение до какого-либо предела, пролатив — движение по чему-либо, транслатив — движение через что-либо, элатив — движение изнутри чего-либо; иллатив — движение во что-либо, и собственно локатив — нахождение где-либо (ср.: Аврорин 1966, 134). Продольный падеж на *-ки* употребляется в значении пролатива, иллатива и транслатива, творительный на *-ди* употребляется также в значении элатива, а винительный функционирует также как пролатив. Словом, между падежами существует весьма зыбкая граница, что является прекрасной основой для более тонкой дифференциации их значений.

Во-вторых, формальный подход к падежной системе тунгусо-маньчжурских языков показывает, что в ней отсутствует *с*-овый локатив, который широко распространен в прибалтийско-финских и мордовских языках, зато избылуют *л*-овые падежи, имеющиеся во всех финно-угорских языках, особенно в пермских.

Обилие *л*-овых локативов и лативов в тунгусо-маньчжурских языках (далее: ТМЯ) как будто облегчает задачу исследователя в сравнении двух языковых семей — тунгусо-маньчжурской и финно-угорской, но отсутствие *с*-ового локатива создает дополнительные трудности.

В-третьих (хотя это, быть может, следовало бы отметить первым пунктом) в ТМЯ локативные падежи явно преобладают над падежами абстрактными. Именно такое сложное взаимодействие локативных падежей и является 'горнилом', в котором выпкристаллизовываются абстрактные падежи.

Немаловажным подспорьем в исследовании ТМЯ является положение о первичности в падежной системе древних языков локативных (конкретных) падежей и вторичности абстрактных падежей (инструментального, дательного, родительного и др.).

На основании указанного положения и по формальному признаку (с опорой на направительные падежи с суффиксами *-л-ки* и *-к-ла*) падежные системы исследуемых языков сближаются следующим образом: предположительно нанайский и ульчский (имеется в виду их типологическая характеристика, а не генетическая близость) сохраняют меньше архаических черт, чем другие ТМЯ; ороцкий и удэгейский, а также орокский и негидальский, в виду отсутствия направительного падежа с суффиксом *-к-ла*, занимают срединное положение в истории тунгусо-маньчжурских языков и, наконец, эвенкийский и эвенский, по-видимому, позволяют реконструировать более древнее состояние — динамическую модель с *л*-овым локативом, которая вошла в распространившееся новообразование — динамическую модель с *л*-овым локативом. Причем эвенский язык предоставляет исследователю обильный материал для реконструкции локативов на **-л* и **-н*, послуживших основой грамматики падежей в древних финно-угорских языках. Другие тунгусо-маньчжурские языки, кроме, возможно, орокского (речь все еще

идет о (формальном подходе к исследованию), в падежной системе как будто не имеют даже рефлексов локатива на *-и.

И последнее: исследование данной проблемы упростится, если мы примем к сведению чрезмерную детализованность грамматики падежей тунгусо-маньчжурских языков: так, едва ли правомерно выделять особый дательный падеж, поскольку падеж на -о̄й/-т̄у проще квалифицировать как дательно-местный. Равным образом, не представляется правомерным обособлять в тунгусо-маньчжурских языках направительный падеж от направительно-дательного.

Перейдем к исследованию падежной системы тунгусо-маньчжурских языков.

3.2. Слабая дифференцированность основ.

Для древних финно-угорских языков мы постулировали слабую дифференцированность основ (что и показали на примере самского языка — см. вторую главу исследования): многие основы служили базой для образования глагольных форм, к ней же присоединялись и падежные окончания. Как в этом отношении обстоит дело в тунгусо-маньчжурских языках? Конверсия (принадлежность основ к различным частям речи) — живое и довольно распространенное явление в этой семье языков.

Основными следует признать следующие пучки омонимов: одна форма служит для передачи прилагательного и наречия; прилагательного, существительного и наречия; прилагательного и глагола; существительного и глагола. Последняя пара омонимов, как считают исследователи, отражает наиболее древнее состояние языка и является ведущей для морфологии имени и глагола.

Примеры: ороч. *гэмну* 'ржавчина', 'ржаветь'; *ояри(н)* 'песня', 'петь'; *ббно* 'град', 'идти' (о граде); *хакти* 'темный', 'темно', 'темнота'; *хактиси* 'темный', 'темно' (ср. с предыдущим, более многозначным словом *хакти*); эвенк. *тузэ* 'зима', 'наступать' (о зиме), *тэо̄й* 'верить', 'всра', 'верный', 'истинный'; *амта* 'пробовать', 'вкус', 'вкусный' (ср.: *Василевич 1958, 702, 731*); ульч. *буэву* — 'грех', 'грешить'; нан., ульч. *пэку* 'горячий', 'горячо', 'жара', но нан. *пэкэ-сй* 'горячий' и ульч. *пэку-вли* 'жаркий' и т.д. Подобные примеры в тунгусо-маньчжурских языках довольно многочисленны.

ку-вли 'жаркий' и т.д. Подобные примеры в тунгусо-маньчжурских языках довольно многочисленны.

Примеры: *кэсэ* — 'мучиться' — *кэсэ-гй* 'мучить' — *хэр-гй*-(гй) 'нижний'; ульч. *дабди-ву* 'победить' — *дабди-ла* 'до победы, пока не победит' — *дара-ла-пти* 'вспирь' (суф.-ла), *тинэ-пти* 'вчерашний' — *даси-пти* 'покрышка' (*даси* 'закрывать') — *ача-пти* 'навстречу' (*ача-на* 'идти для встре-чи') (аффикс -пти, в состав которого входит лативный -ти, -п не идентифицирован).

Во многих случаях определенно одни и те же аффиксы употребляются для образования наречий от глаголов и существительных: эвенк. *асав-* 'быть преследуемым' — *асап-тыкй* 'вслед', 'в спину (дуть)' (-тыкй — аффикс направительного падежа, ср. *йр-тыкй* 'куда?') — *асап-тыкй эдын* 'попутный ветер'; ульч. *геван-дала* 'до зари', 'до рассвета' (*гева(н)* 'заря') — *мада-дала* 'до увеличения' (*мада-ву* 'увеличиться'); ороч. *хака-ли* — 'греться' — *хака-си* 'темнеть' — *уй-си* 'вверх' (сходство с аффиксами направительного -си и продольного -ли падежей), *туксан-* 'прыгать в длину' — *тукса-н-ди* 'прыжком' — *ўми-ди* 'корот-ко' (аффикс творительного падежа).

Сравним два слова орочского языка: *какта* — 'трещина', 'расколоться пополам', 'треснуть' — *какта-ли* 'вдоль трещины' — *какта-ли* 'расколоть пополам', 'расщеп-лять'. Очевидно, что суффикс продольного падежа -ли и суффикс глагола -ли если и не одного происхождения, то здесь имеют сходное значение: 'расщеплять' и означает 'двигаться вдоль трещины'. Точно так же можно этимологизировать многие формообразующие суффиксы глагола, но это не входит в задачу данного исследования. Нам достаточно того, что можно считать обоснованной мысль о слабкой дифференцированности тунгусо-маньчжурских глагольных и именных корней. В противном случае отсутствовала бы база для сравнения тунгусо-маньчжурских языков с языками финно-угорской семьи.

3.3. Локатив на *-i в тунгусо-маньчжурских языках.

Одним из самых древних падежей финно-угорских языков (если не самым древним) является локатив на *-i, который обна-

тивный **-t* финно-угорских языков является достаточно убедительной и мнения исследователей расходятся лишь в частности, рассмотрим наречия тунгусо-маньчжурских языков.

Рефлексы древнего *t*-ового локатива в тунгусо-маньчжурских языках не обнаруживаются, но имеется суффикс исходного падежа (эвенк. *-ги-т/-ки-т/-ји-т*; эвен *-ги-ч/-ји-ч/-ки-ч*; ма. *-чи*), суф. направительного падежа (эвенк. *-т-ки/-ти-ки*; эвен *-т-ки/-ты-ки/-тэ-ки*; орок. *-та-и/-тэ-и/-то-и/-та-ки/-тэ-ки*; нег. *-т-ки/-т-ти/-ти-хи*; удэг. *-ти-ги*; ороц. *-ти*; ульч. *-т/-ти*; нан. *-чи*), суффикс творительного падежа (эвенк. *-т/-ди*; эвен. *-ч/-н/-ди*; орок. *-ди*; нег. *-ди/-чи*; удэг. *-ди*; ороц. *-ди*). Звуки *-т*, *-ч* и ма. *-ц* или *-ч* восходят к локативному **-t*, об остальных формантах указанных падежей речь будет идти особо Любопытно, что в ороцком, где отсутствуют аблативный и творительный падежи на *-т/-ч*, имеется несколько наречий с этим суффиксом: *авā-т* 'отсюда', *тавā-т* 'оттуда'. Он же дает пример использования лативного *-ти* в локативном значении: *тд̄-ти-ка* 'вот тут поблизости', где *-ка* (не путать с лативом *-ки*!) указывает на локативное значение слова (ср. ма. *ай-ка* 'где?'; ороц. *канда-ка* 'поблизости' и др.).

Отметим несколько моментов: 1) эвенкийский элатив на *-ги-т* и эвенский на *-ги-ч* указывают на закономерное чередование *т* > *ч* и, следовательно, все падежи, имеющие в своем составе звуковой переход *-т ~ -ч* надлежит рассматривать в разделе о локативном **-t*; 2) сравнение исходного падежа с направительным, где в процессе исторического развития морфемы поменялись местами в связи с изменением их семантики (ср., например, эвенк. элатив *-ки-т* с лативом *-т-ки*), а сравнение аффиксов латива показывает, что латив на *-т-ки* получился в результате слияния двух лативов, когда *-т* утратил свое аблативное значение.

Материал для размышлений дает латив орокского языка *-та-ки* с вариантами. Поскольку орокский язык знает дательноместный падеж на *-ду* и, следовательно, в падежной системе языка кроме как в лативе нет элемента *-та-*, суффикс *-та-ки* определенно указывает на семантические изменения в падежной системе в следующем направлении: локативный **-t* > аблативный **-т/*-ч* > лативный *-т/-ти*.

б) Дательный падеж маньчжурского языка на *-дэ*, употребляющийся в значении локативного, лативного и орудного паде-

жей позволяет возвести дательно-местные падежи тунгусских языков на *-ду* с вариантами к древнему *t-* овому локативу, доказательством чего служит, во-первых, определенный пласт слов с пространственным суффиксом *-дэ*: ср. ма. *фэ-чжэ-р-гн-дэ* 'внизу', *дэ-лэ ~ дэ-р-гн ~ дэ-р-гн-дэ* 'вверху', *до-ло ~ до-р-гн-дэ* 'внутри', *у-ба-дэ* 'здесь' (от *у-ба* 'этот') и эвенк. *хэ-р-гү ~ хэр-гй-гү* 'нижний', 'находящийся внизу', *хэ-р-гй-дэ* 'нижняя сторона', 'нижний', *хэ-р-гй-дэ-дү* 'внизу', 'на нижней стороне', *тул-гй-дэ* 'внешнее пространство', 'двор', 'улица', *тул-гй-дэ-дү* 'на улице', 'на дворе'. Возможно, сюда же относится *-дэ* в ульчских словах с терминативным значением: *э-с(и)* 'теперь', 'сейчас' — *э-с(и)-дэ* 'до сих пор'. Таким образом, приведенные примеры с очевидностью указывают, что ма. *-дэ* генетически тождественно вторичному эвенкийскому *-дэ*, имеющему локативное значение и образующему соответствующие существительные.

В этом плане небезынтересно сопоставить с эвенкийским *-дэ* аффикс *-гды*, прежде функционировавший в том же значении: ср. ульч. *нэ-гда* 'березняк'. Иными словами, мы имеем очередное подтверждение положению, что эвенк. *-гй-дэ*, имеющееся в родственных языках, является обновленным вариантом суффикса *-гды*.

в) Сравним эвен. *дэ-г ~ дэ-гй-дэ-н* 'внутренний' и *дэ-гй-дэ-дү-н* 'внутри'.

В последнем слове к лексеме, обозначающей нахождение внутри чего-либо (*дэ-* 'внутренность'), присоединяется несколько аффиксов:

1. *-гй*, отождествляемый с первым элементом исходного падежа *-гй-ч* (*дэ-гй-ч* 'изнутри'), но имеющий даже не лативное значение, на что указывает аффикс *-ч*, дублирующий затемненное значение элемента *-гй-*, а скорее атрибутивное (ср. *дэ-г* 'внутренний').

Впрочем, слово *дэ-гй-дэ-ткй-н* 'внутри' определенно указывает на лативное значение *-гй-*, сходное с *-кй* в *эр-тэ-кй* 'сюда' при *э-дү* 'здесь' и др.

2. Элемент *-дэ-*, представляющий для нас наибольший интерес, имеет определенно локативное значение, на что указывает следующий за ним аффикс дательно-местного падежа *-дү-*, а также аналогичные примеры: *дүл-дэ-дү-н* 'вперед', *нр-гй-дэ-ткй* 'куда?', *тар-та-кй* 'туда', *эр-тэ-кй* 'сюда', *гор-та-кй* 'далеко'; а

если учесть, что в эвенкийском выделяется направительный падеж на *-т(и)-ки*, а в орокском — направительно-дательный на *-та-ки* (с вариантами по гармонии гласных), то элементы *-ой-* и *-та-* выстраиваются в одну цепочку с *-ч* исходного падежа *-ги-ч < -ги-т* (ср. с эвенкийским *-ги-т*).

На связь дательно-местного на *-ду* с локативом на **-t* указывает глухой вариант суффикса пролатива *-ту-лй* и аблатива *-ту-к* в ряде тунгусских языков. И опять же суффиксальный *-ду* обнаруживает эволюцию значения, как и локативный **-t*: локативный *-ду >* аблативный *-дў* (орокский) *>* аблативный *-ду-к* (эвенкийский, эвенский) *>* лативный *-ду >* локативный *-ду-лā >* комитатив *-н-ду* (орокский). В подобной реконструкции трудно допустить ошибку, так как переходные этапы маркируются соответствующими суффиксами, кроме датива, вероятно, потому, что во многих языках за пределами тунгусо-маньчжурских дательный падеж развивается на основе местного падежа.

I этап: локатив на **-ta//*-tā*, на что указывают локативные падежи на *-ду-ла* во всех тунгусских языках, а также местный I на *-ду* орокского языка и дательно-местный маньчжурского языка.

II этап: аблатив на **-t//*-d* находит подтверждение в отложительном на *-ду-к*, в суффиксе *-т/-ч* исходного падежа.

III этап: латив на **-t* отражен в лативном *-т-*, входящем в состав суффикса направительного падежа *-та-ки* (с вариантами), в продольном падеже на *-ду-лй/ -ту-лй* в эвенкийском, *-ду-ли* в эвенском, *-ду-лй/-ту-лй* в нсгидальском, *-ди-ли* в удэгейском, *-ду-ли* в орокском, *-до-ла* в нанайском (смешанный падеж; его можно отнести и к I этапу).

IV этап: датив на **-t//*-d* нашел продолжение в дательных и дательно-местных падежах с элементом *-д-* в тунгусских языках и дательно-местном падеже на *-дс-* маньчжурского языка (смешанный падеж: на базе дательно-местных падежей произошло восстановление местного падежа на *-ду-лā*).

V этап: совместный падеж орокского языка *-н-до/-н-ду* демонстрирует взаимодействие двух локативов — на **-ta//*-tā* и **-na//*-nā* (впрочем, развитие дательного и совместного падежей могло происходить параллельно).

Таким образом, за вычетом гснитива, локативный **-ta//*-tā* в тунгусо-маньчжурских языках сформировал *t*-овую локативную

систему, аналогичную той, которую мы реконструировали для финно-угорских языков.

3.4. Участие локативного *-l/*-d тунгусо-маньчжурских языков в образовании прилагательных.

Чтобы выяснить, участвует ли локативный *-oу/*-ту в образовании прилагательных (во всяком случае, в эвенкийском, эвенском и негидальском языках), рассмотрим ряд примеров: эвенк. *дегин-ты* 'неловкий', 'левша' — *дэгин-ты-кй* 'влево' (направиться), *долбор-ды* 'северный' — *долбор-ты-кй* 'север', 'северный' (т.е. 'находящийся к северу'), *долбо* 'ночь', 'ночью', 'ночной' — *долбо-нй* 'ночь', 'ночью' — *долбо-нй-оу* 'ночью' — *долбо-нй-ды* 'ночной'; эвен. *хута-ты* 'яркий', 'блестящий', 'рыжий' (~ эвенк. *хута* 'молния'); *хёка-ты* 'тщеславный' (*хёкачин* 'тщеславие'), *мёрэ-ты* (эвенк. *муру-мэ*) 'круглый', *хёку-ты* 'тихий', 'молчаливый'. Сюда же, вероятно, относятся широко употребительные прилагательные негидальского языка с суффиксом -гды: *хакта-гды* 'темный', 'темно', *няма-гды* 'теплый', 'тепло'; эвенк. *имуксэ-гды* 'жирный', *хакты-рй-гды* 'темный', *мулани-гды* 'жалкий'; ульч. *ло-гдо* 'слабый', *гё-гда* 'свободный'. *ху-гди* 'широкий', *пё-гда* 'березняк' и т.п.

Эвенкийские примеры убеждают, что суффикс -ды/-ты прилагательных развился под влиянием местно-дательного на -оу и направительного на -ты-кй. Прилагательные с суффиксом -гды раньше, по-видимому, имели более широкое распространение: ср. нан. *са-гды*, ульч. *са-гди*, ма. *са-гда* 'старый'; нан., ульч., э-гди 'много', эвен. *э-где-н* 'большой'; нан., ульч., ороч. *чй-гдя-н*, эвенк. *ба-гда-ма* 'белый'.

Становление прилагательных с суффиксом -гды, полагаем, объясняется наречиями типа нан. *су-г-дэ* 'повсюду', 'повсеместно', где выделяется локативный *-дэ, и новейшие образования типа эвенского *йн-гй-дй* 'правый', где -гй- не что иное, как лативный -гй-, историческая параллель лативному -кй-, а -дй- восходит все к тому же локативному *-дэ, объясненному выше. В этом убеждаемся еще раз, сравнив данные выше прилагательные со следующими наречиями: *оё-оу-н* ~ *оё-гй-дй-оу-н* 'внутри', а также *оё-гй-дй-т-кй-н* 'внутри', где выделяются аффиксы латива

-гй- и локатива -дй-. Следовательно, формант -гй-дй- в слове *ān-gī-dā* является обновленным вариантом суффикса -гды (все примеры из эвенского языка). Достоверность сказанного подтверждается также тем фактом, что суффикс -гды обслуживает недифференцированные основы (наречия, существительные, прилагательные).

Чтобы закончить описание динамической локативной модели падежной системы тунгусо-маньчжурских языков, отметим, что качественные наречия образуются от прилагательных в эвенкийском посредством присоединения суффикса творительного падежа -т, в эвенском -ч (< аблативного *-т/*-ч < локативного *-т).

Таким образом, динамическая *т*-овая локативная модель эвенкийского языка полностью совпадает с таковой прибалтийско-финских языков с единственной оговоркой: если удастся доказать, что аффикс прилагательных -ды/-ты в этих языках можно рассматривать как показатель партитива. Но и без этого условия совпадение *т*-овых падежных систем в диахронии говорит о многом.

3.5. Судьба локативного *-н в тунгусо-маньчжурских языках.

Вернемся к слову *дй-гй-дй-дй-н* 'внутри', исследованному нами в предыдущем разделе (п.б.). Конечный -н умоляет нас отождествить его с локативным *-н финно-угорских языков.

Сравним примеры: эвен. *уй-дй-н* 'верхний' (*ой* 'верхняя часть'), ороч. *уй-ки* (*ун* 'поднимать что-либо вверх'); эвен. *дй-гй-дй-н* 'внутренний' (эвенк. *дй-гй*, ороч. *дй*, ульч. *дй-еу*, нан. *дй-ки-а*); эвен. *хэр-дй-н* 'нижний' (эвенк. *хэр-гй*, ороч. *хэ-гг* и *хэ-ггуй-ки*); эвен. *уй-н* ~ *уй-лэ* 'вверху' (эвенк. *у-гй*, нан., ульч. *уй-лэ*, ороч. *уй-лэ*); эвен. *дй-н* 'вверху' (на горе), *хол-ин* 'в верховьях реки', *хэр-гй-н* ~ *хэр-гй-лэ* 'внизу', *нй-н* 'под горой', *оди-н* 'в низовьях реки' (нан., ороч. *хэди-лэ*, эвенк. *хэр-гй-лэ* 'внизу'); эвен. *дй-дй-н* (*дй-лй-н* 'внутри' (эвенк. *дй-дуй*, *дй-лй*, ма. *до-ло*, ороч. *дй-ло*, ульч. *дй-в-ти*), а также эвен. *амар-й-н* ~ *амар-лй* 'позади' (эвенк. *амар-дй* ~ *амар-и-лй*, ма. *ама-ла*, ороч. *амй-ду*, нан., ульч. *хами-ла*).

Из сравнения этих примеров вытекают следующие выводы:

1. В эвенском языке соответствующие слова как минимум на одну морфему (а именно на локативное -н) более про-

двинуты сравнительно с другими тунгусо-маньчжурскими языками:

ороч. *оѳ*, эвенк. *оѳ-гѳ*, эвен. *оѳ-гѳ-оѳ-н* (на две морфемы): эвенк. *хэр-гѳ*, эвен. *хэр-оѳ-н* (на одну морфему).

2. Слова с локативным *-н* могут иметь варианты с локативным *-лѳ*: эвен. *хэр-гѳ ~ хэр-гѳ-лѳ*; *уй-н ~ йуй-лѳ*.

3. Локативный *-н* может дублироваться локативным *-оѳ*: *оѳ-оѳ-н ~ оѳ-лѳ-н* (ороч. *оѳ-ло*).

4. И еще несколько эвенских примеров:

хэр-оѳ-н 'нижний', 'находящийся внизу' ~ *хэр-гѳ-н* 'внизу'

оѳ-гѳ-оѳ-н 'внутренний' ~ *оѳ-оѳ-н* 'внутри'

уй-оѳ-н 'верхний' ~ *уй-н* 'вверху'.

Попарное сравнение примеров убеждает в том, что *-н*, присоединяемое к элементу *-оѳ/-оѳ*, восходящему к древнему локативу **-ta//*-tā* с затемненным значением, имеет генитивное (атрибутивное) значение (примеры из левой колонки) (ср. также диалектные формы: *илѳ-гѳ-н* 'третий' от *илон* 'три' и *оѳгѳ-гѳ-н* 'четвертый' от *оѳген* 'четыре'), в то время как в правой колонке оно имеет явно локативное значение и, таким образом, восходит к древнеуральскому локативу на **-ni//*-nā*.

Для локативного **-н* в финно-угорских языках признается следующая эволюция: от локативного значения к инструментальному и комитативному, затем употребление в атрибутивной функции (в значении родительного падежа) и его фиксация в качестве суффикса качественных прилагательных.

Локативный **-н* обнаруживается во многих тунгусо-маньчжурских языках. Наиболее четко он прослеживается в эвенском и удэгейском, в остальных языках он оставил незначительные следы. В наречиях эвенского и, реже, эвенкийского языков обнаруживается формант *-и-н*, который, по всей видимости, состоит из двух локативов *-и* и *-н*. В удэгейском и, в единичных случаях, в орокском ему соответствует локативный *-ну*: эвен., эвенк. *амар-и-н* 'сзади', 'потом', 'после', удэг. *амай-ну* 'сзади'; эвен. *оѳл-и-н* 'впереди', *хэр-гѳ-н* 'внизу', *оѳ-н* 'на горе'; удэг. *го-ну* 'далеко', *до-ну* 'внутри'; эвен. *у-и-н*, орок. *уѳ-ну*, удэг. *уни-ну* 'вверху'. Локативный **-н* обнаруживается в немногочисленных наречиях времени: эвенк. *ѳ-кѳ-н*, *ѳ-кѳ-н-ма* 'когда?', *тик-ин* 'теперь'.

Эвенкийскому суффиксу аблатива именных основ *-ду-к* в наречиях соответствует *-ну-к*, в немногочисленных эвенкийских примерах *-ни-к* и в удэгейском *-ни-ги* (Аврорин 1961, 204 — 205; Лебедева 1961, 28), из чего можно заключить, что 1) **-н* сменил локативное значение на аблативное и что 2) наше предположение о трансформации локативного значения в **-т* и замсна его обновленным вариантом *-ду/-ту* заслуживает доверия. Ср.: эвен. *уй-ну-к* (~ *уйги-ч*), эвенк. диал. *у-гй-ни-к*, удэг. *уй-ни-ги* 'сверху'; эвен. *хэр-гй-ну-к*, эвенк. диал. *хэр-гй-ни-к* 'снизу'; удэг. *до-ни-ги* 'изнутри'; эвен. *дэ-ну-к* 'с горы', *эв-гй-ну-к* 'отсюда', *хол-й-ну-к* 'с верховьев реки'; удэг. *амай-ни-ги* 'сзади' (движение откуда), *го-ни-ги* 'издалека'.

В нанайском языке обнаруживается суффикс *-н-ки*, сопоставляемый с эвенкийским суффиксом *-ду-к*, который имеется в гаринском диалекте нанайского языка (Аврорин 1961, 204), и который можно возвести к локативному **-н*. Так же этимологизируется *-н-* в соответствующих словах ульчского языка: нан. *эвэ-н-ки*, ульч. *эвэ-н-чи* 'отсюда'; нан. *тава-н-ки*, ульч. *тава-н-чи* 'оттуда' (ср. нан. *тао-си*, ульч. *тава-си* 'туда'); нан. *горо-н-ки* 'издалека'; эвенк. *эву-н-кй*, нг., эвен. *эву-н-ки*, ульч., нан. *хэу-н-ди*, орок. *хэу-н-дэи* 'поперек'.

К наречиям места с мертвым суффиксом *-н-ки* присоединяется суффикс творительного падежа, что свидетельствует об изменении значения локативного **-н* и сближении его с творительным падежом (*эвэ-н-ки-ди*, *тава-н-ки-ди*, *горо-н-ки-ди*). И действительно, в эвенском языке первый элемент суффикса совместного падежа восходит к локативному **-н* (*-н'у-н/-н'у-н*); второй элемент тождествен *-н* творительного падежа, восходящего к этому же локативу; в орокском совместный падеж формируют восходящий к локативу *-н* и суффикс *-до/-ду*, ведущий происхождение от дательно-местного падежа.

Нетрудно заметить, что наши рассуждения полностью согласуются с тезисом, вынесенным в начало этого раздела, т.е. можно считать доказанным совпадение динамических моделей с *н*-овым локативом в финно-угорских и тунгусо-маньчжурских языках, кроме одного пункта: дал ли начало локативный **-н* атрибутивным именам с суффиксом *-н*?

Эвенский язык дает нам ответ на поставленный вопрос: в наречиях места и времени употребляется локативный *-н* параллельно локативу на *-лй*: эвен. *ой-дў-н* ~ *ой-лй-н* 'сверху' (на поверхности); *уй-н* ~ *уй-лй* 'вверху'; *хэр-эй-н* ~ *хэр-эй-лй* 'внизу'; *эв-эй-н* ~ *эв-эй-лй* 'здесь'. Сравнение прилагательных с однокорневыми наречиями убеждает, что их *-н* имеет локативное происхождение: *хэр-дэ-н* 'нижний', 'расположенный внизу', *уй-дэ-н* 'верхний', 'расположенный вверху', *до-эй-дй-н* 'внутренний', 'расположенный внутри' — и наречие *дй-эй-дй-дў-н* 'внутри', отличающееся от соответствующего прилагательного суффиксом местно-дательного падежа *-дў*, который свидетельствует, что суффикс *-дй* имеет ослабленное локативное значение, а *-н* прилагательных восходит к *н*-овому локативу.

Сравнение наречий типа эвенк., эвен. *амар-й-н* 'сзади', 'потом', 'после' с соответствующими прилагательными, например, эвенк., эвенк. (сахалинский диалект) *калб-и-н* 'широкий' доказывает возможность происхождения суффикса прилагательных из доисторического локативного **-н*.

Вполне понятным поэтому оказывается наличие большого числа прилагательных с суффиксом *-н* именно в эвенском языке, хорошо сохранившем локативный **-н* практически во всех его значениях в диахронии, а также располагающим дублетами с суффиксом *-тй/-дй*: *хута-нй*, *хута-тй*, *хута-р* 'яркий', 'блестящий'; *хигра-нй*, *хигра-эй* 'тихий', 'молчаливый'; *тымбэ-тэ*, *тымбэ-нй*, эвенк. *тымба*, *тымба-ма* 'густой' (ма. *тымбэ-нй* 'вязкий'); эвен. *чуру-нй*, эвенк. *чула-ма*, *чула-ри-н* 'зеленый', 'синий' и т.д.

А где же родительный падеж в тунгусо-маньчжурских языках? Родительный падеж сохранился в маньчжурском языке в виде *ни* ~ *и*. Иногда родительным падежом в тунгусо-маньчжурских языках считают аффикс косвенной принадлежности (Василевич 1958, 673). Полагаем, что это в известной степени справедливо, потому что аффикс *-н-ги* (с вариациями по языкам) исторически восходит к локативному *-н*, ставшему показателем родительного падежа, и лативному *-ги*.

3.6. О типологической близости ТМЯ и ФУЯ

Таким образом, для ТМЯ и ФУЯ реконструируется единая исходная модель с локативными **-n* и **-t*, которая в этих языках эволюционировала сходным образом. Но если в падежной системе прибалтийско-финских и волюжских языков существенную роль сыграл *с*-овый локатив, в ТМЯ он не сохранился (точнее, от него остались лишь релфлексы) и не участвовал в преобразовании динамической модели этих языков, зато в падежной системе ТМЯ значительная роль принадлежит *к*-овым лативам, даже больше, чем в марийских языках. По роли в падежной системе *л*-овых падежей ТМЯ сближаются с пермскими языками, но в последних *-n*, восходящий к древнему локативу, представлен даже несколько лучше, чем в эвенском. Типологическую характеристику рассматриваемых двух семей можно сформулировать следующим образом: в ТМЯ, как и в ФУЯ, хорошо представлена динамическая модель *т*-ового локатива, лучше представлена модель *к*-ового латива и отсутствует модель *с*-ового локатива; в ФУЯ лучше, чем в ТМЯ, представлена динамическая модель *н*-ового локатива. Кроме того, в ТМЯ, кроме маньчжурского, не выделяется родительный падеж на *-n*. Таким образом, различные пути эволюции одной и той же исходной модели падежной системы можно объяснить устранением из исторического процесса ТМЯ *с*-ового локатива.

Тунгусо-маньчжурские языки иллюстрируют такой этап развития языка, когда трудно выделить ведущую падежную систему.

1. Несомненно, что ТМЯ развивались (или развиваются) аналогично финно-угорским языкам. Прослеживаются самые тонкие перипетии аналогичного образования падежей в исследуемых языках: ср. суффикс *-лта/-лто* в ТМЯ с аблативом *-лта* финского и водского языков — эвенк. *дага-лта*, эвен. *дй-лт-йч* 'рядом'; эвенк. *долбо-лто-но* 'вечером', где аблативное *-лто* дублируется локативным *-но*. Этот процесс, вероятно, был прерван интенсивным распространением *т*-ового локатива: так, ульчский пример (*оё-ло ~ оё-то-ло* 'наверху') свидетельствует о вторжении вторичного *т*-ового локатива в сферу действия локатива на *-л*.

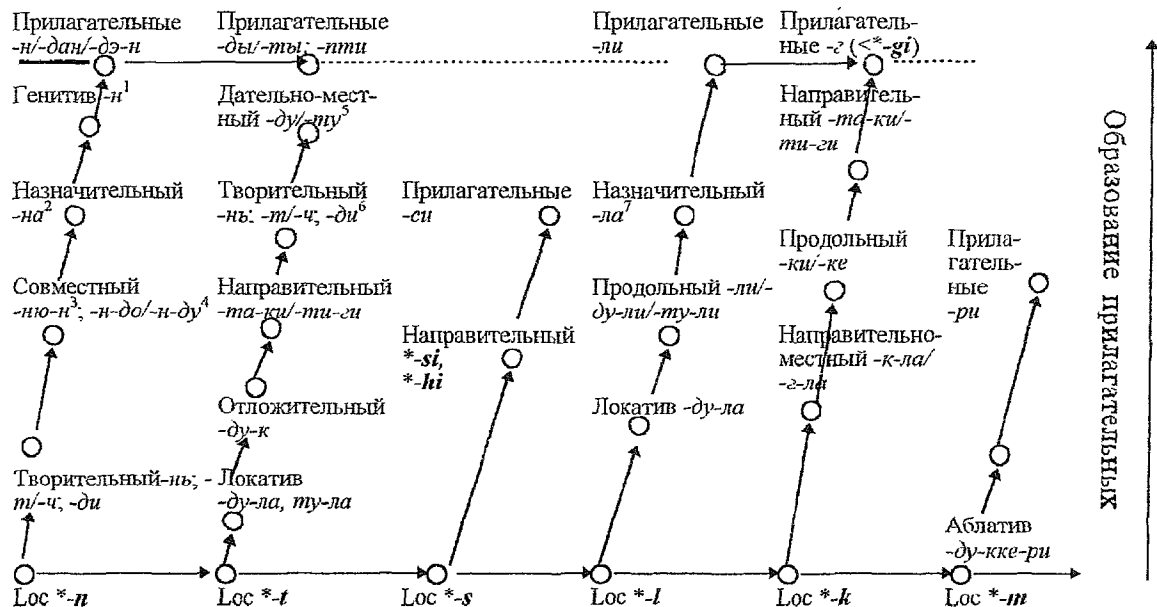
2. ТМЯ могли подвергнуться влиянию языков иных систем: наряду с исконными вариантами суффиксов в наречиях места об-

наруживается адъективный *-р, -ри*, сближающий ТМЯ с монгольскими и тюркскими языками: ср. монгольские и тунгусо-маньчжурские примеры со значением 'ночной': 1) фин. *ö-i-ne-n*, *yö-ll-i-ne-n* (*yö-llii* 'ночью'), морд. *ве-нь* (*ве* 'ночь', *ве-ть* 'ночью'), мар. *йуд-ым-сö* (*йуд* 'ночь', *йуд-ым* 'ночью'); 2) эвен. *долбо-р*, *долбо-нй-ды* (*долбо* 'ночь'), нан. *долбо-ри* ~ *долбо-пти* (*долбо* 'ночью'), но в ульчском *долбо-пти*, ороч. *доббо-пти* 'ночной' (*доббо* 'ночью').

3. В то время как *л-овый* локатив ТМЯ функционирует самостоятельно, древний *т-овый* локатив существует в превращенном виде. Это — вторичный локатив на *-д/-т*, аблатив на *-д, -т, -ч*, латив на *-д/-т*.

4. Употребление *т-ового* локатива ограничено с трех сторон: он наслаивается на *н-овые* падежи, вытесняя их на периферию грамматической системы языка, взаимодействует с *л-овыми* и *к-овыми* падежами.

Следовательно, основу падежной системы ТМЯ составляют *т-овый* и *л-овый* локативы при ведущей роли последнего. Большую функциональную нагрузку несут *к-овые* падежи, которые, все же, самостоятельно не употребляются, но обновляют *т-овые* латив и аблатив и *л-овый* направительно-местный падеж (*-к-ла/-г-ла*). Если учесть расположение морфем в падежных окончаниях (аблатив *-ду-к*, латив *-та-ки*, локатив *-ду-ла* и пролатив *-ду-ли*, а также направительно-местный *-к-ла*), становится очевидным, что *к-овые* падежи более позднего происхождения и, возможно, появились под давлением другой системы языков. В ТМЯ не получили распространения *с-овые* падежи, а *п-овый* локатив вытеснен на периферию падежной системы.

- 1) В маньчжурском и, возможно, эвенском; 2) в удэгейском; в орокском суффикс назначительного падежа -до/-ду, в ульчском -дэ; 3) в эвенском; 4) в орокском; 5) в маньчжурском дэ; 6) в эвенкийском -т/-ч; в эвенском -ч/-н/-ди, в негидальском -ди/-ч, в удэгейском, орокском, орошском, ульчском и нанайском -ди; 7) в удэгейском; 8) в орокском.

ПРИЛОЖЕНИЕ IV.

РУССКО-МАНЬЧЖУРСКО-ЭВЕНКИЙСКО-
ЭВЕНСКИЙ ГЛОССАРИЙ.

Русский	Маньчжурский	Эвенкийский	Эвенский
<i>бедный</i>	*ядахань; дяда-хун; дяда-ха 'бедняк'	*беднай; *дядаң (як.) (и 'бедность'); дёготчори	дядаң-и; дёг-ри (~ буву-ч)
<i>белый</i>	балда 'белое пятно на шерсти животного'	багда-ма; багда-ри-н (<i>тунг.</i> багда-ми 'побелеть от мороза'); гилта-ли (<i>о масти животных</i>)	неба-ти; гилта-ня (гелта-ли <i>О</i> , гилтал-ды <i>Л</i>)
<i>близкий</i>	да-р-та-й; а-да-ки 'смежный'	дага (и 'близко', 'близость'); дага-ма; дага-ды; дага-пты 'ближний'	дā-ли; дā-ли-ла биси; эву-г
<i>близко</i>	хань-ци 'близ', 'подле'; да-р-та-й 'вскоре'	дага, дага-т; дага-лта 'рядом', 'возле'; дага-дū; дага-ткй (<i>дви-гаться</i>) дага-лā; даа-дук (<i>Кч</i>) 'с недавних пор'	дā-ли, дāли-ду, дā-ли-ла 'вблизии'; дā-ли-тки 'с близкого расстояния'; дā-лт-ā-ч 'рядом'; дā-ли-ги-ч, дāли-нук; дāли-дук 'с близкого расстояния'
<i>богатый</i>	баянь; бая-	бай (и 'богат-	эцээ

	‘разбогатеть’	ство’); байды; баян (и ‘богат- ство’, ‘богач’) энү-пчу; энү- пчу-т (энү ‘боль’)	эн (и ‘боль’); эн-сий <i>Ол, Б</i>
<i>больно</i>			
<i>больной</i>		буму-дерй; энүн-дерй; энү-гды ‘болезненный’	бутэн, бутэн- ри, бутэн-чэ; эн-сий (эн-сий- тэ, эн-сий- тэрй <i>И</i>)
<i>большой</i>	са-гда ‘старый’; са-кда ‘старик’	хэ-гды ~ э-гды; хэ-гды-нэ	э-гдэ-н, э- гдэ; э-гдэ-си <i>Ол</i> ; э-гдэ-ч <i>Ох</i>
<i>быстро</i>	*тургэн	химā-т; ама- кāн; тургэн-ди; хавāt	хинма-ч (инма-т, эмэкэ-т <i>Л</i>); тургун
<i>быстрый</i>	*тургэн (<i>монг.</i>) (и ‘быстро’)	химā (и ‘быст- рота’); химā- мэ; каң-ки; ама-кāн	хенма ~ хинма; *тургун; аин
<i>верхний, расположен ный сверху</i>	оё-н; ой-ло(н) ‘верх’; ойло ‘поверхность’; ой-ло-ри ‘поверх’; ‘сверху’	оё-гү; у-гү; дби- гү (<i>по</i> склону); соло-гү (<i>по</i> <i>течению</i>) (оё ‘верхняя часть чсго-л.’)	уй-ч; уй-дэ- н; дэ-ч (<i>на</i> <i>горе</i>); (сола- к <i>А</i>) (ой ‘верхняя часть чего- л.’); уй-г ‘верхний’
<i>весело</i>	сэбдснэ и ‘веселый’)	сэвде-пчу, сэв- де-нй-пчу, сэв- де-пчу-т; урү- нй-пчу-т	хэбдён, хэбде- нй-ч; эвэч-и-ч
<i>веселый</i>	сэбден ‘веселье’	сэвде-пчу; урү- нй-пчу; урү-в- си (и	хэбде-нй; эвэ-ч (и ‘веселье’,

<i>весенний</i>	неңне-ри	‘радость’); урӯ-в-сй-пчу неңне-р (неңне-ни ‘весна’); нэлкй-р (ранней вес- ной)	‘весело’) нэгни; нэг- ни-р; нэгнэ- нй (о 2-ой половине весны и ‘весна’); нэлкэ-рэ-п; нэлкэ-рэ-п- тэ; нэлкэ-ни (о первой половине весны)
<i>внутренний</i>	до-р-ги-ңэ	дō-гӯ, дō-вӯ; *внутреннэй (рус.) (дō (н) ‘внутрен- ность’)	дō-г; дō-ги- дā-н; дō-лā биси (дō ‘внутрен- ность’)
<i>водянистый</i>	му-кэ Сиб ‘вода’	мӯ-гди ‘жидкий’ (мӯ ‘вода’); мӯ-мэ	мӯ-лкэн; мӯ- ткэн (мӯ ‘вода’, ‘водяной’)
<i>высокий</i>	гу-гду ‘возвышенность’; годохон	гу-гда (и ‘высоко’, ‘высота’)	гӯ-д (гӯ-да-н ‘высота’)
<i>высоко</i>	гу-гда-т; годори ‘выдавшиь (вперед)’	гу-гда-т (гуг-да ‘высота’)	гӯд ~ гӯ-да-ч (уй-н, уй-лэ ‘в вышиине’)
<i>гладкий, ровный</i>		нэптэ-мэ	нэптэ-мэ; булду-т; булду-ргэ
<i>горький</i>	госи-холо ‘быть горьким’	гэты, гэты-пчу; идари-пчу и ‘кислый’, ‘кисло’); пда- ри-хй	гот (гос-тбї Л, гот-ом-кй Л, идор-сй И)
<i>горячий</i>	фякянь ‘жар’	хэку (и ‘жара’,	хук (и

		‘согреться’); хэку-пчу ‘жаркий’, ‘жарко’	‘жара’, ‘быть го- рячим’); хук- сий ‘жаркий’; хук-чи (и ‘жара’) тйм; тймбэ- нэ; тймбэ-тэ; тэңкэ (о ле- се)
<i>густой, частый</i>	тымбэ-не ‘вязкий’; лу-кду ~ ло-кди	тымба-ма ‘вязкий’; ло- гди; сиги (о ле- се)	тйм; тймбэ- нэ; тймбэ-тэ; тэңкэ (о ле- се)
<i>далеко</i>	горо (и ‘даль’, ‘далекий’); го- й-фи-ни ‘давно’, ‘издалека’	горо (и ‘даль’, ‘далекий’); го- ро-дү (где); го- ро-ло (куда); горо-ткй Хиэ ‘вдаль’; горо- пты ‘прежний’	гор (и ‘даль’, ‘далекий’); гор-та-кй ‘вдаль’; гор- ду; гор-лэ; гор-лй (двигаться); тэгэ-лэ; тэгэ- ли; тэгэ- нуэк, гор-и- ну-к, гор-ги- ч, гор-ду-к ‘издали’
<i>далекий, дальний</i>	горо; горо-ки	горо; горо-гү; горо-гү-ды	гор; гор-лэ биси; тэ-гэ; чяг
<i>деревянный</i>	мб (и ‘дерево’) мб-й	мб-мā (мб ‘дерево’); мб- ни ‘древесный’	мб (и ‘дерево’)
<i>дикий</i>		*дикэй (рус.); мбса-ды (мбса ‘лесок’); мул- ли-кән (олень)	*дичэй (рус.); мэнни (о живот- ных)
<i>длинный</i>	голмин; голмин-га	нбним (и ‘длина’)	нонам (нонам-а- ‘длина’); но- на-п-ки
<i>дождливый</i>	ага-нга	тыгдэ-дерй;	тйдэ-күн;

	‘дождевой’ (ага ‘дождь’ — ‘идти’ — о дожде)	уду-чїї (тыгдэ, удун ‘дождь’); тыгдэ-чїї	удан-ра (тїд, удан ‘дождь’); удал-кан эрь-пчү-н эрь-пчү-н; эрь-пчи
дорого дорогой		тамура-т таму-ра ‘ценный’	хэл (сэл А) (и ‘железо’)
железный	сэлэ-мэ ‘меч’ сэ- лэ-ңгэ; (сэлэ ‘железо’)	сэлэ-мэ (сэлэ ‘железо’)	
желтый	суваян	сиңа-ма (и ‘коричне-вый’) сиңа-рин (и ‘серый’)	хиңа-нї (и ‘коричне- вый’) (хиңа- ку С); чүру- нї
живой		ин-и-кин, ин- дерї (ин ‘жизнь’)	їнї (и ‘жизнь’); їнї-лкэн
жидкий	му-кэ ‘вода’	мў-гдэ (Нрч) (мў ‘вода’); епў	мў-т-кэн (мў ‘вода’)
жирный	имэнги ‘масло’	сэ-гды (їмурэ- чїї; имўксэ-гды (їмўрэн, имўксэ ‘жир’, ‘сало’); бургу(- мэ)	имсэ-л-кэн; имсэ-пчү-н; имрэ-л-кэн (имсэ, имрэн ‘жир’); бэргэ
здоровый	абгари	авгарā	абгар; ай
зеленый	‘праздный’	(‘здоровье’) чула-ма (и ‘синий’); чулба-ма; чула-рин; чүрї-н (диал. чүрї-ма)	‘полезный’ чүлба-ня; чүру-ня; цол-дэ-нэ (нэ-чэ ‘зелень’)
зимний	тувэ-ри ‘зима’	тугэ-р; тугэ- ды; (тугэ-нї ‘зима’); тугэ-	тугэ-р; тугэ- рэ-п; тугэ-нї (‘зима’); ту-

		нй-т 'по- зимнему'	гэ-сэ-к
<i>зрелый</i>	урэ-с-хун (урэ 'зреть')	ир-чᵱ (ир-мй 'зреть')	ир-чᵱ (ир- дэй 'зреть')
<i>каменный</i>	дѐло-мо (дѐло 'камень')	дѐло-мо (дѐло 'камснь', 'скала'); хйсэ- мэ (хйсэ 'камень')	дѐл (и 'камень'); дѐ-ду-к ɔпчᵱ
<i>кислый</i>	дюшу-хун	идари-пчу; гэ- ты-пчу (геты- гды С)	идар-сй; гот; дюир
<i>короткий</i>		урум; урум-кᵱн 'краткий'	урум-кᵱн; урум-кᵱнь 'коротко'
<i>который?</i>		ир (и 'где?'); й-ди, и-ди-г (С); иды-вᵱи; иды-гᵱ; ɔкᵱ-ма (по признаку материала); ɔку-ды (и 'ка- кой?'); ав-гᵱ	ир-ɔк 'который именно?'; ады-тан; авут 'что за?'
<i>красиво</i>		ая, ая-г; гуде- й-пчу-г (гуде- й-хй Алд); нᵱды-ко; нᵱды-пчу-г (нᵱды Н 'цветок')	ай, ай-ч; нᵱд (и 'кра- сивый', 'кра- сота'); нᵱда- ч
<i>красивый</i>	ай-мунга; фулгя- нга Сиб	ая; гуде-й-пчу; гудей; нᵱды; нᵱды-пчу (о цветах)	гудей; ай; нᵱд; нᵱди-ка (о цветах)
<i>красный</i>	фулгянь	хула-ма, хула- рин; хᵱрин (П- Т 'алый', 'цветок')	хула-нй; ху- ла-тй (С-Б улан); нулэ- не

<i>кривой, изогнутый</i>	кэйсэ 'кривизна', 'злой'	учй-кй (и 'косоглазый'); кёта-ра (и 'искривляться'); кётара-мэ	кява-нй (кйа-тбй) (кява- 'искривляться'); малту-нй
<i>круглый</i>	мур-г-е-н, мур-г-е-кен	муру-мэ; муру-кй; муру-ктэ (и 'шар'); мугды-кта	мэрб-ти; бунту-лй; булту-нй
<i>левый</i>	дасхуван; дюн	дегин; дегин-нй (дегин-ты 'левша')	дэгэн-гэг; дэгэн-гй-дэ
<i>легкий, не-тяжелый</i>		нэйом-кун; энйим-кун	эйом-кун; эим; дулам (по весу)
<i>легко (нар.) летний</i>	чжува-ри-нга; чжува-ри ('лето', 'летом')	нэйом-кун-ди дюга-р (~ дюга-рй); дюга-нй-ды (дюга-нй 'лето')	эйом-кунь дюга-нй (и 'лето'); дюга-рап; дюга-са-к (дюга-р II)
<i>маленький</i>	аси-кан	хую-кун; хулу-кун	кучу-кэн
<i>мелкий, не-крупный</i>	ниса-ха 'мелкая рыба'	хую-кун; ниса-ма; нисим-кун	нирги-тй (ниса 'бисер'); арби-кун (о реке)
<i>мерзлый</i>		доңото (и 'мороз'); доңото-чо	ингэ-кчб; ингэ-м-чб; ингэнь-сй
<i>мокрый, влажный</i>	ул-га 'смачивать'	улап-чб; улап-кун	улак-чб; нй-лак-чб; чута-нй
<i>молодой</i>		илмак-та (и 'моло-дось')	нёсэгчэн (и 'моло-дось');

мутный	дура-ңги	сик-й (сик 'мутная вода')	хур-кӱн 'юноша' хикӱ (сек А)
нагой, голый	нӕху-шун	дюла-кин; нярба-кин	дюлӕ-ккӕн; дядь-га
небесный	ба 'местность', 'страна'; абка-й (абка 'небо')	няң-ня-ды; няң-ня (и 'небо')	нян ~ нян-и- н (и 'небо')
нижний, на- ходящийся-ся внизу	фэ-чжэ-ри-ңгэ; фэ-чжэ-р-ги; ва-р-ги 'запад', 'западный'	хэр-гӱ (~ хэр- гй-гӱ); эдй-гӱ (по течению реки)	хэр-гэ-г; хэр-ги (и 'низ'); хэр-дӱ-н
низкий, не- высокий	васи-хун	нэ-йом-кӱн; ңӕ-гӱ (по склону); эӕ-гӱ (по течению реки)	нет-кӱн; тӕб-ӕм-кӱн; тӕб-э-не
низменный (геогр.)	васи-хун (и 'внизу')	нэктэ-кӱн; хэ- рэ-лгэ (о ме- стнос-ти)	мӕӕн
новый	омо-ло (мн. ч. омо-си) 'внук'	ӕма-кта (и 'свежий', 'вновь сделан- ный'); илмак- та 'молодой'	ӕма-т; анӕам-та; нэи
ночной	добо-ри	долбо-р; дол- бо-нй-ды (долбо 'ночью'; дол- бо-нй 'ночь')	долбо-р; долба-нй (и 'ночь'); долба-ра-п (долбу-нй А)
обширный	калфян 'плоский'	эмӕӕ; албин (и 'ширина')	эмӕӕ; дӕмӕӕ; (и 'ширина'); калбин (и 'плоский'); калбинь 'широко'

<i>пестрый</i>	*ал-ха; ал-ха-та (и 'пестрота'); ал-ха-цга	бу-гды; *алаг (и 'пегий'); мэри-мэ эрү; эрү-т; эрү- пчу-т	бү-дб; мэрги-та; нбды-ка кэне-ли; кэне-ли-ч; ус
<i>плохо</i>			
<i>плохой</i>	эру-ри 'неутомимый' (эру 'пытка', 'казнь')	эрү (и 'зло', 'беда'); эрү-пчу (и 'плохо')	кэне-ли; ус 'злой'
<i>правильно</i>		тэдэ; тэдэ-т; сэбэл	айдит-ач
<i>правый</i>	ва-р-ги (и 'правая сторо- на')	аннү (антоним 'левый'); тэдэ (и 'правда'); тэдэмэ 'действитель- но'	ән-гй-дә; ән-га-г 'находящийся я справа'; айди-т; ән-та-ки, ән-ги-да-т- ки 'вправо' ач так-лā (так 'соль')
<i>пресный</i>		*преснай; ту- рукэс (турукэ 'соль')	манрүт-тб
<i>прилежный</i>		эчэ энэлцэ би- си	
<i>прохладный</i>	сингэ-йен '(пронзитель- ный) холод'	инцин-и-пчу (инцин 'холод', 'мороз'; хёмур (-и-пчу) (о воде) (хёмур 'холод', 'стужа'; 'студеный') санун (о воздухе)	инэнь 'холод' (и 'холод- ный'), гер (и 'прохлад- но', 'про- хлада'); гел-сй (то же)
<i>прямо</i>		нүнэ-т; гуру-лā; гуру-ма-т	нүн-эч (нүн-ди А)
<i>прямой</i>		нүнэ (и	нүн;

<i>редкий, свежий</i>	умнэ-кэн 'редко'	'прямиз-на'); гуру-ма (<i>о пле- се</i>); дюмнэ; дюмгэ адырā-кāн имэ-кин (<i>о следе</i>); ѓмакта 'новый'	тынам-кун абал гелбэ- тбї; гер (<i>'прохлад- ный'</i>); ѓмат (<i>о рыбе</i>)
<i>свободный, вольный</i>	фулу 'излишек'	*свободнай (<i>рус.</i>); тбїв-си; хэлэкэ 'освободивший -ся'	*свободнай (<i>рус.</i>); дэл- мїн, дэл-мї- рї; дэл-мї- чэ
<i>сельский</i>		*сельскай (<i>рус.</i>); гўлэ- сэґ-нї (гўлэ 'изба')	'сельскай (<i>рус.</i>); билэк
<i>серый</i>		и-гдя-ма, и- гдя-рин (и 'желтый', 'рыжий')	и-гдя-кā; ираң-ан (<i>о маси</i>); мэң-тбї 'бурий'; у- ты
<i>сильный</i>	гангань; этэ-ңги (и 'крепость'); хусунгэ (хусун <i>Сиб</i> 'сила')	энэ-сї (и 'сила'); энэ-сї-чї (энэ-хї <i>Е,И,Алд</i>); сб (и 'сила'); сб-ма	эң-ї (эңї-н 'сила'); эң-си, эң- ситмэр; хб 'очень'
<i>синий</i>		диктэ-мэ (и 'голубой'); чўтў-ма; чўтў-р-ин; чула-ма (<i>Тиг</i> чулба-ма),	чўлба-нї (и 'голубой')

<i>скользящий</i>	балда-си-га 'скользить'	чүрпн, чуларин 'зеленый' балда-га (балда-кй <i>Брг</i>), хилби-ма	бака-р
<i>сладкий</i>	амта-ңга (и 'вкусный') (амтан 'вкус')	ала 'вкусный', ала-гды, ала-п- чу (и 'вкусный')	дал-ра (и 'вкусный', 'вкусно'), дал-си-ч 'вкусно')
<i>снежный</i>	нимара- 'идти' (<i>о снеге</i>), нимаңги 'снег', нима-ри илха 'роза'	сиңилгэ-чй (сиңил-мй 'идти' — <i>о сне- ге</i>) (иманна 'снег')	пман-ра 'снег'
<i>средний</i>	дулим-ба <i>Сиб</i> 'середина', 'средний', 'посередине', ду- лимба-ңгэ 'средний'	дулу-г ~ дулу- гү (дулин 'середина')	дулу-г, дул- ка-кан
<i>старый</i>	са-гда (са-к-да 'старик')	са-гдй (и 'старость', 'старик'), хо- локто (<i>о пред- метах</i>)	ха-гдй (хагдй-н 'старость') (сй-ды <i>А</i>)
<i>страшный, ужасный</i>	гэлэ-су, гэлэ-чу- кэ 'робкий', 'боязливый' (олиха-да 'робеть'), гэлэ- <i>Сиб</i> 'бояться'	ңэлэв-сй (и 'страх'), ңэ- лэв-сй-пчу (и 'страшно') (цэлэ 'страх')	ңэлэм, ңэ- лэм-сй (цэл 'страх')
<i>сухой</i>	(олхо 'сохнуть')	олго-кйн (олгй-мй 'сушить')	илэц, олго- чй (олги 'сушить', олга 'сохнуть')

<i>сырой, влажный</i>	улга- 'намочить'	улап-чā; улап-кўн; дэр- бэ-кин	улак-чā; ня- лак-чā; чута- нā
<i>твердый</i>	мацга 'трудный'	маңа; маңа- пчу; мац-нй (~ маң-дбї) 'крепкий'	маңа 'трудный'; мац-дын; мац-сй
<i>темно</i>		хак-ты-рā (и 'темнота'); хак-ты-рā- пчу(-т)	хāта-р; хāтар-сй
<i>темный</i>	фар-хун <i>Сиб</i> 'тьма', 'мрак'; 'тусклый'	хак-ты-рā; хак- ты-рā-пчу	хāта-р; хāтар-сй; химн-эн (и 'темно', 'темнота')
<i>тепло (пар.), теплый</i>	булу-кан	няма (и сущ.) ; няма-пчу няма; няма-пчу; ня- ма-гды (и 'жар' <i>Н, С, Нрч</i>); няма-хй (<i>З, Алд, Урм, Сх</i>) аракў-кāн; си- мў-мэ 'молчаливый', 'тишина'; чэру-мэ 'бесшумный'; торон 'безветренный'	ням; ням-ач ням; ням-сй
<i>тихий</i>		аракў-кāн; си- мў-мэ 'молчаливый', 'тишина'; чэру-мэ 'бесшумный'; торон 'безветренный'	ач-дуя-лā; йг-лэ 'негромкий'; дулам 'спокойный'; няңа
<i>тихо</i>		аракўн(-ди); симў-ма-г; чэрў-ли; чэру-мэ-т	ач дуя-лā-ч; йг-лэ-ч; тив- сэ-нь
<i>толстый, полный</i>	джира-мин	дыра-м (и 'толщина');	дыра-м

<i>тонкий</i>		бургу; ды- рамкун (полнота) нэм-кун	нэм-кун; адийа 'непрочный'
<i>умный</i>	мэргэнь	иргэ-чй, дял-и- чй (иргэ 'мозг'), дял 'ум'; чул-ты; тылив-сй хёму-р (и 'холод'); хо- мур-и-пчу (и 'холодно'); ицин 'холод'	мэргэ-ч; мэргэ-л-кён, хāвай (иргэ 'мозг', дйа 'удача') гил-сй; гил-ра; иңэнь; иңэнь-си (о воздухе) (иңэнь 'холод')
<i>холодный</i>	сиңгэ-йен 'холод'		ай; гудей 'милый'
<i>хороший</i>	сайнь	ая; ая-ды; ая-пчу	ан-ч; ая-ча- кāн; ая-ка-г; ай-ма-кāнь 'хорошенько'
<i>хорошо</i>	сайнь и	ая-т; ая-пчу-т	
<i>черный</i>	фар-хун Сиб 'тьма', 'мрак'	коңно-мо; коңно-рин; āн- рэ-кāн	хаң-ра; хака-рйн; йлра-няй (хāнг-до C, A; ёл-да- няй C, Л, Ю; ёл-да-га C)
<i>широкий</i>	кал-фя-н 'плюсский'; дэлф-ин (о платье)	албин (и 'ширина'); авам (то же); эмңэ	калбин; дэмңэ; эмңэ (калбин-ни, дэмңэ-н 'ширина')
<i>широко</i>		албин-ди; эмңэ	калбинь;

<i>ясный, свет- лый</i>	томорхонь; гэрэ- ‘рассветать’ гэ- тукэнь (и ‘ясно’)	нямңал-тәнэ (о небе) нэри (и ‘свет’)	дэмнэ-ч; эмнэ-ч нямңал-тан; ңэрин
<i>вблизи</i>	хань-ци ‘близ’; да-р-тай ‘соро’, ‘вскоре’	дага (и ‘близость’); дага-дү ‘около’; дага- ла ‘недалеко’ (отправить- ся); дага-ли (двигаться)	дә-ли ‘близко’; ‘близкий’; дә-ли-дү; дә-ли-ла
<i>вверх</i>	вэси-хун; ой-ло ‘поверхность’; ‘вверху’	у-ги-ски; оё-ки (на по- верхность) (оё ‘верхняя часть’); дби-ски (по склону); соло-ки (по течению)	у-гэ-ски; дэ-ски (в гору); хола-ки (сбола-ки А) (вверх по ре- ке)
<i>вверху</i>	дэ-р-ги-дэ; дэ-лэ; дэ-р-ги; дэ-лэ-ри	уги; угй-лэ (где); угй -ли (двигаться); угй-дү, угй-дэ- дү; соли-ла (в верховьях ре- ки)	уи-н, уй-лэ (где); ой-ли (поверху) дэ-н, дэ-лэ, дэ-ли (на горе); хол-ин, хол- ла, хол-ли (в верховьях реки)
<i>весной</i>	нэңнэ-ри (и ‘весна’; ‘весенний’) (нэңнэ-ри ‘вессна’)	нэлки (и ‘весна’); нэлки-ни-ду (ранней вес- ной); неңне (и	нэлкэ (и ‘весна’); нэгни (и ‘весна’); (нэлкэ-ни,

		'весна'); не-цненй-дӯ (<i>поздней вес-</i> <i>ной</i>) (нецненй 'весна')	нэгне-нй 'весна'; нэлкэ-нй-дӯ (<i>ранней вес-</i> <i>ной</i>); нэгнй- дӯ (<i>поздней</i> <i>весной</i>)
вечерний	сиксэ 'вечер'; ямчжи (и 'вечером', 'вечер')	долбо-лто- но-р; долбо-лто-но- п-ты	хйсэ-р; хйсэ-чйн; хйсэ-чйм-дэ
вечером	сиксэ (и 'вечер'); ямчжи	сиксэ 'поздно вечером'; дол- бо-лто-но; лу- нур (и 'ночь')	хйсэ-чйн (и 'вечерний', 'вечер'); хйсэ-чй-рэ- п 'вечерний'
вниз	фэ-ги-фун Сиб; васи-хун 'книзу'	хэр-гй-скй; хэр-гй-скэ-кй (хэр-гй 'низ'); ңэ-скй ~ ңэ-лā (<i>по склону</i>); (ңэ-н 'низ'); эё-кй (<i>по</i> <i>течению</i>); хи- ты-лй (<i>по бе-</i> <i>регу</i>)	хэссэ-кй; эё-кй; ңя-скй ~ ңя- лā (<i>под гору</i>) (ңя-н 'низ')
внизу	фэчжэ-р-гй; фэчжэ-р-гй-дэ; фэцзи-лэ ~ фэц- зи-ри 'под'; ва-ла 'низом' (и 'низ'); васи-хун (и 'низменный', 'книзу')	хэр-гй-лэ (где); хэр-гй-лй (<i>двигаться</i>); ңэ-лā 'внизу', 'вниз, под го- ру'; ңёлй (<i>по</i> <i>берегу</i>), 'понизу' (ңэ-н 'низ')	хэр-гй-н; хэр-гй-лэ; хэр-гй-лй 'понизу'; цй-скй ~ цй- ла; цй-лй (<i>под горой</i>); эди-н, эди- лэ, эди-лй (<i>в</i> <i>низовьях ре-</i> <i>ки</i>) (суф. -лй обозначает

			движение по чему-л.)
<i>внутри</i>	до-ло; до-л-го- (до ~ доло 'внутрен-ность'); до-лр-ри; до-л-го-ри; до-р-ги; до-р-ги-д (-ри); до-си; до-р-ги-ңгэ 'внутренний'	дō-дӯ-; дō-лā (и 'внутри'); дō-ги-дā-дӯ; дō-лй (<i>двигаться</i>) (дō (н) 'внутренность' и внутри')	дō-дӯ; дō-лā; дō-лй; дō-дӯ-н; дō-лā-н; дō- гй-дā-дӯ-н; дō-гй-дō-лā- н (дō 'внутрен- ность')
<i>внутри</i>	до-си (и 'внутри', 'входить во- внутри')	дō-скй ~ дō- шкй <i>Брг</i> ; дō-лā-; дō-гу-р	дō-скй ~ дō- т-кй; дō-лā- н; дō-гй-дā- т-кй-н
<i>вперед</i>	чжу-лэ-си (и 'впереди')	дюлэ-скй (дюлэ 'перед')	дюлэ-скй; дюлэ-пки; дюлэ-г 'передний'; чā-скй
<i>впереди</i>	чжу-лэ-ри; чжу- лэ-си; чжака-дэ 'перед'; чжу-лэ- р-ги 'передний', 'впереди'	дюлэ-дӯ (<i>где</i>); дюлэ-лэ (<i>где</i>); дюлэ-лй (<i>двигаться</i>); дюлэ-гӯ, дюлэ- п-ты 'будущий'	дюл-дэ-дӯ-н; дюл-дэ-лэ-н (<i>где</i>); дюл- дэ-лй-н (<i>двигаться</i>); дюл-ин; дюл-дэ; дюл-уч; дю- п-ки 'вдоль'
<i>где?</i>	ай-др; ай-ка; ай- би-дэ (и 'куда?')	й-дӯ, й-лэ (<i>находиться</i>); й-лй (<i>двигаться</i>)	й-дӯ, й-лэ (<i>находиться</i>); и-лй (<i>двигаться</i>)
<i>о нем</i>	инэңги 'день'	инэң-дӯ; тырга (и 'сегодня'); тырга-нй-дӯ	инэң (и 'день', 'днсвной')

<i>завтра</i>	чима-ха; чима-ри	тымă-т-нэ (и 'утром'); тэгэ- мй	timi-на, ти- ми-на-к, ти- ми-н 'назавтра'
<i>здесь</i>	э-дэ; у-ба; у-ба-дэ	э-дӯ; эдӯ-п-ты 'здешний'	э-дӯ ~ эв-гй- дэ-дӯ (<i>где</i>); э-лэ ~ эв-гй- лэ (<i>где</i> и 'сюда'); э-лй ~эв-гй-н ~ эв-гй-лй (<i>двигаться</i> <i>по чему-л.</i>); эр-гй-дэ-дӯ (~лй, ~лэ) (и 'сюда')
<i>зимой</i>	тувэ-ри (и 'зима')	тугэ (тугэ-нй 'зима'); тугэ- нй-дӯ	тугэ-нй-дӯ (тугэ-нй 'зима') (тугэ 'зима' С, Л)
<i>изнутри</i>		дэ-ду-к; дэ-ги-т	дэ-ду-к; дэ-ги-ч (дэ-гй-т С, Л)
<i>какой?</i>	ай; ай-ка (и 'который'); ан- та-й; ан-та-ка 'каков?'; аб-си яб-си 'что за?'	ава-дэ; ан-тэ; экӯ-ма (<i>по</i> <i>признаку ма-</i> <i>териала</i>); экӯ- ды; экӯ-чй; э- ма	ир-рэ-чин (<i>по цвету</i>); як, урэ-чин; асӯн, ир-дэ- н (<i>по ве-</i> <i>личию</i>); ир- э; авуг 'который из?'
<i>когда?</i>		э-кй-н; э-кй-н-ма; э-кй-(н)-дӯ; э-нй-дӯ; э-кй-р	э-к (эко Л, С)

куда?	аб-си; айби-дэ (и 'где?'); (?) ир-ти-ки	й-лэ; йр-ты-кй (в каком направлении) (Брг й-рэ 'куда?'); йри-к-лэ 'до какого места?'	й-лэ, и-лй; ир-тэ-кй; ир-гй-дэ-т-кй; ирэ-к-лй (по направлению вдоль чего-л.); ирэ-к-лэ 'до какого места?'; яла-к-лй 'до какого места?'
летом	чжува-ри (и 'лето')	дюва ~ дюга (и 'лето') (дюганй 'лето'); дюга-нй-дү	дюга-нй-дү (дюга 'летом', 'лето')
наверх		у-гй-скй; дбй-скй (по склону)	у-гэ-скй; дэ-скй (на гору)
наверху	дэ-р-ги-дэ; дэ-лэ; дэ-лэ-ри; ой-ло (и 'поверх'); ой-ло-ри (ой-лон 'поверхность')	угй-дэ-дү; дбй-лэ (на склоне); угй-дү	уи-н, уй-лэ, уй-лй; дэ-н, дэ-лэ, дэ-лй (на горе)
назад, обратнo	ама-ски; ама-си (и 'на север'); ама-си-цгэ 'задний'	ама-скй	ама-скй
ночью	добо-ри (и 'ночь', 'ночной')	долбо (долбо-нй 'ночь'); долбо-нй-дү	долба (долба-нй 'ночь')
осенью	боло-ри 'осень', 'осенний'	боло (и 'осень'); боло-нй-дү (боло-рй ~ бо-	бола (и 'осень'); бола-нй-дү (бола-нй

		ло-нй 'осень'); боло-р 'осенний'; сирӯ-ла-са (ранней осе- нью); сиги-лэ- сэ (поздней осенью)	'поздняя осень'); мунхэл-сэ (ранней осе- нью); боло-р, бола-ра-п 'осенний'
откуда?	айби-ци	й-ду-к; ир-гй-т, йр-ги- ни-к Сх~ йр- гй-ч Сх; й-лэ-к П-Т	и-ду-к, ир-гй-ч 'с какой сторо- ны?'
отсюда	эрэ-ци; у-ба-ци; у-ба-си	э-ду-к; эв-гй-т; эр-гй-т ~ эр- гй-ни-к Алд	э-ду-к; эр-гй-ч; эв-гй-ч; эв- гй-ну-к; эр- дэ-ду-к; ав- гй-да-ду-к
оттуда	тэрэ-ци; ту-ба- ци; ту-ба-дэ-ри; гэдэ-ри Сиб	тā-ду-к; тā-лā-к; тар-гй-т ~ тар- гй-ни-к	тā-ду-к; тар-гй-ч; чā-г-ду-к; чā-гй-ч
позади	ама-ла; ама-си; ама-га 'после'; ама-р-ги (п 'север', 'северный'); ама- р-ги ~ ама-р-ги- нгэ 'северный', 'задний'; ама-р- ги-чи 'следом'	амар-дӯ (где); ама-р-й-лй (двигаться); ама-р-и-лā 'после', 'сзади'	ама-р-йн; ама-р-лā; ама-р-лй; ама-р-га-г 'задний'
почему?	ада-ра-мэ	э-дā, эву-на; э-т	я-мй; я-ду-к
сверху	ой-ло; ой-ло-ри 'поверху'	угй-гй-т; уги- лэ-к; оё-ги-т; дбй-ги-т (по	ой-гй-ч; ой- ду-к, уй-ну-к (с высоты); дэ-гй-ч, дэ-

		склону); соло- ги-т (по течению)	ну-к (с горы); хол-гй-ч, хол-й-ну-к (с верховьев реки); уй-дѣ- ду-к 'с верх- ней стороны'
сегодня	энэнги (Сиб энэ- нги)	эсй тырга	эрэв инэну; эрэв инэнзив
сзади	час-хун 'с тылу'	ама-р-дѹ; ама-р-и-лѧ; ама-р-ги-дѧ- лй; ама-р-ду-к 'вслед за'; ама- р-и-т 'следом'	ама-р-йн; ама-р-лѧ; ама-р-лй (где); ама-р- гй-ч, ама-р- гй-ну-к (откуда); ама-р-дѧ- ли-н; ама-р- гй-дѧ-ли-н
снизу		хэр-гй-ги-т; хэр-гй-ни-к (двигаться); цѣ-гй-ни-к ~ нѣ-ги-т (по склону); эд-й-ги-т (с ни- зовья); сол-и- ги-т (по течению)	хэр-гй-ч; хэр-гй-ну-к (двигаться); нѣ-гй-ч ~ нѣ-ну-к (от берега); эд-гй-ч, эд- й-ну-к (с ни- зовьев реки)
спереди	дюл-гѣ 'древний'	дюлѣ-лѣ (где); дюлѣ-лй, дю- лѣ-гй-т (двигаться); дюлѣ-лѣ-к (откуда)	дюл-йн (где); дюл- лѣ; дюл-лй; дюл-ги-ч (дюл-ги-т Ск); дюли-ну-к

<i>сюда</i>	у-ба-дэ; э-дэ; эбэ-лэ 'до сих пор', 'досюда'; эб-си; эб-си-хи(н) 'в эту сторону'; э-дэ-ри	э-лэ (и 'здесь' ~ эв-гй-лэ <i>внепред</i>); э-вэ-скй; эр-ти-кй	Ох (<i>откуда</i>) э-лэ; эр-тэ-кй; эв-э-скй; эв-ги-лэ; эр-ти-ки <i>Т</i>
<i>там</i>	ту-ба; ту-ба-дэ; ча-ла (и 'туда')	тā-лā (находиться <i>подальше</i>); тā-дū (подблизе); тā-лй (двигаться); тар-гй-дā-дū (~-лā ~-лй)	тā-лā, та-ду; тā-лй (<i>по тому месту</i>); тавги-да-лā (~-лй); тар-ā-к-лā (~-лй); тар-да-лā (~-лй)
<i>тогда, в то время</i>	тэ-дэ-ри (и 'оттуда'); тэтэ-лэ 'до того времени'	тэ-лй (и 'после того')	б-тэ-л 'прежде'; тй-тэ-л 'раньше', 'давно'
<i>тот</i>	тэрэ; ту-ба; ту-тту	тар, тарā; тар-и-л	тар, тар-ā-к, тара; тавар 'вот тот'
<i>туда</i>	ту-б а-дэ; ту-лэ-си (<i>наружу</i>); тэ-дэ-ри	тар-ты-кй; тā-лā	тар-та-кй ~ тар-ти-ки <i>А</i> ; та-ла; тā-ти
<i>утром</i>	чима-ха 'завтра'; эрд-дэ <i>Сиб</i> 'рано утром'	тымāн-нэ, тымā-т-нэ (тымā-ни 'утро')	бадикар (и 'утро', 'утренний'); бади-ра-п 'утрепний'
<i>этот</i>	эрэ; у-ба; у-тту 'этакий'	эр, эрс	эр, эрэ, эрб-к
<i>третий</i>	ила-ци (илань 'три'); ила-чи-ңгэ	илй, илй-тын; илй-п-ти (илан 'три')	или; или-тан (илан 'три'); ил-и-с; (или-ги-и)

четвертый	дуй-ца ~ дуй-ңгэ (дуйнь 'четыре')	дыгй, ды-гй- тын (дыгин 'четыре')	'третий', илон 'три' А) дыгй-тэн (дыгй-гйин С, А); дыг-и-с (дыген 'четыре')
-----------	--------------------------------------	---	---

Сидящий Спас
Ульяновский
монастырь

ПРИЛОЖЕНИЕ V

РУССКО-НАНАЙСКО-УЛЬЧСКО-ОРОЧСКИЙ
ГЛОССАРИЙ

Русский	Нанайский	Ульчский	Ороцкий
<i>бедный</i>	синэ-дй; дёбо-со 'трудолюбивый'; яда-псй Нх 'утомительный'	синэ-ди; кэнгэ-рэ-м 'бедно'; яда-га; дэби	синэ-ди; яда-га; дебо-й
<i>белый</i>	чā-гдя-н; чāлā бй; чāм-ди 'белея'	чā-гдя(н); чā-ла би 'беловатый'; чāм-ди 'белея'	чā-гдя(н); чэ-к-кэ(н) (и 'светлый'); чāм 'бело', чāм-ди 'белея'
<i>близкий, недалекий</i>	дидя, дидя-л бй; лаң бй	дидя-ла; лаң би	лаң бй; лакя-ла би
<i>близко</i>	дидя, дидя-ла, дидя-ди; лаң, да-пти Бк 'ненадолго'	дидя, дидя-ди; лан; дяк-па 'у берега'; дякпа-ла 'вблизи'; дяк-па-ни 'вблизи чего-л.'; дяк-па-си 'вблизи к берегу'	лаң 'вплотную'; ла-ки 'рядом'; канда-ка 'поблизости'; ту-ти-ла 'вот здесь'
<i>богатый</i>	баял (и 'богач', 'богатство'); баян-ди 'богато'; элгин	бая(н) (и 'богач'); бая(н) 'богатеть'	бая(н) (и 'богатство'); баян 'богатеть'
<i>больной</i>	энū-сй (энū 'боль',	эн-су-кту 'болезн-	энū-ки (энū 'боль';

	‘болезнь’); эну́н ‘хворать’	ный’ (эну ‘болезнь’); эн-си ‘болеть’	‘болезнь’); эну ‘болеть’, ‘испытывать боль’) эну-си ‘болеть’
<i>больно</i>	эну́-ди; эну- си-диэни	эну-вли	
<i>большой</i>	дāи; эгди Нх ‘много’; са-гди (и ‘старый’, ‘старик’); ам- бан	дāи (и ‘взрос- лый’); эгди ‘много’; са-гди ‘старый’; амба ‘очень’	сā-гди (и ‘старый’); сā-гди ‘вырастать’ (о детях); амба ‘достаточно’
<i>быстро</i>	тургэн-ди; ха- тан-ди	тургэ(н); тур- гэн-ди	тутгэ(н); тут- гэн-ди
<i>быстрый</i>	тургэн; хатан	тургэ(н); кēлэ ‘проворный’	тутгэ(н)
<i>верхний</i>	увуй; увуй-ди- мэ; овой; овой-ди-ма (о̄й ‘верхняя часть чего-л.’); соли (и ‘вверх по рке’); соло- ‘поднимать- ся’ — о воде	ову; ūву ‘находящийся наверху’; ūву-ду-мэ ‘тот, который на- верху’ (о̄й ‘верхняя часть чего-л.’)	уй-ки (уй- ‘поднимать что-л. вверх’); уй- (ки) -ду-мэ ‘тот, что сверху’; уй-э ‘противопо- ложный нижнему’
<i>весело</i>	сэбде-ни-ди	сэбде-ни (и ‘веселье’); сэбдени-ули	
<i>веселый</i>	сэбде-ни; сэб- ден-сй; енуэ	сэбде-ни	сэбден-си (сэбден-си- ‘радоваться’, ‘веселиться’)
<i>весенний</i>	неңне (‘весна’, ‘весной’); не-	неңне-пти (неңне ‘весна’,	неңне-пти (неңне

<i>внутренний</i>	дне-ри <i>Нх</i> дō-ла бй; дō- вой; дō-ки-а, дōки <i>Бк</i> ; дō- ки-ла бй (дō 'внутрен- ность')	'вессний') дō-ву; дō-пū (дō-ни 'внут- ренность')	'весна') дō (и 'внут- ренность')
<i>водянистый</i>	муэ-муэ-т бй; муэ-су-кту <i>Нх</i> (муэ 'вода', 'водный')	мū-су-кту (мū ~ муэ 'вода')	мū-мэ (мū 'вода', 'водный')
<i>высокий</i>	го-гда (и 'высота')	гу-гда ('и вы- сота'); гугда- н(и) 'высота')	гу-гда (гу- гда-гу-гда-ла 'высота')
<i>высоко</i>	го-гда-ди; уй- лэ		
<i>гладкий, ровный</i>	нэён; ояни; било-било бй	нэйэ(н), болдо би (болдо 'гладко')	нэйнэ; нām 'гладко'
<i>горький</i>	гочи-сй; как- тар-сй	гот-ули; ха- та(н) (и 'горячий')	готи-си (и 'горько')
<i>горячий</i>	пэку (и 'горячо', 'жара'); лэкэ- сй <i>Нх</i>	пэку (и 'горячо'); пэ- ку-(в)-ли 'жаркий'; ачка-вли (и 'горячо'); ачка-си 'горячо'	хэку ~ хэку- си 'жаркий', 'жарко', 'жара'; хака-си 'теплый', 'тепло'
<i>густой, частый</i>	лу-гди	лу-гду би (лугду 'густо') (о ветках)	лу-гди
<i>далеко</i>	горо; горо-ла 'вдали'	гор; горо (и 'долго'); го- ро-ло 'вдали'; горо-ти 'далеско',	гō (и 'далеский' , 'даль', 'долго'); гōло

		‘вдаль’; горо-ди, горо- диди ‘издалека’	
<i>далекий, дальний</i>	горо, горо-ла бй; горо-пчи ‘старый’ <i>Нх</i>	горо-пти; го- ро-нчан ‘находящийся далеко’	гō-пти(-ка) ‘старый’
<i>деревянный</i>	мō-ма <i>Нх</i> ; мō- ди (мō ‘дерево’)	мō-ма (мō ‘дерево’)	мō-мо (мō ‘дерево’)
<i>длинный</i>	ңони-ми (ңонилā-ни ‘длина’); ңонила-пчи ‘в длину’	вал-ми (вол- ми, ңол-ми) (ңолмила ‘длина’); ңол- ми-ла-пти ‘в длину’	ңōни-ми (ңōни-ла ‘длина чего- л.’)
<i>дождливый</i>	ту-гдэ-ку (ту- гдэ ‘дождь’)	ту-гдэ ‘дождь’	ти-гдэ ‘дождь’, ти- гдэ- ‘идти’ — <i>о дожде</i>
<i>железный</i>	сэлэ-мэ; (сэлэ ‘железо’)	сэлэ-мэ; (сэлэ ‘железо’)	сэлэ-мэ; (сэлэ ‘железо’)
<i>желтый</i>	сō-гдѐ-н; сō-м (сōм-ди) ‘желтеть’;	сō-гдѐ(н); сō- м-ди би (сōм- ди ‘желтеть’; сōм ‘желто’)	сō-гдѐ(н) (и ‘оранжевый’)
<i>живой</i>	балдй; (балди- ори ‘жить’); уōн	балди(н) биву ‘жить’ (балди(н) ‘жизнь’); ую(н)	инй, инй-йи
<i>жидкий</i>	муэ-муэ-т бй (муэ ‘вода’)	мўсу-кту (муэ ‘вода’)	тамбу (мў ‘вода’)
<i>жирный, тол- стый</i>	буй-гу; симук-сэ-ку (симуксэ	симсэ-чу ‘с жиром’ (симсэ ‘жир’,	бо-гго (и ‘толстый’); бо-гго-ки

	‘жир’, ‘сало’)	‘сало’), бу- дю(н) ‘жирный’	(имуксэ ‘жир’, ‘сало’)
<i>здоровый</i>	ая; маси	ая (и ‘хороший’)	ая ‘хороший’, ‘красивый’
<i>зеленый</i>	нё-гдѣ-н; чила ‘синий’ Бк нѣнциан	нѣ-гдѣ(н) ‘синий’, ‘голубой’	ню-гдя(н) (и ‘синий’, ‘голубой’)
<i>зимний</i>	туэ-ри; туэ-сѹ; туэ-пчи (туэ ‘зима’)	туэ-ри; туэ-пти (туэ ‘зима’)	тувэй; тувэ- пти (туве ‘зима’)
<i>зрелый</i>	хуру-хэн; ху- ру-кту		хуру ‘зреть’
<i>каменный</i>	дѣло-ма (дѣло ‘камень’)	дѣло-мо; дѣло- (дѣло ‘камень’)	дѣло-мо (дѣло ‘камень’)
<i>кислый</i>	боёр-сѹ; дѣёр- сѹ	ѹйу-ру-ли	дюй-си (и ‘кисло’)
<i>короткий</i>	хур(у)-ми	хур-ми	ѹ-ми
<i>коротко</i>	хурми-ди		ѹ-ми-ди
<i>который?</i>	хавой; хавой- ди-ма	хāву; хāу-дума (из несколь- ких)	й; игэ; ади-ци-, ау- ки ‘который из’; ау-ки- дума ‘кото- рый из пары’
<i>красиво</i>	ая (и ‘хоро- ший’, хоро- шо’); гучку- ли-ди	ая (и ‘хоро- ший’, хоро- шо’); гудю ку- ли-ди; нѣ-дул- ди	ая (и ‘хоро- ший’, хорошо’);
<i>красивый</i>	гучку-ли (и ‘красота’);	гудюку-ли; нѣ- ду-ли; ая-пу- ли	гудели; ногдѣ (о цветах); ая
<i>красный</i>	сѣ-гдѣ-н	сѣ-гдѣ(н); сѣ-м би ‘алый’	сѣ-гдѣ(н) (дексэ- ‘алеть’,

<i>криво</i>		мокчун-ди 'вкривь'; ги- дэрэм (биву); ходё-со	'краснеть' (о небе) мукчи-пти 'вкось'
<i>кривой, изогну- тый</i>	мок-чō ('изгиб')	мок-чу(н) 'извилистый' ходё-ло би 'кривоватый'	мок-чи; кочи-м-ди
<i>круглый</i>	муру-муру бī	муру му- ру(биву) (муру 'кругло')	
<i>левый</i>	деун-гиз; де- ун-гиз-диз		дянь-ди (~ -ти) (и 'налсво')
<i>легкий, нетя- желый</i>	хэню (по ве- су); дй 'нетрудный'	хэню-му-ли; дй 'нетруд- ный'	хэни-ми; дй 'нетруд-ный'
<i>легко</i>	дй-ди	дй; дй-ди; хэ- ню, хэню-ли; хэню-му, хэ- ню-му-ли	хэни-ми; дй; дй-ди
<i>летний</i>	дёа-ри (дёа 'лето'); дёа-пчи	дюва-ри (дюва 'лето')	дювай-пти (дюва ~ дюа 'лето')
<i>маленький</i>	нūчи	нōчи (по раз- меру); нōчи- кэ(н)	цйчи ('молодой')
<i>мелкий</i>	сār бй; нūчи	сар би (сар 'врассып- ную')	
<i>мерзлый, про- мерзший</i>	нонди 'холод'; 'холодный'; гэкчи-ури 'мерзнуть'	нутды 'холод', сиң- гу-кту 'мерзлый'	ицини-си 'холод'; 'холодный', сицгун- 'замерзать'
<i>мокрый, влаж-</i>	чакпа; чакпа-	чикпа(н);	

<i>ный</i> <i>молодой</i>	лā бй наондѣан	чикпа-ла би нявдя(н)	хиккэ (и 'новый'; 'свежий'); нйчи (и 'маленький')
<i>мутный</i>	докол-докол бй 'пасмурный'	бур бини (о <i>жидкости</i>); туңпал би	лито-лито би 'будучи мут- ным'
<i>нагой, обна- женный</i> <i>небесный</i>	нила-кон; пика боа-ду бй (боа 'небо')	нила-ву; пика бā 'небо', 'небесный'	нюла-ки буа ~ бā 'небо' (нянця(н) 'небо')
<i>нижний</i>	пэ-гуй; пэ-гиз; пэ-гиз-диз	пэ-дю (пэди 'нижняя сто- рона')	хэ-гтя; хэ- гги-ду-мэ; хэ-ггу-ки 'исподний'
<i>низкий, невысо- кий</i>	нэктэ; пэги-лэ 'низко'	нэктэ-ку; нэк- тэ (и 'низина')	нэктэ
<i>новый</i>	сикун	сичэу(н)	хиккэ (и 'свежий', 'молодой')
<i>ночной</i>	долбо, долбо- ри (долбо 'ночь')	долбо-пти (долбо 'ночь')	доббо (и 'ночь', 'ночью'); доббо-пти
<i>обширный, ши- рокий</i>	дара-ми; ху-гди	дарами; гурэ (биву) 'просторный'	дā-ми; дāми-ла 'широковато',
<i>пестрый</i>		алха(н); чоки (о <i>животных</i>)	чоко
<i>плохо</i>	оркин(ди)	орки(н), ор- кин-ди; чукин- ди	окки(п); ок- кин-ди; чукинъ-ди

<i>плохой</i>	оркин (и 'вина')	орки(н); чуки(н)	окки(н) (и 'зло'); чуки(н)
<i>правильно</i>	тэрэк	тэн; тэн би 'правильный'	тэрэк; тэн
<i>правый</i>	ән-гиа; ән- гиа-диа	ән-ди (и 'справа', 'правая сторо- на')	ән-ди (и 'направо'); ән-ди-ти 'направо'
<i>пресный</i>	даосон ая (даосон 'соль')	(даусун 'соль')	
<i>прилежный</i>	кичэ-су; тэ- дючи-су	ларги(н); му- ту-ху(н) 'старатель- ный'	
<i>прохладный</i>	сиңмүн 'холод'; гао бй; нонди-сй	сингун- 'замерзать'; нунди 'холодный'; муңти 'пасмурно'	иңини-си 'холод'; 'холодно'
<i>прямо</i>	кас; пос; тоң- до-ди	кас; пос 'насквозь'; тэн; тондо, тондо-ди	кас 'поперек'; пос 'проходя насквозь'; тэс 'прямо'
<i>прямой</i>	тоңдо; пос (~ кас) бй	тондо; тэн (и 'правиль- ный')	тоңно (и 'правиль- ный')
<i>редкий</i>	сэр бй	сэр би	сэр 'рассыпаясь'
<i>свежий</i>	парпйн; сикүн	парпи(н) (о <i>рыбе</i>); нёлу(н) 'сырой' (о <i>мясе</i>); сичэу(н) 'новый'	хиккэ (и 'новый', 'молодой')
<i>свободный,</i>	*свободнай	гипа-л(и); гё-	гипа-лй

<i>вольный</i>		гда	(и 'свобода', 'свободно')
<i>сельский</i>	ихон (и 'сло'); ихон-кән	гаса(н) 'село'	*гасан
<i>серый</i>	кури	кури (~ кур)	кури
<i>сильный</i>	маси; маң (и 'большой', 'тяжелый')	маси; кусун-чу 'имеющий си- лу' (кусу(н) 'сила', 'сильный')	маси; кусун- ки (кусу(н) 'сила'); маңга (и 'сильно', 'очень')
<i>синий</i>	нё-ңги-ан; нё- гд-юн	нё-гдё(н) (и 'голубой'); ге- ди (и 'выгорев- ший')	нё-гдя(н) (и 'голубой', 'зеленый'); гяди 'голубой'
<i>скользкий</i>	болдо-ри 'скользко'; болдо-р-сй	балдур-си	
<i>сладкий</i>	амта (и 'вкусный', 'вкусно'); ам- та-сй	амта (и 'вкусный'); амта-ули (и 'вкусно')	амта-ң-кн; амта-си (и 'вкусный')
<i>снежный</i>	симата-ку; си- мата-ма	симата-чу (симата 'снег')	имаса 'снег'
<i>средний</i>	токон; доли(н) (и 'середина')	токо(н) (и 'середина'); дули; алдан-ду би 'находящийся в середине' (алда(н), ду- ли(н) 'середина')	тёко(н) (и 'середина'); тёкон-ду би; дулун-ду би (дули(н) 'середина')
<i>старый</i>	са-гди (и 'большой') бала-пчи; ба-	са-гди (и 'древний'); бала-п-ти	сā-гди (и 'большой', 'вырасти');

<i>страшный, ужасный</i>	ла-на; горо- пчи нэлэ-пси; нэ- лэ-пси-ули (нэлэн 'страх')	нэлэ-пси; нэ- лэ-пси-увли (нэлэн 'страх')	айнā-пти 'давний' нэлэ-му-си 'страшно', 'боязно' (нэлэ- 'бояться')
<i>сухой</i>	силѹн; холго- хан; холго- кто; (холго 'сушить');	силэ-у; холдѣн (и 'сухо') (холдѹ 'сушить'); кос- кос	огги-ча 'высушенные' й (огги 'сушить')
<i>сырой</i>	нйлѹн; чакпа	нѣлу(н); (о <i>рыбе</i>); чйкпа(н) (и 'влажный', 'сырость')	чиппа (и 'влажный') (чиппа 'промокнуть',)
<i>твердый</i>	манга 'большой', 'сильный', 'тяжелый'; ко- ах-коах бй	манга 'большой', 'сильный', 'тяжелый'	манга 'большой', 'сильный', 'тяжелый'; 'очень'; манга-ди 'сильно'
<i>темно</i>	пак-чи (и 'темнота', 'темный'); пак-чи-ра	пак-ти; пак-ту- (в)-ли; пакти- ду 'в темноте'	хак-ти; хак- ти-си (и 'темный')
<i>темный</i>	пак-чи-ра пак-чи-ра; пакчи-пакчи бй	пак-ти; пак-ту- (в)-ли	пак-а; хак-ти (и 'темно', 'темнота'); хак-ти-си
<i>тепло (нар.)</i>	няма (и сущ.); няма-ди	няма; няма- ули	няма; няма- си; хака-си
<i>теплый</i>	няма; хул-дй	няма; няма- ули; хул-ду	няма; хака-си; ня- ма-си (и 'теплота')

<i>тихий</i>	дōлā бй; элкō; симм бй	сем би; мудя- нга 'мол- чаливый'; дōло би	няка-ла би (и 'спокой- ный'); няка 'тише'
<i>тихо</i>	дōлā; элкō; элкō-ди; симм	чимчам 'без шума'; сем; дōло	эккэ; эккэн-ди
<i>толстый</i>	дира-ми (о досках); џоа- ми (о веревке)	дира-ми; вāми (~ џоами); дикту	дия-ми (о предметах); дикту (о лю- дях)
<i>тонкий</i>	нэм-дэ (о ве- ревке); нэми (о доске); нэ- ми-кун	нэми; нэм-дэ (и 'узкий')	нэм-нэ (о круглых предметах); нэми (о пло- ских пред- метах);
<i>умный</i>	мурун-ку (мурун 'ум'); дяли-чи	мурун-чу 'с умом'; дяли-ку 'хитрый'	мэйен-ки; мэйен-ди 'с умом'
<i>холодный</i>	гичи-сй; нонди (и 'холод'); (сиџмўн 'холод')	гити-си; гиту- (в)ли; нунди 'холод', 'холодать'; нуң-д-ули 'холодно'	гичи-си (и 'холодно'); иџини-си 'холодно'
<i>хороший</i>	ая, ая-ди; улэн	ая (и 'здоро- вый'); лар- ги(н) (и 'красивый'); улэ(н)	ая (и 'краси- вый')
<i>хорошо</i>	ая, улэн; улэн -ди	ларгин-ди; ул- тэ (шаман.)	ая-ди, ая- канди 'счастливо'
<i>черный</i> <i>широкий</i>	саха-рин дара-ми (даралā-ни 'ширина')	саха-ри(н) дара-ми; голи;	сакай дā-ми (дā- ми-, дā-ми- ла 'ширина')

<i>широко</i>	дарами-ди; ху- гди-ди	дара-ми; голи; голи-ди	
<i>ясный, светлый</i>	ңџ-гд-ен (и 'свет'); ңэм бй	ңџ-где(н) (~ би); (и 'светло'); яс 'ярко'	ңџ-где(н) (и 'свет', 'светло'); ңэм-ди
<i>вблизи</i>	дидя-ла	дякпа-ла (дякпа 'близко' — 'у берега'); дяк- па-си 'вблизь' — (к берегу); дякпа-ту-ли 'рядом', 'по соседству'	дякпа-ни 'вблизи чего-л.'
<i>вверх</i>	уй-си (куда); уй-лэ (где) (оѧ 'поверх- ность'); соли (по реке)	уй-си; сол-и, соло-пти (вверх по течению) (оѧ по-верхность')	уй-си; уй-хи (хад.) (уй- 'подни- мать что-л. вверх'); со- ло-ки (вверх по течению); дй-си (в гору от берега)
<i>вверху</i>	уй-лэ (где); уй-пэ (поверху двигаться); уѧ-лэ	уй-лэ (где); оѧ- ло 'сверху', 'поверху'; оѧ- л-по 'поверху'	уй-лэ (где); уй-мэ (поверху двигаться)
<i>весной</i>	неңне (и 'весна')	неңне (и 'весна')	неңне (и 'весна'); нэkki ('ранняя весна')
<i>вечерний</i>	сиксэ; сиксэ- пчи (сиксэ-гу 'вечереть')	сиксэ; сиксэ- пти	сйксэ; сйксэ- пти
<i>вечером</i>	сиксэ (и	сиксэ (и	сйксэ

	‘вечер’)	‘вечер’); сик- сэ-дэлэ ‘до вечера’	(и ‘вечер’, ‘вечерний’)
<i>вниз</i>	пэй-си; пѳ-си; пэ-ги-си; вай- си ~ вай-ски ‘к берегу’; хэи (по реке)	пэй-си; хэй-и (вниз по течению); вай-си (к бе- регу)	хэ-гги-си
<i>внизу</i>	пэги-лэ; хэди- лэ (по течению реки)	пэди-лэ (пэди ‘низ’); хэди-лэ (в нижнем течении ре- ки); вайла (на берегу)	
<i>внутри</i>	дѳ-л-па; дѳ-лā Их; дѳ-кила Бк; дѳ-ла(ни)	дѳ-ло-ни ‘внутри чего- л.’; дѳ-ки-ла; дѳ-р-па	дѳ-; дѳ-ло (и ‘внутри’, ‘внутрен- ность’, ‘внутренний’)
<i>внутри</i>	дѳ-лā; дѳ-чи; дѳ-чи-йи; дѳ- чи-а-ни	дѳ-в-ти; дѳ-ти	дѳ-ти; дѳ-ло (и ‘внутри’)
<i>вперед</i>	дюлэ-си	дюлэ-си; дюл- у-ди ‘прежде’; дюл-у ‘передний’, ‘первый’; дю- лу-пти ‘прежний’	дюлэ-си; дюлэ-ки
<i>впереди</i>	дюли-лэ	дюли-лэ (дюли ‘перед’, ‘передний’)	дюля-ду; дюля-ли (последог)
<i>вчера</i>	чисѳ-ни-э ; чисѳ-ни-вэ	тисэ; тисэ-пти ‘вчерашний’	тинэ-ви; ти- нэ-пти ‘вчерашний’
<i>где?</i>	хай; хай-ду; удэвэни	хай-ду (хай ‘что?’)	и-ду; й-лэ (и ‘куда?’);

<i>днем</i>	ини (и 'день')	инэн(и) (и 'день')	й-ли (<i>по какому месту?</i>) инэци (и 'день')
<i>завтра</i>	чима-на	тима-на	
<i>здесь</i>	де-вэ ~ не-вэ (<i>идти</i>); де-ду ~ не-ду; де-лэ ~ нелэ (и 'досюда')	эй-ду (нэ-ду, йэ-ду); эй-лэ (<i>на этой стороне</i>); эй-ки 'по поверхности'	5-ду; тᄋ-тика 'вот тут', 'вблизи'; 5-ли 'по этому месту'; 5-лэ (и 'сюда')
<i>зимой</i>	туэ (и 'зима') (туэ-ни 'зима')	туэ ~тувэ (и 'зима'); туэ-ри 'зимний'	туве (и 'зима') (тувэ 'зимовать') ᄋ-ни би; (ᄋ-ни 'как?'); ан-ти 'каков?' ау 'что за?'
<i>какой?</i>	хᄋ-ни бй; хавой 'который?'; хамача	хᄋ-н(и) би (хᄋн(и) 'как?'); хамата(н); хаву; хав-дума (<i>из многих</i>)	
<i>когда?</i>	хᄋ-ли	хᄋ-ло (~ хᄋ-ли)	а-ли
<i>куда?</i>	хао-си	хᄋва-си	авᄋ-си, й-лэ (и 'где?')
<i>летом</i>	дᄋа (и 'лето')	дᄋова ~ дᄋоа (и 'лето')	дᄋова (и 'лето')
<i>наверх</i>	уй-си; ой-си (<i>наружу</i>)	оё-ло	оё-
<i>наверху</i>	уй-лэ; уё-лэ	уй-лэ; оё-ло (и 'поверхность'); оё-то-ло; уй-р-пэ, оё-л-по, оё-ло	

			‘поверху’; уй-ни ‘наверху чего-л.’	
<i>назад, обратно</i>	хама-си	хама-си	хама-си	амā-си (<i>хад.</i> амā-хи)
<i>ночью</i>	долбо (и ‘ночь’)	долбо (и ‘ночь’); долбо- доло ‘до ночи’; долбо- пти ‘ночной’	долбо (и ‘ночь’); долбо- доло ‘до ночи’; долбо- пти ‘ночной’	доббо (и ‘ночь’, ‘ночной’) (доббо-ни ‘ночь’); доб- бо-пти ‘ночной’
<i>осенью</i>	боло (и ‘осень’); боло- пти, боло-ри ‘осенний’	боло-ду (боло ‘осень’); боло-пти ‘осенний’	боло-ду (боло ‘осень’); боло-пти ‘осенний’	боло (и ‘оснь’); бо- ло-пти ‘осенний’
<i>откуда?</i>	хай-ди; хай-ди-а-ди; хай-ла; уй-лэ	хай-ди (и ‘чем?’) хай- ди-ди ‘с какой стороны?’; хава-н-чи ‘откуда?’	хай-ди (и ‘чем?’) хай- ди-ди ‘с какой стороны?’; хава-н-чи ‘откуда?’	авā-ди; авā- т; авā-ди-ди ‘с какой стороны?’
<i>отсюда</i>	эвэ-ң-ки; эё- ди; эвэ-ң-ки- диэ(-ди); эё- ди-э-ди	эвэ-н-чи; эвэ-н-чи-ди; эй-ди-ди	эвэ-н-чи; эвэ-н-чи-ди; эй-ди-ди	авā-т; эвэ- ди-ди; э-дуй; эвэ-ди
<i>оттуда</i>	тава-ң-ки; тай- ди; тай-ди-а- ди	тава-н-чи	тава-н-чи	тавā-ди; тавā-т; тавā- ди-ди ‘с той стороны’; тā-дуй (и ‘потом’)
<i>позади</i>	хами-ла; ха- ми-а-ла	хами-ла (хами ‘задняя сторо- на’); хами-ки	хами-ла (хами ‘задняя сторо- на’); хами-ки	амā-ла (и ‘потом’); амā-ду (находиться — <i>послелог</i>)
<i>почему?</i>	хай-ми	хай-ми (хай-	хай-ми (хай-	йё-ми;

		ма-ри)	йё-м-дэ; яна-ми (и 'зачем?') (яна- 'зачем идти?')
<i>сверху</i>	уе-эди-эди; ой- ла; ван(ла)-ни 'поверху'	ўву-ди (и 'верхняя сто- рона')	уйе-ди
<i>сегодня</i>	эй-ниэ; эйниэ- вэ	эй-нэци	эй-нэну
<i>сзади</i>	хами-ла; ха- ми(-а)-ла; ха- ми-а-ди(-а-ла)	хами-ла 'позади'; хами-ди-ки 'по задней стороне' (хами-ди 'задняя сторо- на')	амā-ду 'сзади', 'за' (послелог) амā-ли- (двигаться); амӯ-ки (и 'задний', 'последний')
<i>снизу</i>	пэ-ги-эди (-эди); вая-ди; хэди-эди-эди (против течения реки)	пэди-ди (пэди 'низ'); вайи-ди 'от берега'	
<i>спереди</i>	дюли-эди		дюли-ди (спереди на- зад)
<i>сюда</i>	эу-си; эйэ-чин Нх	эвэ-с(и); эй-ти-н(и) 'в эту сторону'; эй-лэ	эвэ-си; эвэ- ди (хад.) Э- кй; Э-ти 'к этому месту'
<i>там</i>	ча-ду	тай-ла 'на той стороне'; ти- ду (и 'тогда'); тай-ла-ни 'после этого'; ти-ла, ти-ки	тā-ду (и 'тогда'); тā- ла (и 'туда'); тā-ли 'по тому месту'; тō-ти 'вон

<i>тогда, в то время тот</i>	тэй эрин-ду, тэ-ли тавой, тэй; тэти	'по тому мес- ту' ти-ду; тэ-л(и) (и 'давно') таву 'иной; ти, ти-йи тава-с(и); тай- си (от берега к середине ре- ки); тай-ти-ни 'в ту сторону'; тиба-ни 'в том направлении'	там', 'недалеко' та-ду тэй (<i>вин.п.</i> та-ва) тава-си (<i>хад.</i> тава-хи); та-ла (и 'там'), чэ-си (<i>дальше</i>)
<i>туда</i>	тао-си		
<i>утром</i>	чема-ни ~ чима-ни; чимй (и 'утро')	тима-й (тими), тима-на (и 'утро')	тима-й (и 'утро', 'утренний') (<i>хад.</i> тима- ки); тимай-пти 'утренний'
<i>этот</i>	эй; тэй; тэ-ти	эй; эй-и; Эву 'этот', 'ближний'; Эв- думэ; эй-кэ (н) 'только этот'	эй; эй-думэ (<i>один из</i> <i>двух, распо-</i> <i>ложенный</i> <i>ближе</i>)
<i>третий</i>	ил-иа, илиа- чи-а (илан 'три')	ил-ий (илан 'три')	иля; илаңи- ни 'наш трс- тий' (ила(н) 'три')
<i>четвертый</i>	дуэ; дуэ-чиэ (дуин 'четыре')	дуи-й (<i>чаще</i> дуин-думэ) (дуи(н) 'четыре')	дй-вя- (дй- вя-му 'наш чегвертый'); дй-ңи- (дй(н) 'четыре')

Глава четвертая. ВНЕШНИЕ СВЯЗИ ФИННО-УГОРСКИХ ЯЗЫКОВ.

4.1. Характеристика надежной системы обско-угорских языков.

На примере финно-угорских и, частично, тунгусо-маньчжурских языков мы доказали, что в процессе развития языка грамматические классы слов (прежде всего, прилагательные и наречия) формируются благодаря локативам (местным падежам), образующим общие (конкретные) падежи, генитив и различные разряды прилагательных и наречий.

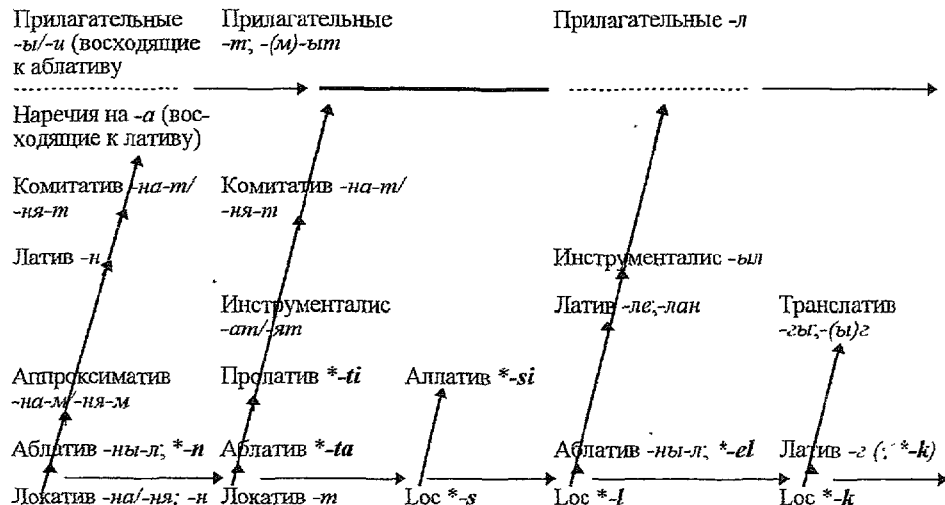
Поэтому ниже, не вдаваясь в подробности, мы даем краткое описание обско-угорских, палеоазиатских, юкагирского и индоевропейских языков (санскрит и древнегреческий).

Хантыйский и мансийский языки в известной степени дополняют друг друга: в хантыйском есть локатив на *-н*, но нет самостоятельного *н*-ового латива, мансийский располагает *т*-овым локативом и *п*-овым лативом. Зато хантыйские наречия позволяют реконструировать более древний локатив на *-н* и аблатив на *-н* (*кам-ын* 'на улице', *эл-ын* 'внизу' — локативы; *нум-ын* 'сверху' — аблатив), а также *т*-овые локативы (*хо-т* 'где?' — локатив; *кам-ы-тта* 'с улицы', *хо-т-та* 'откуда?'; *хон эвы-т* 'от лодки' (где *эвыт* — послелог) — аблативы; *эхан хува-т* 'по реке' — пролатив).

В хантыйском можно обнаружить лативно-локативный **-s*: *хон хо-си* 'около лодки', 'к лодке' (*хоси* — послелог, напоминающий латив тунгусо-маньчжурских языков),

В мансийском реконструируется *п*-овый локатив: *хоса-п* 'далеко', 'вдаль' (локатив и латив), *эл-ы-п* 'сюда' (латив; *эл* — 'далеко'), *эрт-п* 'когда' и др. Ряд примеров указывают на *л*-овые локативы: *вор онтс-ы-л* 'около леса' (показатель локатива в послелоге *онтсыл*): *ты-г-эл* 'отсюда' (при *ты-г* 'сюда'), *тув-эл* 'оттуда' (при *тув* 'туда'), *кон-эл* 'с улицы' (*кон* 'на улице') (аблативы); *тув-ле* 'в том направлении', *тыг-ле(п)* 'сюда', *хот-ла-п* 'в недалеком будущем' (лативы, близкие по значению соответствующим пермским лативам).

Система локативов
в ОБСКО-УГОРСКИХ языках

1) Мансийская локативная система выделена жирным шрифтом.

В мансийском можно обнаружить также следы лативного *-g* (**k*) (*ты-г* 'сюда', *ты-г-эл* 'отсюда') и неясного происхождения *s*-овый падеж (*пели-ысь* 'быстро' от *пелып* 'быстрый'; *тāk-ысь* 'крепко' от *тāk* 'крепкий', *маг-ыс* 'из-за', 'по причине' и др.).

Система локативов обско-угорских языков в известной степени схожа с таковой тунгусо-маньчжурских языков. В обско-угорских, как и в тунгусо-маньчжурских языках, отсутствует генитив на *-и*, утеряна *s*-овая падежная система. Но, сравнительно с тунгусо-маньчжурскими, в обско-угорских языках более полно представлена система *и*-ового локатива, зато ущербна система *t*-ового локатива, *л*-овая система ближе к аблативной семантике (в тунгусо-маньчжурских *л*-овые падежи хорошо сохранили локативное значение) и с трудом реконструируются *к*-овые падежи.

4.2. Характеристика падежной системы венгерского языка.

Характеризовать падежную систему венгерского языка — задача весьма нелегкая, тем более, что сами венгерские лингвисты считают, что именное склонение, в индоевропейском смысле слова, в венгерском языке отсутствует, а форманты, используемые для изменения существительных по падежам, называют квазипадежными.

Действительно, многие падежные форманты венгерского языка восходят к значимым словам, к которым присоединились аффиксы более древних падежей. И все же нельзя скептически относиться к языковым реалиям. Во-первых, любой язык наследует более древнюю систему; во-вторых, ни один из существующих языков не развивается изолированно от других, подвергаясь влиянию индосистемных языков и, в свою очередь, оказывая на них влияние, и, в-третьих, языковая система обладает определенной стабильностью: если какие-либо грамматические явления и категории (в нашем случае падежные форманты) вытесняются на периферию языковой системы, их сменяют близкие по значению и даже по фонетическому облику явления и категории.

Так, например, угащающее значение финно-угорского локативного **t* подкрепляется новыми вариантами **ta*/**tä* с вокалическими локативами, **ti* и т. д., пока новое, аблативное

значение суффикса не закрепится за новым падежным формантом, а старое, локативное значение подкрепляется новыми падежными аффиксами или вытесняется новыми локативами с близким локативному **-t* значением, например, *s*-овыми и *l*-овыми локативами: что мы называем 'памятью языка', язык, словно по памяти, восстанавливает исчезающую надежную категорию или исчезающее явление.

И в самом деле, несмотря на скудный материал, в венгерском языке удастся реконструировать *n*-овую падежную систему, аналогичную той, которая с большей легкостью восстанавливается для других финно-угорских языков (прибалтийско-финских, волжских и пермских).

Как известно, довольно часто дательный падеж возникает на основе латива (~ направительного падежа). Не составляет исключения и венгерский датив с аффиксом *-na-k/-ne-k*, позволяющий обнаружить латив на **-na/-ne*: *a hegy-nek megy* 'идет в гору' (*hegy* 'гора').

Наречия образа действия *egész-len* 'совсем', *körös-le-n* 'крутом', *virradó-la-n* 'на рассвете' помогают выделить в суффиксах *-la/-le* и *-n* инструментальное (близкое к обстоятельственному и темпоральному) значение.

Адессив *-ná-l/-né-l* указывает на адессивное же значение форманта **-l*: *kert-nál* 'у сада'.

Формант инессива *-ba-n/-be-n*, вероятно, восходящий к полнозначному слову *bél* 'внутренность', используя аффикс *-n* суперессива, сообщает нам о древнем значении (инессиве) аффикса локатива *-n*. На это же указывают некоторые наречия с аффиксом *-n*: *itt-en* 'здесь', *ott-an* 'там', а также послелоги, сохранившие локативно-инессивное *-en*: *inn-en* 'по ту сторону', *ell-en* 'против чего-либо', *ut-án* 'после' (от полнозначного слова *út* 'путь').

Как видим, на венгерском материале полностью восстанавливается *n*-овая локативная система.

Венгерский язык дает материал для реконструкции локативного **-t* в наречиях *itt* 'здесь', *ott* 'там' и в послелогах *ala-tt* 'под', *fölö-tt* 'над', *melle-tt* 'рядом', *közö-tt* 'между' и др. (от полнозначных слов *al* 'низ', *fel* 'верх', *mell* 'грудь', *köz* 'промежуток').

Система локативов
в ВЕНГЕРСКОМ языке¹

Не очень древний суффикс *-t-öl/-t-öl* указывает на аблативное значение форманта *-t-*, хотя это *-t-* не имеет никакого отношения к исследуемому нами древнему аблативу: *-töl < *tövöl*, где *tö* — самостоятельная лексема. Тем не менее новый аффикс претендует на роль самостоятельного падежа с закреплением за *-t-* аблативного значения.

Комитатив *-s-t-ul/-s-t-ül* мы относим к *s*-овым падежам, хотя его комитативное значение создается за счет эссива *-ul/ül*. Относя аффикс аллатива *-ho-z/-he-z/-hö-z* к *s*-овым падежам, мы имели в виду не конечный *-z*, а формант *-ho-z/-he-z/-hö-z*, близкий по значению к прибалтийско-финскому аллативу на *-len* и, возможно, сродни карельскому иллативу на *-h* и вепсскому иллативу на *-ha*. В трансданубийских (за Дунаем) диалектах венгерского языка аффикс *-ho* не подчиняется гармонии гласных: *kert-ho* 'к саду' (Балашша 1951, 230).

Несколько менее полно, сравнительно с *n*-овыми падежами, в венгерском представлены *l*-овые падежи. Фактически полноправным *l*-овым падежом является лишь эссив на *-ul/ül* (*< -ol/öl*), аблативный *-öl/ül* встречается в комплексе с согласными *-b*, *-t-*, *-r-*, образуя новые падежи. Его легко обнаружить в послелогах: *al-ul* 'из-под', *föl-ül* 'сверху', *mell-öl* 'в направлении от' и др.

Пожалуй, надежным рефлексом *k*-ового латива является датив на *-na-k/-ne-k*; *-ig* терминатива, по-видимому, не имеет никакого отношения к *k*-овым падежам, а темпоралис обязан происхождением полнозначному слову *kor* 'время', 'возраст'.

Сублатив на *-ra/-re* и делатив на *-r-öl/-r-öl*, хотя и являются квазипадежными формами, возникшими из полнозначных слов, функционируют как самостоятельные падежи.

Завершая обзор падежной системы венгерского языка, следует заметить следующее:

1) Значительную роль в формировании падежной системы венгерского языка играют вокалические локативы и лативы *-a*, *-á*, *-é*, (*od-a* 'туда', *id-e* 'сюда', *al-á* 'под', *mell-é* 'рядом').

2) Падежная система современного венгерского языка формируется за счет древних *n*-овых и *l*-овых локативов; *t*-овый локатив и *k*-овый латив дают лишь ничтожные рефлексy.

3) Вероятно, сформировались полноправные пространственные падежи с базисными согласными *-b*- (инессив, элатив, илла-

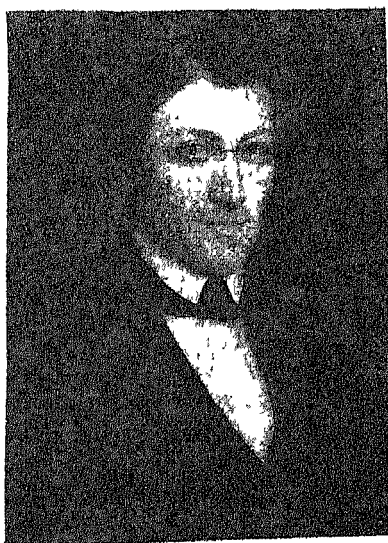
тив) и *-r-* (делатив и сублатив), и абстрактные падежи с базисной согласной *-v-* (транслатив и социатив). Кстати, венгерский язык дает замечательный образец взаимодействия различных факторов при образовании грамматических категорий: так, глагол косвенным образом участвует в формировании новой падежной системы, укрепляя позиции транслатива на *vá/-vé* и социатива на *-val/-vel*, послелого *múlva* 'спустя' и *fog-va* 'начиная с' произошли, соответственно, от глаголов *múl-ik* 'проходит' и глагола *fog* 'хватает', 'держит'.

4.3. Характеристика падежной системы самодийских языков.

Самодийскую семью языков образуют ненецкий, энецкий, нгана-санский и селькупский, которые, со времен М.А.Кастрена, считаются генетически родственными финно-угорским языкам.

Описывая склонение существительных в саамских языках, мы указывали на трудности выделения падежных аффиксов в связи с тем, что они оказываются омонимичными или, скорее всего, родственными показателям глагольных форм и категорий, прежде всего причастиям.

Что касается самодийских языков, проблема усугубляется тем, что порою трудно различить, где аффиксы локативных падежей являются генетически родственными различным глагольным показателям, а где они образуют омонимичные формы.

Матиас Александрович
КАСТРЕН
(1813—1852)

Так, при сравнении нен. *няръя-на*, эн. *нарде-дэ* 'красный' и нен. *няръя-сь*, эн. *нарде-дъ* 'быть красным', в ненецком *няръя-на* аффикс *-на*, по-видимому, можно признать локативным формантом, используемым для образования причастий совершающегося действия (для глаголов I класса), на что указывает селькупское *няр-қы*, где *-қы* является аффиксом местного падежа, а причастие совершающегося действия образуется с помощью форманта *-ль* и его вариантов. Суффикс инфинитива *-қо* (*ачи-қо* 'гореть', т.е. 'для горения') можно отождествить с формантом селькупского языка *-қо* назначительно-направительного падежа (*лоқа-т-қо* 'для лисы'), ибо широко известны случаи как в финно-угорских, так и в индоевропейских языках, когда дательного-направительные или местные падежи используются для образования инфинитива.

Что касается других местных падежей, то использование дательного-направительного аффикса *-нты/-ты* для обозначения несовершенности действия можно тем или иным способом обосновать, но, скажем, использование аффикса дательного-направительного падежа *-нты* в качестве показателя второго лица единственного числа субъектного залога глаголов или показателя предложного падежа *-мыт/-мын* в качестве лично-притяжательного суффикса именительного и винительного падежей множественного числа и показателя первого лица множественного числа субъектного и объектного залогов глагола обосновать трудно, если вообще возможно.

Из самодийских языков только селькупский дает два варианта генитива, вероятно, равноправных в употреблении; в других языках генитивная основа представляет собой модификацию существительного в именительном падеже. Сравнение местного падежа селькупского языка, в котором элемент *-мықыт* присоединяется к форме родительного падежа с нганасанским творительного-местным падежом на *-н-тэ-ну/-н-ти-ни/-н-ди-ни* и дательного-направительным множественного числа на *-н-ди''/-н-ти''* убеждает, что нганасанский язык стоит на пути к образованию генитива на *-н*.

В самодийских языках довольно полно реконструируется *н*-овая локативная система.

В ненецком наряду с базисными согласными *-д/-т* дательного-направительного падежа есть вариант *-ң* (ср. *тыоко-ң* 'сюда'); *-н*

входит в состав некоторых вариантов суффикса дательного-направительного падежа в нганасанском языке *-н-да/-н-ди* 'н-ти'; селькупский язык знает несколько аффиксов дательного-направительного падежа — *-ны-к ~ ны-ң* (*-ң* употребляется также с числительными) и *-нты*. Эти аффиксы явно восходят к лативному **-н*.

Формант *-н* входит в состав сложного показателя пролатива (~ продольного падежа): сельк. *-мы-т/мы-н*; нен. *-в-на/-ва-на/-м-на/-ма-на*; нган. *-мә-ну/-мә-ны*; энец. *-он/-онэ/-м-он/-м-онэ* (*тоси-он* 'понизу'). В энецком пролатив активно участвует в образовании качественных наречий: *пиде* 'высокий' — *пиде-он* 'высоко'.

В энецком во множественном числе появляется пролатив *-ын(э)*.

Аблативное *-н* (в форме *-ны*) свойственно только селькупскому языку: во множественном числе аблатив имеет суффикс *-қы-ны*: поскольку множественное число формируется позже единственного числа и на его основе, в селькупском языке во множественном числе были восстановлены более древние сравнительно с единственным числом формы. Это касается дательного-направительного падежа на *-н-ты/-ты*, местного на *-қы-н/-қы-т* и отложительного на *-қы-ны*. Ср. также: *и-қы-ны* 'сверху', *ты-ны* 'отсюда', *ны-ны* 'оттуда' (при *ты* 'сюда', и *ны* 'туда'), *ку-ны* 'откуда?'.¹

Отмеченное выше отличие селькупского от других самодийских языков затрагивает и местный падеж: в селькупском реконструируется локативное **-н* в показателе местного падежа множественного числа — *-қы-т/-қы-н*, в то время как в ненецком, нганасанском и энецком *-н* формирует творительно-местный падеж: нен. *-ха-на/-га-на/-ка-на*; нган. *-(н)-тә-ну/--(н)-ти-ни/-тә-ны*; энец. *хо-н(э)/-го-н(э)/-ко-н(э)*.

Древний *н*-овый локатив, восходящий к уральскому **-н*, обнаруживается во всех самодийских языках.

В селькупском его рефлексы незначительны (*ку-н* 'где?' при *ку-мы-т* 'по какому месту?'; ср. также с энецким *ку-н-э* 'где?'), потому что он, вытесненный аблативным *-ны*, вошел составным элементом в показатель *к*-ового локатива *-қы-н*.

В других самодийских языках *-н* обнаруживается в послелогох, хорошие рефлексы дают наречия ненецкого языка. Ср.: нен. *тюко-хо-н* ~ *тюко-на* 'здесь', *мю-ня* 'внутри', *ни-ня* 'на (поверхности)'; нган. *кун-сы-ны* 'внутри', *такә-ну* 'позади', *нерә-ны* 'вперед', *ңиле-ну* 'под (чем-либо)', *ни-ни* 'на (поверхности)', *на-ну* 'около'; энец. *тоси-н* 'внизу', *пэ* 'ирон' 'под деревом'.

Если селькупский язык дает в наше распоряжение хорошие рефлексы *п*-ового локатива, *т*-овый локатив принимает более ответственное участие в падежной системе ненецкого, нганасанского и энецкого языков. В отличие от дательно-направительного падежа селькупского языка (*-ны-к* ~ *-ны-н*), в остальных самодийских языках этот падеж образуется при помощи *-д/-т*: в энецком *-д/-т* формирует этот падеж полновластно, в ненецком *-д* 'и-т' делят между собой те разряды существительных, где не употребляется *-н*'; в нганасанском лативное *-д* употребляется или с вокалическим лативом, или с *-н*: *-дя/-н-да/-чэ/-ти* 'и-н-ди' 'и-н-ти'.

Суффиксы дательно-направительного падежа нганасанского языка указывают на существование лативного **-di/-ti* (*ку-н-ди* 'внутри'). Во множественном языке в селькупском появляется лативный *-н-ты/-ты*, а в энецком *-дъ* в сложных показателях дательно-направительного падежа *-хы-дъ/-гы-дъ/-кы-дъ*.

Селькупский назначительно-превратительный падеж на *-т-қо* вариантом *-қо*, который, по всей видимости, является и показателем (инфинитива) содержит искомый лативный *-т*. Его же сочин из вариантов селькупского продольного падежа на *-н*. В остальных самодийских языках продольный падеж лативный *-н*. В противоположность селькупскому, ему громоздкий аблатив на *-н-пан(ы)*, другие самодийские образуют аблатив при помощи форманта **-д/-т*: нен. *-ха-д/-ка-д*; энец. *-хо-дъ/-го-дъ/-ко-дъ* (во множественном числе эцкий заменяет *-д*, а энецкий *-дъ* на *-т*), нган. *-гә-тә/-кә-ты/-тә/-ки-тә*.

Эти же языки указывают на существование более древнего лативного: *-д* в нен. — *тюко-хо-д* ~ *тюко-д* 'отсюда', *ня-д* 'с (поверхности)', *тяха-д* 'из-за' (откуда), *мю-д* 'изнутри'; в нган. *-де* и *-ты* — *кун-сы-де* 'изнутри', *тәни-де* 'оттуда', *на-ты* 'от', *ңиле-де* 'из-под', *такә-де* 'из-за' (все на вопрос 'откуда?'); в энец. *-дъ* — *ку-хо-дъ* 'откуда?', *пэ* 'иро-дъ' 'из-под дсрева'.

В селькупском вполне закономерно обнаруживаются следы *t*-ового локатива: *ты-м-ты* 'здесь', *ны-м-ты* 'там', *уко-т* 'прежде', 'раньше', *қары-т* 'утром', *ара-т* 'осенью', а также *-т* в суффиксе местного падежа на *-қы-т*.

В нганасанском встречается вариант дательного-направительного падежа *-чэ* (возможно, из **-тэ*) и местно-творительного падежа *-че-ну* наряду с *-тэ-ну*. Суффикс дательного-направительного падежа *-дя* образует наречия: *дялы-дя* 'днем' (*дялы* 'день'), *хи-н-дя* 'ночью' (*хи* 'ночь'), но *хи-дя* 'к ночи' (терминатив).

В селькупском имеется творительно-совместный на *-ся*. Имеет ли отношение к *s*-овым падежам энецкая назначительная форма на *-эсь* или это один из аффиксов деепричастия, трудно сказать. В нганасанском есть незначительные следы *s*-ового локатива: *кун-ди* 'внутри', *кун-сы-ны* 'внутри', *кун-сы-де* 'изнутри'.

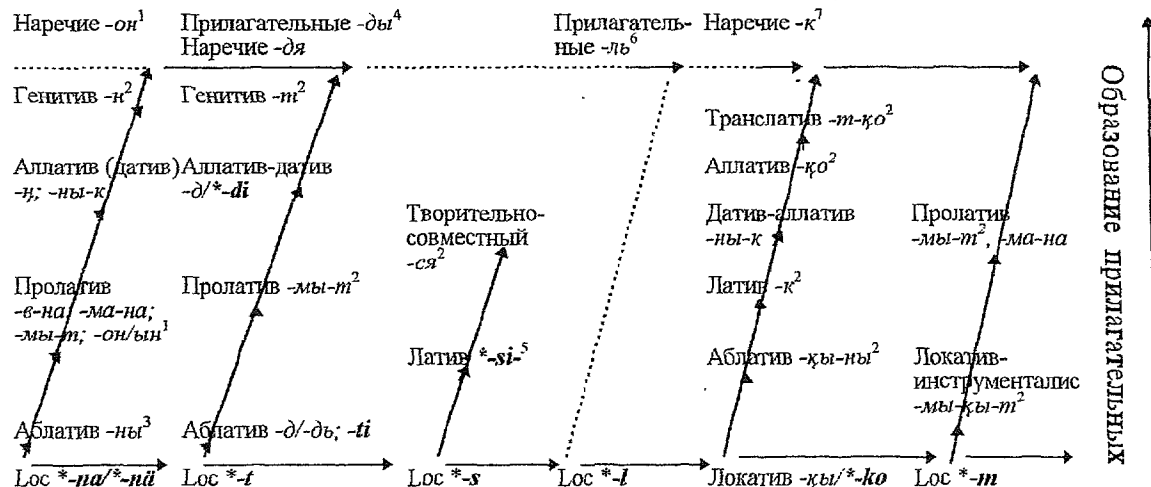
В самодийских языках отсутствуют *л*-овые падежи, но в селькупском есть адъективный суффикс *-ль*, восходящий к *ль*-овым причастиям: *мачо-қы-т* 'в лесу' (*мачи* 'лес') — *мачо-қы-ль* 'в лесу находящийся'.

К-овые местные падежи лучше всего представлены в ненецком и энецком языках: нен. — аблатив *-ха-д/-га-д/-қа-д* (во множ. числе *-д* заменяется на *-т*), местно-творительный *-ха-на/-га-на/-қа-на*; энец. — аблатив *-хо-дь/-го-дь/-ко-дь* (во множ. числе *-дь* уступает место *-т*), местно-творительный *-хо-н(э)/-го-н(э)/-ко-н(э)* (во множ. числе имеет вид *-хы-н(э)/-гы-н(э)/-кы-н(э)*). Нганасанский имеет только местно-творительный падеж на *-гэ-тэ/-кэ-тэ/-ги-тэ/-ки-тэ*.

В селькупском аблатив и локатив единственного числа представляют собой новообразования; во множественном числе появляются более древние показатели — аблатива *-қы-ны* и локатива *-қы-т/-қы-н* (обратим внимание, что местный падеж формируют три локатива: *и*-овый, *t*-овый и *k*-овый). Селькупский сообщает о существовании в более ранний период двух лативов — на *-к* (формирует дательного-направительный падеж на *-ны-к*) и на *-қо* (на что указывает назначительный падеж на *-т-қо/-қо*).

Не исключено, что селькупские наречия образа действия обязаны своим происхождением *k*-овому лативу: *нынды-к* 'мимо', *сама-к* 'хорошо' от прилагательного *сома* 'хороший' и т.п.

Система локативов
в САМОДИЙСКИХ языках

1) В энецком; для простоты изложения указываются не все варианты падежей; 2) в селькупском; 3) в селькупском; в других самодийских языках нет особого показателя генитива, но генитивная основа противопоставляется основной; возможно аблативное значение в -ны возникает за счет аблативного -ы (ср. с аблативом -ы в обско-угорских языках), обр. внимание на аблативное -н-ыл мансийского языка; 4) в нганасанском; 5) в нганасанском; 6) в селькупском; 7) в селькупском 8) в нганасанском -с.

Во всех самодийских языках представлен продольный падеж с локативно-лативным *-м*, реконструируемый нами и для других финно-угорских языков: сельк. *-мы-т/-мы-н*, нен. *-м-на/-ма-на* (с вариантами *-в-на/-ва-на*), нган. *-мэ-ну*, энец. *-мо-н(э)* (как вариант более древнего аффикса *-он-э*). Ср.: нен. *мю-м-ня* 'по внутренней части'; нган. *ни-мы-ны* 'по (поверхности)'; сельк. *и-мы-т* 'поверху', *ку-мы-т* 'по какому месту?', *ты-мы-т* 'по этому месту', *ны-мы-т* 'по тому месту'.

Возможно, в самодийских языках или, во всяком случае, в селькупском, местный падеж на *-м*, имел большее распространение: сельк. *ты-м-ты* 'здесь', *ны-м-ты* 'там'.

Приведенные ниже примеры дают ясное представление о системе локативов в самодийских языках.

Селькупский язык		Энецкий язык	
<i>и-н-ты</i>	'наверх'	<i>тоси</i>	'вниз'
<i>и-қы-т</i>	'наверху'	<i>тоси-н</i>	'внизу'
<i>и-қы-ны</i>	'сверху'	<i>тоси-дь</i>	'снизу'
	(откуда)		(откуда)
<i>и-мы-т</i>	'поверху'	<i>тоси-он</i>	'понизу'

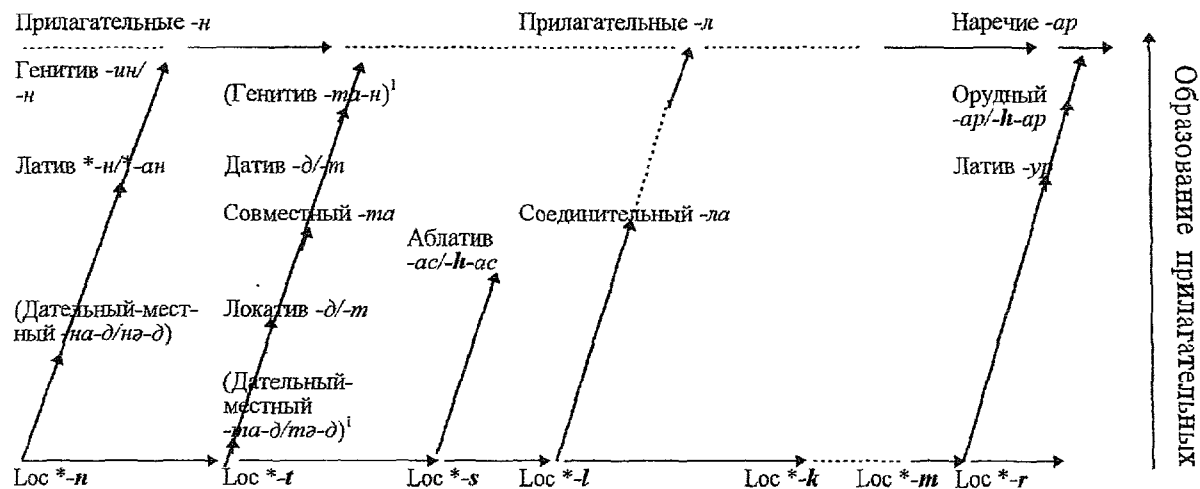
4.4. Характеристика падежной системы монгольских языков.

К семье монгольских языков относятся современные литературные языки: бурятский, калмыцкий и монгольский, классический письменный язык, письменный язык киданей IX–X вв., а также ойратский, дагурский, монгорский, баоаньский, дунсянский, могольский языки.

В калмыцком языке выделяют десять падежей. Интересующий нас родительный падеж встречается в двух вариантах: *-ин* — после согласных, и *-н* — после гласных (имена существительные, оканчивающиеся на неустойчивый *-н*, в родительном падеже получают аффикс *-а*).

Ряд наречий указывают на существование древнего локатива (монг. *хой-но* 'сзади', калм. *эм-н* 'впереди') и латива на *-н* (калм. *эм-н* 'вперед', *урала-н* 'вперед', *цаара-н* *наара-н* 'туда-сюда').

Система локативов
в КАЛМЫЦКОМ языке

1) В круглых скобках указаны падежи вторичного склонения.

Можно обнаружить близкий к инструментальному аффикс *-н*: *гентк-н* 'вдруг'.

Как утверждают исследователи, в калмыцком языке на основе родительного и совместного падежей возникло новообразование, так называемое двойное склонение.

Родительный падеж, в силу ограниченности семантики (обозначение принадлежности) не может присоединять аффиксы с более широким значением. За аффиксом родительного падежа может следовать только атрибутивный показатель. Следовательно, в калмыцком — или родительный падеж еще имеет связь с локативом, или, что вероятнее, вторичное склонение развивается на основе локативного *-на*. На это указывает и тот факт, что от данной основы образуются все падежи, кроме именительного и родительного. Таким образом, дательно-местный падеж на *-над/-нә-д* указывает на существование в древности локативного *-на*.

Примерно то же самое можно сказать и о вторичном склонении существительных с основой на *-та/-тә*, от которой образуются все падежи, за исключением именительного. Когда возникло вторичное склонение, аффикс *-та/-тә*, вероятно, еще не утратил локативного значения и в дательно-местном на *-та-д/-тә-д* аффикс *-д* служит для обновления стершегося локативного значения. На это же указывает и совместный падеж на *-та*, явившийся результатом развития более древнего локативного *-та*, а не дательного падежа. Ряд наречий указывают на более древний показатель локатива: монг. *эн-д* 'здесь', *тэн-д* 'там'; калм. *аль-д* 'где?' и др.

Взглянув на схему, иллюстрирующую развитие падежной системы калмыцкого языка, нетрудно заметить, что эволюция *п*-ового и *т*-ового локативов в калмыцком не дает такой полной картины, как в финно-угорских языках, ибо в калмыцком не обнаруживаются надежные рефлексы инструменталиса на *-н* и *т*-ового аблатива; *с*-овый и *л*-овый падежи, быть может, являются осколками стройной системы, унаследованной финно-угорскими языками от праязыка, а *р*-овые падежи указывают на новый путь развития калмыцкого языка.

Если бы удалось установить, что винительный на *-г/-иг* калмыцкого языка восходит к лативу на **-к/*-г*, была бы подтверждена еще большая близость монгольских и тюркских языков, в

падежной системе которых дативно-лативный *-ка/-га* приобрел больший удельный вес.

4.5. Характеристика падежной системы тюркских языков.

Тюркские языки, составляя многочисленную семью языков, все же не представляют такой пестрой картины в склонении, как финно-угорские языки (см., например, Баскаков Н.А. 1966, 7—42).

Во всех тюркских языках имеется показатель генитива *-ин/-н* (со множеством модификаций). Возникает вопрос, образует ли *п*-овый локатив стройную падежную систему, аналогичную той, которую мы наблюдаем в финно-угорских языках?

Для тюркских языков довольно полно реконструируется *п*-овая падежная система. Во многих тюркских языках обнаруживают следы инструменталиса (~ орудного падежа) на **-ын/-ин*. Ср.: караим. *яз-ын*, шор. *жай-ын*, к.-калп., кирг. *жас-ын*, як. *сај-ын* 'летом'; караим., гагауз., тат. *кыш-ын*, шор. *кыж-ын*, як. *кыһ-ын* 'зимой', а также: каз. *жасыр-ын* 'тайком', уйгур. *йошур-ун* 'тайно', алт. *чын-ын* 'истинно', чув. *хулл-ен* 'медленно', сивв-ен 'холодно', шор. *карага-з-ын*, хак. *хараа-з-ын* 'ночью' (*-з-ын* — древний орудный падеж).

Инструменталис как живой падеж выделяется в падежной системе якутского языка (*-н-ан*, *-ы-н-ан*), в казахском языке есть инструментальный (~ творительный) падеж на *-м-ен/-б-ен/-п-ен* и даже *-м-ен-ен/б-ен-ен/п-ен-ен*, хакасский имеет инструменталис *-на-н* с вариантами. В языке поэмы "Кутадгу билиг" инструментальный на **-н* входит в систему склонения существительных (см., например, Благова 1982, 111).

Чувашский язык сохраняет древний лативный **-н* в дательном-направительном падеже на *-на/-не*. Рефлексы направительного на **-н* обнаруживаются во многих тюркских языках: чув. *тара-н* 'до чего-либо' (послелог), тат. *таба ~ таба-н*, каз. *тама-н* 'по направлению к' (послелог). Лативное или аблативное *-н* содержится в показателе исходного падежа (аблатива) *-та-н/-да-н*. Древний латив обнаруживается в продольном падеже (пролативе) карачаево-балкарского языка с суффиксами *-ты-н*, *-ту-н*, *-ти-н*, *-то-н/-ы-н*, *-ун/-ин* *-юн/-ны*, *-ну*, *-ни*, *-ню*: *пала-ты-н* 'по поляне';

древний аффикс латива прослеживается в дательном-направительном падеже карачаево-балкарского языка (-на, -не, -нга, -нге).

В башкирском наряде с аблативом -да-и функционирует (в местоимениях) аблатив с аффиксом -ан (с вариантами): башк. *ун-да* 'у него' (местный падеж), *ун-ан* 'от него' (исходный падеж) (от местоимения *ул* 'он', 'тот') ср. с соответствующими татарскими примерами *ан-ди*, *ан-н-ан* (от местоимения *ул* 'он', 'тот').

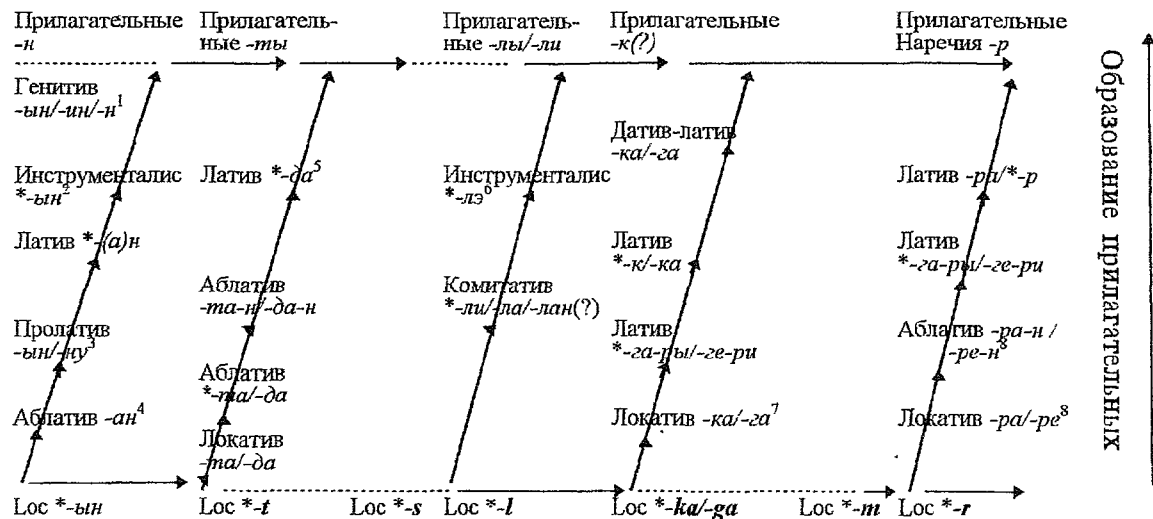
Заканчивая обзор *и*-овой локативной системы, приведем примеры, позволяющие говорить о существовании в древности локативного *-и: тат. *югарт-ын* 'наверху', карач.-балк. *тёбэ-н*, к.-калп. *төме-н* 'внизу' и др.

Что касается *t*-овой локативной падежной системы, в тюркских языках она хорошо сохранилась и продолжает функционировать.

Помимо локатива на -та/-да и аблатива на -тан/-дан, в тюркских языках прослеживаются надежные рефлексy других *t*-овых падежей. В Орхонских надписях за аффиксом -та/-да еще сохранялось аблативное значение. В современном якутском языке имеется партитив (~ частный падеж) на -та/-да, обозначающий неопределенную часть целого при повелительном наклонении: *мас-та аһал* 'принеси дров'. История финского партитива, возникшего на основе уральского аблатива, указывает на возможный путь развития якутского партитива. Партитив на -та/-да имеется в тофаларском языке. Карачаево-балкарский язык развил пролатив на -тын/-тун/-тин/-тюн, неизвестный другим тюркским языкам. Единичные примеры из различных тюркских языков свидетельствуют о лативном значении локатива -да: ср. кр.-тат. *къай-да*, карач.-балк. *къай-ры* и шор. *кай-да-ра* 'куда?'.

К-овая локативная система в тюркских языках представлена фрагментарно: в подавляющем числе тюркских языков имеется дательном-направительный (или только дательный) падеж -ка/-га (с различными вариациями согласного и гласного звуков лативного форманта). Но многочисленные примеры указывают на более древнее лативное (и, быть может, локативное) значение форманта -ка/-га: шор. *тыш-ка-ра*, хак. *тас-ха-р* 'наружу'; хак. *тас-ха-р-тын* 'извне'; карач.-балк. *ич-ге-ри*; карайм. *ич-ки-ри*, алт. *ич-ке-ри* 'внутри', карайм. *арт-ха-ры* 'назад' и др.

Система локативов
в ТЮРКСКИХ языках

- 1) Кроме якутского, 2) в якутском инструменталис на -(ы)н-ан, в казахском на -мен, -мен-ен с вариантами; 3) один из вариантов карачаево-балкарского пролатива; 4) один из вариантов аблатива (в местоимениях) башкирского и татарского языков, 5) один из вариантов пролатива -тун/-тын/-тюн/-тин- в карачаево-балкарском языке, 6) в чувашском инструменталис на па-ла/-пе-ле; 7) в якутском языке 16 вариантов дательного падежа на -ка/-га со значением локатива, латива и дательного падежа, 8) в чувашском языке (?) Знак вопроса при форманте -к указывает на гипотетичность вывода. -к может восходить к причастиям на -к

Современный якутский язык дает образец совмещения в дательном на *-ка/-га* (с вариантами) трех значений: локативного, лативного и дательного: *оййур-га* 'в лесу', 'в лес', *дьахтар-га* 'женщине'.

Л-овые падежи, судя по скромным рефлексам, не имеют древней истории и едва ли имели широкое распространение в тюркском праязыке. Во всяком случае, в чувашском имеется орудный падеж на *-на-ла/-не-ле*, чулымско-татарский также сохранил орудно-совместный падеж на *-ла/-ле*. Широкое распространение в тюркских языках получили новообразования с падежеобразным формантом *-ла/-ле*, имеющим творительно-инструментальное значение. Указанный формант возник из послелога *иле* (< *биле* < *бир-ле* 'вместе'), а как известно, послелогии сохраняют более архаичные падежные суффиксы. Следовательно, формант *-ла/-ле* содержит указание на более древний инструментальный падеж на *-ла/-ле*. Б.А.Серебрянников считает, что якутский орудный падеж с суффиксом *-нан* мог развиваться из инструментального *-лан* (Серебрянников, Гаджиева 1986, 84—85).

Определенный слой наречий указывает на инструментальное значение аффикса *-лы/-ли*. Ср. каз. *ерте-ли кеч* 'день и ночь', *ер-ли қатын* 'муж и жена', чув. *с'эр-лэ* 'ночью' и аналогичные наречия в узбекском, татарском, якутском и во многих других тюркских языках и диалектах. Во всех тюркских языках получили распространение относительные прилагательные с суффиксами *-ли/-лы/-лу/-лю* (по гармонии гласных) (Рамstedт 1957, 47 и след.): кум., тат., тур. *туз-лу* 'соленый' (от *туз* 'соль').

Древний лативный *-ра/-ры* (с вариантами) неплохо сохранился в наречиях тюркских языков: ног. *ке-ри*, тат. *ки-рэ* 'назад'; шор. *пее-ре*; кум., карач.-балк. *бе-ри* 'сюда'. Часто встречается вариант аффикса *-ре/-ры* с лативными *-ка/-га*: чув. *ју-ха-ры* 'вверх', карач.-балк. *оҕа-ры* 'вверху' (пример с локативным значением аффикса *-ры*).

В парадигму склонения существительных чувашского языка входят локатив на *-ра/-ре* и аблатив на *-ра-н/-ре-н*; в хакасском имеется направительный падеж на *-сар/-сер/-зар* (с вариантами), возникший из более древнего латива *-хар/-кер*.

Таким образом, система склонения в тюркских языках дает довольно полное представление о развитии и *п*-ового, и *т*-ового

локативов (аналогично финно-угорским, прежде всего прибалтийско-финским, языкам). Отсутствие *с*-овых падежей отличает тюркские языки от финно-угорских; наличие *к*-овых локативов сближает их с тунгусо-маньчжурскими, самодийскими и палеоазиатскими языками; *р*-овые локативы отдаляют тюркские языки от тунгусо-маньчжурских, в которых обнаруживаются лишь слабые рефлексy падежей на *-р*.

4.6. Характеристика падежной системы юкагирского языка.

Язык юкагиров Якутии (тундренных и колымских юкагиров), долгое время причисляемый к палеоазиатским языкам, в настоящее время сближают с урало-алтайскими языками. Юкагирский имеет много общих черт с финно-угорскими языками.

Как и селькупский, юкагирский имеет генитив на *-н/-д*: *нимэ-н гэдэ* 'хозяин' (букв. 'человек дома' — *нимэ* 'дом'). В юкагирском генитив употребляется даже в тех случаях, где в других языках стоит номинатив: *ки-н* (или *ки-д*) *гэдэк* 'два оленя', где *ки-* — атрибутивная форма числительного 'два', а *ки-н* ~ *ки-д* — два равноправных родительных падежа.

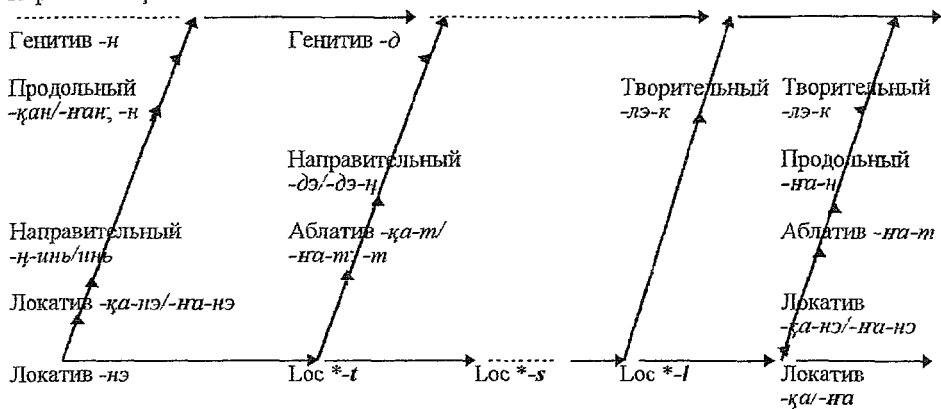
Пролативный *-н* входит в состав сложного показателя продолжного падежа *-қа-н/-па-н* (*нимэ-па-н* 'по дому'), но употребляется самостоятельно (*тэн-и-н* 'по этому месту', *ад-а-* 'по тому месту'; *-и*, *-а* — вокалические локативы. *-н* — показатель пролатива).

Суффикс направительного падежа *и-инь* состоит из двух лативов — *-и*, соединяющегося с другими лативными показателями и форманта *-инь*, употребляющегося самостоятельно, без лативного *-и*, с личными местоимениями: *мэт-инь* 'ко мне', *тэт-инь* 'к тебе'.

Локативный *-нэ* можно выделить в суффиксе местного падежа *-қа-нэ/па-нэ* (*нимэ-па-нэ* 'в доме'), он также образует пространственные наречия, обозначающие более обширное пространство или более значительный промежуток времени: *тэн-и* ~ *тэн-и-нэ* 'здесь', *ад-а-нэ* 'там' (чуть дальше). Качественные наречия образуются посредством суффикса *-нэ* (омонимичного

Система локативов
в ЮКАГИРСКОМ языке

Качественные глаголы -нэ¹
Наречие -нэ-н

1) *сам-нэ-й* 'быть широким', 'широкий'; *сис-нэ-й* 'быть коротким', 'короткий'; *пом-нэ-й* 'быть круглым', 'круглый'. Привлекают внимание многие субстантивные и адъективные суффиксы, зачастую омонимичные глагольным формообразующим суффиксам: ср., например, *искэл-о-нь* 'глубокий' (от *искэль-у* 'глубина'), где формант *-нь* может восходить или к древнему лагивному *-нь*, или к показателю глагола.

форманту *-нэ* качественных глаголов) и *-нэ-н*: *амать* 'хороший' — *амут-нэ-н* 'хорошо', *ит-нэ-н* 'долго', *эли-нэ* 'сперва'.

Форма совместного падежа существительных на *-нъэ/-нъэ-н/-нъэ-й/-н-дъ-э/-нъ-о*, быть может, содержит *-нъ* инструменталиса.

В юкагирском *t*-овая локативная система представлена более скудно, чем *n*-овая: употребителен генитив *-д*, в наречиях выделяются лативные *-дэ// -дэ-н*: *миги-дэ* 'сюда', *аду-ну-дэ-н* 'туда'. В состав аффикса отложительного падежа *-қа-т/-ға-т* входит аблативный *-т*: *мэт-қа-т* 'от меня', *тэт-қа-т* 'от тебя'.

Из *л*-овых падежей юкагирский располагает творительным на *-лэ-к*. Статус *-лэ-к* вызывает подозрения: возможно, он не восходит к *л*-овым падежам, ибо оба составляющих его компонента выступают в предложении как показатели логического ударения. К тому же наречия не дают рефлексов *л*-овых падежей. Впрочем, примечательны образования имен действия на *-л* с направительными и местными падежами, напоминающими вторичное склонение: *ньяга мира-л-н-ан мэкэвэйңи* 'вместе по дороге (букв. 'в шагании') 'ушли' (*мира-л* 'шагание' — имя действия от глагола 'шагать').

В юкагирском функционирует *к*-овый локатив как самостоятельный показатель падежа или отягощенный локативным *-нэ* суффикс (*-қа/-ға/-қа-нэ/-ға-нэ*) *мэт-қа* 'во мне', *нимэ-ға-нэ* 'в доме'.

Таким образом, мы бы охарактеризовали падежную систему юкагирского языка как *к*-овую систему, сформировавшуюся на основе *n*-ового и *t*-ового локативов. Иными словами, можно утверждать, что юкагирская *к*-овая система срослась с *n*-овой и *t*-овой локативными системами, аналогичными таковым прибалтийско-финских языков. В известной степени юкагирская и самодийская падежные системы сходны, но в самодийских значительную роль в склонении существительных играют *м*-овые падежи.

4.7. Характеристика падежной системы чукотско-камчатских языков

Палеоазиатскими (т.е. древнеазиатскими) языками принято называть языковые группы и отдельные языки, по мнению иссле-

дователей, генетически не связанные между собой и не входящие в большие семьи языков — тюркские, монгольские, тунгусо-маньчжурские. Народности, говорящие на этих языках, малыми островками населяют обширную территорию от Северного Ледовитого океана до низовьев реки Амур и от Берингова пролива до реки Енисей. Они образуют четыре языковых группы (родство которых, если оно имеет место, требует глубокого обоснования): чукотско-камчатскую, эскимосско-алеутскую, юкагирско-чуванскую и кетско-асанскую.

В предыдущем разделе был рассмотрен юкагирский язык, и мы отметили его определенную близость к финно-угорским и, шире, к урало-алтайским языкам. В этом и следующем разделах внимание будет сосредоточено на чукотско-камчатских и эскимосско-алеутских языках.

Чукотско-камчатскую группу образуют чукотский (луораветланский), корякский (нымыланский), алыторский, керекский и ительменский языки (см., например, *Скорик 1968* 235–247).

4.7.1. Корякский язык.

Обращает на себя внимание, что в чукотско-камчатских языках, в отличие от финно-угорских, имеется особый эргативный падеж, который в лингвистической литературе принято считать падежом деятеля (чаще: действующего лица) и который в исследуемой группе языков по форме совпадает с творительно-местным и/или местным падежом.

Для интерпретации грамматических явлений корякского языка используем два положения, к которым, хотя они часто оказываются верными, все-таки следует относиться с осторожностью: 1) общие падежи возникают позже локативных и нередко на их основе, 2) в различных языках наречия и местоимения часто сохраняют более архаичные черты сравнительно со склонением существительных.

Используя эти положения, мы можем утверждать, что дательный, направительный, продольный и исходный падежи, присоединяемые к абсолютной форме *мэк-и* 'кто?', — более позднего образования, чем назначительный, повествовательно-каузатив-

ный, касательный и местно-творительный падежи, присоединяемые к косвенной форме *мик-*, что, в общем-то, довольно прозрачно.

На этом основании можно утверждать, что II склонение существительных, основу которого, как мы считаем, составляет локативный *-н*, древнее I склонения, в основе которого находится локативный *-т*. Как тут не вспомнить о двух генитивах в юкагирском, селькупском и некоторых финно-угорских языках!

В таком случае суффикс *-нэ-к* следует признать не омонимичным показателем местно-творительного и эргативного падежей, но аффиксом местного падежа, используемым в качестве показателя эргатива: *мик-нэ-к* 'кем?' (творительно-эргативный) и *мик-нэ-к* 'у кого?' (местный падеж, по значению близкий к дательному), *аппа-на-к* 'у папы' и др.

Суффикс повествовательного-каузативного падежа на *-нэ-к-йи-т* и касательного на *-нэ-йи-тэ* содержит локативный *-нэ*.

Показатель эргатива *-на-н* П.Я.Скорик (1961, 439) возводит к местоимению 3-го лица *ынан* 'он'. Придерживаясь этой теории, пришлось бы доказать, каким образом местоимение 3-го лица стало показателем эргатива первого и второго лица местоимений. По-видимому, местоимения сохранили более древний показатель эргативного падежа, в то время как существительные распределили варианты эргатива *-та/-тэ/-а/-э* и *на-к/-нэ-н* в зависимости от фонетического окружения.

Суффикс назначительного падежа *-ну/-но/-о* состоит из локативного *-н* плюс вокалические лативы.

Назначительный падеж местоимений возник на основе притяжательного местоимения: *гыммо* 'я' — *гым-на-н* 'мною' (эргатив) — *гым-нин* 'мой' — *гым-ни-нэ-ну* 'мною' (*-ну* — аффикс назначительного падежа существительных).

Инфикс *-на-* в сложных суффиксах продольного и направительного падежей интерпретируется как более поздний локативный показатель, развившийся из *-нэ* (ср. показатель местного падежа *-нэ-к*).

Аблатив встречается в двух формах *-н-қо/-қо*. Инфикс *-н-* восходит к аблативному или лативно-аблативному *-н*. Лативный *-н* обнаруживается в окончании дательного падежа существительных *-на-ң* и местоимений *-кы-ң*. Употребляется он и самостоя-

тельно для обозначения дательного падежа (после гласных), входит в состав суффикса пролатива *-й-ны-ң* и латива *-й-ты-ң*; *моқ-на-ң* 'кому?', *коя-ң* 'олень'.

Возможно, это *-ң* омонимично показателю сказуемости *-ң*: ср. спряжение глагола *тылэ-к* 'идти' в настоящем времени *тыку-лэ-ң* 'я иду', *ку-лэ-ң* 'ты идешь', *ку-лэ-ң* 'он идет' и т.д.

Поразительно, что корякские наречия не дают рефлексов локативного *-на/-нэ*, но лишь лативное *-ң* и спорадически *-ңа*, отмечаемое нами для абсолютного падежа существительных: ср. *айгывэнь-ңа* 'вечером', и *коя-ңа* 'олень'.⁵

Суффикс дательного (~ направительного) падежа *-ң* широко используется при образовании наречий: *плелы-ң* 'удобно', *галмы-ң* 'криво', *гымлэ~гымлэ-ң* 'заново', *онмы-ң* 'в глубь', *ветэ-ың* 'напрямик' (Жукова 1972, 278—285).

В свете сказанного по поводу эволюции значения локативного *-н*, можно утверждать, что аффиксы падежей на *-т* существительных I склонения фиксируют то или иное значение древнего локативного **-t*. Любопытно, что существительные I склонения наряду с показателями эргатива *-тэ/-та/-э/-а*, латива *-(й)-ты-ң*, совместного падежа *-га* — *-та/-а* (речь идет о суффиксе *-та*), *-т* повествовательно-каузативного падежа *-к-йи-т/-кь-е-т* и касательного на *-йи-тэ/-е-та* имеют локатив на *-к/-ык*, надо полагать, более поздней формации.

Встречаются наречия с формантом *-та/-тэ*: *ныки-та* 'ночью', *мале-та* 'медленно'; ср. также *яно-т* 'сначала', 'раньше', *яно-т-ык* 'впереди' (локативные *-т*), *яно-т-тэ-ты-ң* 'вперед' (*-тэ* — локативное и *-ты* — лативное), *яно-ты-ңқо* (значение *-ты* — близко к локативному).

В корякском прослеживается развитие локативного *-к/-ык*, являющегося суффиксом местного падежа местоимений и существительных I склонения и входящего в суффикс датива *-на-к/-не-к* (ср. с дательным падежом венгерского языка): *милг -ык* 'у огня'

⁵ Абсолютная форма существительного *коя-ңа* 'олень', в связи с чем возникла проблема, не являются ли показатели *-н*, *-t*, *-s* и др. именительного падежа существительных в финно-угорских и других языках развитием косвенных падежей. В этом случае некоторые конечные согласные именных основ можно было бы признать рефлексам древних локативов

(*милг-ын* ‘огонь’). В суффиксе исходного падежа *-ң-қо* обнаруживается аблативный *-қо*.

4.7.2. По поводу родительного падежа в корякском языке.

Среди многочисленных суффиксов и инкорпорирующих комплексов корякского языка обращают на себя внимание суффиксы притяжательного и относительных прилагательных на *-ин(э)/-эн(э)/-н(э)/-н(а)* и др., которые, в свете нашего исследования, можно считать адъективными формантами, восходящими к локативному **-и* или показателями родительного падежа локативного происхождения: *ынншв-ин* *яяңа* ‘дом дяди’ (ср. с рус. ‘дяд-ин дом’), где *ынншв* ‘дядя’, *яёл-эн* *налгын* ‘лисья шкура’, *қайықмиң-ин* ‘принадлежащий ребенку’, где *қайықмиңын* ‘мальчик’, ‘ребенок’, *гычг-эн* ‘шерстяной’ — *гычг-ын* ‘шерсть’, *кымли-н* ‘ватный’ — *кымликым* ‘вата’; *стекло-н* ‘стеклянный’, *чолко-н* ‘шелковый’ — *чолкочол* ‘шелк’.

Заманчиво усмотреть в адъективном аффиксе *-кэ-н/-ки-н* соединение показателей местного и родительного падежей. Ср.: *яно-т⁶* ‘сначала’ — *яно-т-ык* ‘впереди’ — *яно-т-кэ-н* ‘передний’, ‘находящийся впереди’, *явал-кэ-н* ‘задний’, *ано-кэ-н* ‘весенний’, *Москва-кэ-н* ‘московский’; *муйи* ‘мы (двое)’ — *муй-ык* ‘у нас’ — *муй-кэ-ки-н* ‘к нам относящийся’ наряду с притяжательным *муч-ги-н* ‘наш’.

4.7.3. Чукотский язык.

Как ни странно, с реконструкцией падежной системы чукотского языка возникают некоторые сложности, хотя мы располагаем большим числом исследований. Возможно, это связано с тем, что наречия чукотского языка хуже сохранили архаические элементы.

Как и в корякском, в чукотском языке в одной форме совпали творительно-эргативный, дательно-направительный и местный падежи. Без конечных согласных *-к* и *-н*, свойственных соответствующим корякским падежам. П.Я.Скорик предполагает

⁶ П.Я.Скорик наречие *яно*т возводит к чукотскому глаголу *яно*т-ык ‘обгонять’.

сложный путь развития эргативного и местного падежей на *-на-к/-не-к* из местоимения 3-го лица единственного числа *-ынан* 'он', что не оправданно: теоретически местоимение 3-го лица ед. числа могло развиваться в показатель эргативного падежа, но не локатива, тем более, что потребуются объяснить конечное *-к* корякского эргатива (в чукотском *-к* отсутствует); если следовать этой теории, не найдет объяснения и дательный падеж на *-на-н* корякского языка.

Помимо указанного суффикса *-на*, творительно-эргативный и местный падежи совпадают в форманте *-ын-е*, а дательно-направительный развил вариант *-(ы)-на-гты*, где *-г-* в суффиксе *-г-ты* или восходит к локативному *-к-*, или той же природы, что и *-й-* в корякском лативе *-й-ты-н*. Полагаем, отражено локативное *-к-*.

Назначительный падеж на *-ну/-но/-у* в обоих языках совпадает.

Показатели принадлежности *-инэ/-эна* и их варианты, а также показатели относительного признака *-кинэ/-кэна* единого с корякскими происхождения.

К *t*-овым локативам восходят показатели чукотских падежей творительно-эргативного *-тэ/-ти/-т*, совместного *гэ-* — *-тэ* и дательно-направительного *-э-ты/--(ы)на-г-ты*.

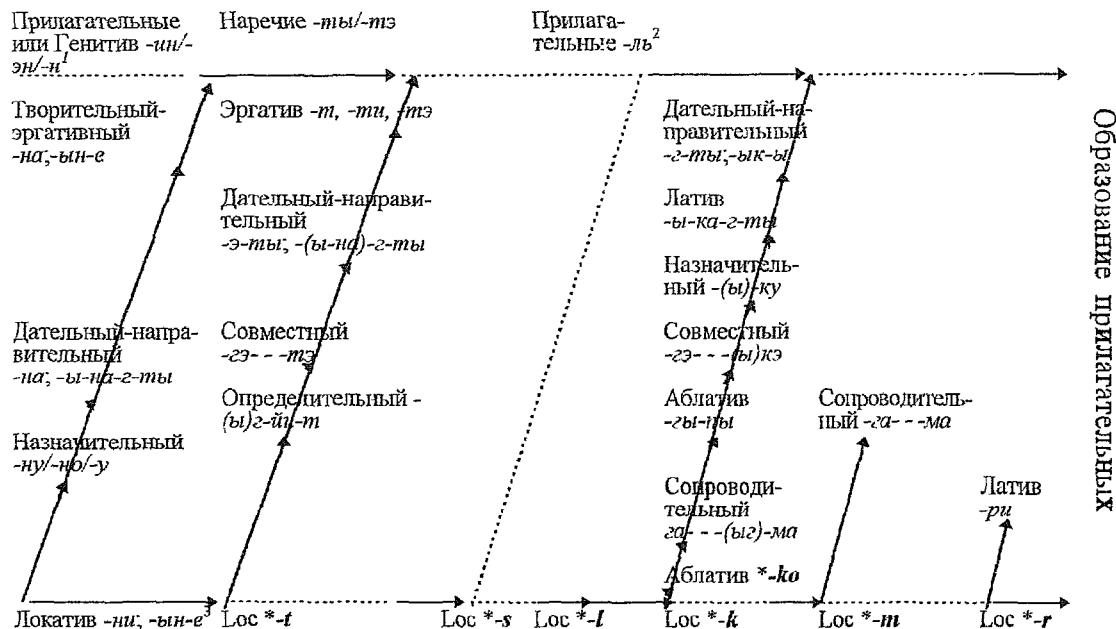
Касательного падежа в чукотском нет, есть определительный падеж на *-(ы)-г-йи-т*.

Суффикс *-тэ* используется для образования наречий: *миңкэ-тэ* 'по какому месту?', *эвыча-тэ* 'понизу', *гымче-тэ* 'близко'.

Владимир Германович
БОГОРАЗ
(1865—1936)

Система локативов в ЧУКОТСКОМ языке

1) И другие показатели признака относительного и по принадлежности; 2) суффикс причастий, используемый в качестве адъективного показателя; 3) независимо от того, отпал конечный -к в суффиксах творительно-эргативного и местного падежей, как в чукотском, или нет, указанные чукотские падежи отражают более древнее состояние; первоначальные показатели падежей, как правило, не отягощены дополнительными формантами.

Есть рефлексы и более древнего локативного *-тэ*: *ти-тэ* 'когда?', *ныки-тэ* 'ночью'.

Более полно в чукотском представлена система *к*-ового локатива. Здесь отсутствует творительно-эргативный на *-на-к/-не-к*, но появились назначительный падеж на *-(ы)-ку* и совместный на *э-* — *-кэ*. Есть дательно-направительный на *-э-ты* и *-ык-ы*, латив на *-(ы)-ка-э-ты*, сопроводительный на *га-* — *-ыз-ма* (в местоименном склонении). Аблатив имеет форму *-гы-ны*, происхождение которого П.Я.Скорик объясняет развитием глагола *эн-ык* 'идти по', 'идти от' (*эн > йп > гып*) (Скорик 1961, 435), что не находит подтверждения: ср. показатель аблатива существительных *-гы-ны* и местоимений *-ык-а-й-ны*. Чукотский материал позволяет реконструировать аблативный *-(н)-қо*: *миңқы* 'где?', *мэң-қо* 'откуда?'. И конечно же, локативный *-к/-ык* участвует в склонении местоимений и существительных I класса: *милгэр-ык* 'в ружье', *гым-ык-ы* 'у меня'.

П.Я.Скорик объясняет появление суффикса сопроводительно-го падежа на *га-* — *-ма* влиянием деепричастий одновременного действия на *-ма*: *га-копра-ма* 'с сеткой' (при себе), *пэрэ-ма* 'беря (одновременно)'. Вполне возможно. Мы относим аффикс *-ма* к *м*-овым локативам по двум соображениям: В финно-угорских языках прослеживаются рефлексы локативного **-m*, а также то, что в падежной системе эскимосского языка, обнаруживающем определенное сходство с чукотско-камчатскими языками, превалирует *м*-овый локатив.

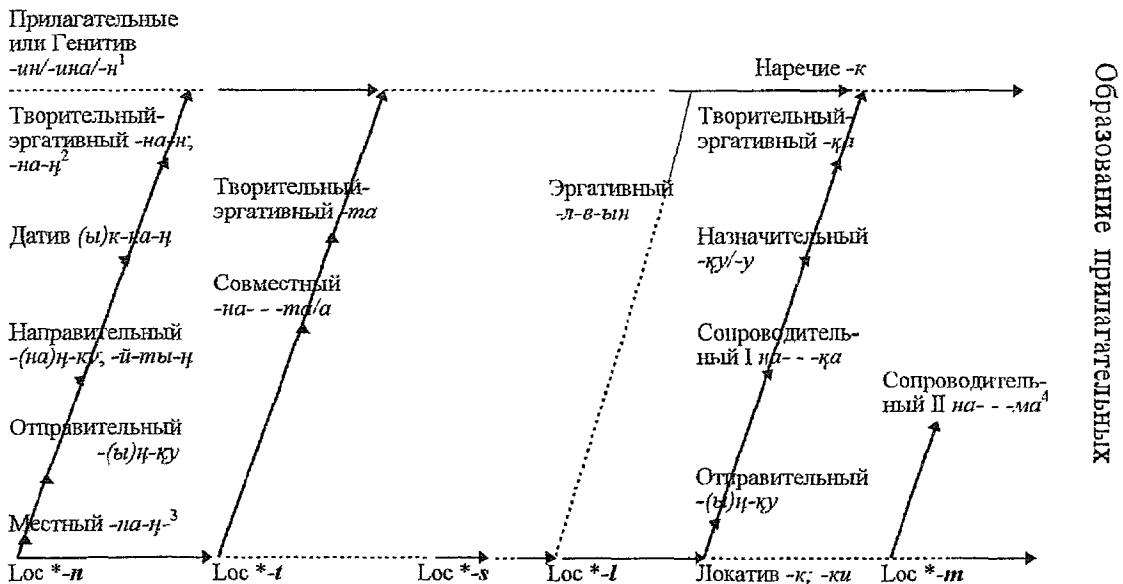
В чукотском обнаруживается лативный *-ри*, иногда усиленный аффиксом *-лы*: *миңқы* 'где?', *миңқы-ри(-лы)* 'куда?', *мэңқо* ~ *мэңқо-ры* 'откуда?', *ыңқо-ры* 'оттуда'.

4.7.4. Керекский, алоторский и ительменский языки.

Падежная система керекского языка не очень сильно отличается от таковой корякского и чукотского языков.

В керекском суффиксом творительно-эргативного и местного падежей служит *-на-н*, но, хотя суффикс *-на-к/-нэ-к* отсутствует, оживился *к*-овый локатив: суффикс *-ык/-к* еще больше проникает в склонение существительных, наряду с суффиксом *-ну/-у* назначительный падеж образуется при помощи суффикса *-ку*.

Система локативов
в КЕРЕКСКОМ языке

1) Как в корякском и чукотском; 2) на-н для местоимений, на-н для существительных; 3) равен творительному-эргативному падежу существительных; 4) префикс сопроводительного падежа на-, а не га-.

В местоименном склонении именительный и творительно-эргативный падежи остались без изменения, в дательном, отправительном и направительном к аффиксу местного падежа *-ык* присоединился формант *-ка*, вероятно, показатель вторичного местного падежа: *умиу* 'я' — *ум-ык-ка-ң* 'мне' (дательный падеж) (коряк. *гым-кы-ң*), *ум-ык-ка-ң-ку* 'от меня' (исходный падеж) (коряк. *гым-ка-ң*). Назначительный падеж образуется посредством суффикса *-ку*, присоединяемого к местному падежу: *ум-ык-ку* 'для меня'.

Относительные прилагательные образуются при помощи суффикса *-ки*, который в определенных фонетических условиях присоединяется к существительному в качестве показателя местного падежа: *ала-ки қунайчи* '(для) лета брюки'. Данная модель относительных прилагательных доказывает, что суффикс *-к-ин/-к-эн*, действительно, мог развиться на основе местного *-ки* и родительного падежа. Конечно, не без влияния категории принадлежности.

Парадигма склонения существительных в алюторском весьма близка к падежной системе корякского языка. Отличие сводится к следующему: в алюторском нет исходного падежа (аблатива), во II склонении существительных отсутствуют сопроводительный и творительный падежи. Местный падеж местоименного склонения дублируется дополнительным аффиксом *-и/-ки*: *гым-ык-и* 'у меня', *гын-ык-ки* 'у тебя'.

Реконструируется аблатив неясного происхождения *-(ың)-қал*: *лек-тың-қал* 'назад', *мраң-қал* 'вправо', *ңаниң-қал* 'оттуда'.

Судя по тому, что в ительменском отсутствует инкорпорация, он более продвинут сравнительно с другими чукотско-камчатскими языками. Система склонения значительно упростилась, фактически она зиждется на *n*-овом и *k*-овом локативах.

Эргативный падеж исчез, система пространственных падежей упростилась до минимума. Чем же располагает ительменский язык?

К *k*-овому локативу восходит первый элемент дательно-направительного падежа *-ан-ке*, аблатива *-ан-х'ал* и одного из вариантов сопроводительного падежа *-ан-ке-т*, а также первый элемент местно-творительного на *-ен-к/-ан-к*. Местный падеж может означать принадлежность.

Относительные прилагательные -к-ин

Творительный эргативный *-на-и

Дательный-направительный -и/-ың

Назначительный -ну/-у

Аблатив *-ың -қал

Loc *-n

Творительный-эргативный -та-а

Совместный -га- -та

Повествовательный -(ы)-к-йи-т

Касательный -йи-та

Loc *-t

Система локативов в АЛЮТОРСКОМ языке

Наречие -к

Дательный-направительный
-кы ~ -ка

Пролатив
-ке-ны-т; -гы-па

Повествовательный
-(ы)-к-йи-т

Локатив -к, -ык

Сопроводительный
авын- -ма

Loc *-m

Loc *-s

Loc *-l

Образование прилагательных

Единичные примеры указывают на существование более древнего локативного *-ен*: *ху ~ ху-к-ен* 'там'.

Адъективный показатель *-'ин/-'ан* сохраняет локативное значение, особенно в тех случаях, когда образует прилагательное от наречий с суффиксом пространственного падежа. Ср.: *ламд* 'лето' — *ламд-'ан* 'летний'; *кист у-'ин* 'дом из дерева' (*кист* 'дом'); *кист-э-нк* 'дома' — *кист-э-'ин* 'домашний' (с отпадением у наречия аффикса локатива); *тмал-к* 'близко' — *тмал-'ан* 'близкий'; *ачиньч-к* 'вчера' — *ачиньч-'ан* 'вчерашний' (в обоих случаях отпал более древний локативный *-к*, что свидетельствует о присутствии в суффиксе *-'ин/-'ан* локативного значения).

Т-овый локатив не дает надежных рефлексов, к инструментальному на **-t* восходит лишь конечный *-т* каузатива *-ки-т/-ан-ке-т*.

Из *л*-овых падежей в ительменском есть инструментальный на *-л* для существительных, не обозначающих человека, и соответствующий ему сопроводительный *к* — *-д*; в суффиксе аблатива *-х'ал* *-л* имеет аблативное значение. Едва ли эти падежи восходят к древнему *л*-овому локативу.

Встречаются наречия с суффиксом *-лэ*, вероятно, произошедшие от инструментального падежа: *хаңк-лэ* 'зимой', *кдфиң-лэ* 'ночью' и др.

Сужена в ительменском и база для *к*-овых падежей: сохранились дательно-направительный на *-ан-ке* и местно-творительный на *-ен-к/-ан-к/-н-к*; благодаря материалу корякского языка признаём в каузативном *-ки-т* и аблативном *-х'ал* локативный *-к*.

Аблативный формант *-х'ал*, вероятно, развился из локативного *-ка* (ср. с корякским аблативом на *-ң-қо*). Превратительный на *-қи/-қа* неизвестного происхождения, но в ительменском известны подобные аффиксы с локативным значением.

Реконструируется более древний локатив на *-к*, функционирующий как живой падеж в других чукотско-камчатских языках: *қалэ-к* 'рядом', *кныз-ык* 'на берегу' (*кныз-ым* 'берег'), *сал-к* 'сзади' (где), *сал-х'ал* 'сзади' (откуда), *тнум-к* 'внизу' (*тнум-к'юг'*).

Качественным прилагательным с суффиксом *-лах* регулярно соответствуют качественные наречия с суффиксом *-қ*: *тхун-лах*

Система локативов
в ИТЕЛЬМЕНСКОМ языке

- 1) Для всех разрядов существительных; 2) для существительных, обозначающих человека; 3) для существительных, не обозначающих человека и в местоименном склонении; 4) только для существительных, не обозначающих человека

‘темный’ — *тхун-қ* ‘темно’, *ом-лаҳ* ‘теплый’ — *ом-қ* ‘тепло’, *кт-лаҳ* ‘твердый’ — *кта-қ* ‘твердо’

Интересны конструкции, обозначающие положение в пространстве *ха-нк ухт-энк* ‘над лесом’ (букв ‘наверху в лесу’ — наречие и существительное оформлены одним и тем же локативным *-(э)-нк*, *тнум-к стол-анк* ‘под столом’ (букв ‘внизу у стола’)

Сопроводительный на *-м* падеж усложнен инфиксом *-чо-* *к’-эсх-чо-м* ‘с отцом’ (*исх* ‘отец’)

4.8. Характеристика падежной системы эскимосского языка.

Эскимосский язык относится к эскимосско-алеутской семье языков и, по мнению большинства исследователей, занимает самостоятельное место в генеалогической таблице языков мира

Мы постараемся показать, что система падежей эскимосского языка зиждется на той же основе, что и падежная система финно-угорских языков

Прежде всего обращает на себя внимание так называемый относительный падеж. Рассмотрим склонение существительного *юк* ‘человек’ в единственном и множественном числе

Эскимос (Гренландия)

Ед число		Множ число	
Абсолютный	<i>юк</i>	‘человек’	<i>юг-ы-т</i>
Относительный	<i>юг-ы-м</i>	‘человека’	<i>юг-ы-т</i>
Творительный	<i>юг-мыц</i>	‘человеком’	<i>юг-пыц</i>

Дат.-направит.	<i>юг-мун</i>	‘человеку’	<i>юг-нун</i>
Местный	<i>юг-ми</i>	‘у человека’	<i>юг-ни</i>
Продольный	<i>юх-кун</i>	‘по человеку’	<i>юг-ы-т-хун</i>
Сравнительный	<i>юх-тун</i>	‘подобно человеку’	<i>юг-ы-с-тун</i>

Обратим внимание на то, что *-м* относительного падежа соотносится с пространственными падежами — местным, дательно-направительным и творительным. Как мы знаем, в палеоазиатских языках местный падеж употребляется в качестве подлежащего эргативной конструкции. Эту функцию в эскимосском языке выполняет относительный падеж, следовательно, мы имеем еще одно доказательство происхождения относительного падежа от местного: *аг’на-м агла-тақа авақутақ* ‘женщина несет младенца’ (*аг’на-м* — эргативный падеж имени существительного ‘женщина’).

Относительный падеж в посессивном склонении существительных имеет форму *-ма*. Едва ли случайно в языке эскимосов Берингова пролива (в примерах ‘Беринг’) обнаруживается более ранний местный падеж на *-ма*: *пá-ма* ‘позади’, *қа-ма* ‘внутри’ при *қа-мұ-ңа* ‘вовнутрь’. Кроме того, как известно, местные падежи нередко употребляются для обозначения принадлежности

Заметим также, что фактически относительный падеж выполняет функции родительного падежа: Беринг. *йги-м туңа-ның* ‘от горы’ (*йге-к* ‘гора’, *туңақ* ‘сторона напротив’), *йги-м туңа-нун* ‘к горе’, *туңа-ни* ‘у горы’.

Кстати, во множественном числе чаплинского диалекта эскимосского языка *м*-овые окончания замещаются на *н*-овые и совпадают с аффиксами соответствующих падежей в послелогах. Эти же окончания функционируют в основном склонении в языке эскимосов Берингова пролива (примеры в предыдущем абзаце), что указывает на более древний статус *н*-овых пространственных падежей.

Таким образом, мы можем смело утверждать, что в эскимосских языках *м*-овая локативная система наслаивается на более древнюю *н*-овую локативную систему.

В чаплинском диалекте легко прослеживаются более древние падежи — локативный на *-ни*, аблатив на *-к-ын* и латив на *-в-ык*:

<i>ма-ни</i>	‘здесь’	<i>ма-в-ык</i>	‘сюда’
<i>уява-ни</i>	‘далеко’	<i>на-в-ык</i>	‘куда?’
<i>сиву-ни</i>	‘впереди’	<i>тага-в-ык</i>	‘туда’
	<i>ма-к-ын</i>		‘отсюда’
	<i>на-к-ын</i>		‘откуда?’
	<i>тах-к-ын</i>		‘оттуда’

Ср.: Беринг. *сийб-ни* ‘впереди’, *ило-ни* ‘внутри’, *туно-ни* ‘позади’.

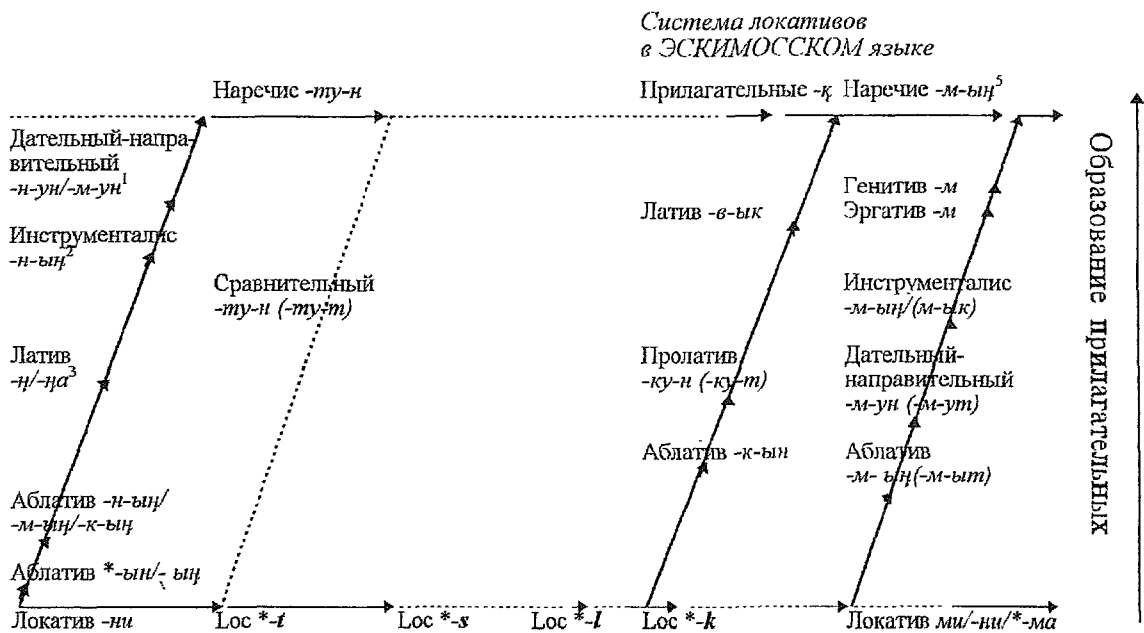
Таким образом, восстанавливаем локативный *-ни* и аблативный *-ын*. По-видимому, это более древние окончания, потому что в послелогах обнаруживаются аблативный *-(н)-ың* и аффикс творительного падежа *-(н)-ың*: чапл. *гуйгум саг’ва-н-ың* ‘от дома’ (аблатив), *киңу-в-ның* ‘за тобою’ (где *-в-* — лично-притяжательный суффикс 2-го лица, *-ның* — суффикс творительного падежа).

Следовательно, в эскимосском языке прослеживаются аффиксы более древних *н*-овых падежей, появляющиеся в двойственном и во множественном числе именного склонения и в местоименном склонении, а также употребляются в качестве суффиксов послелогов: *-ни* (локатив), *-(н)-ың* (аблатив), *-ын* (аблатив), *-ың/-н-ың* (инструменталис), *-ну-н* (дательно-направительный падеж).

Язык эскимосов Берингова пролива даст еще два *н*-овых падежа: *-?на* (аблатив) и *-ңа* (латив).

Язык эскимосов Берингова пролива		Чаплинский диалект
<i>ма-?на</i>	‘отсюда’	— <i>ма-к-ын</i> ‘отсюда’
<i>тага-?на</i>	‘оттуда’	— <i>тах-к-ын</i> ‘оттуда’
<i>тагу-ңа</i>	‘туда’	— <i>тага-в-ык</i> ‘туда’
<i>каму-ңа</i>	‘внутри’	— <i>на-в-ык</i> ‘куда?’

Помимо всего сказанного, *-н* входит конечным элементом в суффиксы дательно-направительного падежа (*-м-ун*), продольного (*-к-ун*) и сравнительного (*-т-ун*) падежей.

- 1) Функционируют параллельно: *-м-ун* в ед. числе, *-н-ун* в дв. и во множ. числе; 2) формант *-н-ың* реконструируется и как аблатив; 3) Латив *-ң* проявляет тенденцию к исчезновению: его реликты обнаруживаются в тунгусо-маньчжурских, тюркских и монгольских языках; 4) в круглых скобках даны варианты падежей, встречающиеся в канадских и гренландских диалектах; 5) в языке эскимосов Берингова пролива.

Возможно, единственным падежом, восходящим к *t*-овым локативам, является сравнительный падеж, но не исключено, что это *-m-* не имеет никакого отношения к *t*-овому локативу, ибо эскимосские языки дают весьма сомнительные рефлексy *t*-ового локатива. Правда, в канадских и гренландских диалектах эскимосского языка во всех падежах, кроме творительного (имеющего конечный *-k*), появляется конечный *-t* вместо *-n*, который мы квалифицировали как рудимент древнего *p*-ового локатива.

Сравнительный падеж используется для образования наречий образа действия: *пини-тун* 'хорошо', *сыг'лы-тун* 'плохо'.

Эскимосский язык дает ясное представление о структуре *k*-овых падежей: здесь имеются аблатив на *-k-ын*, пролатив на *-k-ун* и латив на *-b-ык*.

Возможно, локативный *-к* употребляется как адъективный показатель (*акто-к* 'большой') в языке эскимосов Берингова пролива, а наречия образуются при помощи суффикса аблатива *-м-ы-н*.

М-овые падежи формируют локатив (*-ми/*-ма*), аблатив *-м-ы-н*, дательно-направительный (*м-ун*) и генитив (так называемый относительный падеж на *-м*), по-видимому, участвующий в пассивном склонении существительных.

Обратим внимание, что в эскимосском функционируют три аблатива: *-м-ы-н* в ед. числе, *-н-ы-н* в двойственном и во множ. числе и в местоименном склонении и *-к-ын* в словах пространственной ориентации. Все три аблатива — живое явление эскимосского языка.

Подытоживая исследование парадигмы склонения существительных эскимосского языка, скажем следующее: если, например, в прибалтийско-финских и других финно-угорских языках нам с трудом удавалось реконструировать *n*-овую и *t*-овую локативную основу, а тем более *k*-овые и *m*-овые падежи, то в самодийских языках реконструируемая для других финно-угорских языков система фактически лежит на поверхности, более или менее прослеживается судьба *k*-ового и *m*-ового локативов и даже есть винительный падеж на *-м*, выполняющий также функцию направительного падежа, что наблюдается во многих языках мира. В чукотско-камчатских языках с трудом реконструируется *n*-овая и *t*-овая локативные системы, в какой-то мере можно говорить о существовании *m*-ового локатива и хорошо представлены *k*-овые

падежи, благодаря чему можно утверждать если не о родстве чукотско-камчатских и эскимосских языков, то, во всяком случае, о типологической близости в определенный период их развития.

4.9. Как изменяется парадигма склонения существительных в урало-алтайских языках?

Думается, парадигму склонения существительных в урало-алтайских языках можно охарактеризовать следующим образом.

По мере движения от Финляндии к Уралу все лучше сохраняется праязыковое состояние: *n*-овые, *t*-овые, *s*-овые и *l*-овые падежи реконструируются с большим или меньшим трудом в прибалтийско-финских языках, в них же обнаруживаются ничтожные следы *k*-овых и *m*-овых падежей.

С приближением к Уралу указанные четыре системы (*n*, *t*, *s*, *l*) сохраняются почти в чистом виде, отражая праязыковое состояние на очередном этапе развития волжских и пермских языков. В них же более активно, чем в прибалтийско-финских языках, функционируют *k*-овые падежи и более надежно реконструируется *m*-овый локатив.

По мере движения от Урала на Дальний Восток значение *l*-овых и особенно *s*-овых падежей уменьшается и в палеоазиатских языках их рефлексy незначительны, зато в парадигме склонения усиливается статус *k*-овых падежей, в конкуренцию с которыми вступают *m*-овые локативы.

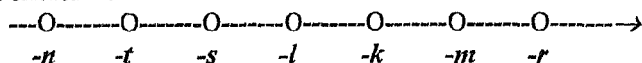
При этом селькупский (один из самодийских языков) и юкагирский (изолированный язык) хорошо отражают *n*-овую и *t*-овую основу финно-угорских языков. А в эскимосских, сравнительно с другими языками, больший вес обрели *r*-овые локативы, причем парадигма склонения в эскимосских языках почти на равных состоит из *n*-ового, *k*-ового и *m*-ового локативов; *t*-овый локатив или исключен, или почти исключен из падежной системы.

В тунгусо-маньчжурских языках, весьма близких к финно-угорским, наблюдаются рефлексy *r*-овых падежей, которые обретают определенный статус в склонении существительных в тюркских и монгольских языках.

Словом, парадигма склонения существительных в финно-угорских и близких к ним языках меняется от *n*-овых до *r*-овых

локативов внутри некоей системы, в рамках которой мы проводим исследование, в связи с уменьшением значения (и даже с полным исчезновением) или увеличением статуса тех или иных локативных падежей.

Напомним, наше исследование проводится в рамках следующей системы:

4.10. Характеристика падежной системы японского языка.

О падежной системе японского языка приходится говорить крайне осторожно: во-первых, японские лингвисты (а вслед за ними и русские японисты), учитывая специфику японского языка, относятся к наречиям, как мачеха относится к падчерице; во-вторых, по причине таких теоретических посылок, они занимаются знаменательными частями речи и не исследуют происхождение наречий и, следовательно, историю адвербиальных суффиксов.

Так, М.Кизэа слова типа *цуй-ни* 'в конце концов', *кото-ни* 'в особенности', *тама-ни* 'случайно', 'изредка' считает наречиями, так как без суффикса *-ни* они перестают быть словами. Соответственно, *кару-ку* 'легко', *сидзука-ни* 'тихо' и т.п. для него не являются наречиями: в *кару-ку* он признает наречную форму предикативного прилагательного, в *сидзука-ни* — адъективный глагол в функции наречия.

Для нашей теории, как, впрочем, и для традиционной грамматики, важным является то, что аффикс *-ни* образует наречные слова, а от какой части речи образовано наречие, остается за рамками исследования, если специально не вникать в семантику наречных формантов. Это то, что касается особой точки зрения на сущность наречий. А вот то, что лингвисты недостаточно изучили историю суффиксов наречий, связывает руки и нам, так как мы не можем заглянуть в древность и с уверенностью сказать, восходит ли аффикс *-ни* к *n*-овым локативам.

И все-таки даже исследование синхронного среза предоставляет в наше распоряжение полезные сведения.

Рассмотрим парадигму склонения существительных японского языка с позиций нашего исследования.

Показатели падежей, называемые в японистике послелогоми, которые мы будем называть аффиксами, как правило, многозначны.

Аффикс *-ни*, оформляющий косвенное дополнение или обстоятельство, употребляется также для обозначения направления, места действия и как показатель наречий: *яма-ни нобору* 'подняться на гору' (датель), *сэки-ни цуку* 'сесть на место' (локатив), *томо-ни катару* 'рассказать другу' (датель), *сидзука-ни катару* 'тихо рассказать' (наречие).

Наречия образа действия образуются также посредством форманта *-ку*, не связанного исторически с *-к-* форманта *-кара*, имеющего значение исходного падежа: *уцүку-си-й* 'красивый', 'быть красивым' — *уцүкуси-ку* 'красиво'.

Формант *-но* используется как универсальный атрибутивный показатель и лишь в минимальной степени соответствует русскому родительному падежу: *хана-но иро* 'цвет цветка' (*хана* 'цветок'), *ватакүси-но томотати* 'мой друг' (*ватакүси* 'я').

Кроме того, он может употребляться в аблативном значении, как и формант *-о*, оформляющий в основном прямое дополнение.

Лингвисты отмечают более древний инфикс *-на-* (в примерах выделяемый нами дефисами для наглядности), который ближе к значению генитива, чем *-но* с его универсальными атрибутивными свойствами: *та-на-гокоро* 'ладонь' (букв. 'сердце руки') — *та* 'рука'; *ми-на-ками* 'верховье' (букв. 'верх воды' — *ми* 'вода'), *ми-на-то* 'порт' (букв. 'ворота воды' — *то* 'ворота').

Похоже, атрибутивный *-на-* восходит к исследуемому генитиву *-на-* и составляет оппозицию адвербиальному *-ни*: *сидзука-на* 'тихий' — *сидзука-ни* 'тихо'.

Таким образом, *н-*овые форманты японского выстраиваются в стройную систему, аналогичную *н-*овой падежной системе финно-угорских языков.

Аффикс *-то* употребляется в значении совместного падежа (по терминологии Н.В.Головнина, выделяющего в японском языке одиннадцать падежей). Этот же формант служит для образования наречий: *сот-то* 'тихо', 'еле-еле', *хонобоно-то* 'слабо', *фу-то* 'вдруг'.

Японские падежные аффиксы с базисным *-тэ*, возможно, имеют отношение к формантам с базисным *-дэ*. Так, М.Кизэда возводит *-дэ* творительного падежа (скорее, близкого по значению к инструменталису) к форманту *-ни-тэ*: *-дэ < -ни-тэ < -ни- ± -тэ*, где *-ни* известный нам показатель направления и места действия, а *-тэ* — союзное служебное слово письменного японского языка (Кизэда 1958, т. I, 529). От себя добавим, что, каково бы ни было происхождение *-тэ*, присоединяясь к *-ни*, оно уже имело лативно-локативное значение: аффиксы могут сочетаться с другими аффиксами только в том случае, когда имеют близкое им значение.

На наш взгляд, аффикс *-дэ* может иметь отношение и к дес-причастиям с аналогичным *-дэ*, но гласный форманта *-дэ* едва ли имеет отношение к лативному *-э*. Он же употребляется в значении локатива: *Осака-дэ* 'в Осаке' (локатив), *мохицу-дэ* 'кистью' (инструменталис).

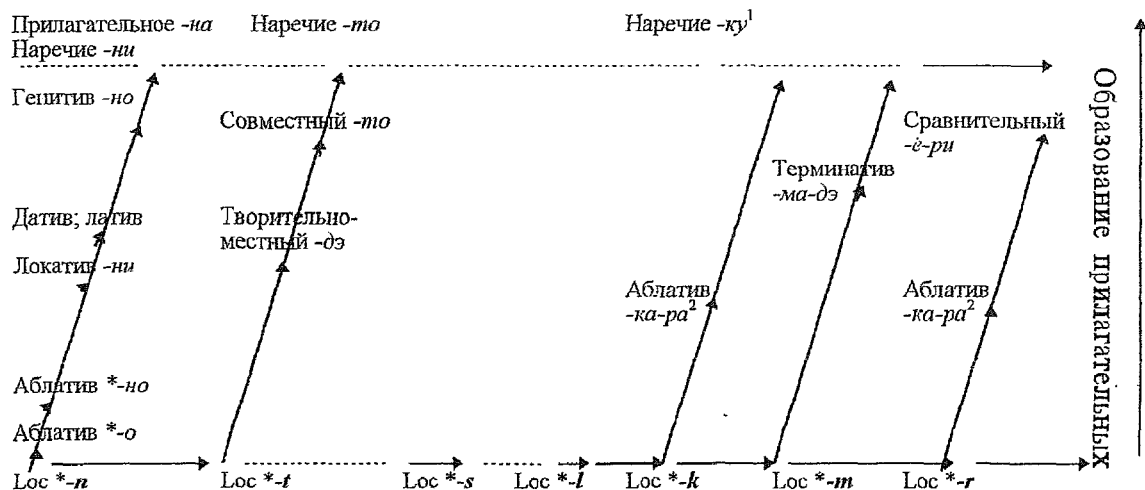
Это же *-дэ*, возможно, входит в состав терминатива *-ма-дэ*, обозначающего конечную точку: *Итари-мадэ* 'до Италии'. Кстати, один из вариантов терминатива формирует аффикс *-ни* (*-ма-дэ-ни*).

Формант *-эри* письменного японского языка соответствует форманту *-кара*, употребляющемуся также в разговорном языке. Оба передают близкое к аблативному значение: *комэ-эри* 'из риса', *кадзо-кара* 'с прошлого года'. Аффикс *-эри* используется также для формирования сравнительного падежа.

Возможно, это же *-ри* представлено в аффиксе наречия: *юкку-ри* 'не спеша'.

Итак, материал японского языка, в силу объективных и субъективных причин, не дает оснований возвести падежную (или, точнее, падежеобразную) систему изменения существительных к *и*-овому локативу, базисной системе финно-угорских языков, но совершенно очевидно, что в рамках японского языка протекают процессы, аналогичные тем, что мы отметили для финно-угорских и, шире, алтайских языков.

В японском на основе *и*-ового локатива развиваются определительные (генитив) и, далее, адъективные отношения, причем аффикс древнего генитива формирует адъективные имена (*сидзука-на*), а показатель локатива используется для образования

Система локативов
в ЯПОНСКОМ языке

1) Наречная форма предикативных прилагательных; к *к*-овому локативу отношения не имеет; 2) формант с аблативным *-ка-ра*// *-га-ра* имеется в тюркских языках.

наречий (*сидзука-ни*). Относительно *т*-овых падежей приходится говорить весьма условно, но *р*-овые показатели падежей, — по-видимому, реальность японского языка.

4.11. Восходят ли финно-угорские и индоевропейские языки к одному праязыку?

а) Древнегреческий язык.

Древнегреческий язык сохранил очень мало архаических элементов в системе именного склонения.

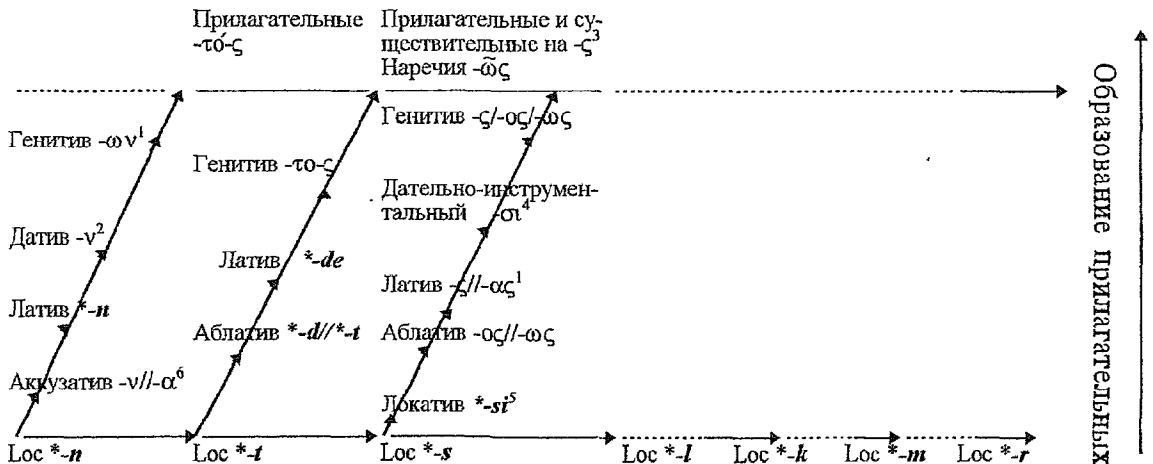
Так как мы начинаем исследование с *и*-ового локатива, отметим *-v* в окончании родительного падежа множественного числа *-ων* и в окончании дательного падежа множественного числа личных местоимений (*ἡμῶν* 'нам'); на *-и* оканчивается также винительный падеж ед. числа I и II склонения.

Гомеровский греческий дает примеры употребления аккузатива (как ед. числа на *-v*, так и множ. числа на *-ας*) с формантом *-δε*, подчеркивающим лативный характер

Л.Бернини. Апполон и Дафна.
Вилла Боргезе. Рим.

Система локативов
в ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОМ языке

1) Во множественном числе; 2) в единственном числе; 3) то, что мы доказываем для финно-угорских языков — совпадение аффиксов родительного и именительного падежей с последующей дифференциацией их значения, в элтинистике (науке о древнегреческом языке и древнегреческой культуре) считается чуть ли не очевидным: ср. в латинском *urb-s* 'город' — *urb-is* 'города'; 4) с вариантами; 5) дательный, инструментальный и локатив в древнегреческом совпадают в одной форме; 6) -v в I-м и во II-м склонении и -α в III склонении.

аккузатива: 'Ολυμπόν-δε 'на Олимп', 'Αθήναζε < 'Αθήνασ-δε 'в Афины'.

На аблативный характер генитива указывают аблативные предлоги ἐκ 'из' и 'από 'от', употребляемые с генитивом.

В латинском, -v греческого accusativa ед. числа и генитива множ. числа, соответствует -m.

Реликты локативного *-t можно усмотреть в форманте -θεν: 'Αθήνα-θεν 'из Афин', и диалектное τηνῶ ~ τηνῶ-θεν 'оттуда'. Гомеровский греческий дает окончание -οδ/-от для ед. числа тематических основ; в архаической латыни встречается аблатив на -d: lupō-d 'от волка'. Аблативное -t- усматривают в окончаниях -τος (Казанский 1978).

Наиболее полно в древнегреческом языке представлены s-овые падежи. Греческий язык хорошо сохранил генитив на -ς / -ος / -ως (соответственно в I и в III склонении ед. числа), accusativ на -ας, иногда выполняющий по совместительству функцию латива с формантом -δε или без него, и окончание -σι (с вариантами) дательного-местного падежа, используемое также в качестве инструменталиса (Курилович 1964, 190). Локативное -σι встречается в наречиях древнегреческого языка: πέρυ-σι 'в прошлом году', 'Αθήνα-σι 'в Афинах'.

Аблатив на -ῶς используется для образования наречий: καλός 'хороший' — καλ'-ῶς 'хорошо'.

Таким образом, основу падежной системы древнегреческого языка составляют s-овый локатив, как и в финно-угорских языках, а также рудименты n-ового и t-ового локативов.

б) Санскрит.

Присмотримся внимательно к склонению санскритского местоимения sa 'то', 'он' — sā 'та', 'она'.

	Единственное число		Множественное число	
	Муж. род	Жен. род	Муж. род	Жен. род
Nom	sas/sa	sā	te	tās
Acc	tam	tām	tān	tās
Instr	tena	tayā	tais	tābhis
Dat	tasmai	tasyai	tebhyas	tābhyas
Abl	tasmād	tasyās	tebhyas	tābhyas
Gen	tasya	tasyās	teṣām	tāsām

<i>Loc</i>	<i>tasmin</i>	<i>tasyām</i>	<i>teṣu</i>	<i>tāsu</i>
------------	---------------	---------------	-------------	-------------

В мужском роде ед. числа выделим интересующие нас окончания локатива *-in* и инструменталиса *-(i)nu* (*tena* < *ta* + *ina*), а также окончание аккузатива множ. числа *-n*.

Сюда же следует отнести аффикс *-n*- родительного падежа множественного числа: *suta* 'сын' — *sutā-n-ām* 'сыновей' (ср. с *-n* в слове *sutā-n* 'сына' — аккузатив).

К *n*-овому локативу, по-видимому, восходят прилагательные на *-in*, особенно те, которые употребляются только в конце сложных слов: *vās-in* 'живущий', *vād-in* 'говорящий', *rūp-in* 'видимый', 'в зримом образе', *bāl-in* 'сильный' — *satyavād-in* 'говорящий правду', т.е. 'находящийся (в состоянии) говорить правду' (*vad-* говорить).

Санскриту известен аблатив на *-ād*.

Наречия содержат указание на локативный *-da*: *ya-dā* 'когда', 'если', *ta-dā* 'тогда', *ka-dā* 'когда?'. Аффикс *-dā* составляет звонкую параллель аблативному *-d*.

Ряд наречных слов обнаруживают аблативный *-t-* в сочетании с аблативным *-as*: *ku-t-as* 'откуда?', 'отчего?' (аблатив), *ta-t-as* 'потом', 'туда', 'оттуда' (аблативно-лативный), *abhi-t-as* 'сюда' (латив).

Присмотревшись внимательно, убеждаемся, что склонение местоимения *sa/sū* дает возможность полностью реконструировать эволюцию локативного *-s*: локативное *-su* во множественном числе, аблативное *-ās* в единственном числе женского рода. Зная, что в именном склонении могут совпадать генитив и локатив, или аблатив и генитив, или датив и аблатив, а в двойственном числе часто совпадают в одной форме генитив и локатив, а также инструменталис, датив и аблатив, можем считать, что *-s* в локативных падежах как ед., так и множ. числа имеет локативное значение (факт, в общем-то, довольно прозрачный): ср. *-s-* в *ta-s-m-ād* (аблатив), *ta-s-ya* (генитив), *ta-s-m-in* (локатив). К ним можно присоединить и *-s* винительного и отложительного падежей женского рода, так как аккузатив нередко выполняет роль направительного падежа.

На этом же основании можно признать единое происхождение окончания локатива *-ām* жен. рода ед. числа и окончания ге-

Система локативов
в САНСКРИТЕ (древнеиндийском)

1) В конце сложных слов, 2) во множественном числе, первый элемент — показатель генитива, второй — формант локатива, 3) ср с показателем генитива, 4) в единственном числе, ср окончания генитива и аблатива ед числа, 5) по-видимому, только в родительном падеже множественного числа личных местоимений, 6) реконструкция вызывает сомнения, 7) в указательных местоимениях 'этот', 'тот'

нитива муж. рода множ. числа. Если это так, тогда формант *-m* в местном, отложительном и дательном падежах муж. рода ед. числа также восходит к *m*-овому локативу. Сюда же, надо полагать, относится и *-m* аккузатива жен. и муж. рода ед. числа: ср. лат. *Romam eo* 'иду в Рим', где *-m* винительного падежа выполняет функцию латива.

Санскрит не дает убедительных примеров наречий с суффиксом *-m*; чаще разряд наречий пополняется за счет прилагательных в аккузативе. Впрочем, ср.: *kṣipram* 'быстро' от *kṣipra* 'быстрый', *astam* 'домой' и *pārṣvam* 'около', 'рядом с' от существительного *pārṣva* 'бок', 'сторона'.

Вполне возможно, что суффикс прилагательных *-m* восходит к *m*-овому локативу: *adhamá* 'самый нижний' при *adhás* 'вниз', 'внизу'.

В наречиях встречается лативно-локативный *-r*. Ср.: *ya-dā* 'когда' *ya-t-ra* 'где?', 'куда?' *ya-t-as* 'когда', 'потому что' *ta-dā* 'тогда' *ta-t-ra* 'там', 'туда' *ta-t-as* 'потом', 'туда', 'оттуда' *ka-dā* 'когда?' *a-t-ra* 'здесь', 'там' *ku-t-as* 'откуда?'

В личных местоимениях множественного числа появляется неизвестного происхождения *-k*: *asmā-k-am* 'нас' (др.-греч. ἡμῶν) / *yuṣma-k-am* 'вас' (др.-греч. ὑμῶν). Это *-k* невозможно возвести к *k*-овому локативу, так как в санскрите его следы нами не обнаружены.

Древнегреческий язык почти не проливает свет на более древний период своего развития, так как процесс разрушения падежной системы зашел довольно далеко.

Более или менее полно представлена *s*-овая локативная система. В отличие от волжско-пермских языков и санскрита *s*-овые падежи не осложнены дополнительными элементами. От *n*-овой и *t*-овой локативных систем остались незначительные осколки.

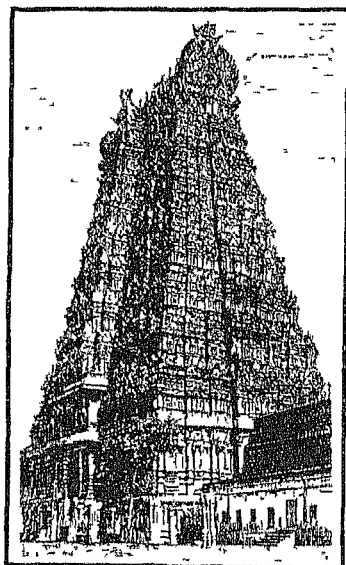
Санскрит еще сохраняет унаследованную от прошлых эпох падежную систему, но в ней уже наблюдаются разрушительные процессы: в двойственном числе восьмипадежная система низведена до трех форм, ряд падежей совпадает в единственном и множественном числе.

В санскрите, словно подтверждая нашу теорию, полностью сохранились *n*-овая и *s*-овая локативные системы, даже лучше, чем в финно-угорских языках. Правда, *n*-овые и *s*-овые падежи по

весьма сложной схеме распределились в системе склонения в зависимости от рода и числа склоняемого слова.

В санскрите фрагментарно представлены *t*-овые падежи и несколько полнее *m*-овая падежная система, представляющая собой “осколок” падежной системы палеоазиатских языков.

Храм 17 века
в Мадуре

БИБЛИОГРАФИЯ

Финно-угорские языки и народы.

Урало-алтайские языки и народы.

Баскаков Н.А. Алтайская семья языков и ее изучение. — М., 1981. — 136 с. — Библиогр.: с. 126 — 133.

Баскаков Н.А. Предисловие.// В кн.: *Рамстедт Г.И.* Введение в алтайское языкознание. — М., 1957. — С. 5 — 20.

Брюсов А.Я. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. — М., 1952. — 260 с.

Бубрих Д.В. Древнейшие числовые и падежные формы имени в финно-угорских языках.// Язык и мышление. XI. — М.; Л., 1948. — С. 69 — 90.

Бубрих Д.В. Сравнительная грамматика финно-угорских языков в СССР.// СФУ. Т. I. — Ленинград, 1948. — С. 47— 80. — (Уч. зап. ЛГУ. Серия вост. наук. № 105).

Гуя Я. Прародина финно-угров и разделение финно-угорской этнической общности.// ОФУЯ. — М., 1974. — С. 28 — 42.

Исследования в области этимологии алтайских языков. — Л., 1979. — 262 с.

Итконен Э. Основные направления финно-угроведения в Финляндии.// Симпозиум по финно-угорскому языкознанию (Петрозаводск, 26 - 27.3.1974). — Хельсинки, 1975. — С. 83—104.

Казанцев Д.Е. Истоки финно-угорского родства. — Йошкар-Ола, 1979. — 116 с.

Керт Г.М. Дмитрий Владимирович Бубрих (1890—1949): Очерк жизни и деятельности. — Л., 1975. — 104 с. — Печатные работы Д.В.Бубриха: с. 53 — 60.

Конт К. О паритиве в финно-угорских языках.// СФУ. № 3/1. — Таллин, 1967. — С. 1 — 6.

Котвич В.Л. Исследования по алтайским языкам. — М., 1962. — 371 с.

Ласло Д. К вопросу о формировании финно-угров. // Проблемы археологии и древней истории угров. — М., 1922.

Лыткин В.И. Сравнительная фонетика финно-угорских языков.// ОФУЯ. — М., 1974. — С. 108 — 213.

Майтинская К.Е. Историко-сопоставительная морфология финно-угорских языков. — М., 1979. — 263 с. — Библиогр.: с. 249 — 252.

Майтинская К.Е. Служебные слова в финно-угорских языках. — М., 1982. — 185 с. — Библиогр.: с. 160 — 163.

Майтинская К.Е. Сравнительная морфология финно-угорских языков.// ОФУЯ. — М., 1974. — С. 214 — 382.

Майтинская К.Е. Финно-угорские языки.// Сравнительно-историческое изучение языков различных семей: Современное состояние и перспективы. — М., 1981. — С. 259—275. — Библиогр.: с. 345 — 348.

Народы Сибири.// Под ред. *М.Г.Левина* и *Л.П.Потапова*. — М.; Л., 1956. — 1083 с. — (Английский перевод: *The Peoples of Siberia*. — Chicago; London, 1964).

Основы финно-угорского языкознания: Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. — М., 1974. — 484 с.

Основы финно-угорского языкознания: Прибалтийско-финские, саамские и мордовские языки. — М., 1975. — 347 с.

Основы финно-угорского языкознания: Марийский, пермские и угорские языки. — М., 1976. — 464 с.

Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. — Л., 1972. — 362 с.

Очерки сравнительной морфологии алтайских языков. — Л., 1978. — 271 с.

Проблемы археологии и древней истории угров. — М., 1972. — 312 с. — (Сборник исследований венгерских и советских археологов).

Реден К., Эрдейи И. Сравнительная лексика финно-угорских языков.// ОФУЯ. — М., 1974. — С. 397 — 438.

Серебренников Б.А. К проблеме происхождения форм объективного спряжения в уральских языках.// ВЯ. № 5. — М., 1968. — С. 22 — 33.

Серебрянников Б.А. Об истоках s-ового латива в финно-угорских языках.// СФУ. 18/4. — Таллин, 1982. — С. 241 — 246.

Серебрянников Б.А. Основные линии развития падежной и глагольной систем в уральских языках. — М., 1964. — 183 с.

Третьяков П.Н. У истоков этнической истории финно-угорских племен.// СЭ. № 2. — М., 1961.

Третьяков П.Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. — М.; Л, 1966. — 308 с.

Финно-волжская языковая общность. — М., 1989. — 272 с. — Библиогр.: с. 263 — 269.

Финно-угроведение в Мордовской АССР. — Саранск, 1970. — 80 с.

Хайду П. Уральские языки и народы. — М., 1985. — 430 с. — Библиогр.: с. 397 — 424.

Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. — М., 1969.

Чернецов В.Н. К вопросу о месте и времени формирования уральской (финно-угро-самодийской) общности.// Congressus Internationalis Fenno-Ugristarum Budapestini habitus 20-24.IX.1960. — Budapest, 1963.

Этногенез финно-угорских народов по данным антропологии.// Отв. ред. *И.М.Золотарева.* — М., 1974.

Языки мира: Уральские языки. — М., 1993. — 398 с. — (Описаны: вепсский, водский, ижорский, карельский, ливский; финский, эстонский; саамский; марийский, горномарийский, мокшанский, эрзянский; коми-зырянский, коми-пермяцкий, удмуртский; венгерский; мансийский, хантыйский; ненецкий, энецкий, нганасанский, селькупский, маторско-тайгийско-карагаский, камасийский и койбальский языки).

Языки народов СССР. — Т. IV: Финно-угорские и самодийские языки. — М., 1966. — 464 с. — (Обзор и грамматические очерки языков, распространенных на территории СССР).

Якобсон Р. Типологические исследования и их вклад в сравнительно-историческое языкознание.// Новое в лингвистике. — Вып. III. — М., 1963.

Ancient Cultures of the Uralian Peoples. — Budapest, 1976.

Beke Ö. Über den dativ-genitiv in den finnisch-ugrischen Sprachen.// JSFOu. XXX. — S. 1 — 9.

Beke Ö. Zur Geschichte der finnisch-ugrischen *s*-laute.// FUF. XXII. 1 — 3. — Helsinki, 1934.

Collinder B. An Introduction to the Uralic Languages. — Berkeley, Los Angeles, 1965. — XII, 167 p.

Collinder B. Comparative grammar of the uralic languages. — Stockholm, 1960. — 419 p. — Bibliogr.: pp. 313— 370.

Collinder B. Fenno-Ugric Vocabulary. An etymological dictionary of the uralic languages. — Stockholm, 1955. — 212 p. — Bibliogr.: pp. 205 — 212.

Collinder B. Hat das Uralische Verwandte? Eine Sprachvergleichende Untersuchung. — Uppsala, 1965. — S. 109 — 180. — Bibliogr.: S. 177 — 180.

Collinder B. Survey of the uralic languages. — Stockholm, 1957. — 554 p.

Déczy Gy. Einführung in die finnisch-ugrische Sprachwissenschaft. — Wiesbaden, 1965. — 251 S.

Donner O. Vergleichendes Wörterbuch der finnisch-ugrischen Sprachen. I — III. — Helsingfors, 1874 — 1888.

Farkas J. von. Der Genitiv und der Akkusativ in der uralischen Grundsprache.// UAJb. XXVIII/ 1—2. — Wiesbaden, 1956. — S. 5 — 17.

Fokos-Fuchs D.R. Der Komparativ und Superlativ in den finnisch-ugrischen Sprachen.// FUF. XXX. — Helsinki, 1952. — S. 147.

Fokos-Fuchs D.R. Rolle der Syntax in der Frage nach Sprachverwandtschaft. — Wiesbaden, 1962. — 137 s.

Györke J. Die Wortbildungslehre des Uralischen: (Primäre Ableitungssuffixe). — Tartu, 1934.

Hajdú P. Finnougrische Urheimatforschung.// UAJb. XLI. — Budapest, 1969. — S. 252 — 264.

Hajdú P. Über die Siedlungsräume der uralischen Sprachfamilie. //ALH. XIV/1 — 2. — Budapest, 1964. — S. 47 — 87.

Itkonen E. Suomalais-ugrilaisen Kielen- ja historian-tutkimuksen alalta. — Helsinki, 1966. — 218 S. — (Из области изучения финно-угорских языков).

Itkonen E. Die Vorgeschichte der Finnen aus der Perspektive eines Linguisten. // UAJb. XXXII/1 — 2. — Budapest, 1960. — S. 2 — 24.

Joki A.J. Zur Geschichte der uralischen Sprachgemeinschaft unter besonderer Berücksichtigung des Ostsee-finischen. / The Uralic Languages. / Ed. by Sinor D. — Leiden, 1988. — Pp. 575 — 595.

Kettunen L. Die Herkunft des Terminativs, Genitivs und Komitativs. — Helsinki, 1958. — 49 s.

Korhonen M. Entwicklungstendenzen des finnisch-ugrischen Kasussystems. // FUF. XLIII/ 1 — 3. Helsinki, 1979. — S. 1 — 21.

Kövesi M.A. Bemerkungen zum Ursprung des uralischen *-n-Genitivs. // Congressus Tertius Internationalis Fenno-Ugristarum Tallinnae habitus 17 — 23.VII. 1970. — Pars I. Acta Linguistica, 1975.

Lazar O. The Formation of Abstract Nouns in the Uralic Languages. — Stockholm, 1975. — 334 S. — Bibliogr.: S. 317 — 334.

Lehtisalo T. Über die primären uralischen Ableitungssuffixe. — Helsinki, 1936. — 399 S. — (MSFOu. 72).

Manninen I. Die finnisch-ugrischen Völker. — Leipzig, 1932. — 384 S.

Mark J. Die Possessivsuffixe in den uralischen Sprachen. // MSFOu. 54. — Helsinki, 1925.

Mark K. Zur Herkunft der finnisch-ugrischen Völker von Standpunkt der Anthropologie. — Tallinn, 1970.

Paasonen H. Die finnisch-ugrischen s-laute. // JSFOu. — Helsinki, 1918.

Raun A. Essays in Finno-Ugric and Finnic Linguistics. — Bloomington; The Hague, 1971. — 128 p.

Ravila P. Über das finnisch-ugrische Komparativsuffix. // FUF. XXIV. — Helsinki, 1937.

Ravila P. Zur Geschichte der Deklination der Personalpronomina in den uralischen Sprachen.// MSFOu. 98. — Helsinki, 1950.

Rédei K. Uralisches etymologisches Wörterbuch. Lfg. 1—7. — Budapest, 1986 — 1988. — XLVIII, 906 S.

Sauvageot A. Le problème de la parenté ougrienne.// Études Finno-Ougrienne. XIII. — Helsinki, 1976.

Schlachter W. Zum Problem des Nominativs in den finnisch-ugrischen Sprachen.// Commentationes fenno-ugricae in honorem P. Ravila. — Helsinki, 1962. — S. 493 — 521. — (MSFOu. 125).

Sebeok Th.A. (ed.) Current Trends in Linguistics. — Vol. 1: Soviet and East European Linguistics. — The Hague, 1953.

Sebeok Th.A. (ed.) Current Trends in Linguistics. — Vol. IX, part 2: Linguistics in Western Europe. — The Hague, 1972.

Sebestyén I.N. Zur Frage des alten Wohngebietes der uralischen Völker.// ALH. I. — Budapest, 1954. — S. 273 — 346. — (Резюме на русском языке).

Serov V.V. Archeology of the Uralic peoples.// Problems of Uralistics. / Contributions to the 7th International Congress of Finno-Ugrists. (Debrecen, August 27— September 2, 1990): Analytical Reviews in Two Volumes. — Vol. II. — M., 1990. — 9 — 60. Bibliogr.: Pp. 35 — 60. — (274 t.).

Setälä E.N. Zur finnisch-ugrischen Lautlehre.// FUF II/3. — Helsingfors; Leipzig, 1902. — S. 219 — 276.

Setälä E.N. Zur Frage nach der Verwandtschaft der finnisch-ugrischen und samojedischen Sprachen.// JSFOu. XXXIII/5. — S. 1 — 104.

Setälä E.N. Zur Geschichte der Tempus- und Modusstamm-bildung in den finnisch-ugrischen Sprachen. — Helsingfors, 1887. — 184 S. — (JSFOu. II).

Steinitz W. Geschichte der finnisch-ugrischen Konsonantismus. — Berlin, 1964. — VIII, 176 S. — (1ste Aufl. : Uppsala, 1952).

Steinitz W. Geschichte des finnisch-ugrischen Vokalismus. — Stockholm, 1944. — 176 S. — (2te Aufl.: Berlin, 1964). — (Finnisch-ugrische Studien. IV).

Szinnyei J. Finnisch-ugrische Sprachwissenschaft. — Berlin; Leipzig, 1922. — (1te Aufl. — Leipzig, 1910).

Tauli M. Structural Tendencies in Uralic Languages. — The Hague ; Paris, 1966. — 308 p. — Bibliogr.: pp. 296 — 306.

The Uralic Languages. // Ed. by *Sinor D.* — Leiden etc., 1988. — XX, 841 p.

Toivonen Y.H. Beiträge zur Geschichte der finnisch-ugrischen *l*-laute.// FUF. XX/ 1 — 3. — Helsinki, 1929.

Toivonen Y.H. Zur Frage der finnisch-ugrischen Urheimat.// JSFOu. LVI. — Helsinki, 1952. — S. 3 — 41.

Weske M. Untersuchungen zur vergleichenden Grammatik des finnischen Sprachstammes. — Leipzig, 1883.

Wickmann B. The form of the object in the Uralic Languages. — Uppsala, 1955.

Wickmann B. Über die Verwendung der objektiven Konjugation.// Symposion über Syntax der uralischen Sprachen. (15. — 18. Juli 1969 in Reinhausen). — Göttingen, 1970.

Алтайская гипотеза.

Ностратическое языкознание.

Андреев Н.Д. Методы индоевропеистики и проблема алтайской общности.// Проблемы общности алтайских языков. — Л., 1971. — С. 47 — 50.

Бернштейн С.Б. Несколько слов о ностратической гипотезе.// ВЯ. № 3. — М., 1986. — С. 38 — 43.

Бомхард А.Р. Очерк сравнительной фонологии так называемых ностратических языков.// ВЯ. № 3. — М., 1989. — С. 33 — 50.

Дёрффер Г. Базисная лексика и алтайская гипотеза. // ВЯ. № 4. — 1981. — С. 35 — 44.

Дыбо В.А. Ностратическая гипотеза: (Итоги и проблемы). // Изв. АН СССР. ОЛЯ. 37/6. — М., 1978. — С. 400 — 413.

Иванов В.В. О предполагаемых соотношениях между восточно-ностратическими и западно-ностратическими языками. // Урало-алтаистика: Археология. Этнография. Язык. — Новосибирск, 1985. — С. 147 — 150.

Иллич-Свитыч В.М. Опыт сравнения ностратических языков. Введение. Сравнительный словарь (Ь — К). — М., 1971. — 4, XXXVI, 370 с.

Иллич-Свитыч В.М. Опыт сравнения ностратических языков. Сравнительный словарь (І — Ж). Указатели. — М., 1976. — 156 с. — Библиогр.: с. 7 — 12.

Иллич-Свитыч В.М. Опыт сравнения ностратических языков. Сравнительный словарь (р — q) (по картотекам автора).— М., 1984. — 136 с. — Библиогр.: с. 12 — 19.

Киекбаев Дж.Г. Введение в урало-алтайское языкознание. — Уфа, 1972. — 151 с. — Библиогр.: с. 145 — 150.

Клоусон Дж. Лексикостатическая оценка алтайской теории.// ВЯ №5. — М., 1969. — С. 22 — 41.

Лигети Л. Алтайская теория и лексикостатистика.// ВЯ №3, — М., 1971. — С. 21 — 33.

Ностратические языки и ностратическое языкознание.// Тезисы докладов. — М., 1977. — 85 с.

Проблема общности алтайских языков. — Л., 1971. — 404 с.

Рамstedt Г.И. Введение в алтайское языкознание. — М., 1957. — 254 с.

Рясянен М. Об урало-алтайском языковом родстве.// ВЯ. № 1. — М., 1968. — С. 43 — 49.

Серебrenников Б.А. Почему трудно верить сторонникам ностратической гипотезы?// ВЯ № 3. — М., 1986. — С. 26— 37.

Starostin S.A. Nostratic and Sino-Caucasian. // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока: Материалы к дискуссиям на международной конференции (Москва, 29 мая — 2 июня 1989 г.). — Часть I. — М., 1989. — С. 106 — 124.

Суник О.П. К актуальным проблемам алтаистики.// ВЯ № 1. — М., 1976. — С. 18 — 30.

Татаринцев Б.И. К согласованию ностратической теории с результатами изучения тюркских языков.// ВЯ. № 3. — М., 1989. — С. 20 — 32. — Библиогр.: с. 30 — 32. — (44 названия).

Трубецкой Н.С. Проблема родства между большими языковыми семьями.// Трубецкой Н.С. Избранные труды по филологии. — М., 1987. — С. 60 — 62, 419 — 420.

Хелимский Е.А. Проблема границ ностратической макросемьи языков.// Проблемы изучения ностратической семьи языков. — М., 1984. — С. 31 — 48.

Хелимский Е.А. Труды В.М.Иллич-Свитыча и развитие ностратических исследований за рубежом.// Зарубежная историография славяноведения и балканистики. — М., 1986. — С. 229 — 282.

Хелимский Е.А. Решение дилеммы пратюркской реконструкции и ностратика.// ВЯ №5. — М., 1986. — С. 67 — 78. — Библиогр.: С. 77 — 78. — (52 названия).

Хонти Л. О связях уральских и алтайских языков. //Урало-алтаистика: Археология. Этнография. Язык. — Новосибирск, 1985. — С. 159 — 172.

Щербак А.М. О методике исследования языковых параллелей (в связи с алтайской гипотезой). — М., 1960. — 15 с. — (XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР).

Щербак А.М. О ностратических исследованиях с позиций тюрколога.// ВЯ. № 6. — М., 1984. — С. 30 — 42. — Библиогр.: с. 41 — 42. — (66 названий).

Щербак А.М. Об алтайской гипотезе в языкознании. // ВЯ. № 6. — М., 1959. — С. 51 — 63.

Bomhard A.R. Toward Proto-Nostratic: A new approach to the comparison of Proto-Indo-European and Proto-Afroasiatic. — Amsterdam, — 1984.

Collinder B. Uraloaltaisch. // UAJb. XXIV/3—4. — Wiesbaden, 1952. — S. 1 — 26.

Dolgopolsky A. Problems of Nostratic Comparative Phonology.// Papers presented at the 1st International symposium «Language and Prehistory»: The University of Michigan, Ann Arbour, November, 8 — 12, 1988). — Ann Arbour, 1989. — Pp. 1 — 9.

Dolgopolsky A. The Indo-European Homeland and Lexical Contacts of Proto-Indo-European with other Languages.// Mediterranean Language and Culture monograph series. — Vol. 3. — Wiesbaden, 1988. — Pp. 1 — 31.

Fokos-Fuchs D.R. Rolle der Syntax in der Frage nach Sprachverwandtschaft mit besonderer Rücksicht auf das Problem der ural-altäischen Sprachverwandtschaft. — Wiesbaden, 1962.

Hajdú P., Domokos P. Die uralischen Sprachen und Literaturen. — Budapest, 1987. — 608 S.

Helmsky E.A. The External Connections And Early Contacts of the Uralic Languages.// Problems of Uralistic./ Contributions to the 7th International Congress of Finno-Ugrists (Debrecen, August 27 — September 2, 1990): Analytical Reviews In Two Volumes. — Vol. 1. — M., 1990 — Pp. 19 — 43.

Kaiser M., Shevoroshkin V. Nostratic.// Annual review of anthropology. — Vol. 17. — Palo Alto (Cal.), 1988. — Pp. 308 — 329.

Poppe N. A new symposium on the altaic theory.// Central Asiatic Journal. — Vol. I. — Wiesbaden, 1972. — Pp. 37 — 58.

Poppe N. The Problem of Uralic and Altaic affinity.// MSFOu. 158. — Helsinki, 1977. — Pp. 221 — 225.

Poppe N. The Uralic-Altaic affinity.// Symposium saeculare societatis fenno-ugricae (1 — 3.XII.1983). — Helsinki, 1983. — Pp. 189 — 199. — Bibliogr.: pp. 198 — 199.

Poppe N. Vergleichende Grammatik der altaischen Sprachen. — Teil I: Vergleichende Lautlehre. — Wiesbaden, 1960. — IX, 188 S. — Bibliogr.: S. 186 — 188.

Róna-Tas A. De hypothesi uralo-altaica.// Symposium saeculare societatis fenno-ugricae (1 — 3.XII.1983). — Helsinki, 1983. — Pp. 235 — 251. — Bibliogr.: pp. 249 — 251. — (MSFOu. 185).

Róna-Tas A. Turkic influence on the Uralic languages.// The Uralic Languages. / Ed. by Sinor D. — Leiden etc., 1988. — Pp. 742 — 780.

Sauvageot A. Recherches sur le vocabulaire des langues ouralo-altaïques. — Budapest, 1929.

Sinor D. The problem of the Ural-Altaic Relationship.// The Uralic Languages./ Ed. by *Sinor D.* — Leiden etc., 1988. — Pp. 706 — 741.

Венгерский язык.

Балашица Й. Венгерский язык. — М., 1951. — 375 с.

Венгерско-русский словарь./ Под ред. *Л.Гальди.* — М., Будапешт, 1974. — 871 с. — (40 000 слов).

Деак Ш. Учебник венгерского языка. I— III.— Изд. 6-е. — Будапешт, 1975.

Иванов В.С. Учебник венгерского языка. — М., 1961. — 346 с.

История Венгрии. I — III. — М., 1971 — 1972.

Кахана М.Г. Венгерско-русский словарь. — Изд. 4-е. — М., 1964. — 856 с. — (Около 35 000 слов).

Майтинская К.Е. Венгерский язык. — Часть I: Введение. Фонетика. Морфология. — М., 1955. — 304 с.; Часть II: Грамматическое словообразование. — М., 1959. — 296 с.; Часть III: Синтаксис. — М., 1960. — 375 с.

Майтинская К.Е. Словообразование имен в старо- и средневенгерском языке. — М., 1965. — 226 с.

Мельчук И.М. О притяжательных формах венгерского существительного.// Проблемы структурной лингвистики. — М., 1967. — С. 326 — 343.

Хаас Э. Русско-венгерский словарь.// С приложением краткого грамматического справочника венгерского языка и краткого грамматического очерка русского языка, составленного *Э.С.Хаас.* — Изд. 2-е. — М., 1951. — 607 с. — (Около 25 000 слов).

Хайду П. Венгерский язык в сравнительном освещении: (Финно-угорское наследие в венгерском языке). // *Хайду П.* Уральские языки и народы. — М., 1985. — С. 265 — 340.

Хайду П. К этногенезу венгерского народа.// ALH. II. — Budapest, 1952.

Хелимский Е.А. Древнейшие венгерско-самодийские языковые параллели. — М., 1982. — 164 с. — Библиогр.: с. 136 — 154.

A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára. I — III. — Budapest, 1967 — 1976.

Bárczi G. A magyar nyelv életrajza. — Budapest, 1963. — (4 kiad., Budapest, 1975).

Bárczi G., Benkő L., Berrár J. A magyar nyelv története. — Budapest, 1967.

Die Geschichte Ungars. — Budapest, 1971. — 757 S. — Bibliogr.: S. 705 — 716. — (Английский перевод: A history of Hungary. — Budapest, 1973; Французский перевод: Histoire de la Hongrie. — Budapest, 1974).

Farkas J. von. Zur Entstehung der ungarischen Konjugation: Die *ik*-Verba. // UAJb. XXVIII/ 3—4. — Wiesbaden, 1956. — S. 252 — 264.

Gombocz Z. Die bulgarisch-türkischen Lehnwörter in der ungarischen Sprache. — Helsinki, 1912.

Gombocz Z., Melich J. Magyar etymológiai szótár. I — XVII. — Budapest, 1914 — 1944.

Hadrovics L., Gáldi L. Magyar-oroszl szótár. I — II. — 5 kiad. — Budapest, 1974.

Klemm A. Magyar történeti mondattan. I — III. Budapest, 1928 — 1942.

Kovesi M. Ősi határozóragjaink történetéhez. // NyK. LXVIII/2. — Budapest, 1966. — S. 225 — 247.

Lakó Gy. Proto-Finno-Ugric Sources of the Hungarian Phonetic Stock — Budapest, 1968. — 99 p. — Bibliogr.: pp. 95 — 99.

Lotz J. Das ungarische Sprachsystem. — Stockholm, 1939.

Magyarország története. Főszerk. / *Pamlényi E., Székely Gy.* I — II. — Budapest, 1964.

Molnár J., Simon Gy. Magyar nyelvemléhek. — Budapest, 1976. — (Лингвистическое исследование древневенгерских памятников письменности. Учебник для вузов). — 287 S.

Moór E. Die Ausbildung des ungarischen Volkes im Lichte der Laut- und Wortgeschichte.// ALH VI, 1956; ALH VII, 1957; ALH VIII, 1958; ALH IX 1959; ALH X, 1960.

Rédei K. Die Entstehung der objektiven Konjugation im Ungarischen.// ALH. XVI. — Budapest, 1966.

Rédei K. Gibt es sprachliche Spuren der vorungarisch-permischen Beziehungen?// ALH. XIX. — Budapest, 1969.

Sajnovics J. Beweis, dass die Sprache der Ungarn und Lappen dieselbe ist. — Wiesbaden, 1972. — 163 S.

Sauvageot A. A propos de la genèse de la conjugaison hongroise.// Etudes Finno-Ougriennes. XII. — Helsinki, 1975.

Sauvageot A. Esquisse de la langue hongroise. — Paris, 1951. — 337 p. — Bibliogr.: pp. 333 — 334.

Sauvageot A. L'édification de la langue hongroise. — Paris, 1971.

Sauvageot A. Recherches sur le vocabulaire des langues ouralo-altaïques. — Paris, 1930. — XLII, 142 p.

Sköld H. Die ossetischen Lehnwörter im Ungarischen. — Lund; Leipzig, 1925.

The Hungarian Language./ Ed. by *L.Benkő, S.Imre*. — Budapest, 1972. — 379 p. — Bibliogr.: p. 379.

Tompa J. Ungarische Grammatik. — Budapest, 1968. — 426 S.

Véres P. An Outline of the ethnic History of the Hungarian People.// "Néprajzi Értesítő". LIV. — Budapest, 1972.

Обско-угорские языки.

Серебрянников Б.А. О былой близости пермских и обско-угорских языков.// Лингвистический сборник. — Тбилиси, 1979.

Терешкин Н.И. Система склонения в диалектах обско-угорских языков.// Склонение в палеоазиатских и самодийских языках. — Л., 1974.

Honti L. Characteristic Features of Ugric Languages: (Observations on the Question of Ugric Unity)// ALH. V.— Budapest, 1979. — Pp. 1 — 26.

Honti L. Geschichte des obugrischen Vokalismus der ersten Silbe. — Budapest, 1982. — 227 S. — Bibliogr.: S. 215 — 225. — (Bibliotheca Uralica. 6).

Korenych É. Iranische Lehnwörter in den obugrischen Sprachen. — Budapest, 1972.

Kulonen U.-M. The passive in Ob-Ugrian. — Helsinki, 1989. — 332 p.

Popova L. Les constructions ergatives dans les langues obougriennes et notamment en ostiak (dialecte Vach). // BSLP. LXXX/1. — Paris, 1985. — Pp. 297 — 315. — Bibliogr.: 313 — 315.

Steinitz W. Zur Geschichte des ob-ugrischen Vokalismus. // Zphon. XVII. — 1964. — S. 637 — 642.

Мансийский язык.

Баландин А.Н. Самоучитель мансийского языка. — Л., 1960. — 247 с.

Баландин А.Н., Вахрушева М.П. Мансийский язык: Учебное пособие для педагогических училищ. — Л., 1967. — 275 с.

Баландин А.Н., Вахрушева М.П. Мансийско-русский словарь: (С лексическими параллелями из южно-мансийского (кондинского) диалекта. С приложением краткого очерка мансийского языка (с. 163 — 226). — Л., 1958. — 227 с. — (Около 7000 слов).

Ромбандеева Е.И. Мансийский (вогульский) язык. — М., 1973. — 207 с.

Ромбандеева Е.И. Русско-мансийский словарь для мансийской школы. // Под ред., с грамматическими приложениями и послесловием А.Н.Баландина (с. 353 — 392). — Л., 1954. — 392 с.

Ромбандеева Е.И. Синтаксис мансийского (вогульского) языка. — М., 1979. — 156 с.

Ромбандеева Е.И. Сыгвинский диалект мансийского (вогульского) языка. — М.; Гамбург, 1995. — 204 с. — (Mitteilungen der Societas Uralo-Altaica. 14).

Чернецов В.И. Мансийский (вогульский) язык.// ЯПНС. I. — М.; Л., 1937.

Kálmán B. Die Russische Lehnwörter im Wogulischen. — Budapest, 1961. — 327 S. — Bibliogr.: S. 311 — 314.

Kálmán B. Vogul Chestomathy. — Bloomington; The Hague, 1965. — VIII, 139 S.

Kálmán B. Chrestomathia Vogulica. — 2. kiad. — Budapest, 1976 — (Грамматический очерк, образцы текстов, краткий словарь).

Kálmán B. Wogulische Texte mit einem Glossar. — Budapest, 1976. — 353 S. — Bibliogr.: S. 353 — 354.

Kannisto A. Wogulische Volksdichtung. Bearbeitet und herausgegeben von *M.Liimola*. I — VI. — Helsinki, 1951 — 1963.

Liimola M. Zu den wogulischen Personalpronomina.// FUF. XXVII. — Helsinki, 1944.

Liimola M. Zur historischen Formenlehre des wogulischen. I: Flexion der Nomina. — Helsinki, 1963. — (MSFOu. 127).

Pirotti G. Grammatica vogula: (Con una scelta di poesie vogule). — Parma, 1972.

Rédei K. Die syrjänischen Lehnwörter im Wogulischen. — Budapest, 1970. — 195 S.

Steinitz W. Geschichte des wogulischen Vokalismus. — Berlin, 1955. — 366 S. — (Finnisch-ugrische Studien. II).

Veenker W. Rückläufiges Wörterbuch der wogulischen Schriftsprache. — Wiesbaden, 1971.

Veenker W. Vogul Suffixes and Pronoun: An Index a Tergo. — Bloomington, 1969.

Хантыйский язык.

Баладин А.Н. Падежи субъекта и объекта на службе номинативной и эргативной конструкции глагольного предложения в ваховском диалекте хантыйского языка.// Уч. зап. ЛГУ. 105. — Л., 1947. — С. 301 — 315.

Бахрушин С.В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI — XVIII веках. — Л., 1935. — 91 с.

Животиков П.К. Очерк грамматики хантыйского языка (среднеобский диалект). — Ханты-Мансийск, 1942. — 122 с.

Кулемзин В.М., Лукина Н.В. Васюганско-ваховские ханты в конце XIX — начале XX вв. — Томск, 1977. — 223 с. — Библиогр.: с. 219 — 222.

Николаева И.Н. Обдорский диалект хантыйского языка. — М.; Гамбург, 1995. — 256 с. — (Mitteilungen der Societas Uralo-Altaica. 15).

Русская Ю.Н. Самоучитель хантыйского языка. — Л., 1961. — 256 с.

Сергеев М.А. Народы Обского севера. — Новосибирск, 1953.

Смирнов А.П., Мошинская В.И., Чернецов В.И., Золотарева И.М. Культура древних племен Приуралья и Западной Сибири. — М., 1957.

Старцев Г. Остяки. — Л., 1928.

Терешкин Н.И. Очерки диалектов хантыйского языка. — Часть I: Ваховский диалект. — М.; Л., 1961. — 204 с.

Чернецов В.Н. Древняя история Нижнего Приобья. — М., 1953.

Штейниц В.А. Хантыйский (остяцкий) язык.// ЯПНС. I. — М.; Л., 1937. — С. 193 — 227.

Ahlqvist A. Über die Sprache der Nord-Ostjaken: Sprachtexte, Wörtersammlung mit Grammatik. — Helsingfors, 1880.

Ahlqvist A. Unter Vogulen und Ostjaken. — Helsingfors, 1883.

Castrén M.A. Versuch einer ostjakischen Sprachlehre nebst kurzem Wörterverzeichnis. — 2. Aufl. — St. Petersburg, 1858. — XIV, 125 S. — (Leipzig, 1969).

Fokos-Fuchs D.R. Eine "sonderbare Genitivendung" im Ostjakischen.// UAJb. 39/1—2. — Wiesbaden, 1967. — S. 1 — 4.

Futaky I. Tungusische Lehnwörter der Ostjakischen. — Wiesbaden, 1975. — 95 S. — Bibliogr.: S. 87 — 95.

Ganschow G. Die Verbalbildung im Ostjakischen. — Wiesbaden, 1965. — 152 S. — Bibliogr.: S. 148 — 149. — (UAJb. XIII).

Gúlya J. Aktiv, Ergativ und Passiv im Vach-Ostjakischen.// Symposium über Syntax der uralischen Sprachen (15. — 18. Juli 1969 in Reinhausen bei Göttingen). — Göttingen, 1970. — S. 80 — 89.

Gúlya J. Eastern Ostjak Chrestomathy. — Bloomington; The Hague, 1966. — VIII, 207 p. — Bibliogr.: pp. 9 — 17. — (Uralic and Altaic Series. 51).

Honti L. Beobachtungen über die Laut- und Formenlehre gegenwärtiger Surguter Mundarten des Ostjakischen.// ALH. XXVII. — Budapest, 1977. — S. 271 — 286.

Honti L. Zur Frage nach der Herausbildung der ostjakischen Mundarten im Lichte der Lautgeschichte.// ALH. XXXI. — Budapest, 1981. — S. 87 — 106.

Kannisto A. Materialien zur Mythologie der Wogulen./Bearbeitet und herausgegeben von *E.A.Virtanen* und *M.Liimola*. — Helsinki, 1958. — 443 S. — Bibliogr.: S. 434 — 435.

Karjalainen K.F. Grammatikalische Aufzeichnungen aus ostjakischen Mundarten./ Herausgegeben von *E. Vértés*. — Helsinki, 1964. — XVII, 341 S. — (MSFOu. 128).

Karjalainen K.F. Ostjakisches Wörterbuch, bearbeitet und herausgegeben von *Y.H.Toivonen*. — Budapest. I—II. — Helsinki, 1948. — XXXV, 1199 S. — (Lexica Societatis Fenno-Ugricae. X/1—2).

Karjalainen K.F. Südostjakische Textsammlungen, neu transkribiert, bearbeitet und herausgegeben von *Edith Vértés*. — Bd I. — Helsinki, 1975. — 256 S. — (MSFOu. 157).

Ostjakische Heldenlieder aus *József Pápay's* Nachlass./ Herausgegeben von *I.Erdélyi*. — Budapest, 1972.

Ostjakische Volksdichtung und Erzählungen. I—II. — Tartu; Stockholm, 1939; 1941. — (Новое доп. издание. — Budapest, 1975 — 1976).

Paasonen H. Ostjakische grammatikalische Aufzeichnungen nach den Dialekten an der Konda und am Jugan./ Herausgegeben von *Edith Vértés*. — Helsinki, 1963. — (JSFOu. LXII/2).

Paasonen H. Ostjakisches Wörterbuch nach den Dialekten an der Konda und am Jugan./ Zusammengestellt von *K. Donner*. — Helsingfors, 1926. — XXIV, 334 S. — (Lexica Societatis Fenno-Ugricae. II).

Pápay J. Osztják népköltési gyűjtemény. — Budapest; Leipzig, 1905. — (Севернохантыйские героические и медвежьи песни, молитвы из рукописного наследия Регули и из записей самого автора с венгерскими и немецкими переводами).

Patkanow S. Die Irtysch ostjaken und ihre Volkspoesie. II. — St. Petersburg, 1900. — (Южнохантыйские тексты с немецкими и русскими комментариями).

Patkanow S., Fuchs D.R. Laut- und Formenlehre der Südostjakischen Dialekte. — Budapest, 1911.

Rédei K. Nord-ostjakische Texte (Kasym Dialekt) mit Skizze der Grammatik. — Göttingen, 1968.

Rédei K. Northern Ostjak Chrestomathy. — Bloomington; The Hague, 1965. — (Uralic and Altaic Series. 47).

Roheim G. Hungarian and Vogul Mythology. — New York, 1954. — (2d ed. — Seattle, 1966. — X, 86 p. — Bibliogr.: pp. 70 — 78).

Sauer G. Die Nominalbildung im Ostjakischen. — Berlin, 1967. — 254 S. — (Finnisch-Ugrische Studien. V).

Sauer G. Phonologische Analyse der ostjakischen Mundart von Tremjugan. // Linguistische Studien. XXII. Reihe A. Arbeitsberichte. — Berlin, 1975. — S. 130 — 155.

Steinitz W. Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. — Lfg. 1 — 9. — Berlin, 1966 — 1980.

Steinitz W. Geschichte des ostjakischen Vokalismus. — Berlin, 1959. — 138 S. — (Finnisch-Ugrische Studien. I).

Steinitz W. Ostjakische Grammatik und Chrestomathie mit Wörterverzeichnis. — 2te Aufl., — Leipzig, 1950. — 169 S.

Toivonen Y.H. Türkische Lehnwörter im Ostjakischen. // JSFOu. LII. — Helsinki, 1943 — 1944. — S. 1 — 20.

Toivonen Y.H. Über die syrjänischen Lehnwörter im Ostjakischen. // FUF. XXXII. — Helsinki, 1956. — S. 1 — 169.

Veenker W. Verzeichnis der ostjakischen (Vach) Suffixkombinationen. — Hamburg, 1973.

Vértes E. Die ostjakischen Pronomina. — Budapest, 1967. — 272 S. — (Beilage: Landkarte. — Geographische Verteilung der ostjakischen Dialekte usw.).

Пермские языки.

Венгерские ученые и пермская филология. — Устинов, 1987. — 192 с.

Лыткин В.И. Диалектологическая хрестоматия по пермским языкам (с обзором диалектов и диалектологическим словарем). — Часть I. — М., 1955. — 128 с.

Лыткин В.И. Древнепермский язык: Чтение текстов, грамматика, словарь. — М., 1952. — 169 с.

Лыткин В.И. Исторический вокализм пермских языков. — М., 1964. — 270 с.

Серебренников Б.А. Из истории падежной системы пермских языков. // Вопросы финно-угорского языкознания. — М.; Л., 1962. — С. 9 — 32.

Серебренников Б.А. Историческая морфология пермских языков. — М., 1963. — 391 с. — Библиогр.: С. 383 — 388.

Серебренников Б.А. Категория времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп. — М., 1960. — 300 с. — Библиогр.: с. 291 — 295.

Тепляшина Т.И., Лыткин В.И. Пермские языки. // ОФУЯ. — М., 1976. — С. 97 — 228.

Федюнева Г.В. О системе с-овых субстантивирующих суффиксов в пермских языках. // СФУ. I. — Таллин, 1981.

Uotila T.E. Zur Deklination der Personalpronomina in den permischen Sprachen. // NyK. L/1 — 3. — Budapest, 1936. — S. 464 — 476.

Uotila T.E. Zur Geschichte des Konsonantismus in den permischen Sprachen. — Helsinki, 1933. — 446 S. — (MSFOu. 65).

Wichmann Y. Die tschuwassischen Lehnwörter in den permischen Sprachen.// MSFOu. 21. — Helsinki, 1903.

Коми языки.

Баталова Р. М. Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам: (Коми языки). — М., 1982. — 167 с. — Библиогр.: с. 162 — 164.

Баталова Р. М. Коми-пермяцкая диалектология. — М., 1975. — 252 с.

Баталова Р. М. Оньковский диалект коми-пермяцкого языка. — М.; Гамбург, 1991. — 205 с. — (Mitteilungen der Societas Uralo-Altaica. 11).

Белицер В. Н. Очерки по этнографии народов коми XIX — начала XX века. — М., 1958. — 393 с. — Библиогр.: с. 373 — 377.

Бубрих Д. В. Грамматика литературного коми языка. — Л., 1949. — 206 с.

Гуляев Е. С. Происхождение падежей с элементом -сь в коми языке. // Историко-филологический сборник. — Вып. 5. — Сыктывкар, 1960.

Гуляев Е. С. Функции исходного падежа в коми языке.// Историко-филологический сборник. — Вып. 4. — Сыктывкар, 1958.

Жеребцов Л. Н. Хозяйство, культура и быт удорских коми в XVIII — начале XIX в. — М., 1972. — 127 с.

Жилина Т. И., Бараксанов Г. Г. Присыктывкарский диалект и коми литературный язык. — М., 1971. — 276 с.

Жилина Т. И., Сахарова М. А., Сорвачева В. А. Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. / Под редакцией В. А. Сорвачевой. — Сыктывкар, 1961. — 491 с. — (Около 25 000 слов).

Колегова Н. А., Бараксанов Г. Г. Среднесысольский диалект коми языка. — М., 1980. — 226 с.

Коми-пермяцкий язык: Введение, фонетика, лексика и морфология: Учебник для вузов. — Кудымкар, 1962. — 340 с.

Коми-пермяцко-русский словарь.// Сост.: Р.М. Баталова, А.С. Кривошекова-Гантман. — М., 1985. — 624 с. — (Около 27 000 слов).

Кузнецов П.С., Спорова А.М. Русско-коми-пермяцкий словарь. — Кудымкар, 1946. — 387 с.

Лаиук Л.П. Очерки этнической истории Печорского края: (Опыт историко-этнографического исследования). — Сыктывкар, 1958. — 200 с.

Лаиук Л.П. Формирование народности коми. — М., 1972. — 292 с.

Лыткин В.И. Историческая грамматика коми языка. — Часть I. Введение. Фонетика : Учебник для вузов. — Сыктывкар, 1957. — 135 с.

Лыткин В.И. Историческая морфология коми языка. — Сыктывкар, 1977. — 86 с.

Лыткин В.И. Коми-зырянский диалект. — М., 1961. — 228 с.

Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка. — М., 1970. — 386 с.

Майшев И.И. Грамматика коми-пермяцкого языка. — М.; Л., 1940. — 83 с.

Попов И.П., Лыткин Г.С. Русско-зырянский словарь. — Л., 1931.

Русско-коми словарь.// Составители: Т.И.Жилина и др. — Сыктывкар, 1966. — 776 с. — (Около 50 000 слов).

Сахарова М.А., Сельков Н.П. Ижмский диалект коми языка. — Сыктывкар, 1976. — 288 с.

Современный коми язык: Учебное пособие для вузов. — Часть I: Фонетика. Лексика. Морфология. — Сыктывкар, 1955. — 312 с.; Часть II: Синтаксис. — Сыктывкар, 1967. — 284 с.

Сорвачева В.А., Безносикова Л.М. Удорский диалект коми языка. — М., 1990. — 283 с.

Сорвачева В.А., Сахарова М.А., Гуляев Е.С. Верхне-вычегодский диалект коми языка. — Сыктывкар, 1966. — 254 с.

Тимушев Д.А., Колегова М.А. Коми-русский словарь.// Под редакцией В.И.Лыткина. / С приложением грамматического очерка коми языка (с. 837—923), составленного В.И.Лыткиным и Д.А.Тимушевым. — М., 1961. — 923 с. — (Около 25 000 слов).

Шишкин И.Н. Коми-пермяки: (Этнографический очерк). — М., 1947.

Fokos-Fuchs D.R. Syrjänisches Wörterbuch. — Bd. I. — Budapest, 1959. — 714 S.; Bd. II. — Budapest, 1959. — 715 — 1564 S. — (Über 20000 Wörter).

Rédei (Radanovics) K. Die Postpositionen unter Berücksichtigung des Wotjakischen. — Budapest, 1962. — 224 S.

Rédei K. Syrjänische Chrestomathie. Mit Grammatik und Glossar. — Wien, 1978.

Uotila T.E. Syrjänische Chrestomathie. Mit grammatikalischem Abriss und etymologischem Wörterverzeichnis. — Helsinki, 1938.

Wichmann Y. Syrjänischer Wortschatz nebst Hauptzügen der Formenlehre./ Bearbeitet und herausgegeben von T.E.Uotila. — Helsinki 1942.— XVI, 487 S. — (Lexica Societatis Fenno-Ugricae. VII). — (Диалектологический словарь).

Wichmann Y. Wotjakische Chrestomathie mit Glossar: Hilfsmittel für das Studium der finnisch-ugrischen Sprachen. II. — 2te Aufl. — Helsinki, 1954. — 164 S.

Wiedemann F.J. Grammatik der syrjänischen Sprache mit Berücksichtigung ihrer Dialekte und des Wotjakischen. — St. Petersburg, 1884.

Wiedemann F.J. Syrjänisch-deutsches Wörterbuch. — St. Petersburg, 1880. — (Bloomington, 1964).

Wotjakischer Wortschatz.// Red. by Wichmann Y.; worked up by Uotila T.E., Korhonen M./ Ed. by M. Korhonen. — Helsinki, 1987. — 421 S.

Удмуртский язык.

Алатырев В.И. Вопросы удмуртского языкознания. Т.I. — Ижевск, 1959. — 215 с.

Бубрих Д.В. Историческая фонетика удмуртского языка: (Сравнительно с коми языком). — Ижевск, 1948. — 112 с.

Генинг В.Ф. Архитектурные памятники Удмуртии. — Ижевск, 1958. — 192 с. — Библиогр.: с. 188 — 191.

Грамматика современного удмуртского языка: Синтаксис простого предложения. — Ижевск, 1970. — 250 с.

Грамматика современного удмуртского языка: Синтаксис сложного предложения. — Ижевск, 1974. — 168 с.

Грамматика современного удмуртского языка: Фонетика и морфология. — Ижевск, 1962. — 376 с.

Емельянов А.И. Грамматика вотяцкого языка. — Л., 1927.

Кельмаков В.К. Образцы удмуртской речи: Северное наречие и срединные говоры. — Ижевск, 1981. — 299 с.

Кельмаков В.К. Образцы удмуртской речи. — Т.2: Срединные говоры. — Ижевск, 1990. — 365 с.

Кельмаков В.К. Удмуртский язык.// Языки мира: Уральские языки. — М., 1993. — С. 239 — 255.

Об исследованиях культуры удмуртского народа. — Ижевск, 1970. — 104 с.

Поздеева А.А. Удмуртская грамматика. — Ижевск, 1951.

Русско-удмуртский словарь.// Сост.: *А.С.Белов* и др./ С приложением краткого очерка удмуртского языка (с. 1271 — 1360), составленного *П.Н.Перевощиковым*. — М., 1956. — 1360 с. — (Около 40 000 слов).

Тараканов И.В. Иноязычная лексика в современном удмуртском языке. — Ижевск, 1981. — 105 с. — Библиогр.: с. 101 — 104.

Тараканов И.В. Служебные слова тюркского происхождения в диалектах удмуртского языка.// Вопросы удмуртского языкознания. — Вып. 3. — Ижевск, 1975.

Тепляшина Т.И. Язык бесермян. — М., 1970. — 288 с.

Трофимов Г.Н. Происхождение удмуртского народа. — Ижевск, 1956.

Удмуртско-русский словарь.// Под ред. *В.М.Вахрушева*. — М., 1983. — 591 с. — (35 000 слов).

Ушаков Г.А. Сопоставительная грамматика русского и удмуртского языков. — Ижевск, 1982.

Lach R. Wotjakische, syrtjänische und permische Gesänge. — Wien; Leipzig, 1926. — 135 S.

Munkácsi B. A wotják nyelv szótára. — Budapest, 1890 — 1896.

Wichmann Y. Die tschuwassischen Lehnwörter in den permischen Sprachen. — Helsinki, 1903.

Wichmann Y. Wotjakische Chrestomathie mit Glossar./ Mit grammatikalischem Abriss von D.R.Fuchs. — 2te Aufl. — Helsinki, 1954.

Wiedemann F.J. Grammatik der wotjakischen Sprache. — Reval, 1951.

Волжские языки.

Бережки Г. Существовала ли праволжская общность финно-угров? // ALH. XXIV. — Budapest, 1974.

Ермушкин Г.П. Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам. — М., 1984. — 141 с. — Библиогр.: с. 137 — 139.

Майтинская К.Е. Местоимения в мордовских и марийских языках. — М., 1964. — 110 с. — Библиогр.: с. 106 — 108.

Серебренников Б.А. Существовала ли финно-волжская общность? // ВЯ. № 2. — М., 1985. — С. 10 — 21.

Финно-волжская языковая общность./ Отв. ред. Б.А.Серебренников. — М., 1989. — 272 с.

Марийские языки.

Архипов Г.А. Марийский край в памятниках архитектуры. — Йошкар-Ола, 1976.

Васильев В.М. Марий мутэр. — М., 1926. — (Богатый по материалу словарь диалектов).

Галкин И.С. Древнейшие пласты марийской топонимии. // Вопросы марийской ономастики. — Вып. 6. — Йошкар-Ола, 1987. — С. 5 — 24.

Галкин И.С. Историческая грамматика марийского языка: Морфология. — Часть I. — Йошкар-Ола, 1964. — 203 с.; Часть II. — Йошкар-Ола, 1966. — 168 с.

Гордеев Ф.И. Историческое развитие лексики марийского языка. — Йошкар-Ола, 1985. — 144 с. — Библиогр.: с. 132 — 138.

Гордеев Ф.И. Этимологический словарь марийского языка./ Под ред. И.С.Галкина. — Т. I (А — Б). — Йошкар-Ола, 1979. — 255 с.; Т.2 (И — Д). — Йошкар-Ола, 1983. — 287 с. — Библиогр.: с. 280 — 287.

Григорьев Я.Г. Марийский язык: Пособие для начинающих изучать марийский язык. — Йошкар-Ола, 1953. — 224 с.

Грузов Л.П. Историческая грамматика марийского языка: Введение и фонетика. — Йошкар-Ола, 1969. — 211 с. — Библиогр.: с. 201 — 207.

Грузов Л.П. Современный марийский язык: Часть I. Фонетика. — Йошкар-Ола, 1960. — 162 с. — Библиогр.: с. 158 — 160. — (72 названия).

Грузов Л.П. Фонетика диалектов марийского языка в историческом освещении. — Йошкар-Ола, 1965. — 244 с.

Иванов И.Г. История марийского литературного языка. — Йошкар-Ола, 1975. — 256 с.

Иванов И.Г., Тужаров Г.М. Северо-западное наречие марийского языка. — Йошкар-Ола, 1970. — 216 с.

Исанбаев Н.И. Деепричастие в марийском языке. — Йошкар-Ола, 1961. — 150 с. — Библиогр.: с. 146 — 149.

Историческая грамматика марийского языка: Морфология. — Часть I. — Йошкар-Ола, 1970.

Казанцев Д.Е. Формирование диалектов марийского языка: (В связи с происхождением марийцев). — Йошкар-Ола, 1985. — 159 с.

Коведяева Е.И. Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам: Марийский язык. — М., 1987. — 160 с. — Библиогр.: с. 150 — 151.

Коведяева Е.И. Кунгурский (пермский) диалект марийского языка. — М.; Гамбург, 1991. — 176 с.

Коведяева Е.И. Проблемы акцентуации марийского языка. — М., 1970. — 135 с. — Библиогр.: с. 129 — 130.

Коведяева Е.И. Типологическая эволюция системы локальных падежей в истории марийского языка. // Историко-типологические исследования по финно-угорским языкам. — М., 1978. — С. 49—154.

Марий калык муро. — (Марийские народные песни). — М. Л., 1951.

Марийско-русский словарь. — Йошкар-Ола, 1956. — 863 с. — (Около 21 000 слов).

Происхождение марийского народа: (Материалы научной сессии). — Йошкар-Ола, 1967. — 308 с. — (Архитектура, антропология, история, этнография, язык и топонимика).

Русско-марийский словарь. // Сост.: *И.Ф.Андреев, Л.П.Васикова, Ф.И.Гордеев* и др. / Под ред. *И.С.Галкина*. — М., 1966. — 848 с. — (Около 35 000 слов).

Саваткова А.А. Словарь горного наречия марийского языка. — Йошкар-Ола, 1981. — 235 с. (Около 10 000 слов).

Современный марийский язык: Лексикология. — Йошкар-Ола, 1972.

Современный марийский язык: Морфология. — Йошкар-Ола, 1961. — 322 с.

Современный марийский язык: Синтаксис сложного предложения. — Йошкар-Ола, 1961.

Современный марийский язык: Фонетика. — Йошкар-Ола, 1960. — 162 с. — Библиогр.: с. 158 — 160.

Тимофеева В.Т. Современный марийский язык: Синтаксис сложного предложения. — Йошкар-Ола, 1961.

Федотов М.Р. Исторические связи чувашского языка с языками финно-угров Поволжья и Перми. — Часть I. — Чебоксары, 1965. — 160 с.; Часть 2. — Чебоксары, 1968. — 214 с.

Beke Ö. Cseremisiz nyelvtan. — Budapest, 1911.

Beke Ö. Tscheremissische Märchen aus dem Kreise Jaransk. — Tartu, 1939.

Beke Ö. Tscheremissische Märchen, Sagen und Erzählungen. — Helsinki, 1938.

Beke Ö. Tscheremissische Texte zur Religion und Volkskunde. — Oslo, 1931.

Bereczki G. Cseremisz (mari) nyelvkönyv. — Budapest, 1971.

Holmberg (Harva) U. Die religion der Tscheremissen. — Porvoo, 1926.

Lach R. Tscheremissische Gesänge. — Wien; Leipzig, 1929. — 189 S.

Lewy E. Tscheremissische Grammatik. — Leipzig, 1922. — XI, 185 S.

Lewy E. Tscheremissische Texte. I — II. — Hannover, 1923 — 1926.

Minn E.K. The so-called past tenses in Cheremis.// American Studies in Uralic Linguistics. — Bloomington, 1960. — Pp. 93 — 120. — (The Uralic and Altaic Series. Vol. I.).

Paasonen H. Ost-tscheremissisches Wörterbuch. / Bearbeitet und herausgegeben von *P.Siro*. — Helsinki, 1948. — XI, 210. — (Lexica Societatis fenno-ugricae. 11).

Paasonen H. Tscheremissische Texte. / Herausgegeben von *P.Siro*. — Helsinki, 1939. — XVI, 251. — (MSFOu. LXXVIII).

Porkka V. Tscheremissische Texte. / Herausgegeben von *A.Genetz*. — Helsinki, 1923.

Ramstedt G.J. Bergtscheremissische Sprachstudien. — Helsingfors, 1902. — XII, 219 S. — (MSFOu. XVII).

Räsänen M. Die tatarischen Lehnwörter im Tschcremissischen. — Helsinki, 1923. — (MSFOu. 50).

Räsänen M. Die tschuwassischen Lehnwörter im Tscheremissischen. — Helsinki, 1920. — (MSFOu. 48).

Ravila P. Über die Entstehung des tscheremissischen Konjugationssystem.// FUF. XXV/1 — 3. — Helsinki, 1938.

Sebeok Th. A., Brewster P. Studies in Cheremis: Games. — Bloomington, 1958.

Sebeok Th. A., Ingemann F.J. An Eastern Cheremis Manual: Phonology, Grammar, Texts and Glossary. — Bloomington, 1961.

Sebeok Th. A., Ingemann F.J. Studies in Cheremis: The Supernatural. — New York, 1956. — 357 p. — Bibliogr.: pp. 347 — 357.

Sebeok Th. A., Zeps V. J. Concordance and Thesaurus of Cheremis Poetic Language. — 'S-Gravenhage, 1961.

Vikár L., Bereczki G. Cheremis Folksongs. — Budapest, 1971.

Wichmann Y. Beiträge zur Ethnographie der Tscheremissischen. — Helsinki, 1913.

Wichmann Y. Tscheremissische Sätze. — Helsinki, 1978. — 343 S. — (MSFOu. 163).

Wichmann Y. Tscheremissische Texte mit Wörterverzeichnis und grammatikalischen Abriss. — 2te Aufl. — Helsinki, 1953.

Wichmann Y. Volksdichtung und Volksbräuche der Tscheremissischen. — Helsinki, 1931.

Мордовские языки.

Азракин Ю.Н. Колопинский говор мокша-мордовского языка. // ОМД. IV. — Саранск, 1966. — С. 251 — 288.

Бубрих Д.В. Историческая грамматика эрзянского языка. — Саранск, 1953. — 272 с.

Бубрих Д.В. Эрзя-мордовская грамматика-минимум: Пособие для высших учебных заведений. — Саранск, 1947. — 51 с.

Бузакова Р.И., Ширманкина Р.С., Лисина Е.Н. и др. Эрзянско-русский словарь. — М., 1993. — 803 с. — (Около 27 000 слов).

Вопросы этнической истории мордовского народа. — Т. 1. — М., 1960. — (История расселения мордвы, диалектология, результаты антропологических исследований, работы по этнографии и истории).

Воробьева Н.Н. Типология сравнения в мордовских языках. // СФУ. № 3. — Таллин, 1986. — С. 203 — 208.

Горюнова Е.И. Этническая история Волжско-Обского междуречья. — М., 1961. — 267 с. — (Ценная сводка данных об истории мери и муромы).

Грамматика мордовских языков: — Часть II. — Синтаксис. — Саранск. 1954. — 326 с.

Грамматика мордовских языков: Фонетика, графика, орфография, морфология: Учебник для национальных отделений вузов. — Саранск, 1980. — 430 с. — Библиогр.: с. 425 — 427.

Грамматика мордовских языков (мокшанского и эрзянского). — Часть I: Фонетика и морфология. — Саранск, 1962.

Давыдов М.М. Больше-игнатовский диалект эрзянского языка. // ОМД. II. — Саранск, 1963. — С. 118 — 233.

Деваев С.З. Средне-вадский диалект эрзянского языка. // ОМД. II. — Саранск, 1963. — С. 261 — 432.

Деваев С.З., Цыганкин Д.В. Очерк сравнительной грамматики мордовских (мокшанского и эрзянского) литературных языков. — Саранск, 1975. — 118 с.

Евсеев М. Е. Избранные труды в пяти томах. —

Т. 1 — 2. Народные песни мордвы. — Саранск, 1961. — 384 с.; Саранск, 1963. — 528 с.

Т.3: Мордовские народные сказки и загадки. — Саранск, 1964. — 411 с.

Т.4: Основы мордовской грамматики. — Саранск, 1963. — 471 с.

Т.5: Историко-этнографические исследования. — Саранск, 1966. — 552 с.

Емельянов А.И. Грамматика вотяцкого языка. — Л., 1927. — 160 с.

Ермушкин Г.И. Арсальные исследования по восточным финно-угорским языкам: (Эрзя-мордовский язык). — М., 1984 — 141 с. — Библиогр.: с. 137 — 139.

Ермушкин Г.И. Северо-западные говоры эрзя-мордовского языка. // ОМД. V. — Саранск, 1968. — С. 318 — 382.

Ермушкин Г.И. Типологическая эволюция системы местных падежей в истории мордовских народов. // Историко-типологические исследования по финно-угорским языкам. — М., 1978. — С. 155 — 265.

Исследования по материальной культуре мордовского народа. / Под ред. В.А.Белицер и К.А.Коткова. — М., 1963. — 255 с.

Коляденков М.Н. Грамматика мордовских (эрзянского и мокшанского) языков. — Часть 2. Синтаксис. — Саранск, 1954. — 327 с.

Коляденков М.Н., Цыганов Н.Ф. Русско-эрзянский словарь. — М., 1948. — 416 с. — (Около 25 000 слов).

Лексикология современных мордовских языков. — Саранск, 1983. — 123 с.

Липатов С.И. Местоимения и их формы в диалектах мокшанского языка.// Вопросы морфологии эрзянских и мокшанских диалектов (словоизменение и словообразование). — Саранск, 1977.

Мордва: Историко-этнографические очерки. — Саранск, 1981.

Мордовский словарь Х.Паасонена.// Сост. К.Хейккиля./ Ред. коллегия: Х.-Г.Бартенс, Г.Ермушкин, М.Кахла и А.Феоктистов. — Тт. I— IV. — Хельсинки, 1990 —1996. —СУ, 2703 с.

Надькин Д.Т. Морфология нижнепьянского диалекта эрзя-мордовского языка.// ОМД. V. — Саранск, 1968. — С. 3 — 198.

Очерки мордовских диалектов.— Саранск. I.— 1961.— 396 с.; II. — 1963. — 448 с.; III. — 1963. — 275 с.; IV. — 1966. — 384 с.; V. — 1968. — 400 с.

Потапкин С.Г., Имяреков А.К. Мокшанско-русский словарь.// С приложением краткого грамматического очерка мокшанского языка (с. 323—359), составленного С.Г.Потапкиным. — М., 1949. — 359 с.

Потапкин С.Г., Имяреков А.К. Русско-мокшанский словарь./ С приложением грамматических таблиц русского языка (с. 655 — 688). — М., 1951. — 688 с.

Серебренников Б.А. Историческая морфология мордовских языков. — М., 1967. — 262 с. — Библиогр.: с. 258 —260.

Устно-поэтическое творчество мордовского народа:

Т.1. Эпические и лиро-эпические песни./ Ред. И.К.Ин-жеватов и Э.В.Померанцева. — Саранск, 1965. — 372 с.

Т. 2. Лирические песни./ Ред. Э.В.Померанцева. — Саранск, 1965. — 372 с.

Т. 3. Часть 1. Мокшанские сказки./ Ред. В.Я.Евсеев. — Саранск, 1966. — 383 с.

Т. 4. Часть 2. Эрзянские сказки./ Ред. В.Я.Евсеев, Л.С.Кавтаськин. — Саранск, 1967. — 382 с.

Т. 4. Часть 1. Пословицы, присловья и поговорки. — Саранск, 1967. — 375 с.

Т. 4. Часть 2. Мордовские загадки./ Ред. В.Я.Евсеев, Л.С.Кавтаськин. — Саранск, 1968.

Т. 5. Частушки./ Ред. С.Г.Лазутин и К.Т.Самородов. — Саранск, 1969. — 240 с.

Т. 6. Часть 1. Эрзянская свадебная поэзия./ Ред. К.В.Чистов и Л.С.Кавтаськин. — Саранск, 1972. — 469 с.

Т. 7. Часть 1. Эрзянские причитания-плачи. / Ред. К.В.Чистов и К.Т.Самородов. — Саранск, 1972. — 374 с.

Феоктистов А.П. Истоки мордовской письменности. — М., 1968. — 99 с.

Феоктистов А.П. Категория притяжательности в мордовских языках. — Саранск, 1963. — 184 с. — Библиогр.: с. 175 — 182.

Феоктистов А.П. Мордовские языки.// ОФУЯ. — М., 1975. — С. 248 — 345.

Феоктистов А.П. Очерки по истории формирования мордовских письменных литературных языков: (Ранний период). — М., 1976. — 259 с.

Цыганкин Д.В. Грамматические категории имени существительного в диалектах эрзя-мордовского языка. — Саранск, 1977.

Цыганкин Д.В. Фонетика эрзянских диалектов. — Саранск, 1979. — 111 с. — Библиогр.: с. 106 — 108.

Цыганкин Д.В. Эволюционные изменения морфологических элементов в истории мордовских языков.// Актуальные вопросы мордовского языкознания. — Саранск, 1988. — С. 12 — 20.

Цыганов Н.Ф. Из истории вокализма непервого слога слова эрзянского языка. // Филологические доклады: (Советское финно-угроведение). — Т. 2. — Саранск, 1948.

Шахматов А.А. Мордовский этнографический сборник. — СПб., 1910. — IX, 848 с. — (Содержит также загадки, пословицы, сказки в фонетической записи).

Шеянова Т.М. Развитие лексики эрзя-мордовского литературного языка в советскую эпоху. — Саранск, 1968. — 184 с.

Ширманкина Р.С. Фразеологический словарь мордовских языков. — Саранск, 1973. — 222 с.

Этногенез мордовского народа: (Материалы научной сессии. 8 — 10 декабря 1964 г.). — Саранск, 1965. — 439 с.

Ahlquist A. Versuch einer mokscha-mordwinischen Grammatik nebst Texten und Wörterverzeichnis. — St. Petersburg, 1861.

Erdődi J. Erza-mordvin szövegek. — Budapest, 1968.

Erdődi J., Zaicz G. Erza-mordvin szójegyzék. — Budapest, 1974.

Harva U. Die religiösen Vorstellungen der mordwinen. — Helsinki, 1952. — 453 S. — Bibliogr.: S. 449—453.

Itkonen E. Zur Ursprung und Wesen reduzierten Vokale im Mordwinischen. // FUF. XXXIX // 1—2. — Helsinki, 1971. — S. 41 — 75.

Itkonen E. Zur Frage nach der Entwicklung des Vokalismus der ersten Silbe in den finnisch-ugrischen Sprachen, insbesondere im Mordwinischen. // FUF. XXIX. — Helsinki., 1951. — S. 222 — 237.

Juhász J. Mokscha-mordvin szójegyzék. / Sajtó alá rendezte Erdélyi I. — Budapest, 1961.

Keresztes L. Geschichte des mordwinischen Konsonantismus. I — II. — Szeged, 1986 — 1987. — (Studia Uralo-Altaica. 26 — 27).

Lach R. Mordwinische Gesänge. — Wien; Leipzig, 1933.

Lewy E. Mordwinische Märchen in erzjanischem Dialekte. — Leipzig, 1931.

Paasonen H. Mordwinische Chrestomathie mit Glossar und grammatikalischem Abriss. — Helsingfors, 1909. — 156 S. — (2te Aufl. — Helsinki : Turku, 1953).

Paasonen H. Mordwinische Lautlehre. — Helsingfors, 1903. — 120 S. — (MSFOu. XXII. 1922).

Paasonen H. Mordwinische Volksdichtung. / Herausgegeben und übersetzt von *P.Ravila*. I — IV. — Helsinki, 1938 — 1947.

Paasonen H. Mordwinische Volksdichtung. / Gesammelt von *I.Zorin*; übersetzt von *K.Heikkilä* und *P.Ravila*; herausgegeben von *M.Kahla*. — Helsinki, 1977. — Bd. V. — 525 S.; Bd. VI. — 236 S. — (MSFOu. 161 — 162).

Stipa G. Mordwinisch als Forschungsobjekt.// *Euroasiatica. Instituto universitario orientale.* II/3. — Napoli, 1973.

Veenker W. Zur Phonologischen Statistik der mordwinischen Schriftsprachen.// *UAJb.* I. Neue Folge. — Wiesbaden, 1981.

Wiedemann F.J. Grammatik der Erzä-mordwinischen Sprache nebst einem kleinen mordwinisch-deutschen und deutsch-mordwinischen Wörterbuch. — St. Petersburg, 1865.

Прибалтийско-финские языки.

Аристэ П.А. S-овый иллатив в прибалтийско-финских языках.// *ДСИЯ.* 7. — М., 1955. — С. 22 — 31.

Аристэ П.А. Формирование прибалтийско-финских языков в древнейший период их развития.// *ВЭИЭН.* — Таллин, 1956. — С. 5 — 27.

Аристэ П.А., Вяари Э.Э. Прибалтийско-финские языки: Введение.// *ЯН.* III. — М., 1966. — С. 26 — 34.

Бубрих Д.В. Происхождение имени на *-inen* с основой на *-ise* в прибалтийско-финских языках.// *СФУ.* 5. — Петрозаводск, 1949. — С. 4 — 32.

Лаанест А. Прибалтийско-финские языки.// *ОФУЯ.* — М., 1975 — С. 5 — 122.

Oinas F. The development of some postpositional cases in Balto-finnic languages.// *MSFOu.* 123. — Helsinki, 1961.

Финский язык.

Аристэ П.А. Примечания.// В кн.: *Хакулинен Л.* Развитие и структура финского языка. — Часть I: Фонетика и Морфология. — М., 1953. — С. 300 — 306.

Бубрих Д.В. Историческая морфология финского языка. — М.; Л., 1955. — 187 с.

Бубрих Д.В. Историческая фонетика финского языка. — Петрозаводск, 1948. — 232 с. — (СФУ, VIII.)

Бубрих Д.В. О происхождении финского транслатива.// СФУ. I. — Л., 1948. — С. 182 — 192. — (Уч. зап. ЛГУ. Восточный институт, № 105).

Вахрос И., Щербаков А. Финско-русский словарь. / Под ред. *В.Ольхайнен* и *И.Сало*. — М., 1975. — 815 с. — (Около 82 000 слов). — (2-е изд.: М., 1977).

Грамматика финского языка. — М.; Л., 1958. — 290 с.

Елисеев Ю.С. Финско-русский и русско-финский словарь.// *Suomi-Venäjä-Suomi Sanakirja* — Helsinki, 1994. — 352 с.

Куусинен М.Э., Ольхайнен В.М. Русско-финский словарь. — М., 1963. — 1000 с. — (Около 61 000 слов).

Лыткин В.И. Примечания.// В кн.: *Д.В.Бубрих.* Историческая морфология финского языка. — М., 1955. — С. 170 — 184.

Морозова А.Г. Учебник финского языка. — Петрозаводск, 1972. — 286 с.

Хакулинен Л. Развитие и структура финского языка. — Часть I: Фонетика и Морфология. — М., 1953. — 311 с.

Хакулинен Л. Развитие и структура финского языка. — Часть III: Лексикология и синтаксис. — М., 1955. — 292 с.

Austerlitz R. Finnisch Reader and Glossary. — Bloomington, 1963.

Finnland. Geschichte und Gegenwart. — Porvoo; Helsinki, 1961.

Fromm H., Sadeniemi M. Finnisches Elementarbuch: I. Grammatik. — Heidelberg, 1956. — 215 S. — II. Übungsbuch. — Heidelberg, 1956. — 123 S.

Hakulinen L. Handbuch der finnischen Sprache. I — II. — Wiesbaden, 1957, 1958.

Hakulinen L. The Structure and Development of the Finnish Language. — Bloomington; The Hague, 1961. — 383 p.

Itkonen E. Die Vorgeschichte der Finnen aus der Perspektive eines Linguisten.// UAJb. XXXII. — Budapest, 1950. — S. 2 — 24.

Köngäs Maranda E. Finnish Folklore Reader and Glossary. — Bloomington, 1968.

Lehtinen M. Basic Course in Finnish. — 3 ed. — Bloomington; The Hague, 1970. — XXXIII, 657 p.

Neuvonen E. Eléments de finnois: Textes, grammaire, vocabulaire: — 3ème éd. — Helsinki. 1966.

Ота Маа. I — VI. — 1958 — 1959. — (Краткая энциклопедия Финляндии и финского народа).

Posti L. From Pre-Finnic to Late Proto-Finnic.// FUF. 31. — Helsinki, 1953 — 1954. — S. 1 — 91.

Ravila P. Finnish Literary Reader. — Bloomington; The Hague, 1965. — IX, 185 p.

Sauvageot A. Esquisse de la langue finnoise. — Paris, 1946. — 256 p. — Bibliogr.: pp. 247 — 248.

Sauvageot A. Histoire de la Finlande. I — II. — Paris, 1968.

Sauvageot A. Les anciens finnois. — Paris, 1961.

Setälä E.N. Die Urgeschichte der Finnen: Ein Überblick.// Memoria saecularis E.N. Setälä. 27. II. 1964. — Helsinki, 1964. — S. 88 — 105. — (MSFOu. 135).

Toivonen Y.H., Itkonen E., Joki A.J., Peltola R. Suomen kielen sanakirja. I — VI. — Helsinki, 1955 — 1978. — 1809 s. — (Этимологический словарь финского языка).

Tuomikoski A., Deans H. Elementary Finnish. — 2nd ed. — Helsinki, 1966.

Wuorinen J. A history of Finland. — New York; London, 1965.

Эстонский язык.

Абен К. Учебник эстонского языка. Для высших учебных заведений. Начальный курс. — Изд. 3-е. — Таллин, 1965. — 293 с.

Валмет А., Уусыльд Э., Туру Э. Учебник эстонского языка. — Таллин, 1981. — 504 с.

Вопросы этнической истории эстонского языка. — Таллин, 1956.

Каарма Г., Кюльмоя И. и др. Эстонско-русский словарь.// Eesti-Vene Öppesõnastik. — Таллин, 1984. — 559 с.

Каск А.Х. К вопросу об образовании и группировке эстонских диалектов.// ВЭИЭН. — Таллин, 1956.

Каск А.Х. Эстонский язык.// ЯН. III: — М., 1966. — С. 35 — 60.

Пяль Э.Н. Учебник эстонского языка. — Таллин, 1955. — 311 с.

Пяль Э.Н., Томсель Э.Я., Тукумцев Г.Р. Сопоставительная грамматика эстонского и русского языка: Для преподавателей и студентов. — Таллин, 1962. — 436 с.

Ariste P.A. Eesti keele fonetika. — Tallinn, 1953.

Aspects of Estonian Culture.// Ed. J.Aavik, H.Nagar a.o. — London, 1961.

Eisen M.J. Estnische Mythologie. — Leipzig, 1925.

Harms R.T. Estonian Grammar. — Bloomington, 1962. — XI, 175. — Bibliogr.: pp. 168—175.

Kask A. Eesti kirjakeele ajaloost. I — II. — Tartu, 1970. — (История эстонского литературного языка).

Kettunen L. Livisches Wörterbuch mit grammatischer Einleitung. — Helsinki, 1938. — LXXII, 648 S. — (Lexica Societatis Fenno-Ugricae. V).

Kurman G. The Development of Written Estonian. — Bloomington, 1968.

Laanest A. Einführung in die ostseefinnischen Sprachen. — Hamburg, 1982.

Lavotha Ö. Kurzgefasste estnische Grammatik. — Wiesbaden, 1973. — 116 S. — (Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica. 9).

Manninen I. Die Sachkultur Estlands. I — II. — Tartu, 1931 — 1933.

Muhel V. Vene-cesti sõnaraamat./Русско-эстонский словарь. — 6 trükk. — Tallinn, 1977.

Oinas F.J. Basic Course in Estonian. — Bloomington, 1968.

Oinas F.J. Estonian General Reader. — Bloomington, 1963.

Oras A. Estonian Literary Reader. — Bloomington, 1963.

Raun A., Saareste A. Introduction to Estonian linguistics. — Wiesbaden, 1965. — X, 123 p. — Bibliogr.: pp.115 — 123.

Saareste A. Introduction to Estonian linguistics. — Wiesbaden, 1965. — 123 p. — Bibliogr.: pp.115 — 123.

Saareste A. Petit Atlas des parlers estoniens. — Uppsala, 1955.

Tamm J. Eesti-vene sõnaraamat./Эстонско-русский словарь. — 2. trükk. — Tallinn, 1962. — 752 S.

Tampere H. Eesti rahvalaule viisidega. I — III. — Tallinn, 1956 — 1958. — (Эстонские народные песни).

Tauli V. Standard Estonian Grammar. — Part I: Phonology, morphology, word-formation. — Uppsala, 1973. — 237 p. — Bibliogr.: pp. 201 — 202.

Wiedemann F.J. Estnisch-deutsches Wörterbuch. — 4te Aufl. — Tallinn, 1973.

Wiedemann F.J. Grammatik der Estnischen Sprache. — St. Petersburg, 1875.

Карельский, ижорский, вепеский, водский и ливский языки.

Адлер Э. Водский язык. // ЯН. III. — М., 1956. — С. 118 — 137.

Аристэ П.А. К вопросу о развитии ливского языка.// Труды Ин-та языкознания (АН СССР). — Т. 4. — М., 1954. — С. 254 — 307.

Баранцев А.П. Образцы лодиковской речи: (Образцы корпуса лодиковского диалекта). — I. Деревня Пелдожа и ее окрестности. — Петрозаводск, 1978. — 287 с.

Бубрих Д.В. Грамматика карельского языка: Фонетика и Морфология. — Петрозаводск, 1937. — 79 с.

Бубрих Д.В. Происхождение карельского народа: Повесть о союзнике и друге русского народа на Севере. — Петрозаводск, 1947. — 51 с.

Вяари Э.Э. Ливский язык.// ЯН. III. 1966. — С. 138 — 154.

Духовная культура Сегозерских карел. — Л., 1980. — 216 с.

Евсеев В.Я. Исторические основы карело-финского эпоса. — Часть I. — М.; Л., 1957. — 334 с.; — Часть II. — М.; Л., 1960. — 384 с.

Зайцева М.И. Грамматика вепсского языка: Фонетика и морфология. — Л., 1981. — 360 с.

Зайцева М.И., Муллонен М.И. Образцы вепсской речи. — Л., 1969. — 296 с.

Зайцева М.И., Муллонен М.И. Словарь вепсского языка. — Л., 1972.

Лаанест А. Ижорские диалекты: Лингво-географическое исследование. — Таллин, 1966. — 182 с. — Библиогр.: с. 162 — 165.

Макаров Г.Н., Рягоев В.Д. Образцы карельской речи. — Л., 1969. — 283 с.

Макаров Г.Н. Русско-карельский словарь. — Петрозаводск, 1975. — 160 с. — (Около 10 000 слов).

Макаров Г.Н. Словарь карельского языка: (Ливвиковского диалекта). — Петрозаводск, 1990. — 495 с. — (Около 20 000 слов).

Панкрушев Г.А. Племена Карелии в эпоху неолита и раннего металла. — М.; Л., 1964. — 145,(49) с.

Пименов В.В. Вепсы. Очерк этнической истории и генезиса культуры. — М.; Л., 1965. — 264 с.

Рягоев В.Д. Тихвинский говор карельского языка. — Л., 1977. — 287 с.

Ariste P. A Grammar of the Votic Language. — The Hague; Bloomington., — 1968. — 121 p.

Ariste P. Wotische Sprachproben. — Tartu, 1935.

Hämäläinen M., Andrejev F. Vepskijan grammatik. — Leningrad, 1934.

Kettunen L. Hauptzüge der livischen Laut- und Formengeschichte. — Helsinki, 1947.

Kettunen L. Livisches Wörterbuch mit grammatikalischer Einleitung. — Helsinki, 1938. — LXXII, 648 S. — (Lexica Societatis Fenno-Ugricae. V).

Loorits O. Volkslieder der Liven. — Tartu, 1936. — XXIV, 688 S.

Posti L. Grundzüge der livischen Lautgeschichte. — Helsinki, 1942 — 330 S. — (MSFOu. 85).

Suhonen S. Die jungen lettischen Lehnwörter im Livischen. — Helsinki, 1975. — 250 S. — (MSFOu. 85).

Vääri E. Die Liven und die livische Sprache in den Jahren 1920 — 1970.// FUF. XXXIX/1 — 2. — Helsinki, 1971. — S. 139 — 148.

Virtaranta P. Die Dialekte des Karelischen.// СФУ. 1. Таллин, 1972.

Virtaranta P. Kultarengas korvaan. — Helsinki, 1971. — (Карельские сказки и легенды).

Virtaranta P. Lyydiläisiä tekstejä. I—V. — Helsinki, 1963 — 1984.

Саамские языки.

Зайков П.М. Бабинский диалект саамского языка: Фонологическое и морфологическое исследование. — Петрозаводск, 1987. — 202 с.

Керт Г.М. О глагольных словообразовательных суффиксах в кильдинском диалекте саамского языка.// СФУ. 23. — Таллин, 1987. — С. 93 — 100. — Библиогр.: с. 99.

Керт Г.М. Саамский язык. Кильдинский диалект: Фонетика. Морфология. Синтаксис. — Л., 1971. — 355 с. — Библиогр.: с. 349.

Керт Г.М. Словарь саамско-русский и русско-саамский: Пособие для учащихся начальной школы. — Л., 1986. — 248 с. — (Около 4 000 слов).

Керт Г.М. Саамский язык.// ОФУЯ. — М., 1975. — С. 203—247.

Керт Г.М., Зайков П.М. Образцы саамской речи./ Параллельный текст на саамском и русском языках. — Петрозаводск, 1988. — 191 с.

Корхонен М. Перспективы саамского языкознания в Финляндии.// Симпозиум по финно-угорскому языкознанию (Петрозаводск 26 — 27.3.1974). — Хельсинки, 1975. — С. 124 — 143.

Дукьянченко Т.В. Материальная культура саамов (лопарей) Кольского полуострова в конце XIX—XX в. — М., 1971. — 166 с.

Саамско-русский словарь.// Под ред. *Р.Д.Куруч.* С приложением краткого грамматического очерка саамского языка (с. 529 — 567), составленного *Р.Д.Куруч.* — М., 1985. — 567 с. — (Около 8 000 слов).

Эндюковский А.Г. Саамский (лопарский) язык. // ЯПНС. Часть I. — М.; Л., 1937. — С. 125 — 162.

Aikio S., Kecskeméti I., Kiss Z. Lappische Joiku Lieder aus Karasjok. — Helsinki, 1972. — 253 S. — (MSFOu. 149).

Beronka J. Lappische Kasusstudien: Zur Geschichte des Komitativs-Instruktivs und des Genitivs im Lappischen. — Oslo, 1967.

Bergsland K. Lappische Grammatik mit Lesestücken. — Wiesbaden, 1976.

Collinder B. The Lappish dialect of Jukkasjärvi: A morphological survey. — Uppsala; Leipzig, 1949. — XII, 304 p.

Collinder B. The Lapps. — New York, 1949. — 252 p. — Bibliogr.: pp. 235—247.

Collinder B. Proto-Lappisch und Samojed. — Uppsala, 1954.

Grundström H. Lulelappsk ordbok. — T. I—IV. — Lund; Uppsala, 1946 — 1954.

Grundström H., Väisänen O. Lappische Lieder. — Uppsala, 1968.

Itkonen E. Die Herkunft und die Vorgeschichte der Lappen im Lichte der Sprachverwandtschaft.// UAJb. XXVII/1 —5. — Wiesbaden, 1955. — Pp. 32 — 44.

Itkonen E. Inarilappisches Wörterbuch. — Bd. 1—3. — Helsinki, 1986 —1989.— (Lexica Societatis Fenno-Ugricae. XX/1—3).

Itkonen E. Lappische Chrestomathie mit grammatikalischem Abriss und Wörterverzeichnis: (Hilfsmittel für das Studium der finnisch-ugrischen Sprachen. VII). — Helsinki, 1960. — X, 187 S.

Korhonen M. Die Entwicklung der morphologischen Methode im Lappischen.// FUF. 37/2 —3. Helsinki, 1969. — S. 203 — 262.

Korhonen M. Die Konjugation im Lappischen: Morphologisch-historische Untersuchung. — 1. Die finiten Form-kategorien. — Helsinki, 1974. — 227 S.

Korhonen M. Die Konjugation im Lappischen: Morphologisch-historische Untersuchung.— 2. Die nominalen Formkategorien. — Helsinki, 1974.— 227 S.

Lagercrantz E. Lappische Volksdichtung. — Vol. 1—7. — Helsinki, 1957—1966.

Lagercrantz E. Lappischer Wortschatz. I—II. — Helsinki, 1939. — IV, 1249 S. — (Lexica Societatis Fenno-Ugricae. VI).

Lagercrantz E. Sprachlehre des Nordlappischen. — Oslo, 1929.

Lagercrantz E. Sprachlehre des Südlappischen. — Kristiania, 1923.

Lagercrantz E. Sprachlehre des Westlappischen nach der Mundart von Arjeplog. — Helsinki, 1926. — 365 S. —(MSFOu. 80).

Lagercrantz E. Wörterbuch des Südlappischen. — Oslo, 1926.— X, 214 S.

Lakó Gy. Zu den Beziehungen der Lappen mit den Samojeden.// UAJb. L. — Budapest, 1978.

Nielsen K. Lappisches Wörterbuch nach den Dialekten von Polmak, Karasjok und Kautokeino. — Oslo, 1932 —1938.

Nielsen K. Laerobok i lappisk. — I. Grammatikk; — II. Tekster; — III. Glossar. — Oslo, 1926 —1929.

Nielsen K., Nesheim A. Laerobok i lappisk. — IV. Systematic Part. — Oslo, 1956; — V. Supplement. — Oslo, 1962.

Schlachter W. Das lappische Tempussystem.// Symposium über Syntax der uralischen Sprachen (15.—18. Juli 1969 in Reinhausen bei Göttingen). — Göttingen, 1970. — S. 178—195.

Schlachter W. Wörter des Waldlappendialekts von Malå und Texte zur Ethnographie. — Helsinki, 1958. — XIX, 294 S. — (Lexica Societatis Fenno-Ugricae. XIV).

Sebestyén I.N. Beiträge zur Problem der proto-lappischen Sprache.// ALH. III. — Budapest, 1953.

Szabó L. Kolalappische Volksdichtung. — Göttingen, 1966.

Toivonen Y.H. Zum Problem des Proto-lappischen. — Helsinki, 1950.

Wiklund K.B. Entwurf einer urlappischen Lautlehre. I.// SUST. X. — Helsingfors, 1896.

Wiklund K.B. Lärabok i lappska språket. — Uppsala, 1915.

Wiklund K.B. Lulelappisches Wörterbuch. — Helsinki, 1890.

Самодийские языки.

Алмазова В.В. Самоучитель ненецкого языка. — Л., 1961.

Бахрушин С.В. Научные труды. — Т. 3. Часть I. Избранные работы по истории Сибири XVI — XVII вв. — М.; Л., 1955. — 376 с.; — Т. 3. Часть II. История народов Сибири в XVI — XVII вв. — М.; Л., 1955. — 299 с.

Беккер Э.Г. О падежах пространственной ориентации в селькупском языке.// СФУ. XVII. — Таллин, 1981 — С. 131 — 136.

Беккер Э.Г. Категория падежа в селькупском языке. — Томск, 1978. — 207 с.

Беккер Э.Г. Структурно-морфологическая характеристика показателей падежей пространственно-временной ориентации в южноселькупских диалектах.// Вопросы енисейского и самодийского языкознания. — Томск, 1983. — С. 11 — 15.

Бубрих Д.В. К вопросу об отношениях между самодийскими и финно-угорскими языками.// Изв. АН СССР. ОЛЯ. VII/6. — М., 1948. — С. 511 — 517.

Быконя В.В. К вопросу о средствах выражения временных отношений в селькупском языке.// Строй самодийских и енисейских языков. — Томск, 1987. — С. 12 — 18. — Библиогр.: с. 18.

Валл М.Н., Вернер Г.К. Об истоках падежной системы в енисейских языках.// Происхождение аборигенов Сибири и их языков. — Томск, 1973. — С. 29 — 31.

Васильев В.И. Проблемы формирования северо-самодийских народностей. — М., 1979. — 243 с. — Библиогр.: с. 228 — 239.

Вербов Г.Д. Диалект лесных ненцев.// Самодийский сборник: (Сборник научных трудов). — Новосибирск, 1973.

Володин А.П., Сорокина И.П. Выражение транслативности в энцеком языке. // Лексика и грамматика языков Сибири. — Барнаул, 1985. — С. 119 — 127.

Володин А.П., Храковский В.С. Типология императива в финно-угорских и самодийских языках. // СФУ. 22. — Таллин, 1986. — С. 18 — 24.

Вопросы енисейского и самодийского языкознания. — Томск, 1983. — 159 с.

Долгих Б.О. Очерки по этнической истории ненцев и энцев. — М., 1970. — 269 с.

Долгих Б.О. Происхождение нганасанов.// Сибирский этнографический сборник. — Вып. I. — М., 1962. — (Труды Ин-та этнографии. Новая серия. XVIII).

Дульзон А.П. Селькупские сказки. //Языки и топонимия Сибири. — Вып. I. — Томск, 1966. — С. 96 — 158.

Ким А.А. Способы выражения посессивности в самодийских языках.// Языки народов Севера Сибири. — Новосибирск, 1966. — С. 51 — 60.

Коваленко И.Н. Супин и целевое деепричастие в нганасанском языке.// Полипредикативные конструкции в языках разных систем. — Новосибирск, 1985. — С. 149 — 154.

Кузнецова А.И., Хелимский Е.А., Грушкина Е.В. Очерки по селькупскому языку: Тазовский диалект. — Т. I. — М., 1980. — 411 с.

Кузьмина А.И. Грамматика селькупского языка. — Часть I: Селькупы и их язык. — Новосибирск, 1974. — 265 с.

Кузьмина А.И. Категория притяжательности в селькупском языке. // Языки народов СССР. — Новосибирск, 1988. — С. 46 — 60.

Куприянова З.Н., Хомич Л.В., Щербакова А.М. Ненецкий язык: Учебное пособие для педагогических училищ. — Л., 1977. — 311 с.

Кюннап А. Исследование самодийских языков (1975 — 1984). // ВЯ. № 4. — М., 1985. — С. 131 — 140.

Кюннап А. К истории личных глагольных суффиксов в северносамодийских языках. // Языки и топонимия Сибири. II. — Томск, 1970.

Кюннап А. К проблеме камасинского генитива. // СФУ. II. — Таллин, 1970. — С. 119 — 125.

Кюннап А. Основные источники вторичных окончаний локальных падежей в самодийских языках. // СФУ. 18/3. — Таллин, 1982. — С. 194 — 200.

Очерк грамматики ненецкого (юрако-самоедского) языка. — Л., 1947.

Пелих Г.И. Происхождение селькупов. — Томск, 1972. — 424 с.

Попов А.А. Нганасаны. I. Материальная культура. — М.; Л., 1948.

Попова Я.Н. Фонетические особенности лесного наречия ненецкого языка. — М., 1978. — 172 с. — Библиогр.: с. 123 — 126.

Происхождение аборигенов Сибири и их языков. — Томск, 1973. — 236 с.

Прокофьев Г.Н. Нганасанский (тавгийский) диалект. // ЯПНС. I. — М.; Л., 1937. — С. 53 — 74.

Прокофьев Г.Н. Ненецкий (юрако-самоедский) язык. // ЯПНС. I. — М.; Л., 1937. — С. 5 — 52.

Прокофьев Г.Н. Селькупская (остяко-самоедская) грамматика. — Л., 1935. — 135, (5) с.

Прокофьев Г.Н. Энецкий (енисейско-самоедский) диалект.// ЯПНС. I. — М.; Л., 1937. — С. 75 — 90.

Прокофьев Г.Н. Этногония народностей Обь-Енисейского бассейна (ненцев, энцев, селькупов, кетов, хантов).// СЭ. № 3. — М., 1940.

Пырерка А.П., Терещенко Н.М. Русско-ненецкий словарь. / С приложением краткого грамматического очерка (с. 314—405), составленного *Н.М.Терещенко*. — М., 1948. — 405 с. — (Около 15 000 слов).

Склонение в палеоазиатских и самодийских языках. — Л., 1974. — 298 с.

Сорокина И.П. Будущее время в энецком языке.// Структура палеоазиатских и самодийских языков. — Томск, 1985. — С. 115 — 120.

Сорокина И.П. Категория притяжания в энецком языке.// Языки народов Сибири. — Новосибирск, 1986. — С. 61 — 75.

Терещенко Н.М. К вопросу о ненецко-хантыйских языковых связях.// ВЯ. № 2. — М., 1959. — С. 96 — 103.

Терещенко Н.М. К развитию атрибутивных отношений в самодийских языках.// Вопросы финно-угорского языкознания. — Вып. IV. — Ижевск, 1967. — С. 234 — 243.

Терещенко Н.М. Нганасанский язык. — Л., 1979. — 322 с.

Терещенко Н.М. Ненецко-русский словарь. / С приложением краткого грамматического очерка ненецкого языка (с. 859 — 942), составленного *Н.М.Терещенко*. — М., 1965. — 942 с. — (Около 22 000 слов).

Терещенко Н.М. О выражении посессивных отношений в самодийских языках. // Вопросы финно-угорского языкознания. — М.; Л., 1962. — С. 81 — 93.

Терещенко Н.М. Основные проблемы самосодологии в СССР. // Лексика и грамматика языков Сибири. — Барнаул, 1985. — С. 4 — 10.

Терещенко Н.М. Синтаксис самодийских языков. — Л., 1973. — 323 с.

Хелимский Е.А. Самодийская лингвистическая реконструкция и праистория самодийцев. // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. — Часть 2. — М., 1989.

Хлобыстин Л.П. О расселении предков самодийских народов в эпоху бронзы (II тысячелетие до н.э.).// Этногенез народов Северной Азии./ Материалы конференции. — Вып. I. — Новосибирск, 1969.

Хомич Л.В. Проблемы этногенеза и этнической истории ненцев. — Л., 1976.

Щербакова А.М. Формы отрицания в ненецком языке.// Уч. зап. ЛГПИ им. А.И.Герцена./ Том 101. Факультет народов Севера. — Л., 1954. — С. 181 — 231.

Языки и письменность народов Севера. — Часть I. — Языки и письменность самоедских народов. — М.; Л., 1937. — 232 с.

Языки и топонимия Сибири. — Вып. I.—Томск, 1966. — 186 с.

Языки и топонимия Сибири. — Вып. II. — Томск, 1970. — 121 с.

Castrén M.A. Grammatik der samojedischen Sprachen. — St. Petersburg, 1854. — (Bloomington, 1966. — 608 p.).

Castrén M.A. Samojedische Volksdichtung./ Gesammelt von M.A. Castrén, herausgegeben von T. Lehtisalo. — Helsinki, 1940. — 341 S.

Castrén M.A. Wörterverzeichnisse aus den samojedischen Sprachen. — St. Petersburg, 1855. — S. 43 — 97. — (Около 800 нганасанских слов).

Castrén M.A., Lehtisalo T. Samojedische Sprachmaterialien. — Helsinki, 1960. — 462 S.

Décsey Gy. Yurak Chrestomathy. — Bloomington, 1966. — XIV, 107 p. — (Indiana university publications Uralic and altaic Series. Vol. 50).

Donner K. Samojedische Wörterverzeichnisse. — Helsinki, 1932. — VI, 171 S. — (MSFOu. 64).

Donner K., Joki A.J. Kamassisches Wörterbuch nebst Sprachproben und Hauptzügen der Grammatik./ Bearbeitet und herausgegeben von A.J.Joki. — Helsinki, 1944. — S. 7 — 51; 3 — 215. — (1550 различных основ и большинство опубликованных текстов).

Erdélyi I. Selkupisches Wörterverzeichnis (Tas-Dialekt). — Budapest, 1969. — 316 S. — (Около 3 000 слов).

Hajdú P. Chrestomathia Samojedica. — Budapest, 1968.

Hajdú P. Die Samojedische Sprachen.// The Uralic Languages. — Leiden, 1988. — S. 3 — 40.

Hajdú P. Lativ und Infinitiv im Samojedischen.// Congressus Internationalis Fenno-Ugristarum Budapestini habitus 20—24.IX. 1960. — Budapest, 1963. — S. 269 — 271.

Hajdú P. Prädikative Nominalflexion in den Samojedischen Sprachen.// ALH. 25/1 — 2. — Budapest, 1975. — S. 1 — 30.

Hajdú P. Samojedologische Schriften. — Szeged, 1975. — 145 S. — (Studia Uralo-Altaica. VI.).

Hajdú P. The Samojed Peoples and Languages. — Bloomington; The Hague, 1963. — VII, 114 p. — Bibliogr.: pp. 89 — 114.

Janhunen J. Glottal stop in Nenets. — Helsinki, 1986. — 202 p.

Janhunen J. On the interaction of Mator with Turkic, Mongolic and Tungusik.// JSFOu. LXXXII. — Helsinki, 1989.

Janhunen J. Samojedischer Wortschatz: Gemeinsamojedische Etymologien. — Helsinki, 1977. — 185 S.

Joki A.J. Lehnwörter des Samojedischen.// MSFOu. CII — Helsinki, 1952.

Joki A.J. Über das Element *n* in der samojedischer Deklination.// FUF. 32. — Helsinki, 1971. — S. 1 — 17.

Katz H. Zur Phonologie des Motorisch-Karagassisch-Tavigischen.// Studien zur Phonologie und Morphologie der uralischen Sprachen. — Wien, 1987.

Katzschmann M., Pusztaj J. Jenissej-Samojedisches (Enzisches) Wörterverzeichnis. — Hamburg, 1978. — 283 S. — (Энецко-немецкий словарь; 1642 словарных гнезда).

Kortt I.R., Simonenko Ju.B. Wörterverzeichnis des Nganasanischen Sprache. — T. 1. Nganasan-Deutsch-Russisches Glossar. — Berlin, 1985. — 422 S.

Künnap A. Gibt es im Samojedischen Spuren des primären **k*-Latins? // Commentationes Fenno-Ugricae in honorem *E. Itkonen*. — Helsinki, 1973. — S. 185 — 188. — (MSFOu. 150).

Künnap A. System und Ursprung der kamassischen Flexionsuffixe. — I. Numeruszeichen und Nominalflexion. — Helsinki, 1971. — 147 S.; — II. Verbalflexion und Verbalnomina. — Helsinki, 1978. — 261 S.

Künnap A. Zum Problem des Nordsamojedischen Genitivs. // СФУ. X/3. — Таллин, 1974. — С. 193 — 200. — (Резюме на русском языке).

Lehtisalo T. Juraksamojedisches Wörterbuch. — Helsinki, 1956. — CIX, 601 S. — (Lexica Societatis Fenno-Ugricae. XIII).

Lehtisalo T. Samojedische Etymologien. // NyK. L/1—3. — Budapest, 1936. — S. 227 — 231.

Mikkola T. Die alten Postpositionen des Nenzischen (Juraksamojedischen). — Budapest etc., 1975. — 242 S.

Mikkola T. Geschichte der Samojedischen Sprachen. // The Uralic Languages. Description, History and Foreign Influences. — Leiden etc., 1988.

Paasonen H. Beiträge zur finnisch-ugrisch-samojedischen Lautgeschichte. // Keleti Szemle. 13/17. 1. — Budapest, 1917.

Ristinen E.K. Some Remarks on the Function of the Subjective and Objective Conjugations in the Samoyedic Languages. // JSFOu. LXXII. — Helsinki, 1973. — S. 337 — 347. — Bibliogr.: S. 346—347.

Salminen T. Samoyedology in Finland 1985 — 1989; the Glottal Stop. // Problems of uralistics. / Contribution to 7th International Congress of Finno-Ugric. — (Debrecen, August 27 — September 2, 1990): Analytical Reviews In Two Volumes. — Vol. I. — M., 1990. — Pp. 216 — 237.

Sebestyén I.N. Attributive Konstruktionen im Samojedischen. // ALH. IX/ 1—2. — Budapest, 1959. — S. 35 — 115.

Sebestyén I.N. Die possessiven Fügungen im Samojedischen und das Problem des Uralischen Genitivs (II).// ALH. VII/3—4. — Budapest, 1958. — S. 41 — 71, 273 — 340.

Sebestyén I.N. Lokativ und Lativ im Juraksamojedischen.// Commentationes Fenno-Ugricae in honorem *E.Itkonen*. — Helsinki, 1973. — S. 369—379. — (MSFOu. 150).

Sebestyén I.N. Zum Problem des samojedischen und des uralischen Genitivs.// Commentationes Fenno-Ugricae in honorem *P.Ravila*. — Helsinki, 1962. — S. 529 — 548. — (MSFOu. 125).

Szabó L. Selkup texts with phonetic introduction and vocabulary. — Bloomington; The Hague, 1967. — V, 62 p.

Steinitz W. Samojedisch-Obugrisches.// MSFOu. CXXV. — Helsinki, 1962.

Тунгусо-маньчжурские языки.

Аврорин В.А. Грамматика нанайского языка. — Т. 1. Фонетическое введение и морфология именных частей речи. — М.; Л., 1959. — 282 с.; — Т. 2. Морфология глагольных и наречных частей речи, междометий, служебных слов и частиц. — М.; Л., 1961. — 294 с.

Аврорин В.А. О категориях времени и вида в нанайском языке.// Язык и мышление. XI. — М.; Л., 1948. — С. 29 — 55.

Аврорин В.А. О классификации тунгусо-маньчжурских языков.// Труды XXV Международного конгресса востоковедов. — Вып. 3. — М., 1963.

Аврорин В.А. Родственные связи ороцкого языка с другими тунгусо-маньчжурскими.// История и диалектология языков Сибири. — Новосибирск, 1979.

Аврорин В.А. Синтаксические исследования по нанайскому языку. — Л., 1981. — 198 с. — Библиогр.: с. 192 — 193.

Аврорин В.А. Фонетика ороцкого языка. // Изучение языков Сибири. — Новосибирск, 1978.

Аврорин В.А., Лебедева Е.П. Ороцкие тексты и словарь. — Л., 1978. — 264 с. — Библиогр.: с. 260 — 261.

Андреева Т.Е. Звуковой строй томмотского говора восточного наречия эвенкийского языка. — Новосибирск, 1988.

Богораз В.Г. Материалы по ламутскому языку. // Тунгусский сборник. — Т. 1. — Л., 1931. — С. 1 — 106.

Бойцова А.Ф. Категория лица в эвенкийском языке. — Л., 1940. — 192 с. — Библиогр.: с. 188 — 189.

Болдырев Б.В. Категория косвенной принадлежности в тунгусо-маньчжурских языках. — М., 1976. — 151 с.

Болдырев Б.В. Русско-эвенкийский словарь. — М., 1988. — 302 с. — (Около 4 500 слов).

Болдырев Б.В. Русско-эвенкийский словарь. — Новосибирск, 1994. — 498 с. — (Около 20 000 слов).

Болдырев Б.В. Словообразование имен существительных в тунгусо-маньчжурских языках. — Новосибирск, 1987. — 208 с. — Библиогр.: с. 193 — 197. — (132 названия).

Большакова Л.Е. Русско-эвенкий разговорник. — Магадан, 1986. — 49, (2) с.

Булатова Н.Я. Говоры эвенков Амурской области. — М., 1987. — 187 с. — Библиогр.: с. 86 — 89.

Василевич Г.М. К вопросу о классификации тунгусо-маньчжурских языков. // ВЯ. № 2. — М., 1960. — С. 43 — 49.

Василевич Г.М. Очерки грамматики эвенкийского (тунгусского) языка. — М.; Л., 1940. — 196 с. — Библиогр.: с. 195.

Василевич Г.М. Очерки диалектов эвенкийского (тунгусского) языка. — Л., 1948. — 352 с.

Василевич Г.М. Русско-эвенкийский (русско-тунгусский) словарь. — М., 1948. — 332 с. — (Около 20 000 слов).

Василевич Г.М. Эвенкийско-русский словарь. / С приложением и грамматическим очерком эвенкийского языка (с. 639 — 799). — М., 1958. — 802 с. — (Около 25 000 слов). — Библиогр.: с. 800—802.

Васильев В.П. Маньчжурская хрестоматия для первоначального преподавания. — СПб, 1863.

Гладкова Н.И. Морфологическая структура наречий времени в эвенском языке. // Лексико-грамматические исследования языков народов Севера СССР. — Л. 1980. — С. 30—47.

Гладкова Н.И. Притяжательная связь в эвенском языке. // Вопросы лексики и грамматики языков народов Крайнего Севера СССР. — Л., 1983. — С. 116 — 128.

Горелова Л.М. Категория вида в эвенкийском языке. — Новосибирск, 1979. — 115 с.

Горцевская В.А. Очерк изучения истории тунгусо-маньчжурских языков. — Л., 1959. — 79 с. — Библиогр.: с. 57 — 78.

Горцевская В.А. Формы отрицания в эвенкийском языке. — Л., 1941. — 110 с. — Библиогр.: с. 110 — 111.

Горцевская В.А., Колесникова В.Д., Константинова О.А. Эвенкийско-русский словарь./ С кратким грамматическим очерком. — Л., 1958. — 310 с. — (Около 10 000 слов).

Гребеничиков А.В. Маньчжуры, их язык и письменность.// Изв. Восточного ин-та. XIV/L. — Владивосток, 1912.

Данилова А.А. Морфологическая характеристика качественных прилагательных: (На материале языка оймьконских эвенов).// Актуальные вопросы языков народностей Севера. — Якутск, 1980. — С. 70 — 74.

Захаров И.И. Грамматика маньчжурского языка. Ч.1. — СПб, 1879. — (4), VIII, 324 с.

Захаров И.И. Полный маньчжурско-русский словарь. — СПб, 1875.

Золотарев А.М. Родовой строй и религия ульчей. — Хабаровск, 1936.

Ивановский А.О. Маньчжурская хрестоматия. — СПб. — Вып. 1. Тексты на маньчжурском языке. — 1893. — (4), 119 с.; — Вып. 2. Тексты в транскрипции. — 1895. — (5), 123 — 255 с.

Ивановский А.О. Mandjurica. I. Образцы солонского и дахурского языков. — СПб, 1894. — 79 с.

Колесникова В.Д. Словарь эвенкийско-русский и русско-эвенкийский. — Л., 1983.

Колесникова В.Д. Синтаксис эвенкийского языка. — М.; Л., 1966. — 246 с.

Колесникова В.Д., Константинова О.А. Русско-эвенкийский словарь. — Л., 1960. — 258 с. — (Около 10 000 слов).

Конаков А.П. Маньчжуристика в России и в СССР. // Изв. АН СССР. VI/5. — М., 1947. — С. 417 — 424.

Константинова О.А. Эвенкийский язык. — Л., 1964.

Кормушин И.В. Тунгусо-маньчжурские языки. // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Задачи и перспективы. — М., 1982. — С. 153 — 167. — Библиогр.: с. 321 — 323.

Лебедев В.Д. Охотский диалект эвенского языка. — Л., 1982. — 243 с.

Лебедев В.Д. Числительные в момском говоре эвенского языка. // Вопросы филологии. — Якутск, 1970. — С. 141 — 147.

Лебедев В.Д. Язык эвенов Якутии. — Л., 1978. — 205 с.

Лебедева Е.П. Наречия места в эвенкийском языке. — Л., 1936. — 79 с. — Библиогр.: с. 4—5.

Лебедева Е.П., Константинова О.А., Монахова И.В. Эвенкийский язык. — Л., 1979. — 272 с.

Левин В. Краткий эвенско-русский словарь. / С приложением грамматического очерка. — М.; Л., 1936.

Леонтович С. Русско-ороченский словарь. // Записки Общества изучения Амурского края. V/2. — Владивосток, 1896.

Маньчжурское владычество в Китае. / Отв. ред. С.Л.Тихвинский. — М., 1966. — 387 с. — Библиогр.: с. 376 — 386.

Мелихов Г.В. Маньчжуры на Северо-Востоке (XVII в.). — М., 1974. — 246 с. — Библиогр.: с. 232 — 245.

Мыльникова К.М., Цинциус В.И. Материалы по исследованию негидальского языка. / Тунгусский сборник. I. — Л., 1931.

Николаев С.И. Эвены и эвенки Юго-Восточной Якутии. — Якутск, 1964. — 202 с.

Нишань самати битхэ:/ (Предание о нишанской шаманке)./ Издание текста, перевод и предисловие *М.П.Волковой*. — М., 1961. — 178 с. — (Текст памятника на маньчжурском языке).

Новикова К.А. Очерки диалектов эвенского языка. Ольский говор. — Часть I. — М.; Л., 1960. — 245 с. — Библиогр.: с. 245.

Новикова К.А. Очерки диалектов эвенского языка. Ольский говор. Глагол, служебные слова, тексты, глоссарий. — Часть II. — Л., 1980. — 243 с.

Новикова К.А., Гладкова Н.И., Роббек В.А. Эвенский язык: Учебник для педагогических училищ. — Л., 1991. — 304 с. — Библиогр.: с. 297 — 300.

Оненко С.Н. Нанайско-русский словарь. — М., 1980. — 552 с. — (Около 12 800 слов).

Оненко С.Н. Русско-нанайский словарь. — М., 1986. — 320 с. — (Около 15 000 слов).

Орочские сказки и мифы.// Сост. *Аврорин В.А. и Лебедева Е.П.* — Новосибирск, 1966. — 235 с.

Пашков Б.К. Вклад русских ученых в изучение маньчжурского языка и письменности.// КСИВ АН СССР. (Языкознание). — Вып. 18. — М., 1956.

Пашков Б.К. Маньчжурский язык. — М., 1963. — 67 с. — Библиогр.: с. 64 — 66.

Певнов А.М. Проблемы дешифровки чжурчжэньской письменности.// ВЯ. № 1. — М., 1992.

Певнов А.М. Чжурчжэньский язык.// Языки мира. — М., 1997. — С. 260 — 267.

Петров А.А. Лексика, отражающая духовную культуру эвенов. — Л., 1991. — (Народное искусство и обряды).

Петрова Т.И. Нанайско-русский словарь. — Л., 1960. — 241 с. — (Около 8 000 слов).

Петрова Т.И. Очерк грамматики нанайского языка. — Л., 1941. — 168 с.

Петрова Т.И. Ульчский диалект нанайского языка. — М.; Л., 1936. — 154 с.

Петрова Т.И. Язык ороков (ульта). — М.; Л., 1967. — 156 с.

Позднеев А.М. Опыт образцов маньчжурской литературы. — Вып. I. — Владивосток, 1903.

Попова Я.Н. Нанайско-русский словарь: Лесное наречие. — Szegeď, 1978. — 152 с.

Попова У.Г. Эвены Магаданской области. — М., 1981.

Поппе Н.Н. Материалы по солонскому языку: / Материалы комиссии по исследованию Монгольской и Тувинской народных республик в Бурят-Монгольской АССР. — Вып. 14. — Л., 1931. — 142 с.

Происхождение аборигенов Сибири и их языков. — Томск, 1973. — 236 с.

Ришес Л.Д. Основные особенности арманского диалекта эвенского языка. // ДСИЯ. VII. — М., 1955.

Роббек В.А. Виды глагола в эвенском языке. — Л., 1982. — 112 с. — Библиогр.: с. 104 — 110.

Роббек В.А. Грамматические категории эвенского глагола. — СПб, 1992. — 167 с. — Библиогр.: с. 156 — 164.

Роббек В.А. Категория залоговости в эвенском языке. — Л., 1984. — 187 с. — Библиогр.: с. 174 — 184.

Роббек В.А. Язык эвенов Березовки. — Л., 1989. — 206 с. — Библиогр.: с. 202 — 203.

Роббек В.А., Дуткин Х.И., Бурыкин А.А. Эвенско-русский и русско-эвенский словарь. — Л., 1988. — 263 с. — (Около 4 000 слов).

Романова А.В., Мыреева А.Н. Диалектологический словарь эвенкийского языка. — Л., 1968.

Романова А.В., Мыреева А.Н., Бараишков П.П. Взаимовлияние эвенкийского и якутского языков. — Л., 1975. — 211 с. — Библиогр.: с. 207 — 209 — (171 название).

Санжеев Г.Д. Маньчжуро-монгольские параллели. // Изв. АН СССР. Отделение гуманитарных наук. VII серия. № 8—9. — Л., 1930.

Сем Л.И. Очерки диалектов нанайского языка: Бикинский (уссурийский) диалект. — Л., 1976. — 212 с.

Смоляк А.В. Ульчи. Хозяйство, культура и быт в прошлом и настоящем. — М., 1966.

Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. — Т. 1 (А — Н). — Л., 1975. — 672 с.; Т. 2. — (О — Э). — Л., 1977. — 992 с.

Суник О.П. Глагол в тунгусо-маньчжурских языках. — М.; Л., 1962. — 363 с. — Библиогр.: с. 354 — 358.

Суник О.П. Имя существительное в тунгусо-маньчжурских языках. — Л., 1982.

Суник О.П. Кур-урмийский диалект. // Исследования и материалы по нанайскому языку. — Л., 1958. — 208 с.

Суник О.П. О категории отчуждаемой и неотчуждаемой принадлежности в тунгусо-маньчжурских языках. // Изв. АН СССР. ОЛЯ. VI/5. — М., 1947. — С. 437 — 451.

Суник О.П. О посессивных аффиксах и родительном падеже в тунгусо-маньчжурских языках. // Язык и мышление. XI. — М.; Л., 1948. — С. 283 — 291.

Суник О.П. Об отрицательных формах тунгусо-маньчжурского глагола. // Проблемы сравнительной филологии. — М.; Л., 1964.

Суник О.П. Очерки по синтаксису тунгусо-маньчжурских языков: Посессивный строй предложения. — Л., 1947. — 202 с.

Суник О.П. Ульчский язык. // Исследования и материалы. — Л., 1985. — 263 с.

Туголуков В.А. Этнические корни тунгусов. // Этногенез народов Севера. — М., 1980. — С. 152 — 176.

Цинциус В.И. К сравнительному изучению основного словарного фонда тунгусо-маньчжурских языков. // Уч. зап. ЛГПИ им. А.Н.Герцена. — Т. 101. — Л., 1954.

Цинциус В.И. Негидальский язык. Исследования и материалы. — Л., 1982. — 311 с.

Цинциус В.И. Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка: Фонетика и морфология. — Л., 1947. — 270 с.

Цинциус В.И. Очерк морфологии ороцкого языка. // Уч. зап. ЛГУ. Серия востоковедческих наук. — Вып. I, № 98. — Л., 1949.

Цинциус В.И. Проблемы сравнительной грамматики тунгусо-маньчжурских языков. // Изв. АН СССР. ОЛЯ. VII/6. — М., 1948.

Цинциус В.И. Сравнительные таблицы по морфологии тунгусо-маньчжурских языков. — Л., 1936.

Цинциус В.И. Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков. — Л., 1949.

Цинциус В.И., Ришес Л.Д. Русско-эвенский словарь. / С приложением грамматического очерка. — М., 1952. — (Около 20 000 слов).

Цинциус В.И., Ришес Л.Д. Эвенско-русский словарь. — Л., 1957.

Шнейдер Е.Р. Краткий удэгойско-русский словарь. / С приложением грамматического очерка. — М.; Л., 1936.

Шнейдер Е.Р. Материалы по языку анхойских удэ. — М.; Л., 1937.

Шренк Л.И. Об инородцах Амурского края. — Т. I. — СПб, 1883.

Штернберг Л.Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. / Статьи и материалы. — Хабаровск, 1935.

Эрнстс Э. Предварительные данные о связях между саамскими и тунгусо-маньчжурскими языками. // СФУ. 13/1. — Таллин, 1977. — С. 20 — 24.

Языки мира: Монгольские языки. Тунгусо-маньчжурские языки. Японский язык. Корейский язык. — М., 1997. — 408 с. — (Из тунгусо-маньчжурских языков описаны: маньчжурский, нанайский, негидальский, орокский, ороцкий, солонский, удэгейский, ульчский, чжурчжэньский, эвенкийский и эвенский языки).

Benzing J. Die tungusischen Sprachen: Versuch einer Vergleichenden Grammatik. — Wiesbaden, 1955. — (Abhandlungen der Geistes- und Socialwissenschaftlichen Classe. № 11. — S. 955 — 1099).

Benzing J. Lamutische Grammatik mit Bibliographie, Sprachproben und Glossar. — Wiesbaden, 1955.

Castrén M.A. Grundzüge einer Tungusischen Sprachlehre nebst kurzem Wörterverzeichniss. — St. Petersburg, 1856.

Doerfer G. Classification Problems of Tungus.// *Tungusica*. — Bd. 1. — Wiesbaden, 1975. — S. 51 —63.

Doerfer G. Ist Kur-Urmisch ein nanaischer Dialekt?// *UAJb.* 47. — Wiesbaden, 1975.

Doerfer G., Hesse W., Scheinhardt H. Lamutisches Wörterbuch. — Wiesbaden, 1980.

Gabelentz C.H.von der. Eléments de la grammaire mandchoue. — Altenbourg, 1932. — X, 156 p.

Grube W. Die Sprache und Schrift der Jučen. — Leipzig, 1896. — XI, 147 S. — (О языке чжурчжэней).

Grube W. Goldisch-Deutsches Wörterverzeichniss mit vergleichender Berücksichtigung der übrigen tungusischen Dialekte.// In: Reisen und Forschungen im Amur-Lande von *Schrenk*. — T. 3. — St. Petersburg, 1900.

Hauer E. Handwörterbuch der Mandschu Sprache. — Lfg. 1—3. — Hamburg; Tokyo, 1952 — 1955. — 1032 S.

Ikegami J. An Uilta Basic Vocabulary.// *Research Reports of the Language and Culture of Uilta (Oroks)*. — Sapporo, 1980.

Ikegami J. The Oral Literature of the Oroks.// *Bulletin of the Institute for the Study of North Eurasian Culture Hokkaido University*. N 1. — 1965.

Ikegami J. The Substantive Inflection of Orok.// *Gengo Kenkyu*. — (Journal of the Linguistic Society of Japan). N 30. — 1956. — Pp. 77 — 96.

Ikegami J. The Verb Inflection of Orok.// *Kokugo Kenkyu*. — (Inquiries into the Japanese Language). N 9. — 1959. — Pp. 34 — 73.

Kalużyński S. Die Sprache des mandschurischen Stammes Silbe aus der Gegend von Kuldscha. — Warszawa, 1977.

Kane D. The Sino-Jurchen Vocabulary of the Bureau of Interpreters. — Bloomington, 1989. — (О языке чжурчжэней).

Katzschmann M. Tunguso-Nganasanica.// *Finnisch-Ugrische Mitteilungen*. Jg.10. — Hamburg, 1986. — S. 173 —187.

Kiyose G. A Study of the Jurchen Language and Script. — Kyoto, 1977. — (О языке чжурчжэней).

Ligeti L. A propos de l'écriture Mandchoue. /О маньчжурском письме. // АО. II/2—3. — Praha, 1952. — Pp. 235—301. — (Статья на русском языке).

Ligeti L. Les anciens éléments mongols dans le mandchoue.// АО. X/3. — Praha, 1960. — Pp. 231 — 248.

Ligeti L. Note préliminaire sur le déchiffrement de «petits caractères» jourchen.// АОИ, III/2. — 1953.

Menges K.H. Problems of Tungus Linguistics.// Anthropos. 73. — 1978.

Menges K.H. Zu einigen Charakteristik der gesprochenen Manzu.// Central Asiatic Journal. XV/1. — The Hague; Wiesbaden. 1971.

Möllendorf P. Manchu grammar with analysed texts. — Shanghai, 1892.

Nakanome A. Grammatik der Orokosprache.// Research Review of Osaka Asiatic Society. N 8. November. — Osaka, 1926.

Poppe N. Zur Frage nach den sprachlichen Berührungen der Juraksamojeden und der Tungusen.// MSFOu. 150. — Helsinki 1973. — S. 269 — 271.

Putaky J. Uralisch und Tungusisch.// The Uralic Languages./Ed. by Sinor D. — Leiden etc., 1988. — Pp. 781 — 791.

Schmidt J. Der Lautwandel im Mandschurischen und Mongolischen. — Peking, 1898.

Schmidt P. Chinesische Elemente im Mandschu.// Asia Maior. VI/4. — 1932; VIII/ 1 — 2,3. — 1933.

Sinor D. Uralo-Tunguz correspondencies.// Researches in Altaic Languages. — Budapest, 1975. — Pp. 245 — 265.

Sotavalto A. Westlamutische Materialien./ Bearbeitet und herausgegeben von H.Halén. — Helsinki, 1973. — 212 S. — (MSFOu. 168).

Юкагирский язык.

Иохельсон В.И. Одульский (юкагирский) язык.// ЯПНС, III. — Л., 1934.

Крейнович Е.А. Исследования по юкагирскому языку. — Л., 1982. — 301 с. — Библиогр.: с. 293 — 296. — (Юкагирско-финно-угорские сопоставления: с. 20, 23, 27, 34, 37—39, 41, 44, 46, 55, 62, 64, 65, 70, 71, 74, 80 — 84, 87, 88, 93, 100, 107, 114, 126, 130, 164, 165, 184, 199, 213, 233).

Крейнович Е.А. Об изучении юкагирского языка. // ВЯ. № 5. — М., 1957. — С. 104 — 107.

Крейнович Е.А. Юкагирский язык. — М.; Л., 1958. — 288 с.

Крейнович Е.А. Юкагирский язык. // Языки Азии и Африки. — Т. III. — М., 1979. — С. 348 — 382. — Библиогр.: с. 369 — 382. — (442 названия).

Курилов Г.Н. Сложные имена существительные в юкагирском языке. — Л., 1977. — 119 с.

Николаева И.А., Хелимский Е.А. Юкагирский язык. // Языки мира: Палеоазиатские языки. — М., 1997. — С. 155 — 168.

Angere J. Die uralo-jukagirische Frage: Ein Beitrag zum Problem der sprachlichen Urverwandtschaft. — Stockholm, 1956.

Angere J. Jukagirisch-Deutsches Wörterbuch. — Stockholm; Wiesbaden, 1957.

Bouda K. Die finnisch-ugrisch-samojedische Schicht des Jukagirischen. // Ungarische Jahrbücher. 20. — Berlin; Leipzig, 1940. — S. 71 — 93.

Collinder B. Jukagirisch und Uralisch. // Uppsala universitets Årsskrift. 8. — Uppsala, 1940. — Pp. 1 — 143.

Collinder B. Uralo-Jukagirische Nachlese. // Uppsala universitets Årsskrift. 12. — Uppsala, 1957. — Pp. 105 — 130.

Jochelson W. Essay on the Grammar of the Yukaghir Language. // Annals of New York Academy of Sciences. — Vol. XVI, Part 2. — New York, 1905. — Pp. 97 — 152.

Sauvageot A. L'appartenance du youkaguir. // UAJb. 35. — Wiesbaden, 1963. — S. 109 — 117.

Sauvageot A. La position du youkaguir. // UAJb. 41. — Wiesbaden, 1969. — S. 344 — 359.

Schlefner A. Beiträge zur Kenntniss der yukagirischen Sprache. // Mélanges Asiatiques. VI/ 3—4. St. Petersburg, 1872. — Pp. 409 — 446.

Tailleur O.G. Plaidoyer pour le youkaguir, branche orientale de la famille ouralienne. // Lingua. VIII/4. — Amsterdam, 1959. — Pp. 403 — 423.

Tailleur O.G. Le dialecte tchouvane du youkaguir. // UAJb. 34. — Wiesbaden, 1962. — S. 55 — 99.

Tailleur O.G. La flexion verbale personnelle en youkaguir. // Études finno-ougriennes. — T. II. — Paris, 1965. — Pp. 68 — 88.

Vakhtin N. The Yukaghir language in sociolinguistic perspective. — Warszawa, 1991.

Veenker W. Tundrajukagirisches Wörterverzeichnis. — Hamburg, 1989. — (Opuscula Sibirica).

Внешние связи финно-угорских языков.

Алексеев М.Е. Вопросы сравнительно-исторической грамматики лезгинских языков: Морфология. Синтаксис. — М., 1985. — 158 с. — Библиогр.: с. 148 — 156.

Алексеев М.Е. Сравнительно-историческая морфология аваро-андийских языков. — М., 1988. — 223 с. — Библиогр.: с. 201 — 220.

Андронов М.С. Грамматика тамильского языка. — М., 1966. — 270 с. — Библиогр.: с. 266—267.

Андронов М.С. Сравнительная грамматика дравидийских языков. — М., 1987. — 298 с. — (1-е изд.: М., 1978. — 465 с. — Библиогр.: с. 453—464).

Барроу Т. Санскрит. — М., 1976. — 409 с. — Библиогр.: с. 363 — 365.

Баскаков Н.А. Введение в изучение тюркских языков: Учебник для гос. университетов. — М., 1969. — 383 с. — (1-е изд.: М., 1962).

Беккер Э.Г., Ким А.А., Осипова О.А. Гипотеза об общих истоках показателей посессивности в уральских языках и согласных основообразующих фомантов в индоевропейских

языках.// Урало-алтаистика. Археология. Этнография. Язык. — Новосибирск, 1985. — С. 150 — 158. — Библиогр.: с. 157 — 158.

Бенвенист Э. Индоевропейское именное словообразование. — М., 1955.

Бертагаев Т.А. Лексика современных литературных монгольских языков: (На материале монгольского и бурятского языков). — М., 1974. — 383 с.

Благова Г.Ф. Тюркское склонение в арсально-историческом освещении: (Юго-восточный регион). — М., 1982. — 304 с. — Библиогр.: с. 280 — 297.

Богораз В.Г. Собрание сочинений. — Т. 1 — 4. — М.; Л., 1928 — 1929.

Бокарев Е.А. Введение в сравнительно-историческое изучение дагестанских языков. — Махачкала, 1961. — 99 с.

Бокарев Е.А. Цезские (дидойские) языки Дагестана. — М., 1959. — 291 с.

Валл М.Н. К типологии родительного падежа: (На материале северокавказских языков).// Грамматические исследования по языкам Сибири. — Новосибирск, 1982. — С. 168 — 173.

Вахтин Н.Б. Синтаксис языка азиатских эскимосов. — СПб, 1995.

Вдовин А.П. О выражении категории времени-наклонения в чукотско-камчатских языках. — Томск, 1976.

Вдовин И.С. История изучения палеоазиатских языков. — М.; Л., 1954. — 165 с.

Вернер Г.К. Об основных структурно-типологических параллелях между енисейскими и кавказскими языками.// Вопросы енисейского и самодийского языкознания. — Томск, 1983. — С. 39 — 54.

Вернер Г.К. Реликтовые признаки активного строя в кетском языке.// ВЯ. № 1. — М., 1974. — С. 34 — 45.

Володин А.П. Ительменский язык. — Л., 1976. — 425 с.

Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы: Реконструкция и историко-типологический

анализ праязыка и протокультуры. — Тбилиси, 1984. — Кн. 1—2. — ХСХІ, 1328 с.

Гецадзе И.О. К типологии падежных систем.// Склонение в палеоазиатских и самодийских языках. — Л., 1974. — С. 118 — 126.

Гранде Б.М. Введение в изучение семитских языков. — М., 1972. — 442 с.

Гранде Б.М. Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении. — М., 1963. — 594 с.

Гринберг Дж. Некоторые грамматические универсалии.// Новое в лингвистике. — Вып. V. — М., 1970. — С. 11 — 162.

Дешериева Т.Н. Исследование видо-временной системы в нахских языках: (С привлечением материала иносистемных языков). — М., 1979. — 271 с.

Джасауян Г.Б. Армянский язык и другие индоевропейские языки. — Ереван, 1970.

Джасауян Г.Б. Взаимоотношения индоевропейских, хуррито-урартских и кавказских языков. — Ереван, 1967. — 217 с. — Библиогр.: с. 195 — 214. — (384 названия).

Дондуков У.Ж. Словообразование монгольских языков. — Улан-Удэ, 1993.

Драгунов А.А. Исследования по грамматике современного китайского языка. — М.; Л., 1952. — 231 с.

Дульзон А.П. Кетский язык. — Томск, 1968. — 635 с.

Дьяконов И.М. Семито-хамитские языки. — М., 1965. — 119 с.

Дьяконов И.М. Языки древней Передней Азии. — М., 1967. — 492 с. — Библиогр.: с. 479 — 487.

Егоров В.Г. Этимологический словарь чувашского языка. — Чебоксары, 1964. — 355 с.

Ефимов В.А., Расторгуева В.С., Шарова Е.Н. Персидский, таджикский, дари.// Основы иранского языкознания. — М., 1982. — С. 5 — 230.

Жукова А.Н. Грамматика корякского языка: Фонетика, Морфология. — Л., 1972. — 322 с.

Жирков Л.И. Развитие частей речи в горских языках Дагестана. // Языки Северного Кавказа и Дагестана. — Вып. I. — М.; Л., 1935. — С. 155 — 168.

Жирмунский В.М. Происхождение категории прилагательных в индоевропейских языках в сравнительно-грамматическом освещении. // Изв. АН СССР. ОЛЯ. V/3. — М., 1946. — С. 183 — 204.

Иванов В.В. К типологии числительных первого десятка в языках Евразии. // Проблемы лингвистической типологии и структуры языка. — Л., 1977. — С. 36 — 42.

Иванов В.В. Общеиндоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы: (Сравнительно-типологические очерки). — М., 1965. — 298 с.

Иванов В.В. Хеттский язык. — М., 1963. — 222 с.

Кёппен Ф.П. Материалы к вопросу о первоначальной родине и первобытном родстве индоевропейского и финно-угорского племени. — СПб, 1886. — 125 с.

Киекбаев Дж.Г. Основы исторической грамматики урало-алтайских языков. — М., 1996. — 369 с. — Библиогр.: с. 348 — 366.

Киэда М. Грамматика японского языка. — Т. I. — М., 1958. — 676 с.; Т. II. — М., 1959. — 266 с. — Библиогр.: с. 234 — 239.

Климов Г.А. Введение в кавказское языкознание. — М., 1986. — 209 с.

Климов Г.А. Склонение в картвельских языках в сравнительно-историческом аспекте. — М., 1962. — 150 с.

Климов Г.А. Этимологический словарь картвельских языков. — М., 1964. — 306 с.

Климов Г.А., Эдельман Дж.И. Язык бурушаски. — М., 1970. — 115 с. — Библиогр.: с. 109 — 113.

Климов Г.А., Алексеев М.Е. Типология кавказских языков. — М., 1980. — 304 с.

Колтачки Е.М. Очерки по истории японского языка: Морфология глагола. — М.; Л., 1956. — 235 с.

Кононов А.Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. — Изд. 2. — М.; Л., 1956. — 569 с. — (1-е изд.: 1941).

Кумахов М.А. Морфология адыгских языков. I: Синхронно-диахронная характеристика. — Нальчик, 1964. — 272 с. — Библиогр.: с. 260 — 264.

Кумахов М.А. Теория генеалогического древа и кавказские языки. // ВЯ. № 3. — М., 1976.

Левитская Л.С. Историческая морфология чувашского языка. — М., 1976. — 206 с. — Библиогр.: с. 191 — 198.

Лингвистический энциклопедический словарь. — М., 1990. — 686 с.

Липин Л.А. Аккадский язык. — М., 1964. — 156 с.

Льюис Г., Педерсен Х. Краткая сравнительная грамматика кельтских языков. — М., 1954. — 534 с.

Мазур Ю.Н. Корейский язык. — М., 1960. — 118 с. — Библиогр.: с. 115 — 116.

Майтинская К.Е. Местоимения в языках разных систем. — М., 1969. — 308 с. — Библиогр.: с. 289 — 295.

Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. — М., 1938. — 510 с.

Меновщиков Г.А. Грамматика языка азиатских эскимосов. — Часть I. Фонетика. Морфология именных частей речи. — М.; Л., 1962. — 300 с.; — Часть II. Глагол. Причастие. Наречия. Служебные слова. — Л., 1967. — 298 с. — Библиогр.: с. 273 — 275.

Меновщиков Г.А. Язык науканских эскимосов: (Фонетическое введение, очерк морфологии, тексты, словарь). — Л., 1975. — 512 с.

Меновщиков Г.А. Язык Сиреникских эскимосов: (Фонетика, очерк морфологии, тексты и словарь). — М.; Л., 1964. — 219 с.

Меновщиков Г.А. Язык эскимосов Берингова пролива. — Л., 1980. — 330 с.

Меновицков Г.А., Вахтин Н.Б. Эскимосский язык: Учебное пособие для учащихся педагогических училищ. — Л., 1983. — 282 с.

Мещанинов И.И. Эргативная конструкция в языках различных типов. — Л., 1967.

Микаилов Ш.И. Сравнительно-историческая морфология аварских диалектов. — Махачкала, 1964. — 171 с. — Библиогр.: с. 169 — 170.

Нидерман М. Историческая фонетика латинского языка. — М., 1949. — 190 с. — Библиогр.: с. 164 — 165.

Опыт историко-типологического исследования иранских языков. — Т. I. Фонология. Эволюция морфологического типа. — М., 1975. — 240 с. — Библиогр.: с. 225—236; Т. II. Эволюция грамматики. — М., 1975. — 476 с. — Библиогр.: 457—468.

Осипова О.А. Общие следы активной структуры в склонении существительных в уральских, енисейских и индоевропейских языках. // СФУ. № 3. — Таллин, 1986. — С. 26 — 37.

Основы иранского языкознания: Древнеперсидские языки. — М., 1979. — 387 с. — Библиогр.: с. 365 — 380.

Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: восточная группа. — М., 1987. — 719 с. — Библиогр.: с. 702 — 712.

Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: западная группа; прикаспийские языки. — М., 1982. — 571 с. — Библиогр.: с. 555 — 566.

Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: северо-западная группа. — М., 1991. — 332 с. — Библиогр.: с. 316 — 324.

Основы иранского языкознания. Среднеиранские языки. — М., 1981. — 544 с. — Библиогр.: с. 515 — 539.

Панфилов В.З. Грамматика нивхского языка. — Часть I: Фонетическое введение и морфология именных частей речи. — М.; Л., 1962. — 262 с. ; — Часть 2: Глагол, наречие, образные слова, междометия и служебные слова. — М.; Л., 1965. — 263 с.

Панфилов В.З. Философские проблемы языкознания. — М., 1977.

Поливанов Е.Д. К вопросу о родственных отношениях корейского и «алтайских» языков.// Поливанов Е.Д. Статьи по общему языкознанию. — М., 1968. — С. 156 — 164.

Перельмутер И.А. Общеиндоевропейский и греческий глагол: Видовременные и залоговые категории. — Л., 1977.

Порциг В. Членение индоевропейской языковой области. — М., 1964. — 332 с. — Библиогр.: с. 320 — 328.

Проблемы сравнительной грамматики индоевропейских языков. // Тезисы докладов. — М., 1964. — 88 с.

Прокош Э. Сравнительная грамматика германских языков. — М., 1954. — 379 с.

Рамстедт Г.И. Грамматика корейского языка. — М., 1951. — 232 с.

Расторгуева В.С., Молчанова Е.К. Среднеперсидский язык.// Основы иранского языкознания: Среднеиранские языки. — М., 1981.

Рифтин А.П. Об образовании наречий.// Уч. зап. ЛГУ. Серия филологических наук. — Вып. 6, № 60. — Л., 1940. — С. 51 — 56.

Рубцова Е.С. Материалы по языку и фольклору эскимосов: (Чаплинский диалект). — Часть 1. — М.; Л., 1954. — 555 с.

Савченко А.Н. Древнейшие грамматические категории в индоевропейском языке. // ВЯ, № 4. — М., 1955. — С. 111 — 120.

Савченко А.Н. Сравнительная грамматика индоевропейских языков. — М., 1974. — 410 с.

Савченко А.Н. Этапы развития грамматического строя праиндоевропейского языка.// L Posn, XII/XIII. — Познань, 1968. — С. 21 — 36.

Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. — М., 1953. — 239 с.

Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков: Глагол. — М., 1963. — 266 с.

Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков: (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). — М., 1974. — 767 с. — Библиогр.: с. 5 — 20.

Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков: (Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б»). — М., 1978. — 349 с.

Севортян Э.В., Левитская Л.С. Этимологический словарь тюркских языков: (Общетюркские и межтюркские основы на буквы «В», «Г» и «Д»). — М., 1980. — 395 с.

Семереньи О. Введение в сравнительное языкознание. — М., 1980.

Серебренников Б.А. К проблеме происхождения притяжательных суффиксов в тюркских и уральских языках. // Фонетика. Фонология. Грамматика. — М., 1971. — С. 277 — 282.

Серебренников Б.А., Гаджиева Н.З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. — 2-е изд. — М., 1986. — 302 с. — Библиогр.: с. 298 — 300.

Скорик П.Я. Грамматика чукотского языка. — Часть 1. Фонетика и морфология именных частей речи. — Л., 1961. — 448 с. — Часть 2. Глагол, наречие, служебные слова. — Л., 1977. — 375 с.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков : Лексика. — М., 1997.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков : Морфология. — М., 1988. — 560 с. — Библиогр.: с. 521 — 542.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков : Фонетика. — М., 1984. — 484 с. — Библиогр.: с. 455 — 469.

Сравнительно-историческая лексика дагестанских языков. — М., 1971. — 295 с.

Старостин С.А. Алтайская проблема и происхождение японского языка. — М., 1991. — 298 с.

Стебницкий С.Н. Из истории падежных суффиксов в корякском и чукотском языках. — Л., 1941. — 303 с. — Библиогр.: с. 287 — 293. — (174 названия).

Сыромятников Н.А. Развитие новояпонского языка. — М., 1978. — 306 с. — (Грамматика языка XVI — XVII вв.).

Тенишев Э.Р. К истории тюркского условного наклонения. // Studia Turcica. — Budapest, 1971. — S. 441 — 449.

Тодаева Б.Х. Монгольские языки и диалекты Китая. — М., 1960. — 137 с. — Библиогр.: с. 135 — 136.

Топоров В.Н. К вопросу о природе древнейшего локатива // КСИНА. 62. — М., 1964.

Тронский И.М. Общеславяноязычное языковое состояние. — Л., 1967.

Хайдаков С.М. Система глагола в дагестанских языках: (На материале аварского, арчинского и цахурского языков). — М., 1975. — 276 с. — Библиогр.: с. 273 — 275.

Хайдаков С.М. Сравнительно-сопоставительный словарь дагестанских языков. — М., — 1973. — 179 с. — Библиогр.: с. 176 — 177.

Цыдендамбаев Ц.Б. Грамматические категории бурятского языка в историко-сравнительном освещении. — М., 1979. — 148 с.

Чариков С.Л. Прилагательные в монгольских языках в сравнении с другими алтайскими. — Л., 1990. — 137 с.

Шагиров А.К. Сравнительная характеристика склонения в адыгских языках.// Вопросы изучения иберийско-кавказских языков. — М., 1961. — С. 46 — 71.

Шагиров А.К. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. — М., 1977. — (А — Н). — 290 с./ (П — I). — 224 с.

Шантрэн П. Историческая морфология греческого языка. / С приложением «Исторический очерк греческой фонетики» (с. 277 — 318). — М., 1953. — 340 с. — Библиогр.: с. 276.

Шарыткин С.Я. О древнейшем этапе эволюции древнегреческой падежной системы.// Сравнительно-историческое изучение языков разных семей: Реконструкция на отдельных уровнях языковой структуры. — С. 84 — 103.

Шеворошкин В.В. К истории индоевропейского генитива.// ВЯ. № 6. — М., 1957. — С. 89 — 90.

Щербак А.М. Введение в сравнительное изучение тюркских языков. — М., 1994. — 192 с.

Щербак А.М. О характере лексических взаимосвязей тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков.// ВЯ. № 3. — М., 1966. — С. 21 — 35.

Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков : (Глагол). — М., 1981. — 183 с.

Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков : (Имя). — М., 1977. — 191 с.

Щербак А.М. Проблема ротацизма и перспективы дальнейшего изучения тюркско-монгольских языковых связей.// СТ. № 3. — Баку, 1987.

Щербак А.М. Сравнительная фонетика тюркских языков. — Л., 1970. — 204 с.

Щербак А.М. Тюркско-монгольские языковые связи.// ВЯ. № 4. — М., 1986. — С. 47—59. — Библиогр.: с. 57—59. — (61 названий).

Эдельман Дж. И. Дардские языки. — М., 1965. — 203 с. — Библиогр.: с. 200 — 202.

Эру А. Историческая морфология латинского языка. — М., 1950. — 319 с. — Библиогр.: с. 272 — 273.

Юдакин А.П. Динамика степеней сравнения.// Изв. АН СССР. ОЛЯ 39/2. — М., 1980. — С. 138—148.

Юдакин А.П. Истоки супплетивизма вспомогательного глагола.// ФН. № 3. — М., 1985. — С. 43 — 51.

Юдакин А.П. Категория принадлежности в сравнительно-историческом освещении.// Изв. АН СССР. ОЛЯ. 45/1. — М., 1986. — С. 52 — 63. — Библиогр.: с. 62—63.

Юдакин А.П. Определенные и неопределенные прилагательные.// Типологический очерк.// ВЯ. № 6. — М., 1979. — С. 89 — 96.

Юдакин А.П. Развитие структуры предложения в связи с развитием структуры мысли. — М., 1984. — 168 с. — Библиогр.: с. 149 — 158.

Юдакин А.П. Цикличность языковых процессов: Роль генитива и наречия в становлении имени прилагательного. // ВЯ. № 3. — М., 1987. — С. 122 — 134.

Языки мира: Иранские языки. I.: Юго-западные иранские языки. — М., 1997. — 207 с. — (Описаны: древне- и среднеперсидский; персидский, таджикский, дари; татский, хазара и ряд диалектов Ирана).

Языки мира: Палеоазиатские языки. — М., 1997. — 231с. — (Описаны: чукотский, корякский, керекский, ительменский; эскимосско-алеутские языки, языки азиатских, сиренинских эскимосов и эскимосов Берингова пролива; юпикские языки Аляски, язык инуитов Аляски и Канады, гренландский язык; алеутский язык и язык медновских алеутов; айнский; нивхский; юкагирский; енисейские языки: кетский, югский и котский; язык бурушаски).

Языки народов СССР. — Т. I. Индоевропейские языки. — М., 1966. — 659 с. — Библиогр. в конце статей.

Языки народов СССР. — Т. II. Тюркские языки. — М., 1966. — 531 с. — Библиогр. в конце статей.

Языки народов СССР. — Т. III. Финно-угорские и самодийские языки. — М., 1966. — 464 с. — Библиогр. в конце статей.

Языки народов СССР. — Т. IV. Иберийско-кавказские языки. — М., 1967. — 712 с. — Библиогр. в конце статей.

Языки народов СССР. — Т. V. Монгольские, тунгусо-маньчжурские и палеоазиатские языки. — М., 1968. — 524 с. — Библиогр. в конце статей.

Austerlitz R. Typology in the service of internal reconstruction: Saxalin Nivx.// Research Review of the Osaka Asiatic Society. — Osaka, 1927.

Bátori I. Russen und Finnougrier: Kontakt der Völker und Kontakt der Sprachen. — Wiesbaden, 1980. — 175 S. — Bibliogr.: S. 165 — 175.

Bergsland K. The Eskimo-Uralic Hypothesis.// JSFOu. 61/2. — Helsinki, 1959. — S. 1 — 29.

Boas F. Handbook of American Indian Languages. — Part I. — Washington, 1911; — Part II. — Washington, 1922. — Part III. — Columbia University Press, 1933 — 1938.

Bopp F. Die kaukasischen Glieder der indo-europäischen Sprachstammes. — Berlin, 1847. — 83 S.

Brockelmann K. Grundriss der vergleichenden Grammatik der semitischen Sprachen. — Bd. 1. Laut- und Formenlehre. —

Hildesheim: Olm, 1961. — XV, 665 S.; Bd. 2. Syntax. — Hildesheim: Olm, 1961. — XX, 708 S.

Burrow T., Emeneau M.B. A Dravidian etymological dictionary. — Oxford, 1984. — XXIX, 609 p.

Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque: Histoire des mots. — Vol. 1—4. — Paris, 1968 — 1975.

Chantraine P. Grammaire homérique. — T.1. Phonétique et morphologie. — Paris, 1924. — 526 p. — Bibliogr.: pp. 3 — 4; T.2. Syntaxe. — Paris, 1953. — VIII, 378 p.

Collinder B. Indo-uralisches Sprachgut. — Uppsala, 1934.

Compendium Linguarum Iranicarum. — Wiesbaden, 1989.

Comrie B. The languages of the Soviet Union. — Cambridge, 1981.

Cuny A. Invitation à l'étude comparative des langues indo-européennes et des langues chamito-sémitiques. — Bordeaux, 1946. — 276 p.

Delbrück B. Grundriss der vergleichenden Grammatik der indoeuropäischen Sprachen... — Bd. 1 — 5(6). — Strassburg, 1886 — 1900. — (2te bearbeitete Auflage: Strassburg, 1897 — 1916).

Delbrück B., Windisch E. Syntaktische Forschungen. — 5te Bd.: Altindische Syntax. — Halle, 1871. — XXII, 634 S.

Dumézil G. Introduction à la grammaire des langues caucasiennes du Nord. — Paris, 1933. — XVI, 149 p. — (Bibliothèque de l'Institut français de Leningrad. XIV).

Dumézil G. Recherches comparatives sur le verbe caucasienne. V/1. — Paris, 1933. — 93 p. — (Bibliothèque de l'Institut français de Leningrad. XV).

Feldmann G.W. Wirtschaft und Markt vor dem Hintergrund der prähistorischen finnougriech-indogermanischen Sprachberührungen: Versuch einer Deutung der Sprache als ein Instrument der Ökonomie. — Wiesbaden, 1988. — XII, 242 S.

Frisk H. Griechisches Etymologisches Wörterbuch. — Heidelberg, 1960 — 1972.

Gabain A. von. Alttürkische Grammatik, mit Bibliographie, Lesestücke und Wörterverzeichnis. — Leipzig, 1941. — XVII, 357. — (2te Aufl.: Leipzig, 1950).

Gai G.S. Historical Grammar of Old Kannada. — Poona, 1946. — XV, 231 p.

Hinz W. Neue Wege im Altpersischen. — Wiesbaden, 1973. — 147 S.

Jacobsohn H. Arier und Ugrofinnen. — Göttingen, 1923.

Joki A.J. Uralier und Indogermanen: Die älteren Berührungen zwischen den uralischen und Indogermanischen Sprachen. — Helsinki, 1973. — XXVIII, 419 S. — (MSFOu. 151).

Kammenhuber A. Direktiv, Terminativ und/oder Lokativ im Hethitischen.// Hethitisch und Indogermanisch. — Innsbruck, 1979.

Kerns J. The Euroasiatic pronouns and the Indo-Uralic question. — Ohio, 1967.

Koppelman H. Die Eurasische Sprachfamilie: Indogermanisch, Koreanisch und Verwandtes. — Heidelberg, 1933.

Kurylowicz J. The inflexional categories of Indo-European. — Heidelberg, 1964.

Lewin B. Morphologie des Koreanischen Verbs. — Wiesbaden, 1970.

Meid W. Indogermanisch und Keltisch. — Innsbruck, 1968. — 18 S.

Meillet A., Benveniste É. Grammaire du vieux-perse. — 2ème éd. — Paris, 1931. — XXXIII, 266 p.

Meister R. Die griechischen Dialekte. — Bd. 2. — Göttingen, 1892.

Menges K.H. Altaisch und Dravidisch.// Orbis. XIII/1. 1964. — S. 66 — 103.

Moskati S., Spitaler A., Ullendorf E., Soden W. An introduction to the comparative grammar of the Semitic languages. — Wiesbaden, 1964.

Munkácsi B. Árja és kaukázusi elemek a finn-magyar nyelvekben. I. — Budapest, 1901.

Paasonen H. Zur Frage von der urverwandtschaft der finnisch-ugrischen und indoeuropäischen Sprachen.// FUF. 7. — Helsingfors; Leipzig, 1907. — S. 13 — 31.

Pedersen H. Vergleichende Grammatik der keltischen Sprachen. — Bd. 1—2. — Göttingen, 1909 — 1913.

Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. — Bern; München, 1959. — 1183 S.

Poppe N. Introduction to mongolian comparative studies. — Helsinki, 1955. — 250 p. — (MSFOu. 110).

Ramaswami Aiyar L.V. The evolution of Malayam morphology. — Ernakulam, 1936.

Ramstedt G.J. Studies in Korean Etymology. — Helsinki, 1949. — (MSFOu. XCV).

Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuch der Türkssprachen. — Helsinki, 1969. — 533 S. — (Lexica Societatis Fenno-Ugricae. XVII/1).

Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuch der Türkssprachen. II: Wortregister./ Zusammengestellt von *J.Keckskeméti.* — Helsinki, 1971. — 136 S. — (Lexica Societatis Fenno-Ugricae. XVII/2).

Rédei K. Die ältesten indogermanischen Lehnwörter der uralischen Sprachen./ The Uralic Languages./ Ed. by *Sinor D.* — Leiden etc., 1988. — Pp. 638 — 664.

Reed I., Miyaoka O., Jacobson St., Lascal A., Krause M. Yupik Eskimo Grammar. — Fairbanks, 1978.

Rosenkranz B. Hethitisches zur Frage der indogermanisch-finnisch-ugrischen Sprachverwandtschaft ./ AO. XVIII. — Praha, 1950.

Sansom G. A Historical Grammar of Japanese. — Oxford, 1928. — XIV, 347 p.

Shafer R. Bibliography of Sino-Tibetan languages. — Wiesbaden, 1957.

Shafer R. Introduction to Sino-Tibetan. — Part 1—4. — Wiesbaden, 1957 — 1966. — VI, 408 S.

Shanmugam S.V. Dravidian noun: a comparative study. — Annamalainagar, 1971.

Soden W. von. Grundriss der akkadischen Grammatik. — Roma, 1952. — XXVIII, 274 + 51 S.

Uesson A.M. On Linguistic Affinity: The Indo-Uralic Problem. — Malmö, 1970.

Wackernagel J. Genitiv und Adjektiv. // *Mélanges de linguistique offerts à F. de Saussure.* — Paris, 1908.

Werner H. Zur Typologie der Jenisscj-Sprachen. — Wiesbaden, 1995.

Wulff K. Chinesisch und Tai: Sprachvergleichende Untersuchungen. — Copenhagen, 1934.

Wulff K. Über das Verhältnis des Malayo-Polynesischen zum Indonesischen. — Copenhagen, 1942.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

- Абен К. 333
 Аврорин В.А. 193, 347, 351
 Адлер Э. 335
 Азрапкин Ю.Н. 326
 Алатырев В.И. 320
 Алексеев М.Е. 358, 361
 Алмазова В.В. 340
 Андреев И.Ф. 324
 Андреев Н.Д. 305
 Андреева Т.Е. 348
 Андронов М.С. 358
 Аристэ П.А., 13, 331, 332, 335
 Аршинов Г.А. 322

Б

- Баландин А.Н. 312, 313
 Балашна Й., 252, 309
 Бараксанов Г.Г. 318
 Баранцев А.П. 335
 Барашков П.П. 352
 Барроу Т. 358
 Бартенс Х.-Г. 328
 Баскаков И.А. 262, 299, 316, 358
 Багалова Р.М. 318, 319
 Бахрушин С.В. 314, 340
 Безносикова Л.М., 319
 Беккер Э.Г. 340, 358
 Белицер В.Н. 318, 328
 Белов А.С. 321
 Бенвенист Э. 359
 Берецки Г. 322
 Берлини Л. 306
 Бернштейн С.Б. 305

- Бертагаев Т.А. 359
 Благова Г.Ф. 262, 359
 Богораз В.Г. 274, 348, 359
 Бойцова А.Ф. 348
 Бокарев Е.А. 359
 Болдырев Б.В. 348
 Большакова Л.Е. 348
 Бомхард А.Р. 305
 Брюсов А.Я. 299
 Бубрих Д.В. 13, 299, 318, 321, 326, 331, 335, 341
 Буденц И. 110
 Бузакова Р.И. 326
 Булатова Н.Я. 348
 Бурыкин А.А. 352
 Быкопя В.В. 341

В

- Валл М.Л. 341, 359
 Валмет А. 334
 Васикова Л.П. 324
 Василевич Г.М. 195, 348
 Васильев В.И. 341
 Васильев В.М. 322
 Васильев В.П. 348
 Вахрос И. 332
 Вахрушев В.М. 321
 Вахрушева М.П. 312
 Вахтин Н.Б. 359, 363
 Вдовин А.П. 359
 Вдовин И.С. 359
 Вербов Г.Д. 341
 Вернер Г.К. 341, 359
 Вихман Ю. 114
 Волкова М.П. 351
 Володин А.П. 341, 359

- Воробьева Н.Н. 326
 Вьяри Э.Э. 13, 331, 336

Г

- Гаджиева Н.З. 265, 365
 Галкин И.С. 322, 323, 324
 Гальди Л. 309
 Гамкрелидзе Т.В. 359
 Генинг В.Ф. 321
 Гецадзе И.О. 359
 Гладкова Н.И. 349, 351
 Головин Н.В. 289
 Гордеев Ф.И. 323, 324
 Горелова Л.М. 349
 Горцевская В.А. 349
 Горюнова Е.И. 326
 Гранде Б.М. 360
 Гребенщиков А.В. 349
 Григорьев Я.Г. 323
 Гринберг Дж. 360
 Грузов Л.П. 323
 Грушчина Е.В. 342
 Гуляев Е.С. 149, 318, 319
 Гуя Я. 299

Д

- Давыдов М.М. 125, 327
 Данилова А.А. 349
 Деак И. 309
 Деваев С.З. 327
 Дечи Д. 31
 Депериева Т.И. 360
 Дерфер Г. 305
 Джаукян Г.Б. 360
 Долгих Б.О. 341
 Дондуков У.Ж. 360
 Драгунов А.А. 360

- Дульзон А.П. 341, 360
Дуткин Х.И. 352
Дыбо В.А. 305
Дьяконов И.М. 360
- Е**
- Евсеев М.Е. 327
Евсеев В.Я. 329, 336
Егоров В.Г. 360
Елисеев Ю.С. 332
Емельянов А.И. 151, 321, 350
Ермушкин Г.И. 101, 322, 327, 328
Ефимов В.А. 360
- Ж**
- Жеребцов Л.Н. 318
Животиков П.К. 314
Жилина Т.И. 318, 319
Жирков Л.И. 361
Жирмунский В.М. 361
Жукова А.Н. 272, 360
- З**
- Зайков П.М. 337, 338
Зайцева М.И. 336
Захаров И.И. 349
Золотарёв А.М. 349
Золотарёва И.М. 301, 314
- И**
- Иванов В.В. 305, 359, 361
Иванов В.С. 309
Иванов И.Г. 323
Ивановский А.О. 349
Иллич-Свитыч В.М. 306
Имяреков А.К. 328
Ишкеев И.К. 328
Иохельсон А.К. 356
- Исанбаев Н.И. 323
Итконен Э. 299
- К**
- Каарма Г. 334
Кавтаскин Л.С. 329
Казанский Н.Н. 294
Казанцев Д.Е. 299, 323
Каск А.Х. 19, 334
Кастрен М. 253
Кахана М.Г. 309
Кахла М. 328
Кельмаков В.К. 321
Керт Г.М. 68, 299, 337, 338
Кёвешпи М. 30
Кёшпи Ф.П. 361
Киекбаев Дж.Г. 306, 361
Ким А.А. 341, 358
Киэда М. 290, 361
Климов Г.А. 361
Клоусон Дж. 306
Коваленко Н.Н. 341
Коведяева Е.И. 106, 323, 324
Колегова М.А. 320
Колегова Н.А. 318
Колесникова В.Д. 349, 350
Колпакчи Е.М. 361
Коляденков М.Н. 328
Конаков А.П. 350
Кононов А.Н. 362
Константинова О.А. 349, 350
Конт К. 299
Кормушин И.В. 350
Корхонен М. 338
Котвич В.Л. 299
Котков К.А. 328
Крейнович Е.А. 357
- Кривошекова-Гантман А.А. 339
Кузнецов П.С. 319
Кузнецова А.И. 342
Кузьмина А.И. 342
Кулемзин В.М. 314
Кумахов М.А. 362
Куприянова З.Н. 342
Курилов Г.Н. 357
Курилович Е. 294
Куруч Р.Д. 74, 338
Куусинен М.Э. 332
Кюльмоя И. 334
Кюннап А. 342
- Л**
- Лаанест А.Х. 7, 331, 336
Лазутин С.Г. 329
Ласло Д. 299
Лашук Л.П. 319
Лебедев В.Д. 350
Лебедева Е.П. 203, 347, 350, 351
Левитская Л.С. 362, 365
Левин В. 300, 350
Левин М.Г. 317
Леонтович С. 350
Лигети Л. 306
Липатов С.И. 328
Липин Л.А. 362
Лисина Е.Н. 326
Лукина Н.В. 314
Лукьянченко Т.В. 338
Лыткин В.И. 39, 300, 317, 319, 320, 332
Лыткин Г.С. 319
Льюис Г. 362
- М**
- Мазур Ю.Н. 362

- Майтинская К.Е. 154,
300, 309, 322, 362
Майшев И.И. 319
Макаров Г.Н. 336
Мейс А. 362
Мелихов Г.В. 350
Мсльчук И.М. 309
Меловщиков Г.А. 362,
363
Мещанинов И.И. 363
Микаилов Ш.И. 363
Молчанова Е.К. 364
Монахова И.В. 350
Морозова А.Г. 332
Мошинская В.И. 314
Мушлотен М.И. 336
Мыльникова К.М. 350
Мырсева А.Н. 352
- Н**
- Надькин Д.Т. 328
Нидерман М. 363
Николаев С.И. 350
Николаева И.А. 314,
357
Новикова К.А. 351
- О**
- Оллыккайнен В.М. 332
Онепко С.Н. 351
Осипова О.А. 358, 363
- П**
- Паасонен Х. 328
Папкрусев Г.А. 336
Папфилов В.З. 363
Папков Б.К. 351
Певнов А.М. 351
Педерсен Х. 362
Пелих Г.И. 342
Первопников П.Н. 321
Перельмутер И.А. 364
- Петров А.А. 351
Петрова Т.И. 351
Пименов В.В. 336
Поздеева А.А. 321
Позднеев А.М. 352
Поливанов Е.Д. 364
Померанцева Э.В. 328,
329
Попов А.А. 342
Попов И.П. 319
Попова У.Г. 352
Попова Я.Н. 342, 352
Поппе Н.Н. 352
Порцит В. 364
Поталкин С.Г. 328
Потапов Л.П. 300
Прокофьев Г.Н. 342,
343
Прокоп Э. 364
Пырерка А.П. 343
Пяль Э.Н. 334
- Р**
- Равила П. 46
Рамстедт Г.И. 265, 306,
364
Расторгуева В.С. 360,
364
Реден К. 300
Рифтин А.П. 364
Ришес Л.Д. 352, 354
Роббек В.А. 351, 352
Романова А.В. 352
Ромбандсва Е.И. 312
Рубцова Е.С. 364
Русская Ю.Н. 314
Рягоев В.Д. 336
Рясинен М. 306
- С**
- Саваткова А.А. 324
Савченко А.Н. 364
- Сало И. 332
Самородов К.Т. 329
Санжеев Г.Д. 352, 364
Сахарова М.А. 318, 319
Севортян Э.В. 364, 365
Сельков Н.Н. 319
Сем Л.И. 352
Семереньи О. 365
Сергеев М.А. 314
Серебренников Б.А. 13,
300, 306, 311, 317,
322, 328, 365
Сипinei Й. 45
Скорик П.Я. 273, 365
Смирнов А.П. 314
Смоляк А.В. 353
Сорвачева В.А. 150,
318, 319
Сорокина И.П. 341, 343
Спорова А.М. 319
Старцев Г. 314
Старостин С.А. 365
Стебницкий С.Н. 365
Сулик О.П. 306, 353
Сыромятников Н.А.
365
- Т**
- Тараканов И.В. 321
Татаринцев Б.И. 306
Тепляшина Т.И. 74,
317, 321
Тенишев Э.Р. 365
Терешкин Н.И. 311,
314
Терещенко Н.М. 343
Тимофеева В.Т. 324
Тимушев Д.А. 320
Тихвинский С.Л. 350
Тодаева Б.Х. 366
Топоров В.Н. 366
Тотсель Э.Я. 334

- Третьяков П.Н. 301
Тронский И.М. 366
Трофимов Г.Н. 321
Трубецкой Н.С. 307.
Тулолуков В.А. 353
Тужаров Г.М. 323
Тукумцев Г.Р. 334
Туру Э. 334
- У**
Ушаков Г.А. 322
Уусылд Э. 334
- Ф**
Федотов М.Р. 324
Федонева Г.В. 317
Феокистов А.П. 122, 328, 329
Фокош-Фукс Д. 110
- Х**
Хаас Э. 309
Хайдаков С.М. 366
Хайду П. 9, 301, 309
Хакулинен Л. 13, 332
Халиков А.Х. 301
Хейскиля К. 328
Хелимский Е.А. 307, 310, 342, 344, 357
Хлобыстин Л.П. 344
Хомич Л.В. 342, 344
Храковский В.С. 341
Хонти Л. 307
- Ц**
Цинциус В.И. 350, 353, 354
Цыганкин Д.В. 327, 329
Цыганов Н.Ф. 328, 330
Цыдендамбаев Ц.Б. 366
- Ч**
Чареков С.Л. 366
Чернецов В.И. 313, 314
Чернецов В.Н. 301, 314
Чистов К.В. 329
- Ш**
Шагиров А.К. 366
Шантрен П. 366
Шарова Е.Н. 360
Шахматов А.А. 330
Шеворопкин В.В. 366
Шеянова Т.М. 330
Ширманкина Р.С. 326, 330
Шипкин И.Н. 320
Шнейдер Е.Р. 354
Шренк Л.И. 354
Штейниц В.К. 314
Штернберг Л.Я. 354
- Щ**
Щербак А.М. 307, 366, 367
Щербаков А. 332
Щербакова А.М. 342, 344
- Э**
Эдельман Дж.И. 361, 367
Эндоковский А.Г. 338
Эрдей И. 300
Эрнште Э. 354
Эрун А. 367
- Ю**
Юдакин А.П. 3, 367
- Я**
Якобсон Р. 301
- А**
Aavik J. (*Аавик Й.*) 334
Ahlqvist A. (*Алквист А.*) 314, 330
Aikio S. (*Айкио С.*) 338
Andrejev F. (*Андреев Ф.*) 337
Angere J. (*Ангере Й.*) 357
Ariste P. (*Аристэ П.*) 334, 336
Austerlitz R. (*Аустерлиц Р.*) 332, 368
- В**
Bárczi G. (*Барци Г.*) 45, 310
Bátori I. (*Батори И.*) 368
Beke Ö. (*Беке Э.*) 118, 302, 324, 325
Benkő L. (*Бенкő Л.*) 45, 310, 311
Benveniste É. (*Бенвенист Э.*) 370
Benzing J. (*Бенцинг И.*) 354
Berczki G. (*Берецки Г.*) 325, 326
Bergsland K. (*Бергсланд К.*) 338, 368
Beronka J. (*Беронка Й.*) 338
Berrár J. (*Беррар Й.*) 45, 310
Boas F. (*Боас Ф.*) 368
Bomhard A.R. (*Бомхард А.Р.*) 307
Bopp F. (*Бопп Ф.*) 368
Bouda K. (*Бойуда К.*) 357

- Brewster P. (*Брустер П.*) 325
 Brockelmann K. (*Брокельман К.*) 368
 Burrow T. (*Барроу Т.*) 368
 Emeneau M.V. (*Эмено М.В.*) 369
 Erdödi J. (*Эрдеди Й.*) 330
 Erdélyi I. (*Эрдейи Л.*) 315, 345
 Grundström H. (*Грундстрём Х.*) 338
 Gulya J. (*Гуля Я.*) 315
 Györke J. (*Дьерке Й.*) 302

H

- Castrén M.A. (*Кастрен М.А.*) 132, 314, 344, 355
 Chantraine P. (*Шантрэн П.*) 369
 Collinder B. (*Коллиндер Б.*) 21, 302, 307, 333, 357, 369
 Comrie B. (*Комри Б.*) 369
 Farkas J. von (*Фаркаш Ю. фон*) 302, 310
 Feldmann G.W. (*Фельдман Г.В.*) 369
 Fokos-Fuchs D.R. (*Фокос-Фукс Д. Р.*) 110, 302, 308, 314, 320
 Frisk H. (*Фриск Я.*) 369
 Fromm H. (*Фромм Х.*) 332
 Fuchs D.R. (*Фукс Д.Р.*) 316, 322
 Futaky I. (*Футаки И.*), 314
 Hadrovits L. (*Хадровиц Л.*) 310
 Hagar H. (*Хагар Х.*) 334
 Hajdú P. (*Хайду П.*) 149, 302, 326, 345
 Hakulinen L. (*Хакулинен Л.*) 333
 Härmäläinen M. (*Хямяляйнен М.*) 337
 Harms R.T. (*Хармс Р.Т.*) 334
 Harva U. (*Харва У.*) 325, 330
 Hauer E. (*Хауэр Э.*) 355
 Heikkilä K. (*Хейккиля К.*) 331
 Helinsky E.A. (*Хеллинский Е.А.*) 308
 Heschel W. (*Хешель В.*) 355
 Hinz W. (*Хинц В.*) 370
 Holmberg (Harva) U. (*Холмберг (Харва) У.*) 325
 Honti L. (*Хонти Л.*) 311, 312, 315

G

- Décsy Gy. (*Дечи Дь.*) 301, 302, 344
 Deans H. (*Дитс Х.*) 333
 Delbrück B. (*Дельбрюк Б.*) 369
 Doerfer G. (*Дёрфер Г.*) 355
 Dolgopolsky A. (*Долгопольский А.*) 307
 Domokos P. (*Домокош П.*) 308
 Donner K. (*Доннер К.*) 344, 345
 Donner O. (*Доннер О.*) 302
 Dumézil G. (*Дюмезиль Ж.Э.Р.*) 369
 Gabain A. von (*Габен А. фон*) 369
 Gabelentz H.C. (*Габелентц Х.Г. фон дер*) 355
 Gai G.S. (*Гай Г.С.*) 370
 Gáldi L. (*Гальди Л.*) 310
 Ganschow G. (*Гатиов Г.*) 335
 Genetz A. (*Генец А.*) 325
 Gombocz Z. (*Гомбоц З.*) 310
 Grube W. (*Грубе В.*) 355
 Ikegami J. (*Икегами Ё.*) 355
 Imre S. (*Имре Ш.*) 311
 Ingemann F.J. (*Ингеман Ф.*) 325, 326

I

- Itkonen E. (Итконен Э.) 300, 330, 333, 339, 346, 347
 Itkonen T. (Итконен Т.) 85
J
 Jacobsson H. (Якобссон Г.) 370
 Jacobson St. (Якобсон С.) 371
 Janhunen J. (Янхунен Ю.) 345
 Joki A.J. (Ёки А.Й.) 303, 333, 345, 370
 Jochelson W. (Иохельсон В.И.) 357
 Juhász J. (Юхас Й.) 330
K
 Kahla M. (Кахла М.) 331
 Kaiser M. (Кайзер М.) 308
 Kálmán B. (Кальман Б.) 313
 Kalużyński S. (Калу-
 жинский С.) 355
 Kammenhuber A. (Кам-
 менхубер А.) 370
 Kane D. (Кане Д.) 355
 Kannisto A. (Каннисто
 А.) 313, 315
 Karjalainen K.F. (Карь-
 ялайнен К.Ф.) 315
 Kask A. (Каск А.) 334
 Katz H. (Катц Х.) 345
 Katzschmann M. (Кат-
 цшманн М.) 345, 355
 Kecskeméti I. (Кечкеме-
 ти И.) 338, 371
 Keresztes L. (Керестеш
 Л.) 330
 Kerns J. (Кернс И.А.) 370
 Kettunen L. (Кеттунен
 Л.) 122, 303, 334, 337
 Kiss Z. (Кишиш З.) 338
 Kiyose G. (Киёсе Г.) 356
 Klemm A. (Клемм А.) 310
 Koppelmann H. (Коппе-
 лман Х.) 370
 Korenchy É. (Коренчи
 Э.) 312
 Korhonen M. (Корхонен
 М.) 303, 320, 339
 Kortt I.R. (Кортт И.) 346
 Kövesi M.A. (Кёвеш
 М.А.) 31, 303, 310
 Krause M. (Краузе М.) 372
 Kulonen U.-M. (Куло-
 нен У.-М.) 312
 Künnap A. (Кюннап А.) 346
 Kurman G. (Курман Г.) 334
 Kuryłowicz J. (Курило-
 вич Е.) 370
L
 Laanest A. (Лаанест
 А.Х.) 334
 Lach R. (Лак Р.) 322, 325, 330
 Lagercrantz E. (Лагер-
 кранц Э.) 67, 339
 Lakó Gy. (Лако Дь.) 118, 310, 339
 Lavotha Ö. (Лавотха
 Э.) 334
 Lazar O. (Лазар О.) 303
 Lehtinen M. (Лехтинен
 М.) 333
 Lehtisalo T. (Лехтисало
 Т.) 124, 303, 344, 346
 Lewin B. (Левин Б.) 370
 Lewy E. (Леву Э.) 325, 330
 Ligeti L. (Лигети Л.) 356
 Liimola M. (Лиимола
 М.) 313, 315
 Loorits O. (Лооритс О.) 337
 Lotz J. (Лотц Й.) 310
M
 Manninen I. (Маннинен
 И.) 303, 334
 Mark J. (Марк Ю.) 303
 Mark K. (Марк К.) 303
 Meid W. (Мейд В.) 370
 Meillet A. (Мейе А.) 370
 Meister R. (Мейстер
 Р.) 370
 Melich J. (Мелих Я.) 310
 Menges K.H. (Менгес
 К.Х.) 356, 370
 Mijaoka T. (Мияока Т.) 371
 Mikkola T. (Миккола
 Т.) 346
 Minn E.K. (Минн Э.К.) 325
 Möllendorf P. (Мёллен-
 дорф П.) 356

Molnár J. (Молнар Й.)
310

Moór E. (Моор Э.) 311

Moscatti S. (Москати
С.) 370

Muhel V. (Мухель В.)
335

Munkácsi B. (Мункачи
Б.) 122, 322, 370

N

Nakanome A. (Нака-
номе А.) 356

Neuvonen E. (Неувонен
Э.) 333

Nielsen K. (Нильсен К.)
339

Nesheim A. (Несхайм
А.) 340

O

Oinas F.J. (Ойнас Ф.)
331, 335

Oras A. (Орас А.) 335

P

Raasonen H. (Паасонен
Х.) 303, 315, 325,
331, 346, 370

Ramlényi E. (Памленьи
Э.) 310

Pápay J. (Патай Й.)
315, 316

Patkanow S. (Патканов
С.) 316

Pedersen H. (Педерсен
Х.) 371

Peltola R. (Пелтола Р.)
333

Pirotti G. (Пиротти Г.)
313

Pokorny J. (Покорный
Ю.) 371

Popova L. (Попова Л.)
312

Poppe N.N. (Поппе
Н.Н.) 308, 356, 371

Porkka V. (Поркка В.)
325

Posti L. (Постти Л.)
333, 337

Pusztaj J. (Пустай Й.)
345

Putaky I. (Путаки И.)
356

R

Ramaswami Aiyar L.V.
(Рамасвами Айяр
Л.В.) 371

Ramstedt G.J. (Рам-
стедт Г.И.) 325,
371

Räsänen M. (Рясянен
М.) 325, 371

Raun A. (Раун А.) 303,
335

Ravila P. (Равила П.)
122, 303, 325, 331,
333, 347

Ródei K. (Редеи К.)
304, 311, 316, 320,
371

Reed I. (Рид И.) 336,
371

Ristinen E.K. (Ристин-
нен Э.К.) 346

Roheim G. (Розайм Г.)
316

Róna-Tas A. (Рона-Таш
А.) 308

Rosenkranz B. (Розен-
кранц Б.) 371

S

Saareste A. (Сааресте
А.) 335

Sadeniemi M. (Садени-
еми М.) 332

Sajnovics J. (Шайнович
Я.) 311

Salminen T. (Салминен
Т.) 346

Sansom G. (Сансом
Дж.Б., сэр) 371

Sauer G. (Зауэр Г.) 316

Sauvageot A. (Соважсо
А.) 304, 308, 311,
333, 357

Schlachter W. (Шлах-
тер В.) 304, 340

Schmidt J. (Шмидт И.)
356

Schmidt P. (Шмидт П.)
356

Schrenk L. (Шренк Л.)
355

Sebeok Th.A. (Себеок
Т.А.) 304, 325, 326

Sebestyén-Németh I.
(Шебестен - Не-
мет И.) 304, 340,
346, 347

Scrov V.V. (Серов В.),
304

Setälä E.N. (Сетяля
Э.Н.) 122

Shafer R. (Шафер Р.)
371

Shevoroshkin V. (Шево-
рошкин В.) 308

Shanmugam S.V. (Шан-
мугам С.В.) 371

Sheinhardt H. (Шейн-
хардт Х.) 355

- Shiefner A. (*Шифнер А.*) 350
 Simon Gy. (*Шимон Дь.*) 310, 330
 Simonenko Ju.B. (*Симо-
 ненко Ю.Б.*) 346
 Sinor D. (*Шинор Д.*) 305, 309, 356
 Siro P. (*Сиро П.*) 325
 Sköld H. (*Шельд Х.*) 311
 Soden W. von. (*Зоден В.
 фон*) 370, 371
 Sotavalto A. (*Сотавал-
 то А.*) 356
 Spitaler A. (*Шпиталер
 А.*) 370
 Starostin S.A. (*Старо-
 стин С.А.*) 306
 Steinitz W. (*Штейниц
 В.*) 304, 312, 313,
 316, 347
 Stipa G. (*Стипа Г.*) 331
 Suhonen S. (*Сухонен
 С.*) 337
 Szabó L. (*Сабо Л.*) 340,
 347
 Székely Gy. (*Секей Дь.*) 310
 Szinyei J. (*Синней Й.*) 45, 304
- T**
- Tailleux O.G. (*Тайёв О.*) 358
 Tamm J. (*Тамм Я.*) 335
 Tampere H. (*Талпере
 Х.*) 335
 Tauli V. (*Таули В.Э.*) 305, 335
 Toivonen Y.H. (*Тойво-
 нен И.Х.*) 305, 315,
 316, 333
 Tompa J. (*Томпа Й.*) 311
 Tuomikoski A. (*Туоми-
 коски А.*) 333
- U**
- Uesson A.M. (*Уэссон
 А.М.*) 372
 Ullendorf E. (*Уллен-
 дорф Э.*) 370
 Uotila T.E. (*Уотила
 Т.Э.*) 117, 317, 320
- V**
- Vääri E. (*Вяари Э.*) 337
 Väisänen O. (*Вяйсянен
 О.*) 338
 Vakhtin N. (*Вахтин
 Н.Н.*) 358
 Veenker W. (*Фенкер В.*) 313, 317, 331, 358
 Véres P. (*Вереш П.*) 311
 Vértcs E. (*Вертеш Э.*) 315, 317
 Vikár L. (*Викар Л.*) 326
 Virtaranta P. (*Вирта-
 ранта П.*) 337
- W**
- Wackernagel J. (*Ваке-
 нагель Я.*) 372
 Werner H.K. (*Вернер
 Г.К.*) 372
 Weske M. (*Веске М.П.*) 305
 Wichmann Y. (*Вихман
 Ю.*) 117, 318, 320,
 322, 326
 Wickmann B. (*Викман
 Б.*) 305
 Wiedemann F.J. (*Виде-
 ман Ф.И.*) 26, 320,
 322, 331, 335
 Wiklund K.B. (*Виклунд
 К.Б.*) 340
 Windisch E. (*Виндиш
 Е.*) 369
 Wulff K. (*Вульф К.*) 372
 Wuorinen J. (*Вуоринен
 Й.*) 333
- Z**
- Zeps V.J. (*Зепс В.Ю.*) 326
 Zorin I. (*Зорин И.*) 331

Указатель языков

Алсутский	коми языки
алтайские	к.з. = коми-зырянский
алтайский	удорский д. к.-з. языка
аллоторский	к.п. = коми-пермяцкий
баоаньский	коряк. = корякский (~нымы-ланский)
бурятский	кр.-тат. = крымско-татарский
венг. = венгерский	кум. = кумыкский
вепс. = вепсский	латинский
вод. = водский	архаическая латынь
волжские	лив. = ливский
гагауз. = гагаузский	ма. = маньчжурский
дагурский	Сиб. — сибинский д. маньчжурского я.
др.-греч. = древнегреческий	манс. = мансийский
гомеровский греческий	сыгвинский д. мансийского я.
дунсянский	мар. = марийские языки
ижор. = ижорский	горномарийский
хэваский д. ижорского я.	лугово-восточный д. марийского я.
и.е. = индоевропейские	могольский
ительменский	монгольский
кавказские	монг. = монгольские
каз. = казахский	монгорский
калмыцкий	мрд. = мордовские языки
караим. = караимский	древнемордовский
карач.-балк. = карачаево-балкарский	мокш. = мокшанский, или мокша-мордовский
карел. = карельский	эрз. = эрзянский, или эрзя-мордовский
лодиковский д. карельского я.	большесигнаровский д. эрзя-мордовского я.
кельские	
керек. = керекский	
кетско-асанские	
киданей язык	
кирг. = киргизский	
к-калт. = каракалпакский	

приалатырский д. эрзя-мордовского я.	удм. = удмуртский
нан. = нанайский	глазовский д. удмуртского я.
Бк = бикинский г. нанайского я.	елабужский д. удмуртского я.
Г. = гаринский д. нанайского я.	ижемский д. удмуртского я.
Нх. = найхинский г. нанайского я.	удэг. = удэгейский
нган. = нганасанский	узб. = узбекский
нег. = негидальский	уйгур. = уйгурский
нен. = ненецкий	ульч. = ульчский
ног. = ногайский	урало-алтайские
обско-угорские	ФУЯ = фишло-угорские
ойратский	фин. = финский
орок. = орокский	ингерманский д. финского я.
ороч. = орочский	хак. = хакасский
Хад. = хадинский г. орочского я.	хантыйский
палеоазиатские	обдорский д. хантыйского я.
пермские	хеттский
прибалтийско-финские	чув. = чувашский
русский	чукотский (~ луорветланский)
саам. = саамские	чукотско-камчатские
кильд. = кильдинский д. саамского я.	чулымско-татарский
ловозерский д. саамского я.	шор. = шорский
норвежско-лапландский д. саамского я.	эвенк. = эвенкийский
полмакский д. саамского я.	А — аянский г. восточного наречия
южнолапл. = южнолапландский д. саамского я.	Алд — алданский г. восточного наречия
самодийские	Брг — баргузинский г. южного наречия
санскрит (~ древнеиндийский)	Д — дудинский г. северного наречия
селькуп. = селькупский	Е — ербогоченский г. северного наречия
тат. = татарский	З — зейский г. восточного наречия
ТМЯ = тунгусо-маньчжурские	И — илимпийский г. северного наречия
тофаларский	
тур. = турецкий	
тюркские	

Кч — качугский г. восточного наречия	Арм — арманский г. восточного наречия
Нрч — нерчинский г. восточного наречия	Б — быстринский г. восточного наречия
П-Т — подкаменпотунусские г. южного наречия	Ол — ольский г. восточного наречия
С — сымский г. южного наречия	Ох — охотский г. восточного наречия
Сх — сахалинские г. восточного наречия	Ск — саккырырский г. западного наречия
Тнг — тунгусский г. восточного наречия	энец. = энецкий
Тк — токкинский г. восточного наречия	эскимосский
Урм — урмийский г. южного наречия	канадский и гренландский д. эскимосского я.
Хнг — хинганский г. восточного наречия	чаплинский д. эскимосского я.
эвен. = эвенский	я. эскимосов Берингова пролива
Алл — аллайховский г. среднего наречия	эскимосско-алеутские
Анд — анадырский г. восточного наречия	эст. = эстонский
	юкагирский
	юкагирско-чуванские
	як. = якутский
	японский

Периодические издания

- ВЯ — Вопросы языкознания.
Москва.
- ВЭИЭН — Вопросы этнической истории эстонского народа.
Таллин. 1956 —
- КСИНА — Краткие сообщения Института народов Азии.
Москва.
- ОМД — Очерки мордовских диалектов. Саранск. 1961 —
- ОФУЯ — Основы финно-угорского языкознания.
Москва. 1974 —
- СМЯ — современный мордовский язык.
- СФУ — Советское финно-угроведение. Таллин.
- СЭ — Советская этнография.
Москва.
- ФН — Филологические науки.
Научные доклады высшей школы. Москва.
- ЯН СССР — Языки народов СССР. Москва. 1966 —
- ALH — Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest. 1951 —
- AM — Asia Major. Leipzig.
- АО — Acta Orientalia. Budapest.
- АО — Archiv Orientalni. Praha.
- BSLP — Bulletin de la Société de Linguistique de Paris. Paris.
- CAJ — Central Asiatic Journal. The Hague ; Wiesbaden.
- FUF — Finnisch-ugrische Forschungen. Helsinki.
- IF — Indogermanische Forschungen.
- JSFOu — Journal de la Société Finno-Ougrienne. Helsinki. Lingua. Amsterdam.
- MSFOu — Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. Helsinki.
- MSLP — Mémoires de la Société de Linguistique de Paris. Paris.
- NyK — Nyelvtudományi Közlemények. Budapest. 1862 —
- SUST — Suomalais-Ugrilainen Seuran Toimituksia. Helsinki. 1890 —
- UAJB — Ural-Altaische Jahrbücher. Fortsetzung der «Ungarischen Jahrbücher». Wiesbaden. 1953 —
- UJ — Ungarische Jahrbücher. Berlin.
- ZPhon — Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung.
- ZDMG — Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. Leipzig.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Ермушкин Г.И.</i> Предисловие	3
<i>Глава первая. ТИПОЛОГИЯ ПАДЕЖНЫХ СИСТЕМ:</i>	
ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКИЕ ЯЗЫКИ	7
1.1. Четыре структурных компонента падежной системы финно-угорских языков	7
1.2. Существующая падежная система финно-угорских языков как результат взаимодействия нескольких систем	8
1.3. Точка зрения П. Хайду на развитие финно-угорских языков	9
1.4. Становление прилагательных на основе местных падежей как одна из составляющих развития языка	11
1.5. Роль <i>n</i> -ового локатива и <i>t</i> -ового аблатива в становлении имени прилагательного как части речи	13
1.6. Соотношение местного падежа на <i>*-na/*-nä</i> , генитива на <i>*-n</i> и притяжательных прилагательных на <i>-inen</i>	21
1.7. Влияние определительных конструкций на становление генитива.	26
1.8. Трансформация локативного <i>*-t</i> в аблативный <i>*-ta</i> в истории прибалтийско-финских языков.	28
1.9. <i>Ks</i> -овый транслатив и <i>k</i> -овый латив.	33
1.10. Внутреннеместные падежи	36
а) Судьба прибалтийско-финского локативного <i>-s</i>	36
б) Инессив	37
в) Прибалтийско-финский элатив	39
г) Окончания иллатива	39
1.11. Внешнеместные падежи.	42
а) Адессив.	42
б) Показатели аблатива	44

в) Окончания аллатива	4.1
1.12. Периферийные падежи: инструктив, комитатив, датив, эксцессив, терминатив, абессив.	45
а) Инструктив на <i>-и</i>	45
б) Комитатив.	46
в) Датив на <i>-и</i> в ливском языке.	47
г) Эксцессив.	48
д) Терминатив.	48
е) Абессив.	48
1.13. Характеристика падежной системы прибалтийско-финских языков.	49
ПРИЛОЖЕНИЕ I. Русско-финско-эстонско-вепсский гlossарий.	54

*Глава вторая. ТИПОЛОГИЯ ПАДЕЖНЫХ СИСТЕМ:
СААМСКИЕ, ВОЛЖСКИЕ И ПЕРМСКИЕ
ЯЗЫКИ.*

2.1. Система падежей в саамских, волжских и пермских языках	71
2.1.1. Саамы и их язык	71
2.1.2. Общая характеристика волжских и пермских языков.	72
2.2. Эволюция падежной системы саамских языков.	74
2.2.1. Близость имени и глагола в саамских языках.	74
2.2.2. О возможности генетического родства суффиксов существительных и глагола в саамских языках.	76
2.2.3. Связь инессивно-лативного <i>-е-сь</i> с суффиксом прилагательных на <i>-е-сь</i>	77
2.2.4. Судьба финно-угорского локативного <i>*-ta/*-tū</i> в саамских языках	82
2.2.5. Рефлексы аблативного <i>*-ta/*-tū</i> в саамских языках.	83
2.2.6. Образование саамских наречий.	83
2.2.7. Л-овый локатив в саамских языках.	84

2.2.8. Эволюция локативного <i>-s</i> <i>-s</i>	88
2.2.9. О реконструкции локативного <i>*-m</i> в финно-угорских языках.....	91
2.2.10. Лативный <i>-z</i>	92
2.2.11. Судьба финно-угорского локативного <i>*-na/*-nā</i> в саамских языках.....	92
2.2.12. Был ли вокалический локатив в саамских языках ?.....	94
2.2.13. Абессив на <i>-ta</i>	95
2.2.14. Лативный <i>*-k</i>	95
2.2.15. Характеристика падежной системы саамских языков.....	96
2.3. Инессив на <i>*-na/*-nā</i> в волжских и пермских языках.....	101
2.3.1. Судьба <i>n</i> -ового локатива в мордовских языках.....	101
2.3.2. Отношение <i>t</i> -ового локатива к прилагательным с суффиксом <i>-t</i>	102
2.3.3. Становление прилагательных с суффиксом <i>-nъ</i> в мордовских языках.....	104
2.3.4. Становление прилагательных с суффиксом <i>-an</i> в марийских языках.....	106
2.3.5. Пермский инессив на <i>-ын</i>	108
2.3.6. Пермский инессив на <i>*-an</i>	111
2.4. Локатив на <i>*-t</i>	113
2.5. Пролатив на <i>-(e)тй, -ðð/-ðт</i>	117
2.6. Латив на <i>*-n'</i> . Инструментальный падеж пермских языков на <i>-өн (-эн)</i>	119
2.6.1. Латив на <i>*-n'</i>	119
2.6.2. Инструментальный падеж пермских языков на <i>-ð(-эн)</i>	120
2.7. История генитива волжских языков.....	122
2.8. Дательный падеж мордовских языков.....	126
2.9. <i>Л</i> -овые падежи в волжско-пермских языках. Марийский дательный падеж на <i>-лан</i>	127

2.9.1. Л-овые падежи в волжских языках.....	127
2.9.2. Дательный падеж марийских языков на -лан.....	130
2.9.3. Отложительный падеж на -леч в марийских языках.....	131
2.9.4. Распределительный падеж на -лен марийского языка.....	131
2.9.5. Л-овые падежи в пермских языках.....	131
2.10. Пермский аппроксиматив на -лань.....	132
2.11. Лативный *-s. Волжский иллатив на -(a)ш. Пермский иллатив на -э, -ё.....	132
2.11.1. Мордовский иллатив. Лативный *-s.....	132
2.11.2. Лативный *-s в марийских языках.....	136
2.11.3. Обстоятельственный падеж на -(e)ш марийских языков. Пермский иллатив на -е.....	137
2.12. О возможности существования локатива на *-т в волжских языках.....	140
2.13. Мордовский направительный падеж на -в, -й.....	142
2.14. Волжский инессив.....	144
2.14.1. Инессив на *-s и латив на *-s.....	144
2.14.2. Порядковые числительные в мордовских языках.....	147
2.14.3. Порядковые числительные марийских языков.....	147
2.15. Волжский и пермский элатив.....	148
2.15.1. Мордовский элатив на -сто//-ста.....	148
2.15.2. Пермские элатив и латив на -сь.....	149
2.15.3. Пермский элатив на -ысь//-ісь.....	150
2.16. Судьба финно-угорского аблатива на *-ta//*-ti в волжско-пермских языках.....	156
2.17. Лативный *-k в волжско-пермских языках. Мордовский пролатив на -ка, -га, -ва. Мордов- ский транслатив на -кс.....	160
2.17.1. Лативный *-k в волжско-пермских языках.....	156

2.17.2. Мордовский пролатив на -ка, -га, -ва.	159
2.17.3. Мордовский транслатив на -ке.	160
2.18. Несколько замечаний по поводу структуры локативных систем в волюжских и пермских языках.	162
ПРИЛОЖЕНИЕ II. Русско-саамско-мокшанско-мари́йский глоссарий.	168
ПРИЛОЖЕНИЕ III. Русско-удмуртско-коми глоссарий.	179

Глава третья. ТИПОЛОГИЯ ПАДЕЖНЫХ СИСТЕМ:

ТУНГУСО-МАНЬЧЖУРСКИЕ ЯЗЫКИ.	190
3.1. Падежная система тунгусо-маньчжурских языков.	190
3.2. Слабая дифференциация основ.	195
3.3. Локатив на *-t в тунгусо-маньчжурских языках.	196
3.4. Участие локативного *-t// *-d в образовании прилагательных тунгусо-маньчжурских языков.	200
3.5. Судьба локативного *-n в тунгусо-маньчжурских языках.	201
3.6. О типологической близости ТМЯ и ФУЯ.	205
ПРИЛОЖЕНИЕ IV. Русско-маньчжурско-эвенкийско-эвенский глоссарий.	208
ПРИЛОЖЕНИЕ V. Русско-нанайско-ульчско-орочский глоссарий.	230

Глава четвертая. ОБСКО-УГОРСКИЕ И САМОДИЙСКИЕ ЯЗЫКИ.

ВНЕШНИЕ СВЯЗИ ФИННО-УГОРСКИХ ЯЗЫКОВ.	247
4.1. Характеристика падежной системы обско-угорских языков.	247
4.2. Характеристика падежной системы венгерского языка.	249

4.3. Характеристика падежной системы самодийских языков	253
4.4. Характеристика падежной системы монгольских языков	259
4.5. Характеристика падежной системы тюркских языков.	262
4.6. Характеристика падежной системы юкагирского языка.	266
4.7. Характеристика падежной системы чукотско- камчатских языков.	268
4.7.1. Корякский язык.	269
4.7.2. По поводу родительного падежа в корякском языке.	273
4.7.3. Чукотский язык.	273
4.7.4. Керекский, алюторский и ительменский языки.	276
4.8. Характеристика падежной системы эскимосских языков.	282
4.9. Как изменяется парадигма склонения существительных в урало-алтайских языках ?	287
4.10. Характеристика падежной системы японского языка.	288
4.11. Восходят ли финно-угорские и индоевропейские языки к одному праязыку ?	292
а) Древнегреческий язык.	292
б) Санскрит.	294
БИБЛИОГРАФИЯ:	299
Финно-угорские языки и народы.	299
Урало-алтайские языки и народы.	299
Алтайская гипотеза. Ностратическое языкознание.	305
Венгерский язык.	309
Обско-угорские языки.	311
Мансийский.	312
Хантыйский.	313
Пермские языки.	317
Коми языки.	318

Удмуртский язык	3 20
Волжские языки:	3 22
Марийские языки	3 22
Мордовские языки	3 26
Прибалтийско-финские языки:	331
Финский язык.....	332
Эстонский язык	333
Карельский, ижорский, вепсский, водский и ливский языки.....	335
Саамские языки	337
Самодийские языки	340
Тунгусо-маньчжурские языки	347
Юкагирский язык.....	356
Внешние связи финно-угорских языков	358
Именной указатель	373
Указатель языков	381
Периодические издания.....	384

Учебно-научное издание

Юдакин Анатолий Петрович
СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА
ФИННО-УГОРСКИХ ЯЗЫКОВ
(Становление системы падежей)

Ответственный за выпуск И Белова
Научный редактор Ю.А.Сорокин

Подписано в печ. 18.11 97 г. Формат 60×90/16. Печать офсетная. Тираж 200 экз
Объем 24,5 п. л. Злк. 4225
Издательство «ГЛАС». 119517, Москва, а/я 47
Лицензия ЛР № 061981
Отпечатано с оригинал-макета заказчика в 12 ЦТ МО РФ.